

Роман Белоусов

КОЭФФИЦИЕНТ

ПОЛЕЗНОГО

ДЕЙСТВИЯ

КОГНИТИВНОГО

ДИССОНАНСА

Троицк,
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Б43

Белоусов Роман Дмитриевич

Б43 КПКД : сборник прозы [Текст] / Р.Д. Белоусов. - Троицк, 2016. - 400 с.

Аврелий Плешня

Одним из величайших философов современности был и остаётся Аврелий Плешня. Родом из эпохи СССР, он так и не растерял своей отваги, мужества и прелестного сознания. Так почему же мы о нём ничего не слышали? Да, действительно, факт удивителен. Всё, что созидал, рассказывал и творил этот величайший гений, было спрятано впоследствии под семью печатями и двадцатью замками в пыльных архивах государственных служб и всевозможных ведомств. Конечно же, вполне возможно, что они так никогда и не рассекретят эти документы, но оно и не нужно: народная молва гораздо лучше любых поползновений правительств в целях сокрытия важных сведений. Гораздо эффективнее и однозначнее.

Итак, что же представлял собою философ? Он жил в городе Бичевске Тмутараканской губернии и подходил к миру неоднозначно. Неоднозначность его заключалась в том, что был он одним из первооткрывателей скольжения между плит. И впрямь, дома Бичевска представляли собой плиты, но не просто плиты: они были разноцветными. И что же вы думаете? Плешня находил в них грани радуг. Каждый дом постоянно менял свой цвет, каждый кирпичик Бичевска был выстроен с тем расчётом, что на него будет прикреплена жидкокристаллическая панель. Но даже и это ещё не всё.

Мэр Бичевска был толст, опрятен, румян и носил косоворотку и сапоги на выверт. Он был прекрасен в той же самой мере, в которой он был и ужасен, являя собой то естество бесконечного существования чиновничьей олигархии, по которой только и можно судить о выхолощенности безмерия. Ведь что такое «современный чиновник»? Современный чиновник - это лестница, точнее, только одна из ступенек, которая попирает ступеньку нижнюю, опасается ступеньки верхней и держится лишь за счёт того, что канаты между этими ступеньками оказались натянуты кем-то невменяемо медленно и давно.

Аврелий Плешня: человек-легенда. Аврелий Плешня: человек-чудак. Аврелий Плешня: философ. Аврелий Плешня. Представлять его можно бесконечно долго, бесконечно долго его можно хвалить в той же самой мере, в которой можно его и ругать. Надобно сказать, что жидкокристаллического дома у Аврелия Плешни вовсе даже не было. Ибо

выбрал он совершенно иной путь существования. Неужели вы считаете, что существу высшего порядка, которым сей отменный философ, несомненно, являлся, пристало быть на том же пути, на котором существовали и все остальные люди? Нет, отнюдь. Я в этом сомневаюсь. И вы в этом тоже сомневаетесь. Я не сомневаюсь, что вы в этом сомневаетесь.

На кого же похож Аврелий Плешня? Представьте себе такого здоровяка. У него очень длинные вьющиеся волосы, именно за это его Плешней и прозвали, но зато глаза философа всегда смотрят куда-то вовнутрь, они умеют разворачиваться, а внутри Аврелия Плешни целая Вселенная. Нет, это не метафора. Внутри, действительно, Вселенная: она перекачивается, летит, и кажется, что звёзды вот-вот лопнут, а от взрыва сверхновой прорвётся кожа на поверхности Аврелия. Но кожа дублёная! Вы знаете, ещё сам Кожемяка (ну помните Кожемяку?) создавал оболочку для Аврелия Плешни. Он очень долго вымачивал кожу динозавра в огуречном рассоле, и в результате получилась такая... крепкая дубленая поверхность, которой, возможно, даже сам ядерный взрыв не повредит.

Сшивали Аврелия Плешню тоже не за просто так. Жилы его на самом деле представляют не что иное, как голосовые связки огров. Лесных. А голосовые связки огров, знаете ли, они не как у людей устроены: это у человека там просто регулируемая податливая поверхность, а огры звучат совсем по-другому. Вы когда-нибудь слышали огра? Возможно, что слышали. Я думаю, что читатели - люди образованные, и даже если они не посещали наши местные леса, то, по крайней мере, изучали ещё в школьные годы, что у огров голосовые связки подобны струнам гитары, только ещё жёстче. В организме огров происходят крайне интересные биологические, точнее, даже биохимические процессы, приводящие к образованию струн, подобных гитарным. Ну или вообще от любых струнных инструментов. Струны эти состоят из тонких наслоений слюды, вырастающих точно так же, как у нас растут кости: по причине обмена веществ.

Пока огры ещё маленькие, у них голосовых связок просто нет, поэтому они оказываются не способны произносить никакие звуки, кроме свиста, а поскольку звери эти достаточно велики, то и свист у них получается громким, подобным звуку пылесоса. Когда же огр подрастает, он начинает дребезжать. Поэтому, если идёте по лесу и слышите звон очень тоненький, похожий на треньканье струн, такой вот - треннннннн, треннннннн, треннннннн, треннннннн - монотонное позвякивание такое, то

бегите, бегите, ведь если увидите огра, то, скорее всего, вам не поздоровится. Даже молодой огр очень глуп, агрессивен и, в общем-то, встреча с ним не сулит ничего хорошего, а уж огры взрослые и вовсе неприятны. Уж лучше встретиться с мамонтом на полянке или опушке, чем с огром. Но это, вообще-то, не столь дело важно. Короче говоря, сшивали кожу Аврелия Плешни при помощи этих вот самых слюдяных отложений. Слюда, разумеется, довольно хрупкая, но если её пропитать полистиролом, то она становится гибкой, подобно подсохшему на летнем солнышке ПВА.

Знаете, Аврелий ведь сражался, да. Его призвали в армию по молодости и отправляли в горячие точки. Но он, конечно же, выбирал несколько иной путь. Когда ему предложили сесть в танк, он выхватил свой боевой меч из дамасской стали и принялся рубить танк. Военные подумали, что дело то совершенно бесполезное, однако же это оказалось совсем не так. Дело оказалось отнюдь не бесполезным. Спустя двадцать шесть с половиною часов Аврелию всё-таки удалось разрубить танк на мелкую стружку. Конечно, так уж прямо и сказать, что на мелкую стружку - это, в некотором роде, преувеличение. Но, как минимум, несколько частей от танка точно отвалилось. Правда, военные, почему-то не обрадовались такому событию и стали некрасиво и не очень прилично ругаться: за потерю боевой техники им могло влететь. Соответственно, Аврелий Плешня отправился на гауптвахту.

Понимаете, он очень-очень любил гауптвахту. Дело в том, что, в принципе, такая работа для философов просто великолепна. Аврелий Плешня имел огромное количество времени для медитации. Возможно, читатель не ведает, но медитация на унитазах - она оного - одна из самых эффективных, ведь у унитаза идеальное обустройство для подобного рода занятий: у него есть расширяемая колонна, подобная тысячелепестковому цветку лотоса, но даже и это ещё не предел. Если лепестков будет бесконечное множество, то они станут ровной гладкой поверхностью, а в центре - сердцевина, как у берёзы. Ну да, достаточно красивая сердцевина, в которую можно проникнуть точно так же, как медиум проникает в астральную проекцию. Когда Аврелий Плешня в очередной раз опускал ёршик в самую сердцевину унитаза, то достигал высшего психического состояния, которое можно было бы назвать экстатическим, да только этот экстаз долго не длился, поскольку философу приходилось вытаскивать ёршик обратно. Нет в том ничего удивительного: Плешня ведь во всём подобен Бодхисаттве, который, попав единожды в нирвану, всё же решил

вернуться в мир страстей, дабы помочь другим людям достичь подобного же состояния.

Когда Плешня попытался в армии пустить слух о медитационных свойствах унитаза, над философом лишь посмеялись да самого так называли. И, в общем-то, до самого окончания армейской службы дембелем, к Аврелию надёжно прицепилась кличка «писсуар». Он всячески, просто всеми возможными силами, старался отправиться на гауптвахту, но даже и сей факт тоже не важен - мы же не об армии сейчас говорим. Не об армии. Или об армии? Нет, дорогой читатель, об Аврелии Плешне.

Хочется привести несколько фактов из его жизни. Во-первых, как уже было сказано, он не жил в стекольном жидкокристаллическом разноцветном доме. Постройки были слишком цветасты для него - они отвлекали всё внимание на лишнее в жизни, отвлекали на сами цвета, и, в общем-то, не являли собой ничего, кроме возможности заполучить хаос. А хаос - кому он нужен? Наверное, никому. Вот именно по этой самой причине Аврелий Плешня обрёл просветление. Его от просветления в те времена отделял всего лишь один маленький шаг.

Дело в том, что философ жил в батуте. Все, конечно же, знаете такие летние батуты для детишек, в парках ещё ставят в июне-июле, и вот один из этих надувных резиновых уродцев, цветасто исполненных в виде диснеевско-пиксаровских персонажей, наш Аврелий и приобрёл. Батут был невероятен и столь же невероятно необъятен, хоть и не лишён изрядной доли разумной портативности, заключающейся в том, что не требовал для надувания ни электричества, ни бензина, ни чего бы там ни было ещё. Человек сам являет собой прелестнейший источник энергии. Иначе как бы мы ходили, как бы мы нагревались, подобно мобильникам?

Надобно отметить: если нагревается телефон, то мы все удивляемся, грешим на процессор, грешим на батарейку, а меж тем, там протекает физико-химический процесс. И в нас протекает физико-химический процесс. Мы же похожи. Мы - практически одни существа. Вы посмотрите на телефон или на планшет и сравните его с собой: у него ведь есть практически всё то же самое. У него есть камера, подобная нашим глазам, у него есть сенсорная поверхность дисплея. Проведите по своей руке пальцем - чем не сенсорная поверхность? Почти такая же. У мобильного есть микрофон - считайте, наше ухо. У него есть динамик. Наши голосовые связки - не что иное, как динамик. Понимаете? Нас собрали. Нас всех собрали точно так же, как планшетник. Мы - программа самосбора. Мы -

самогенерирующие существа. Скоро роботы обретут самогенерацию. Скоро роботы будут подобны людям. Так зачем же мы разделяем нашу цивилизацию? Согласитесь, роботы имеют право на гражданские права. Им надо выдавать паспорт, их нужно защищать от посягательств, меж тем, как мы их эксплуатируем, как рабов. И именно за права роботов Аврелий Плешня и боролся.

Он жил внутри батута, а зарабатывал на жизнь тем, что летом выставлял свой батут в разнообразных общественных местах: в парках, в скверах, и в том, что принято называть двориками. Внутренними двориками, внешними двориками, подземными двориками, накрывными двориками, в общем, двориками - там, где только возможно разместить любое энное количество людей. Оказываясь всякий раз внутри, он протягивал свои руки на расстояние нескольких метров. Да, да, вы не смотрите, что кожа его толста, зато она так прекрасно упруга! А что есть упругость? Упругость есть прелесть. Упругость есть возможности. Упругость есть то, что можно достичь только при помощи телекинеза. Но что это? Зачем нам телекинез, если есть упругость? Согласитесь, не правда ли?

Одной из черт упругости самого Аврелия Плешни был совет. Внутри его головы постоянно проходил совет, а когда этот совет принимал определённое решение, горы философа разверзались. Внутри каждой частицы чудаческой шкурки, расчерченной по миллиметру, вырастали горы, приводившие к вытягиванию его канатов, позволявших крутить педали. Педали для генератора энергии. Генератор энергии же приводил в движение насос для закачки воздуха. Насос очень быстро закачивал воздух в батут, батут надувался, детишки прыгали, а Аврелий получал денежку. Собственно, на эту денежку философ каким-то чудом даже умудрялся жить. В общем, вы поняли, он был неприхотлив.

Он крутился вокруг собственной оси, протянутой через самую макушку, и воздух вдувался с такой силой, что Аврелий парил над земной поверхностью. Да-да, он парил, тогда как его веретенообразное вращение уподоблялось вращению сотни колонн и переливам индийских танцев, будучи сходным с мандалами и, одновременно, с магическими пассажами, названными тенсегрити. Да, уж силы ему было не занимать. И, в общем-то, силу он приобретал как раз во время этого самого вращения. Невозможно сказать, что именно оказывалось первозданным, ведь жизненная и магическая сила Плешни поддерживалась вращением генератора для

батута. Когда Аврелий самогенерировался, он жил, он открывался, он становился похож на единый поток энергии, входящей из другого пространства, как бы проникая и проникаясь. Конечно, если вы понимаете, о чём я.

Открывая двери в иной мир, философ общался с осьминогами Реальности. Они тянули к туловищу Плешни свои щупальца, подобно тому светлому и величественному созданию, которое, всё-таки являя человеческий шаблон, в своём свете, казалось, обладает бесконечной властью над всем сущим. Эта бесконечная власть ни на что похожа. И вот ведь, что удивительно: многие вещи легко понять, но сложно объяснить. Свет, на самом деле, точно так же, как и Аврелий, являл собой практически одни и те же стороны, точнее, стороны разные, зато у одной и той же сущности. И насколько Аврелий был бесконечен, настолько и сущность его была бесконечна, настолько же великолепна и настолько же чарующа.

Представьте себе белое сияние, которое спускается к вам - и вы вдруг понимаете, что это явился демиург бытия собственной персоной. Он похож на плюшевую игрушку, но, прежде всего, эта самая плюшевая игрушка и есть вся Вселенная. Стоит лишь щёлкнуть пальцами, и Вселенная рассыплется, воссоздастся или вытянет к вам свои извечно надёжные псевдоподии. А что такое псевдоподии? Зачем они нужны? К чему они все? Непонятно, непонятно зачем, непонятно, к чему эти псевдоподии. Тем не менее, Реальность часто тянет их, превращаясь в Надвывернутость. Так вот: это и есть демиург бытия, явившийся к вам во вдохновенном образе, чтобы, наверное, не напугать ненароком. А зачем демиургу Реальности пугать вас, если вы и так живёте в нём, а то, что вы его вдруг повстречали - огромная такая честь. Точнее, это вы так думаете. Ну так и думайте дальше, думайте себе помаленьку.

Я считаю, что Аврелий Плешня, по сути дела, такой же юморной и прекрасный, но не будем растекаться. Вернёмся к нашему главному герою и приведём несколько фактов из его биографии. В очередной раз, когда он слился со Вселенной, крутясь юлой внутри батута, то детишки прыгали, прыгали снаружи, и подзарядка для них была настолько бесконечной, что прыгать они могли бы тоже бесконечно, если бы Аврелий Плешня крутился бесконечно, а крутиться бесконечно он, конечно же, мог, ибо во время кручения принимал Силу вовнутрь себя. Да-да, Силу, Силу бесконечную, несомненно. Честно говоря, на самом деле, эти отблески не представляют собой ничего. Они дают только нам возможность открыть что-либо

большее, но, фактически, видя этот белый свет, мы видим самих себя. Наше отражение. Весь опыт человечества. Всё сознание человечества. Всю безграничность человечества. Да.

Аврелий Плешня, наконец-то, вылез из собственного домашнего батута и отправился странствовать в далёкие-предалёкие края. Понимаете ли, город Бичевск, он ведь очень велик. Можно пройти сто тридцать километров, но так и не достичь его окраины. Ещё немного о Бичевске, я думаю, стоит вам рассказать. Город просто великолепен! В нём есть курортные зоны с растущими пальмами, прыгающими дикими обезьянами и кормящими их туристами, ну или наоборот, в зависимости от степени интеллектуальных способностей как туристов, так и обезьян. Бичевск реально огромен. В нём существуют промзоны, присутствуют и разлагающие реальность тлетворные копыта города, то есть окраины. А то. А вы как хотели? Бичевск - он такой!

Однажды к Аврелию Плешне пришли рэкетеры. Они крайне долго гладили его утюгом по густо колосающейся лысине. Лысина была заросшей, на ней рос лес, лес Чудес. Аврелий посмотрел на рэкетиров:

- Ну что взять с батута?

- Дядя, у Вас выгодный бизнес, этот бизнес не похож ни на что другое.

- Выгодный бизнес, мальчик? Да этот бизнес - просто прелесть! - Аврелий дал им Дар сновидений, и они тотчас же все заснули.

Знаете, что такое этот самый «Дар сновидений»? Это такой большой шар, как бы для боулинга, да только вот похожий на персик. В персике сокрыты самые-самые раритетные тайны. В самых-самых раритетных тайнах нет ничего удивительного, в самых-самых раритетных тайнах просто-напросто живут поколения чекистов. Но что такое «поколения чекистов»? Это, по сути дела, Дар Плешни, Дар, похожий на ели, которых жуки съели. Рэкетеры обрадовались несказанно! Дар Плешни можно было просто продать. Продать, подарить...

Рэкет - дело тонкое: дарить-то они любят, да только наугад. Приходят такие на улицы, знаете ли, и говорят: «Вот Дар сновидения Плешни». И в честь него устраивают праздник, какие всегда у нас праздники случаются: созывают площадь, открывают собрание, и на сцену выходит Самый Главный Дядька. А Самый Главный Дядька не похож ни на Ленина, ни на Сталина, но речь говорит, да здраво так говорит. Потом всё на той же самой сцене устраивают партсобрание. Огромные толпы народа приходят послушать это партсобрание. Сцена в сей же момент становится похожа на

виноградник. Виноградник - это не удивительно. Ведь нужно же чем-то поправлять здоровье для партсобраний.

А Плешня - он организатор, поэтому он всегда выступает, и, надобно заметить, говорит, по обыкновению, довольно-таки долго. О чём может говорить Плешня? Конечно же, об урожаях на ближайших свинофермах, о сборе кокосовых орехов, да о приближении звезды Альдебаран, ну и, разумеется, о проектах зданий Бичевска, а как же иначе-то. Например, построить треугольник Пенроуза что нам стоит? Думаю, ничего страшного. Та же лента Мёбиуса, только треугольная. Здание в виде ленты Мёбиуса - вот это действительно одна из первоочередных задач, достойных партсобраний Бичевска. Дело в том, что лента Мёбиуса - это портал, портал в иную реальность, только мало кто это понимает. Мёбиус-то это знал, но почему-то всегда скрывал от правительства. Попробуйте просунуть руку через ленту Мёбиуса. Вы увидите руку чужого человека, точнее явившегося из чрезвычайно близкого параллельного мира, в котором ваш двойник делает то же самое в это же самое время синхронно с вами.

Миры бывают разными. В некоторых из них отличается только несколько черт. Есть и такие, у которых отличается одна лишь единственная черта. Кто знает, может быть, каждый день мы не замечаем, и потому от нас сокрыто, что все мы общаемся через ленту Мёбиуса, а тот мир, что окружает нас в течение всего дня - это вовсе не тот мир, в котором мы родились, и не тот, в котором жили, и даже не тот, который был с нами вчера? Лента Мёбиуса целенаправленно заставляет всё человечество это понять. Прodelайте такой опыт, и вы увидите, что рука чуть-чуть изменилась. Не то, чтобы изменилась как-то значительно. Да ни фигя! Лента Мёбиуса просто даёт возможность поподробнее рассмотреть оттенки на коже, которые вы запомнили.

У тех трёх девушек, что выступали добровольцами в испытании ленты, был несколько иной цвет кожи, характерный для мулаток, но если повнимательнее вдуматься, то и сам Аврелий Плешня - это не что иное, как лента Мёбиуса, завёрнутая сама на себя и являющая собой шаблон человеческой реальности - светлый, восхитительный, но конкретно так заблуждающийся. Заблуждаться ведь - это наше кредо, но ничего хорошего от этого кредо никому не ожидается. Зачем разбрасываться отражениями? Из них же просто вырастают такие, как Плешня. Длинноволосые философы в шляпках и с буклями в бороде.

Однажды, когда батут Плешни был свёрнут, к Аврелию пришёл один

странник. Этот странник тут же спросил громогласно: «Аврелий, а где здесь пекарня? Я очень люблю печь хлеб. Настолько люблю печь хлеб, что пришёл к Вам аж из Сахары».

- Ну что ж, так-таки прямо аж и из самой Сахары? Печь хлеб - это вообще, в принципе, моё великое кредо, а тебе не стоит так уж шибко облагораживаться. Зачем? - у Аврелия Плешни возникла одна замечательная идея, и он подарил человеку динозаврика - потомка своей кожи - и сказал, что динозаврик заменит человеку хлеб.

Действительно, когда человек пришёл домой, динозаврик распался на хлебные крошки. Человек собрал хлебные крошки и испёк каравай. Только каравай очень долго не пролежал. Не пролежал он по одной простой причине: в квартире пекаря жил самый настоящий домовый, который вселился в хлеб и был таков. Все же помнят детскую сказку про колобка? Она же не просто так написана. Зато она просто адаптирована, но на самом деле имеет глубокие исторические корни. Вот!

Первый исторический корень заключается в том, что, таки да, хлеб действительно пекли, но за давностью лет об этих событиях очень сложно судить: сведений-то не сохранилось. В общем, сказка эта имеет под собой самое банальное обоснование: когда печёшь большой круглый хлеб, то он автоматически рассматривается как дар домовому, и домовый всегда занимает своё законное место внутри хлеба, а затем тут же быстренько сбегает, пока не скушали. Это так называемый естественный природный процесс оккупации хлеба домовым. Сей процесс, поверьте, отличен!

Если хлеб уже отработанный, ну то есть нежилой, и домовый из него давным-давно уже сбежал куда-то, то Аврелий Плешня о прискорбном факте батонно-каравайной старости напрямую нам и сообщает, без обиняков. Это ведь его функция. Такой уж он философ. Прелестный!

Архигуа

Архигуа - зверь редкий, а точнее, один-единственный на всю Вселенную. Не заботят его звёзды, не волнуют планеты, нет, не среди них он. Его объединяют измерения миксера синестезии. Если вы скользите

между мирами, то извечно пред вами, как недостижимый красный коммунизм, мерцает лампочкой Ильича отныне и впредь неуловимый хвостик Архигуа. И ведь поймать его можно, но лишь при условии, что он сам того пожелает.

А что такое - вдруг взять, да и поймать Архигуа? Вы тотчас же попадёте в мясорубку смешивающихся смежных реальностей, ни одна из которых не будет достойна вашего существования, ибо, при всей прочей равной значимости, как предопределить выбор по достоинству, если поровну все достоинства и недостатки слить в бессчётную всемерность? Поэтому Архигуа - зверушка смещения, а оттого хищная.

Сначала Архигуа стоит на страже Другой Интересной Реальности и честно предупреждает всех, кто только решится туда сунуться: «Стой, не ходи!» Ну а если путешественник, шибко смелый и отважный, сунулся, куда б не следовало, вот тут-то Архигуа и становится хищным. Сначала он достанет щуп из запазухи, склизкий такой, синенький в полосочку и с колечками, погладит путника по лысой голове, а уж потом выдаст ему билетик, поставит присоской тройной штамп, пробьёт дыроколычком чугуниевым, да и пустит к себе. «А почему это голова обязательно лысая?» - можете спросить вы. «Да потому», - следовало бы предупредить неосторожных путешественников, - «что, как увидишь Архигуа живьём, так мигом и облысеешь от одного лишь его вида. А ещё потому, что зверь-то этот, он не просто так, он ещё и радиоактивный. Наверное».

Также Архигуа просто обожает перевоплощаться в маленьких летающих кенгурят с хоботками и фасеточными глазоньками. Кенгурята эти соединены в коллективный разум единой телепатической сетью и поэтому умеют синхронно петь разные красивые песенки, привлекая кого-нибудь в своё логово. Сиренами зовутся. А всё равно один хрен кенгурята эти - всё тот же Архигуа. И, в общем, не мир у него, а сплошная замануха. Да и о каком вообще мире может идти речь, если существо это - синестетическое по своей природе. Оно же всё время скользит, как тигр на роликовых коньках в глухой русской деревне поздней зимней ночью. Ну или как-то так. Поэтому настоящий Архигуа - это только тот Архигуа, который в вечных скитаниях не имеет личного мира. Тем и отличен.

К сожалению, в последнее время всё более и более распространяются, уже получившие народное признание, так называемые, ложные Архигуа, не только владеющие мирами, но даже иногда сдающие их в аренду за отдельную плату. Немалую, между прочим. К величайшему сожалению и

разочарованию арендаторов, мошенник оказывается кем угодно, но только не Архигуа. Это может быть безумный весельчак Мырхойз, величественный полуподвальный слоно-пень Глобум, киберзонд-бородач Мускацикл, прозванный также Мухосипедом Великим, или даже поражающая запредельной омерзительностью Зуха на велосипедных колёсах, маскирующая свои провисающие щупики под привычные конечности.

С последней, кстати, не так давно оказалось связано пренеприятнейшее происшествие: один коматозный странник арендовал у Зухи проекцию Реальности лет этак на двадцать. Ну арендовал и арендовал! Зуха-то ему как Архигуа представилась. Ворвавшись в бытие коматозника, она устроила там грандиознейшее цунами, разрушившее криокамеру с коматозником в прах и пепел. До сих пор тело по кусочкам собирают. Вот и оказалось, что у Зухи теперь ни арендатора нет, ни мира. Они же мирами поменялись, и ключи к её вратам у коматозника были, а нет коматозника - значит, нет и ключей.

Так Зуха и бомжует потихоньку то там, то сям. Где объявится - то война какая произойдёт, то землетрясение, то теракт. А всё она, сущность треклятая, Зуха эта. Эх, знать бы, куда запряталась - скинуть бы туда парутройку термоядерных бомбочек. Не факт, кстати, что поможет, но авось. Вдруг сила ядерного гриба - это и есть не что иное, как ключи к проекции Зухи? А коматозник тот не зря погиб, поскольку от излучения архигуанского междумирья его всё равно бы опалило, запороло, испепелило, ведь ключ он имел не какой иной, а самый что ни на есть истинно магический ключ. Но бывает и такое ещё, что где-нибудь по мелочам так чудит Зуха, каббалистический этот геноцид ходячий с потерянными ключами в пятках.

То бишь, по мелочам - это или где пила пить начнёт, целую реку вовнутрь вобрав, или бобы мятеж устроят против расовой дискриминации хорьками, за что, вообще-то, на лесоповал и строительство плотин сразу отправляют, то телёнок родится трёхголовый да огнедышащий и сразу же с пелёнок начинает наизусть цитировать Уильяма Шекспира или Роберта Рождественского, причём ещё и авторскими голосами, мать его б корову! Бывает и такое, что слесарь какой крестьянский начинает вдруг именовать себя Аменхотепом, болтать не по-нашему да диковинные письма на бревенчатых стенах избы выцарапывать. Таких жёны, конечно, отправляют на лечение, да вот только что ж ты тут поделаешь, ведь Аменхотеп - он

Аменхотеп и есть, а это не за просто так, его ведь ещё и уважать надо.

Короче, товарищи, шустрее колёса крутите - и дуйте из Зухино мира, покуда осознаете, куда пролезли-то по воле своего неблагоразумия. А вот Архигуа - вот это да, он бомж, конечно, но зато какой бомж! Глазки навывкате, щупики бархатистые, завитушки все в золоте, чёрный язычок отливками блестит на солнышке, как и пузырьку мыльному не снилось, в общем - красавец зверушка в самом соку и расцвете сил! Кстати, увидеть чёрный язычок Архигуа - дурное предзнаменование. Говорят, это к тому, что чёрная кошка дорогу перебежит. Так что если Архигуа вам чёрный язычок показывает, то вы зажмурьтесь. Тогда и чёрная кошка вам дорогу перебегать не будет. А ещё из язычков Архигуа язычки для ботинок шьют. Потому что удобно, несмотря ни на каких кошек. Ведь без язычка и Архигуа - не Архигуа! Остерегайтесь подделок! Поздравляю с третьим глазом!

Вершитель времени

Роль Архидеус не был человеком. Однако же все думали, что он человек, поскольку Роль умел непревзойдённо талантливо маскироваться, будучи первоклассным мастером применения кольцевых моделей восприятия. В привычном смысле, даже материальность вовсе не была хотя бы одним из его качеств, однако Архидеус проникал в разум каждого существа, встреченного Ролем на жизненном пути, и транслировал свой, предпочитаемый на момент встречи, облик в формы ощущений от восприятия материального существа, проецируемые человеком в собственном тёплом и пушистом мирке. Каждый из обманутых зрителей-попутчиков всенепременно выстраивал в своём сознании образ, наиболее близкий внедряемому Архидеусом извне потоку импульсов, но притом не отходя от индивидуальной карты личности, конструировавшей в восприятии человека, которому нужно было внушить тот или иной облик, максимально приближенный внутренней сути этого человека способ реагирования в сложившейся ситуации, по сути, являвшийся частью этого человека-перцепиента.

Оттого-то с самых глубинных своих ранних лет Роль Архидеус стал очень и очень популярным, и одновременно, неизвестным никому, ведь всегда и все описывали Роля по-разному. Для одних он был добрый дородный кум, похожий на дровосека с по-пушкински или по-грибоедовски пышными бакенбардами и кудрявый шевелюрой, будто бы сотканной из завитков берёзовой стружки, и точно с такой же бородой. Для других же людей Роль казался этаким-разэтаким сухим да поджарым попрыгунчиком с блестящей лысиной на голове. Мало того, для одних он виделся мужчиной, тогда как другие всего его воспринимали, скорее уж, как женщину.

Ещё одна незабвенная особенность Архидеуса заключалась в том, что, как уже было сказано, не будучи и в самом деле существом, повторяющим в себе контуры человеческого реагирования на Реальность, он еще и не жил пространственно-временном каркасе существования человеческих личностей, даже если бы они были множественными, разнообразными и расщеплёнными. Стараясь, всё же, маскироваться и даже мимикрировать, дабы во всём становиться внешне похожим на человека, Архидеус, тем не менее, был настоящим исполнителем и наполнителем пульсаций вселенской силы.

В детстве он, изображая ученика среднеобразовательной школы, зашёл в кабинет учителя технологии, дабы чуточку попринимать солнечную ванну, образовавшуюся из падающих под углом лучей, льющихся из окна и пересекающих синий горизонт хлама советских сервантов на списании, слесарно-токарных станков и выдавших виды школьных парт, сперва исписанных простым карандашом самыми нелитературными выражениями, а уж затем покрытых не менее как двумя десятками слоёв масляной краски, всё же сумевшей протереться до самой чистокровной древесины, ещё наблюдавшей в годы лесопильно-столярной молодости первомайские марши и звуки пионерских горнов и почти пастушьих рожков.

В солнечной ванне Роль впитывал силу, заглядывая в выточенные кругляшками бигуди, образовавшиеся из сосновой или берёзовой стружки и валявшиеся прямо на полу мастерской, будучи остатками от древесно-слесарного творчества вчерашних семиклассников на уроке технологии. На ладонях Вершителя без формы, а именно так бы и прозвали люди Архидеуса, если бы увидели его в истинном обличье, распустились лотосы, и спустился он множеством своих каналов, несущих потоки энергии

вовнутрь галактических нот и многомерных струн самого Бытия.

Застав ученика в медитационной позиции, учитель технологии крайне сильно расстроился и заставил Роля чертить на доске схему выпиливания буратиноподобного чурбанчика, сам же принялся бухтеть под нос песенку про «древа мякоть». «А почему бы мне не поступить наоборот?» - подумал Архидеус и разделил доску на две части. Одну из частей он полностью окрасил мелом, а затем средним пальцем левой руки прочистил стену от последних меловых крошек, ведь негоже же мелу на стене вместо доски маяться потихоньку. Напротив второй половины Роль закрепил мел, после чего, применив телекинетические способности, заставил доску шоркаться о мел таким способом, чтобы чертилась схема.

Когда учитель технологии присмотрелся к полученной даже не схеме, а целой громадной системе имени инженера Архидеуса, то обнаружил, что это вовсе не схема деревянного чурбана, а действительная схема его самого, учителя технологии. В этот самый момент снизошло просветление, и открылся вход в другую область сознания, из которой выглядывала ещё парочка точно таких же учителей технологии, заговорившая откуда-то из глубин сновидения, свойственных только Вершителю и расположенных непосредственно за размелованной доской.

Архидеус - он такой - любил ждать, пока время унесёт асфальт. Тогда Роль отталкивался от личных волн в диаметрально противоположном порядке, вибрируя на перекатывающийся препятствиях, и таким вот занятым способом ходил по воде, а также жил единым днём, и даже жил не часом единым. Мгновения, длящиеся практически и воспринимаемые эмпирически - вот единственный настоящий приоритет и регулируемая скорость его внечеловеческой, но столь внутренней, жизни. Точнее, жизни, чья континуальность единения протянута изнутри вовне и извне вовнутрь.

Однажды Вершитель времени в который раз пришёл в себя и решил отправиться на север самолётом. Он ведь никогда раньше не выходил в не вывернутые отражением наизнанку бесконечные волны, поскольку конечная волна есть понятие сугубо индивидуальное и сугубо идеальное одновременно, а догнать такую волну невозможно в принципе, в силу отсутствия действительного существования её во всех уголках и закоулках Вселенной. Зато Архидеусом был создан поток для низшего понимания рефлексирующих человеческих существ, и потоком этим Роль жил, играя с людьми и распуская цветком пыль микроскопических элементов, постепенно выходя на старт трансформации вовнутрь новой мнимости из

мнимости старой. Ведь это же скучно - просто так всё время пребывать в одной и той же мнимости, потому-то, порою, даже Ролю хотелось развеяться, даром, что не человек.

По дороге в кондицию «развеяться», Вершителя остановил генерал-майор подорожной службы, звавшийся так оттого, что просто обожал носить листья подорожника вместо потных зелёных шаровар, искусно, если не сказать даже - гениально, сшитых из богато утрамбованной ваты. Брутальным жестом полосатой палочки страж порядка указал на торчащие прямо из асфальта перила, несколько нахмурившись между делом. Архидеус, упрямо ссылаясь на неважное самочувствие, дождался, пока генерал-майор потеряет бдительность. И стоило тому лишь отвернуться на миг, как задержанный Роль превратился в маленький камешек оникса или даже морской гальки, блестящий серебришком на поверхности дороги, переходя далее в гранит где-то в поле, даже не подвергшийся хотя бы малейшей ювелирной обработке.

Тогда обезумевший от ужаса представитель власти осунулся головой, как замёрзшая и оттого малость посиневшая курица, слегка пошоркав ногою мираж оборотного серебра. Там неожиданно отразились северные острова, распущенные ртутным зеркалом на придорожной карте, внушённой Архидеусом вместо собственного образа. Традиция его неопределенности, бывшая в тот достопамятный момент наиболее комфортной и приемлемой для Вершителя, предоставила стирание волос на лице. Перископ, поднявшийся над землёй, показался генерал-майору всего лишь формой гигантской плесени, прорвавшийся наружу.

«По-видимому, на благо всех народов и наций», как, чуточку подумав, решил задержатель. «А также», - добавил он - «на благо времени свободы». Воспарив в заоблачные дали, перископы, распочковавшись в перископистое множество, стали единым новым светилом, красящим урожай по осени. А первозданный перископ, отразившийся на форму перископа же, которому в микрофон шептал вибрации мыслей наш Роль Архидеус, по старинке так и оставался перископом, ибо, в отличие от людей, не умел быть много кем-то или чем-то, причём одновременно, а умел быть только лишь самим собой.

Наконец-то, Вершитель времени, совершенно неожиданно открыв личный путь, выскользнул светом вослед за своим звёздным собратом, обратившись в разновидность иной формы существования, и тогда разверзлись небесные хляби, поливая урожай грозowymi дождями. Когда

Роль выворачивался наизнанку, наружу выходили его сновидения, словно бы выдавливаясь. Он таял, растапливая, точно масло, собственную плотность, будто бы обращаясь в газообразное свечение туманного облака из света и дифракционных брызг. Но когда возникала насущная необходимость приобрести неоднозначно кажущуюся важной иллюзорную плотность собственного тела, то Архидеус лишь выставлял напоказ зеркальную поверхность. Сей пепел в фольге снаружи от него существовал исключительно для тех, кто стремился смотреться на себя в отражённой поверхности Силы Роля, внушавшей всем материальность исключительно через конструкции слепков сущности самоестества.

Будучи в Великом Нигде, Архидеус, поименованный Ролем, умел проецировать иллюзию себя одновременно на множество стран и континентов, как на Земле, так и на любых других планетах, спутниках и астероидах, вплетая формы проекций в восприятие мира из всех возможных параллельных миров гиперпространства. Снаружи Вершитель времени был довольно скромным, поэтому предпочитал выбирать тёплые и разнообразные живностью проекции, исходя из подходящих ему волн бытия, чувствуя себя истинным миссионером, проповедующим собственное представительство со стороны всего сущего чисто из экономии усилий и средств людей и существ, выдумывающих какие-то глупые культы и религии, но никак не желающих осознать безграничные возможности ярких и разнообразных проявлений Роля. Вот Вершитель и экономил им силы, являясь пред каждым самолично, собственной персоной и во всей красе.

Его миссионерство по обустройству образцовой реальности имени Архидеуса внедряло всё новые и новые волны чувств и мыслей в каждое из суггестируемых существ, разум которых приоткрыт в порождении равных импульсов утилизационных сигналов, точно бы кругов радара или кругов на пшеничных полях. Роль увидел в распространённом им энергоинформационном поле изначальную форму самозародившейся группы туристов-суургэмов. Суургэмы были одеты в ветошь и сами как будто бы обветшали. Играя горящими огнями на поверхности заката, близкого их взглядам, они по собственному желанию, точно ароматную голову аппетитно питательного сыра, закатывали за горизонт солнце, капель падающее вовнутрь их глаз, оснащённых серыми зрачками, как у степных тушканчиков. Обтянутые жирным мехом черепа суургэмов славно подчёркивали ветвящиеся во все стороны от Архидеуса седые корешки конечностей, то свисающих, а то и вовсе нависающих, будто бы у

повелительницы катастроф и катаклизмов - кошмарной Зухи с мягкими, как кожица слизняка, колёсами рукощупиков.

Суургэмы шумно нюхали воздух, они совершенно точно знали, что Роль прибыл не из мира людей, но и не из их мира тоже. Они боялись Вершителя времени, уподобившегося значительному восходящему потоку, и именно потому суургэмы решили напасть все вместе. Их дырявые соломенные шляпы, сплетённые в форме перекошенных параллелограммов колоссального размера, посвистывающих на ветру, придавали образам чудовищ ещё более суровый inferнальный облик. Когда они все вместе дружною стеною направились в сторону пространств жизни Архидеуса, практически образовав классический германский военный строй «свинья», то Роль тут же увидел положение дел на одном из левых осколков собственных глаз: в одной из продуцируемых им проекций стая существ угрожает его пребыванию внутри тени процесса собственного жития. Конечно же, суургэмы никак не могли стереть из общего таинства объединённого существования все возможные проявленные и даже непроявленные стороны, пронизанные и пропитанные Вершителем, но уж одну-то из его граней они могли стереть совершенно точно. Или, если и не так уж точно, то хотя бы, по-видимому. В мелкий-премелкий порошок.

И вот уж Роль растянул до неузнаваемости собственные сучковатые, как у туристов в миры, части тел - да-да, всех этих своих многообразных и многочисленных разновидностей тел, взрослых во всех мирах, заманив суургэмов в кольцо, в центре и по краям которого находился он сам, принявший различные формы самопроявления. Суургэмы тогда стали походить на разрезанные дольки цитрусового плода, между которыми наваристый, точно осетровый холодец, мир желаний протянулся вовнутрь энергетических тросов распущенных и растрёпанных пушистых корешков Вершителя. Сама природа словно бы позволила ему начать раннее весеннее таяние, так и не вышедшее из момента, а потому сполна неопределимое во времени, протекающем во всех направлениях одновременно в каждом из воспринимаемых измерений распластанного в запутанность физических и энергоинформационных состояний Архидеуса. Корни те прорастали соединительной тканью насквозь, точно белый слой под апельсиновой корочкой, вогнутой вокруг тонких, прерывистых и порывистых пушек враждебно настроенной армии суургэмов.

Существа сами того не ведали, что подчинялись импульсам Роля, волны их отныне походили на излучение далёких милитаристических или

приграничных антенн и локаторов для спутников противоракетной обороны класса «земля-воздух». У Суургэмов просто не оставалось отныне никакого иного выбора, ведь Архидеус являлся не просто проводником или просто Вершителем времени. Всё было ещё проще. Просто вся логика его решений строилась на мнимости его нахождения где бы там ни было. И всем лишь чудилось, что он находится снаружи, тогда как всё то, снаружи от чего размещается и сам наблюдатель Роля, на самом же деле оказывалось расположен внутри Архидеуса! В результате, вовсе не Роль размещался снаружи от чего-то или же что-то проявлялось снаружи от Роля. Нет. Всё было внутри него. А самое главное, что и он всегда и везде был внутри самого себя.

Вскоре всюду, где бы ни спроецировал себя Архидеус, движения преследователей из числа сущностей суургэмов-туристов становились бесчисленными. Вершитель, отмахиваясь от них, как от назойливо жужжащих мух, хоть и проявлялся повсеместным и безликим, но предпочитал прятаться в вариативных тропах рефлексивных метаморфоз, спускаясь в длинные коридоры внутренних соединительных тросов и канатов, точно усталый суслик, по привычке прячущийся в норку во время грозы. Не то, чтобы Ролю что-то действительно угрожало, отнюдь даже нет, просто враждующие семьи или же вражеские субстанции воспринимались внутренними весами столкновения подобными штормам его собственного разума, а оттого становились в этих перманентных и нескончаемых штормах крайне неприятной штукой. Или уж шуткой? А всё едино.

И в этом всепронизывающем неинтерпретируемом единстве проекций многотысячелетней глупостью человечества проявилась предательская передача характерных черт самих себя истинной и непостижимой паутине Архидеуса. Ведь люди, искажая образ природы Роля о свои словоформы и построения умственных конструкций, не воспринимали ничего повсюду, кроме того, что могли бы подогнуть под мнимую идею человекообразной повсеместности, вовсе отказываясь видеть и чувствовать всё то, что даже в обыденном бреде сознания, сочиняющего мир вокруг себя, не способно было приобрести человеческие черты в принципе. Так люди свили своё гнездо цивилизации и, в отличие от птиц, никогда его не покидают. И, хотя рассудки их автоматически порождены Вершителем времени специально, чтобы летать над его макушкой, предпочитают ползать у его корней, собирая выдуманные жёлуди сладких, но оттого не становящихся менее жалкими, утех, потех и надежд.

Окончательное осознание настигло Архидеуса в конструктах новосинтезированной им страны перламутровых пальм, которые были везде и повсюду, но, в то же время, ничем и нигде, так же, как и сам Вершитель. Роль тогда понял вдруг странно и неожиданно, что он, оказывается, счастлив, ибо разумен и безумен одновременно, к тому же достаточен и самодостаточен, а истинное же сочетание несочетаемого всегда и никогда становится всем и ничем. Складки и ужимки его звенящих и вдребезги ползущих вибрациями гармошек, косо отраженных в диодных проблесках чьих-то лазерных глаз, становились всевидящими взглядами Роля, зондировавшими Внешний Космос во всех возможных видах и направлениях.

Именно в этом переходе от «извне» к «вовне» и обнаружился ключ к корню безгранично трансцендентального безумия Роля: достаточно было лишь сказать, что для Вершителя времени внешним пространством было то нечто, отблеск которого порой способны усмотреть люди, обращаясь вовнутрь себя. И наоборот, внутренним пространством являлись бесчисленные миры, один из которых, всенепременно, принадлежал людским областям интерпретации, воспринимаясь ими в качестве внешней и якобы объективной реальности.

Архидеус слился в бескрайнюю пляску паутинок, сотканных из пятен и клякс, разбрызгивавшихся на многомерных плоскостях растянувшейся алхимии невыразимого, будто бы потоками фотонов, фонтанчиками наполняющих силы столь чуждые, что для него лишь - и не для кого другого - раскрывали внутреннее общество восприятия через достижения каждого из нас и отовсюду. Вершитель времени вобрал в себя всё наше прошлое и, перезрев, как апельсин, перебродив и выплеснувшись вулканическим гейзером неизмеримости, оставил нам только настоящее, явив побочным продуктом собственных действий блестящие, точно бы свеженачищенные ботинки и только что огранённый изумруд, пожертвовав конкретику оформленности и обустроенности в пользу абстрактной энергии времени, вершащегося Родем, дабы настоящее во всех своих лицах действительно стало таким - настоящим!

Отныне же можно утверждать, что всё наше прошлое - не более, чем утренний сон Вершителя перед пробуждением, а поскольку он сполна забрал в этот сон желание жить, поглотив всю энергию прошлого, как если бы мир был устроен таким способом всегда, то и личная проекция Архидеуса усохла от категорий, оценок, разделений и прочей мишуры,

отринув любые способы, дабы мы все смогли стать уверенными в том, что таки да, мы все и есть едины. Всегда только едины. И не разделяем ни с кем ни пространство, ни время, ни смыслы, ни значения.

Мы все - лишь зеркала дребезжащих колебаний, выдавленных из проросших повсеместно сквозь время и пространство хитросплетённых корней Роля Архидеуса: того, что снаружи и внутри, и того, что не выразится обретением любых бессчётных имён, ибо вершится сам в себе наитишайшей безликостью нерушимого, непознаваемого и неопишимо чуждого нечто или наполненного ничто, как бы мы его ни называли или как бы ни называли Никак в бескачественном составе всех состояний Нечто.

Дали Дали

Сначала показался только носок, свешивающийся из-за незримой двери тенью над пустыней. Носок явно был довольно сильно заношенный и покрытый тёмно-серыми полосками на светло-сером фоне. Или наоборот. Было заметно, что хозяину носка тот велик, как минимум, размера на три. Нависающий треугольник парящего в воздухе лаза в подпространство затягивал вовнутрь своих полостей атмосферу горячей и пересушенной местности, скопившийся под давлением нескольких кустов «перекати-поле». Ландшафт, пропахший ящерицами, солями и вялеными кактусами, манил своим качеством неопределённости. Человек, напомиравший усатого таракана, столь же активно ощупывал и обнюхивал местность тончайшими, тянущимися прямо из головы, кольчатыми шлангами, заканчивающимися скребущимися остриями ворсяных коготков. Он всегда входил в удел внутренних забот, во Внутренние Дали, чтобы отыскать поток для идей своих последующих работ.

На этот раз ему немало повезло: на окраине пустыни только что пролился бензиновый дождь, и уже начали прорастать многоэтажки, обтянутые звонкой шкурой мамонта. В промежутках между разрывами кожи он оглядывался, но только лишь затем, чтобы снова нырнуть с головой в подвалы открывающихся снов. Каждая из кружащихся мух несла на длинных и цепких тончайших лапках весть мира, а фонарики

фасеточных глаз неоднократно казались фонтанирующими частицами указа, переписанного сверху и донизу. На море потрескавшихся ящиков несложно найти, но затеряться - гораздо затруднительнее, поэтому океан конструкций можно было использовать лишь для поиска пропавших вещей, но отнюдь не для сокрытия глубинных тайн под покровом из маленьких кузнечьих усиков и вытянутых задниц.

Повращав глобусами глаз, Дали развернул щупы, сделав двойное обратное сальто в воздухе. Пора было возвращаться, пустыня не могла его слишком уж долго выносить без истого слияния с ним навсегда. Было бы, как минимум, странным остаться здесь на века вечные. Самое главное - ведь никто и не предполагал, кроме отражателя долины песка и мух, что Дали - ещё какое насекомое! Это становилось очевидным по причине его особой пошатывающейся походки, отменно невозможной для воспроизведения актёрами театра вживую, только если ноги у них всенепременно не выгнуты коленками назад. Страх только усиливался. Быть подобным саранче и, в то же время, испытывать фобию по поводу саранчи - что может быть милее? Возможно, хмель снов, где несложно укрываться любой мировой стихией, превознося её свойства в адаптированные варианты кажущихся лиц? Ответ всё никак не всплывал из бессознательного, долина скрежетала ветром и шелестела индустриальными трубами милитаризированных заводов, производящих идеи в промышленном масштабе.

Идеи - средства войны. Идеи - средства революции. Революции сознания. И кому всё это было бы столь известно, когда за шиворот сыпется пыльца выработанного времени, а впереди простираются легчайшие плёночки ещё не свершённого, в котором мачете ядерных бомб приоткрывает паутинистые завесы тайн этих самых загадочных плёночек. Тогда насквозь начинают проступать смыслы вещей, казавшиеся ранее совершенно иными, чем те, в образы которых вещи сумели обрести очертания начертаний. Во Внутренние Дали никто не имеет права вторгаться или стучать. Никто! Никогда! Но на сей раз случай совершенно особенный: в качестве крайней меры всегда существовали сторонние пути, позволявшие обогнуть ретины проекций, вернувшись сразу в замок из дождливых архаичных лесов доисторических обитателей времени, обретших в свои первозданные эры силуэты дышащей коры, равно как и превозмогая тягу стать насекомыми в пустыне.

В дверь опять постучали, да так настойчиво, что нужно было

приложить немалые усилия, дабы расцедить упругое мясо посвистывающих воздушных масс. Раздался треск разрываемой ткани и упругое хлюпанье толстого слоя мягкого пластика, взрываемого ошметками ветоши, в которой угадывались черты некогда полезных достижений и состояний ума. Когда Дали всё-таки соизволил вернуться в залу, то оказалось, что вся одежда его осталась по ту сторону от потусторонних путей уплывшей тучи грозового сновидения. Зато любые облачения вполне можно было бы заменить метлой - пожалуй, лучшей универсальной идеи и не сыскать!

Это был настоящий возврат к чистейшей человеческой первозданности, которой не нужно было стыдиться. Как раз наоборот. Нужно было превозмогать в себе глупость кристальной цивилизованности и агитировать на каждом углу непротиворечивость, ясность и элементарность святой простоты фиговых листьев. Растение, дающее человеку возможность встать на тропу понимания глубинной сути собственной человечности - что же способно быть ещё грандиознее? И если не каждый может себе позволить срывать ежедневно по листку смоковницы где-нибудь под окном, то уж метла-то точно согласится заменить собою даже самое смелое генеральское обмундирование или королевскую мантию.

Оставалось лишь совсем чуть-чуть, чтобы войти в полное соответствие образа с самим собой. Не хватало только патефонной записи лошадиного смеха. «Смех! Смех кобылиный всем! Срочно! С-р-о-ч-н-о!» - провозгласил Дали. Показалось даже, что придворная прислуга где-то на горизонте возле самой дальней колонны спален уже всю расшибает лоб, сверкая пятками, подобными аромату фиалок, дабы тотчас же исполнить сокровенную прихоть восхитительно безумного аристократа. Раздался нужный смех, но штрихи по-прежнему ещё не были завершены сполна. Отсутствовала изюминка. Изюминка - она во взгляде, в образе, да всё в тех же кружащихся стаях, но только не в реверберациях звуковых отражений.

А вдруг пришедший гость глухой и потому не способен оценить всё величие патетики патефонного замысла Дали? Что ж! На этот случай в комнате были заготовлены губы дивана, и оставалось только надеяться, что гость ещё и не слепой. Иначе наощупь придётся прогнать посетителя метлой, дабы не отравлял собственной персоной грацию замка. Последнему же и вовсе не было дела до того, чтобы некто стремился воспринять внешнюю атмосферу Внутренних Дали. Зато невосприимчивостью вполне могла быть возмущена истинная оболочка, внутренняя сторона, делавшая Дали

саранчой, рассерженная или даже раздосадованная невозможностью отразиться хотя бы в одном облике среди всех этих тысяч и миллионов капроновых и асбестовых лиц, которых здесь никогда не было и не будет.

На ноги волей-неволей пришлось в спешном порядке, хоть и нехотя, нацепить ангельские крылья, делавшие туловище похожим на свежеразделанную тушку длинношей гусыни. Так пускай же Гермес летает себе потихоньку в маленьких крылатых тапочках, а у Дали - настоящие огромные крылища, и чем крупнее, тем лучше, в особенности, когда они оказываются способными заменить ему лапы или даже пятки. Те самые, что вечно укутаны в верблюжий кокон серо-полосатых шерстяных носков, на порядок превышающих требуемый размер любой ноги у йетти. Всегда на три размера больше любой ноги - такова уж первостепенная природа этих носков и их высокопрофессиональное умение.

Не мешало бы также надеть и зеркало на лоб. Кто знает, что это, в самом деле - не что иное, как мифическая приманка и защита от Медузы Горгоны. Пускай уж лучше все думают, что владелец замка - неистовый лор от искусства! И даже несмотря на то, что зеркало его больше всего напоминало кошачью голову, эта колоссальная налобная кошачья придавала хозяину замка весьма и весьма специфический шарм равновесной гармонии со всеобщей атмосферой художественного пафоса.

Вошедший человек отвесил низкий поклон, когда поджидавший его под креслом голый Дали выскочил под лошадиное пение патефона и, поковбойски оседлав метлу, проскакал верхом на ней шесть кругов против часовой стрелки и девять - по часовой. Лишь зеркало на лбу слегка покачивалось под шорканье крыльев-ласт, а усы стали ещё чуть более походить на тараканьи, нежели обычно. Дворецкий ходил следом и посыпал отиски пяток Дали, отпечатывавшиеся поверх вылетающих перьев, орхидей, тыкв и волосяных пучков, в которых угадывалась скорее уж шерсть и дикость, чем причёска и цивилизация. Посетитель опасливо вжался в стенку, когда Дали вдруг вывернул резким щипком карман на рубашке гостя, чуть не поставив на его руке расплывчатую кляксу синяка.

- Выпь подери тебя! Откуда ты исчез? - с громким возгласом обратился Дали к посетителю.

- Моё почтение! - тот ещё раз низко поклонился, но и это не помогло.

- Почтение - вот моё проклятие, как и всех прочих прославленных гениев! К чёрту почтение, когда ты уже не тот. Ты вошёл сюда в ожидании чуда - и вот оно уже произошло. Но ты ведь не ожидал, в самом деле, что

чудо возьмёт, да и произойдёт? Поэтому ты так шокирован. Всегда, помни, всегда люди хотят вовсе не того, чего хотят, и ожидают совсем не то же самое, чего ожидают на самом деле! Повторяю, но не повторяюсь: к чёрту почтение! Кому почитать, когда ко мне пришёл один человек, а вижу я перед собой совершенно другого? - с этими словами Дали ещё раз схватил гостя за рукав и, сотрясаясь всем телом, постарался так ущипнуть его с недюжинной силой, чтобы встреча гостю надолго запомнилась в качестве знаменательного события, а синяк на руке всё-таки вылез наружу в самом деле и просто отменно высококачественно.

Буквально в сию же секунду на них обоих посмотрела маска зазывания своим совершенно неминуемым гипновзором, не оставлявшим даже надежды на возможность сопротивления. Маска каждый раз призывала Дали, чтобы он входил во Внутренние Дали. Это было бы слишком похоже на небольшую прогулку на саночках, если бы не сопровождалось львиным рычанием в сочетании со звуком смываемого писсуара при полуполночной луне.

Неожиданно засинело пространство, больше напоминавшее чьё-то убранство. Можно было смотреть вдаль, на линию горизонта, казавшегося тогда невыразимой эйфорической ностальгией, подёрнутой синеватой дымкой, откуда приходят такие же вечные и неизменные двойники идей. Но стоило лишь на мгновение скосить глаза, и оказывалось, что горизонт от носа не далее, как в шести дюймах. По склизким стенкам внутренней поверхности стекали оранжевые потоки, пышущие жаром, выплёскиваясь наружу куда-то за пределы стенок, но вот что именно там смутно виднелось - было непонятно. Стоило лишь прикоснуться к поверхности, как становилось ясным и всецело разумным вулканическое происхождение и поверхностей, и стекающей субстанции. Дело в том, что отпечатки рук обнаружили оставленными именно на лаве, а не на какой-то иной реке из пемзы и обсидиана. Если бы слепки оказались заметны на чём-то ином - тогда совсем другое дело. Но нет, они были оставлены именно на лаве, которой совсем не хотелось извергаться на ту сторону.

Где-то далеко внизу, возле линии горизонта, кувыркался в безвоздушном пространстве совсем уменьшившийся в размерах посетитель. Внутренние Дали не пощадили аспектов его сути, отчего пришедший стал больше походить на пришельца. Едва лишь пошарив утончёнными ладонями поскрипывающих пальцев под тёплым магматическим тестом, Дали нащупал странные рычажки, на ручки

которых было столь любопытно давить. При нажатии на чёрные круглые помпоны рычажков материковые плиты смещались и запускались на старт - внимание - марш многочисленные катаклизмы, незримые, если пытаться наблюдать их изнутри планеты.

- Хватит беспорядка, когда же начнётся уже балаган! - с этими словами Дали схватил улетающего к линии горизонта гостя и положил его пастилкой под язык. Посетитель ощущался изрядно помятым, а оттого напоминал мятный леденец и приятно холодило, так что от пронизывающей свежести сразу заходило заново родиться. Крайне вытянутые измождённо-синеватые туши человечков шествовали караваном, а стоило лишь остановить их или остановиться самому, и они готовы были осыпать дарами любого, лишь бы все продолжали странствие и в дальнейшем. Это определённо казалось чем-то новеньким! Дали за этим ли сюда пришёл? Или не за этим? Знал бы точно, если бы человек-леденец не помешал ему не помешаться окончательно.

Дали давненько уже подозревал, что он сам - единственный рыцарь Реальности, несущий действительность внутри, как клуша, несущаяся планетами. Но о возникшей проблеме он едва-едва лишь догадывался: чем дальше хозяин замка следовал по стопам планетарной несущки, тем точнее и восприимчивее он становился, тогда как всё вокруг, включая саму реальность, начинало сходить с ума. В конечном итоге, ждать больше было нельзя: земная кора треснула, и обширная рука Дали ночной тенью накрыла дальние континенты. Свет померк, а в небе выявился теневой силуэт гигантской ладони, накрывшей самого Дали. В этот самый момент у него изо рта вылетел комар леденцового посетителя и пропищал: «Ты - внутри и снаружи. Ты - маленький здесь и исполинский там, где наша Земля растворяется в лучах загогулин разума. Всё едино для тебя здешнего, как то синее пространство, откуда ты только что вылутился, вылупив поэтому и меня». Надо было предположить, что предшественника-исполина Дали, следуя общему принципу в очередной итерации увеличивающихся в геометрической прогрессии ладоней, где-то уже накрыла поистине галактическая в своих масштабах рука, узоры которой можно было бы спутать за миллионы лет с частотными биениями планетарных гор.

Дали воспарил на перьях своих ласт Гермеса и направился в плоскость манящей ненадёжной ветхостью линии горизонта, откуда показались громады паучьих слонов и водопады мятых тряпок. Нужно было решать очередную дилемму. Ах, если б небо поддалось. Если бы небо

только поддалось, тогда такое поддавучее небо можно было бы нацепить на лобные и височные доли или даже на мозжечок, но только разве что шиворот навыворот. И открылись бы поразительные миры регулируемой ясности, живущие внутри каждого создания и внутри каждого сознания, тогда как оболочки оказались бы втиснуты в земные тиски облегающих их оболочек и сквозящих ледяными ураганами завихряющихся пор в океане пространства. Механическая часть нашла бы своё отражение в этих многочисленных складках парусов, составляющих тучи, переходящие в целый эшелон морской эскадры, тогда как истинная тягучесть многообразных форм больше не была бы ограничена грубой материей чуждой Реальности. Нет, нужно было продвигаться дальше, пока представший пейзаж не обретёт угол наклона, высвечивающий в своём естестве человеческие черты, как вагоны поездов высвечивают порой хмурые жестяные морды, недовольные своим идейно и эмоционально квёлым пассажирским наполнением. И кто знает...

В этот момент опять раздался стук, оторвавший уши у мёртвого осла. Дали ринулся сломя голову к выходу, а уши за ним. В своей тщете избавиться от ушей, хозяин замка засунул гостя в собственное ухо: быть может, они убедились бы, что потребность в ушах отпала теперь сама собой. «Теперь ты мой наушный советник, будь добр, пожалуйста», - дельно посоветовал Дали посетителю, пока тот продолжал приближаться к синему горизонту планетарного яйца, отчего ежесекундно терял в размерах. Казалось, ещё немного, и его существование можно было бы поддерживать исключительно тремя такими посетителями, подобно кваркам, не существующим нигде поодиночке. «Да это я к тебе пришел из мира, где руки-горы», - ответил советник прямо в ухо. Точнее - не сказал. Точнее - пропищал, вообще-то.

Дали выскочил в одних тапочках. Вошедший человек совсем не походил на того, кто сидел в ухе и пищал. Новый гость был крайне строг и даже казался бы премного чопорным и немало галантным, если бы не посещавшие его мысли, сдававшие внешнему миру Внутренних Далей все потроха пришедшего.

- Не находишь ли странным, что наш внешний мир - это твой внутренний?» - спросил строгий человек.

- Здравствуй, здравствуй, Зигмунд! Никогда не был бы рад, если бы тебя не видел, - проворковал Дали, шевеля усами. - У меня как раз к твоему приходу мелко порублен салат из огурцов. Располагайся. Чувствуй себя как

дома, - и с этими словами Дали подумал, что неплохо бы ещё разок нырнуть во Внутренние Дали своих зеркальных коридоров бесконечности, уйдя в отрыв очередного заплыва. Но тут же вспомнил, что где-то потерял шапочку для купания в измерениях, пожалел о собственной забывчивости, гуттаперчевой множественностью характерных разновидностей такового свойства памяти, и потому решил отложить путешествие до лучших времён, неотвратимо и безостановочно утекающих.

До времён ли, Дали?

Дервиш

В кувшине с водой жил Дервиш. Он давно уже не помнил собственного имени, оставив прошлому всю свою память, и, не запоминая настоящего, смотрел сразу в будущее. Глаза его искрились миллионами звёздных миров, и ни один из моментов жизни не был для Дервиша ни старым, ни новым, зато всегда продолжал оставаться навеки истинным и настоящим. Он умел не только предсказывать всё, им воспринимаемое, но и менять размер, причём размер он менял постоянно и неукоснительно. Стоило пойти дождю, и Дервиш тотчас разрастался, достигая таких высот, каких не достигала даже вершина самого высокого дерева в мире, хоть бы оно и росло на Эвересте. Однако же, разбухнув под дождём, обитатель кувшина начинал постепенно усыхать в теле, и продолжал так делать до тех пор, пока не становился похож на маленькую серенькую мышку. Честное слово, этот громоподобный Дервиш оказывался размером не больше самой что ни на есть наибанальнейшей полёвки.

Когда он усыхал уже настолько, что оказывался неспособен нести собственный кувшин, Дервиш, изрядно поднатужившись, ставил кувшин у дороги, забирался в него так, что наружу торчали лишь серые мышинные ушки на макушке, и начинал дожидаться следующего грозового ливня, дабы размокнуть снова. Но однажды выдался на удивление сухой сезон: дождей не было вот уже, кажется, более трёх месяцев, поэтому кувшинный житель усох до размера горошины и звонко, будто велосипедная трещотка, отскакивал потихоньку от стенок собственной обители с горлышком,

двигаясь хаотически во всех направлениях сразу и ни в одном из них конкретно, что и составляло основу его мировоззрения.

К счастью, вдоль по дорожке шла малолетняя дочка местного халифа, которая-то и заприметила стоящий у дороги кувшин, пыльный и уже успевший наполовину погрузиться в песок. Девочка взяла кувшин Дервиша в свои нежные детские ручонки и, посмотрев вовнутрь на самое поблескивающее влажное дно, ставшее мистической узницей для горошины внутреннего обитателя, радостно воскликнула, всплеснув руками, как коромыслом: «Какой миленький маленький колдун! Скормлю-ка я его моим любимым аквариумным акулам! Вдруг они тоже станут волшебными?!!»

И с этими словами Налаяс, а именно так звали халифову дочку, вытянула кувшин из земли и понесла его в направлении роскошно обустроенного отцовского дворца, блистающего рубинами, нефритами, бриллиантами, сапфирами, лазуритами и аквамаринами в окаймлении из бирюзы, белоснежного мрамора, розового кварца и перламутровых плиток, коими обсыпаны были величественные колонны дворца, бархатистые на вид, как глубокие сугробы талька. Там, выпустив Дервиша в аквариум с акулами, Налаяс стала с поразительным даже для её возраста любопытством наблюдать, что же произойдёт дальше с этим микроскопическим чароплётотом из кувшина.

Но вместо того, чтобы разбухнуть или быть закономерно проглоченным акулами, Дервиш сам начал превращаться в акул. Он кружился целой стайей, он летел, пронизывая паутинные взаимосвязи миров, пока Налаяс не обратила внимание, что вот уже она и сама состоит из вороха акул, исполняющих вечный завораживающий танец бытия, устремлённый в безграничность неоконченности как прошлого, так и будущего. В такт танцующему Дервишу поскрипывали и похрустывали сахарные стены дворца халифа, некогда казавшиеся столь же прочными, непоколебимыми и непорочными, как Иерусалимская твердыня, и, сплавляясь воедино, свершали они - халиф, Налаяс, Дервиш, акулы и даже сами стены величественной обители - совместное священнодействие галактического масштаба.

Когда же танец закончился, то вместо куполов восточного дворца возвысилась гигантская голова, две руки и три ноги Налаяс. Пустынный Дервиш прыгал на исполинских лапках лягушачьей саранчи, а его цветастая юбка кружилась на ветру, подобно цветению распускающихся

бутонов орхидей в языках пламени лесного пожара: вспыхнув прекрасными искрами всего лишь на краткие доли секунды, они скоропостижно прекращали своё существование, явившееся в мир лишь для цветения, в котором эстетика посвящена исключительно эстетике, красота порождает только красоту, а сама жизнь восходит на новый виток себя самой, не замедляя сей цикл ни на миг.

- Зачем ты показываешь нам жизнь? - заунывно захныкала кукольная голова Налаяс на месте дворцового купола.

- Я просто не могу существовать иначе, - прогреготала громадина Дервиша комплексно сплавившимися акульными тушами, да ещё и в платьице. - Во мне кружат гранями острые осколки зеркал, и уж если им суждено когда-нибудь остановиться, то распад будет обеспечен, и все эти акулы снова понесутся плавать по южным морям и стеклянистым озёрам, распугивая своим видом как всех местных, так и чужаков. За мной ведь шествует караван миров.

Нежданно и уж совсем нежданно в пустынях выросли тонкокорые верблюды, выстроившись в объединённое дерево, где каждый верблюд тянет своих сородичей, пропеллером выталкивая вовне тонкую ртутную жидкость мира, по периметру разрезая зеркально полусведённые плоскости всего сущего, словно щипковые струны, натянутые на пружинистый гриф. В извергающихся протоматерией прорезях надвывернутого существования, поддерживаемые пронзительными окриками сновидческих поводырей, влезали архетипы фантомов восприятия, пришедшие родом из параллельных миров, не давая очнуться от искромсанных в новые обличья загнутых страниц в плоскостях приоткрывшихся проекций. Летящие верблюды согнули пустыню вдоль по линиям танцев Дервиша, и верхний песок начал засыпать куклу Налаяс, что вегетативно, словно опунция, разрослась до состояния целого города, пульсировавшего, подобно магме, питоном выползающей из нарывавшей вулканической язвы на запечённой и хрустящей каменистой корочке Земли.

Песок, осыпавшийся, в конечном итоге, с верблюжьих туш, оголил истину Копытуни. Копытунь всегда была смысловым противовесом Дервиша. Там, где Дервиш оставлял лишь следы, Копытунь противоборствовала любым желаниям. Там, где Дервиш видел свет и летающих доисторических приматов, Копытунь порождала лишь абстрактные проклятья в их адрес. Там, где заканчивались предзнаменования первой предвечности Бытия, завершалась высшая

трансцендентальная встреча Копытун с собственной противоположностью.

Дервишу предстоял на этот раз абсолютно новый танец, первооткрывающий танец и просветляющий танец, сокровеннейший танец, подобно тому, как обитатель кувшина позаимствовал дары аквариума у Налаяс, обратившейся в дворцовый комплекс. Копытунь распалась тогда на змеистые волосы, но Дервиш продолжил порхать облаком мотыльков, в жилах его ультралёгких хитиновых тел играли молекулы, а колодцы глаз поглощали энергию целых туманностей, обращая её в жидкое электричество улыбок, лоск же кистей его способен был ослепить даже того, кто и так уже был слеп.

И осознал тогда Дервиш: «Мёртвые бессмертны уже в силу того, что мертвы, а живые живее, чем сами способны себе это представить. Уродливые - прелестны, ведь на любое уродство найдётся свой любитель, которому красота, даже исполненная в безупречном совершенстве, покажется действительно дикой и беспроглядно безобразной. Естественны невежды, ибо неведение ими путей являет их собственный путь. Цельны мудрецы и маги, ведь в них нечего добавить или вложить. И милостивы те, кто в танцах Дервиша ищет своё направление и не может найти, ибо любое ложное отрицание всецело временно в той же самой мере, в коей любое истинное утверждение вечно. Бесконечны медитирующие: путь их лежит в потере собственных границ. Мудры прощающие, поскольку прощают, прежде всего, самих себя, чем избегают многих бед, зная, что друзья их и враги их есть лишь зеркала их.

Открыты умами безумные, ибо крайние пределы безумия прикасаются к крайним пределам мудрости, отсутствие равно заполненности, а конец пути равнозначен его началу. Миром следующие - не отклоняются, тогда как фрегат, идущий против ветра под парусами, в ближайший же шторм будет разбит в щепки. Неустанны странствующие, в текучести своей обретают они духовное равновесие. Пламенны устремлённые, ведь пламя их само уже способно изменить жизнь вокруг. Чисты безутешные, испив епитимью вины за себя и многих других. Благодетельны счастливые, дарящие своим счастьем красоту жизни, гармоничны просветлённые, идущие нога в ногу с Существованием, не оступаясь ни на мгновение. Возвышенны мертворожденные, не успевшие выйти из Реки Бытия».

Время словно остановилось, а Дервиш всё думал и думал. Столетия,

тысячелетия, десятки тысячелетий проносились перед его самоуглублённым взором, исполненным счастья, восторга и сострадания. Ручьи вымывали колдовские кости, заполняя пустынное тело его глиной, известняком и мелом, суховеи жестоко жгли и царапали кожу кувшинного жителя, иссушая её, воды оставляли Дервиша глубоко под собой. И, в конечном итоге, превратился он в хвостатую звезду, вспорхнувшую пред нами в извечном полёте за пределы всего Сущего.

Зерцало страждущих

Он сидел на ковре восхитительного разнотравья, подогнув ноги под себя и выставив коленки вперёд. Над головой, подобно сказочному цирковому куполу, застыло, усыпанное друзьями звёзд, ночное небо, вдыхающее прохладу влажной свежести. Растительный ковёр под ногами плавно и нежно шевелился. Было практически нереально определить, мох ли это, лишайник или примятые и скомканные пучки пластичных трав, отскакивавших от корней, тянувшихся вниз, подобно самому естественному батуту из тех, что когда-либо вообще существовали. Тысячелетние эвкалипты, погруженные в синеватую дымку, качали на ветру кряжистыми сучковатыми ветвями, пропитанными целебными смолами.

В этом мире их было всего двое. Он не помнил, откуда пришёл: при совершении подобного перехода невероятно сложно сохранить здравую память. Ещё в этом мире была некто Она - непонятная и неизвестная. Он никогда не видел Её, но чувствовал немое присутствие повсюду. Кто Она была там, откуда Он прибыл? Вполне возможно, что она была когда-то его женой. Или, может, лучшей подругой? Или любимой сестрёнкой, а возможно, и дочерью - кто знает, как распорядился мир естеством вверенных ему жизней? Он вышел на берег реки, и Она явилась ему в неверном мерцании лунных бликов на волнах тёмной пучины вод. В полуночных небесах взошли три луны: слева - синяя, довольно большая, испещрённая шрамами кратеров. Луна довлела, нависала и давила своим естеством. Вторая, срединная, была гигантских размеров и источала тусклый, точно догорающая лучина, тяжёлый красноватый свет, которого

всё равно не хватило бы, чтобы разглядеть в просторной долине мелкие пучки далёких трав и россыпи камней, если бы не третья, жёлтая луна, изливавшая ровное и умиротворяющее сияние, наполняющее искренней радостью и уверенностью сознание того, кто потерянно сидел на берегу реки, погрузившись в мечтания и раздумия.

По поверхности вод скользили лезвиями лепестков белоснежно-искристые лотосы, и это были Её цветы, через которые Она взирала на бездонное лунно-звёздное небо, чувствуя все помыслы, озарения, радости и горести Его. Когда Он грустил, эвкалипты сбрасывали листву, а река покрывалась неустойчивой коркой талого льда. Когда же Он восторгался, мшистые травы под голыми пятками смешно и щеотно менялись, а поверх океана трав распускались кораблики алых, мандариновых и кремовых лилий, орошая воздух медвяным благоуханием и притягательными улыбками, цветущими на лице Его, словно знамя самого основательного государства среди несуществующих и никогда не существовавших. Всё, что окружало Его, источало невыразимое вдохновение, одухотворённость и Вселенский восторг в экстатических треволнениях всеохватного счастья до дрожи в самых кончиках пальцев и в каждом волоске на теле.

Долгими, нескончаемыми ночами, когда темнота окутывала Его шелковистым лоскутным одеялом, будто снятым с русской печи, внимал Он мудрости лун в попытках вспомнить или узнать, как здесь оказался, понять и принять собственное предназначение здесь. Тщетно, память не оставила ничего, о чём Он мог бы сожалеть и чего мог бы желать.

Днями, когда таинственная облачная дымка обволакивала душистый эвкалиптовый лес, Он плавно прогуливался под сенью исполинских крон и вековых стволов, касался их тёплой бархатистой коры, пытаясь ощутить несомые внутри древ животворящие токи, их расслабленную всеобъемлющую мощь и вековую древность. Тыльной стороной ладони волнообразно гладил их устремлённые в Космос ветви, разговаривал с эвкалиптами, восхищаясь их величием, здоровьем, мудрости и долголетию. Он желал и себе того же, но даже не ведал, сколько времени уже провёл здесь.

И вот однажды, Он заметил в одном из деревьев гигантское дупло. Оно было смутно знакомым, но Он знал, что оказался около этого дерева впервые. Откуда же взялось это сладостное, манящее чувство, чувство тепла, уверенности, силы и защищённости? Он полез на дерево и заглянул вовнутрь дупла, расположенного на высоте метров двадцати. Дерево

дышало, пульсировало, источало тепло, а стенки его казались блестящими и скользкими. Он перегнулся через край и вдруг провалился внутрь ствола, начав падать глубоко и далеко.

Ствол эвкалипта казался нескончаемым, давил, душил, стискивал спазмами вибраций, и вдруг перед глазами Его понеслись картины воспоминаний столь ярких, словно Он заново переживал их наяву: вот Он спасается от страшной ловкой кошки с огромными клыками, хранит тепло очага под сводами пещеры, погибает от жажды во всеиспепеляющей пустыне, ищет каменистый безжизненный островок на затопленной до краёв равнине, взбирается по небесной лестнице на вершину жертвенной пирамиды Луны, где ему уготована честь почтить жертвою своего тела вечного духа Великого Мецтли, берёт на abordаж корабль в открытом море, но оказывается сброшенным в воду, задыхается от дыма кремационных костров в зачумлённой Тоскане, разносит яства на пиру у короля Филиппа, общается с духами предков в летней монгольской степи, отправляется странствовать, посланный в изгнание повелением полубезумного царя Павла Петровича, собирает бомбу в грязном подвале, шагает в ногу под красным флагом, осыпaeмый острыми иглами холодной ноябрьской крупы среди пыли промозглых улиц на задворках Петрограда, охваченного пожаром мировых идей, вбирает грудью раскалённые пули в тоталитарных застенках - и вдруг - мутный яркий свет, неясные контуры и очертания глаз и лиц на полнеба, словно те три луны, и крик удивления, страха и удушья...

Здравствуй, мама, я снова пришёл в этот мир. В который раз?

Исказитель тиши в истоках себя

Пахло деревом. Спинки, стулья, оконные рамы и старинный буфет - все они выражали неотразимый запах дуба и сосновых шишек. Из комода на меня улыбнулись добрые и довольно малопонятные глаза. Неужели ещё один подобный здесь? Ох, нет, да сколько же можно?! Расходящиеся от каждого предмета колыхания, ощущаемые распластываемой поверхностью моего интуитивного рассудка, свидетельствовали о приближении ещё одного из этих существ. Такие волны никогда не приходили осмысленно: в

них всегда прятались оттенки каких-то недосказанных выражений эмоций, лишённых словесных аналогов. Каким ещё внезапно решится стать всё с пришествием последующего?

По пыльным неокрашенным доскам, едва цепляясь за плетёные коврики на полу, заскрежетали многочисленные лапки, будто принадлежащие микроскопической армии рыцарей. Оттенки их отзвуков скатывались сначала в одну сторону, а затем в другую. В комнате было предельно душно, жарко, и какая-то неопределенность вопроса словно бы повисла в этой хмурой атмосфере антикварного особняка. Осенний ветер едва колыхал отсыревшие и как бы обрюзгшие от плесени неопрятные занавески из пыльно-сероватого тюля, грустно свешивался роскошный алый бархат балахона навеса, сумеречно оттеняющего заправленную ещё пару десятилетий назад кровать. Лишь пустота и неопределённость окружали меня, оглушая пронзительной тишиной. В висках пульсировала кровь, приливая к голове.

Я полез в аптечку за очередной горстью пилюль от мигрени, когда понял, что этот пульс доносится откуда-то снаружи, точно несуществующие соседи решили слушать дабстеп, или уже почти местные гастарбайтеры делали очередной ремонт. Шорох пульсации не останавливался ни на секунду, и только тогда я обратил внимание на маленькое страшненькое существо, бегающие в разные стороны в дальнем углу: у него было покрытое хитиновыми щитками лицо с восемью глазками, вытянутые руки, как у паучка-сенокосца, только цепко разделенные на семь секций и подобные им же, хоть и в некотором смысле подраспухшие, как у пожилого ёжика, короткие цокающие ноги, шуршащие шерстяными носочками, смягчающими стук по занозистому полу и скрежет буро-шипастых коготков, прорывающихся наружу сквозь носочную шерсть.

На голове, щёлкающей и посвистывающей неисследованными внутренними полостями, он носил некое подобие поварского колпачка, а редкие пучки колких и ломких волос вырывались из-под тонкой прозрачной фаты крыльев, топорщащихся над шлифованными костистыми лопатками. Из пространства его челюстей то и дело вылезал тонкий липкий и блестящий язычок иссиня-чёрного цвета, как у чау-чау. Издаваемый при передвижении телом этой твари лязг был просто невыносим.

«Так вот какая ты, сущность в виде гномика», - задумчиво пробормотал я, выходя в сени, чтобы едва-едва отдышаться. Сени, больше похожие на просторнейшую веранду, выглядели сказочным тихим местом.

Раритетным чопорно-музейным украшением столешницы стоял старинный термос с ещё не остывшей терпкой заваркой. Я любовался небольшим сосновым черпачком для душистого чая, задумчиво оглянулся вокруг. В покрытых тонким слоем ржавчины грязно-мутноватых стёклах пропылённых окон виднелась глинистая поляна, за которой выплывали острые пики густых темно-зеленых елей и не менее острые трубы заводов, прокалывающих небесную гладь сразу за смолистым хвойным лесом.

Среди утопанных бустулыг выжженной солнцем травы, высохшей до состояния коричневого сена, в густую чащобу вела едва заметная тропа, петляющая через поле, начинающееся сразу за обветшавшим особняком. Тропа утопала в мрачной лесной темени, растворяясь среди игольчатых крон в непроглядной дымке лесных далей. «Вот пусть разные маленькие девочки и плутают там в поисках своего лишь волка, а ты не маленькая девочка, поэтому оставайся здесь», - где-то за спиной произнёс спокойный и тихий голосок с мирно похрустывающей хрипотцой, вкрадчиво царапая, как ручная кофемолка, неожиданно резкими звуковыми зазубринками интонаций по коре моего страдающего от мигрени головного мозга.

Журналы, пожелтевшие от солнечного света, подобно опавшим листьям, с обложками матово-оранжевого, лилово-сиреневого и индиго-фиолетового цветов, шелестели, словно липовые чешуйки сухих соцветий в запасливой зимней коробочке, перелистываясь от наилегчайшего бриза прохладных осенних ветерков-сквозняков, лениво шастающих по унылой веранде дома.

Когда лучший банный напиток закончился, я терпеливо, с осторожной опаской приотворил скрипучую дверь и вновь вошёл в душное пространство изъеденной временем ветоши тяжелых занавесок, влажных помещичьих ларцов-комодов и громоздкой деревянной мебели времён архитектуры барокко. Шорох жучка грома, как я обозвал грохочущего пришельца в носках, не прекращался ни на секунду в моей комнате, оставленной за спиной, но на этот раз на потолке засела ещё и *тёмная кожа* - ручная тварь, похожая на компактного комнатного птеродактиля. Я уселся, широко и свободно развалившись в продавленной прелой соломе кресла-качалки, пропахшего пушком проросшей пенициллы. Всполохи крыльев *тёмной кожи* принялись калейдоскопическими потоками индийских сакральных танцев вертеться прямо у меня перед глазами, покуда я с обыденной незамысловатой ленивостью просто-напросто отмахивался от комнатного птеродактиля, как от комара, больше

похожего на летучую мышь.

Можно было, конечно же, взять выцветшую газету или советскую чёрно-каучуковую мухобойку на палочке, да и прихлопнуть его, паршивого наглеца, на ближайшем торшере, но парадоксальная сонная слабость, вдруг охватившая всё моё естество целиком, серьёзно мешала мне предпринимать хоть какие-либо активные действия, пока *тёмная кожа* чуть ли не хлопала в своём стремительном полёте меня по вытянутому носу, беспокойно перепархивая из угла в угол, как пьяная стрекоза, натёртая скипидаром и привязанная хлопковой ниточкой за лапку.

Взорвались песочные часы, а из деревянных стен принялись проступать капли оливкового масла, и тогда весь дом наводнили *Поиски* разноцветных пятен Силы. Они были теми, кто ищет, одновременно являясь образом, которым ищут. Да, они действительно были просто *Поисками* - и никем другим. Каждый из этих *Поисков* нёс своё неповторимое настроение, свой коктейльный слив из осязания и предчувствий, и ни одно из них не было от мира сего. Кто сейчас смотрит мне в спину? Я ощутил резкий и пристальный тяжёлый взгляд одного из *Поисков* у себя на спине: некто из них выражал внутренние ощущения наружу особенно усердно. Прямо-таки транслировал. Эманировал. Фонил.

Я сконцентрировал волю у себя в голове, и тогда ниспосланные лучи добра настигли моих наблюдателей, а лучи тепла ударили в район лба, взорвавшись незримой вспышкой и расцветая над самой макушкой головы бессчётным перебором нотных позвякиваний, точно чьи-то пальцы перебирали струны арфы, и струны эти сами единообразным ритмом приподнимались вверх по лестнице октав. Тело будто бы растворилось, как сахар растворяется, осыпаясь струящимися кристалликами в горячем чае, зачерпнутом в сенях между берёзовым веником и глубокой светлой бадьёй.

Щелчок. Ещё щелчок. Свист. Я казался себе нанизанным на струну, больше смахивающую на ручей. Один конец этой струны уходил в масляно-пепельное, как туча с градом, пространство, переливающееся через собственный край в ослепительную сине-белость, тогда как мой другой нижний конец струны сливался в некое неопределенно тёмное пространство, бездной повисшее под ногами, так что было абсолютно непонятно, вверх или вниз головой я здесь вишу.

Границ не оказалось ни сверху и ни снизу, а только одна лишь пляска перекатов наозонированных всполохов коротящего электричества, криво и безнадёжно заикающегося, точно хромой барабанщик, лишённый чувства

ритма. Спокойствие, тишина и замороженно-отстранённое остекление завладело мной через динамику случайных вспышек без такта, точно я набрёл на некое неопределённо-разноцветное равновесие, достигнутое через расширяющийся хаос дисгармонии, превращённой в своём окончательном пределе в единообразное сдержанно-противовесное белое месиво, которое и закрепляет этот поток пронизывающего меня канатика. Цветовой круг сместился по спектру и принялся обновляться пульсирующими снованиями *Поисков* туда-сюда, вздрагивая, как в первоначальном сне, когда видишь, что падаешь, поскальзываясь, с обрыва или проваливаешься куда-то в подпол избышки. *Поиски* так нещадно и недвусмысленно подтормаживали в моём взоре, точно для воспроизведения их гладкой картинки, считываемой сетчаткой глаза, не хватало графической производительности.

Размытые пятна, летавшие вокруг, обрели отныне конкретные формы, и приостановились, заметив боковым зрением, что я за ними наблюдаю. Некоторые из них напоминали банальную мошкару, мельтешащую на фоне узора плохо обструганных досок, тогда как другие имели множество рук и пылающие лунами глазищи, гигантские, точно тарелки, четвертые пятна ползали, напоминая пауков-птицеедов. Самые же примитивные из них имели сходство с осьминогами или медузами и тянули ко мне свои малоприятные жгутики плазменных канальцев, а то и вовсе бултыхались всей своей блестяще-смазочной желейной массой так, как борцы сумо потрясают жировыми складками собственных туш. Желейники скользили по стенам и потому уподоблялись тридцатисантиметровым слизнякам и круглым речным червякам или даже просто чайному грибу в банке литра на три. И все они были разновидностями беспокойно торопливых *Поисков*, наводнивших своим нежелательным личным присутствием некогда роскошную залу старинного особняка.

Мне в тот момент стало противно и даже как-то не по себе, будто находился не в своей тарелке. Я встал, подошёл к стене и тотчас же ощутил, как чьи-то холодные скользкие жгутики уже приноравливаются к моему флюоресцирующему зелёным агатом каналу анахаты на спине. Скинув очередную тварь, я тогда лишь заметил крылатого гиганта в панцире из лакированного угольно-вороного обсидиана. Изначально гигант был виден в качестве движущегося вытянутого тумана красноватого цвета, издававшего толкающий пульс гула повсеместно вокруг меня. А теперь это нечто, машущее массивными крыльями, висело в воздухе неподалёку. «Так

вот, кто здесь издает скрежет, заменяя соседский отбойный молоток», - пронеслось у меня в голове. Существо, относящееся либо к высшей форме развития *Поисков*, либо закономерно произошедшее от них в ходе естественного отбора, но явно переросшее любые *Поиски* в своей эволюции, указало пальцами на подвальную дверь и произнесло, тем не менее, не выговорив ни единого слова вслух, а прямо телепатически прошуршав шипящим песочком у меня в голове: «Тебе сюда уходить».

Я запалил факел и принялся спускаться по мокрым от конденсата ступенькам в самый дальний угол подвала, где никогда не бывал, и где оказалась прочная, почти что сейфовая дверь, запертая на железный засов, который ничто не способно был сдвинуть с насиженного и пригретого местечка. Последовавший за мною некто, которого я решил отныне называть *Перепойском*, хрустяще прошелестел опять прямо мне внутрь головы своим перекатывающимся хрипловатым шушуканьем, похожим на шёпот Василия Ливанова на нестабильной радиоволне: «Ты должен отбросить тень факела на засов, чтобы отворить его, ведь только степень свечения и освещённости определяют здесь суть всего. Поместив замочную скважину в тень, ты сделаешь её существование эфемерным».

Стоило мне последовать шепотливому совету этой особо крупной особи *Перепойска* с перепончатыми крыльями, как ослепительно яркий подвал был засвечен, словно не закреплённая фиксажем старая чёрно-белая фотография, и, вывернув собственную цветовую гамму наизнанку, всё окружающее пространство предстало в цвете негативного снимка. Огонёк, танцующий на верхушке факела обратился в чистую тень, вычерчивающую сиянием собственного мрака из окружающей белой слепоты графитовые с виду контуры окружающих вещей, заметных ровно до тех пор, пока их лижет тень чёрного пламени, и тотчас растворяющихся в снежной лучистости, стоит лишь заставить тень покинуть их. Я отставил факел подальше от засова, позволив сиянию залить замочную скважину двери, и в мире, отразившемся в огне инвертированных цветов, чёрный свет дымно уступил мутно-белесой полутьме, сумев совладать с плотностью дверного засова, заставив последнего забыть явленную вероятность собственного существования в виде уже некогда свершившегося факта. Невыразимые запасы энергии устремились в тень, и тогда всё вокруг начало скрипеть, дрожать и искажаться, однако же навеки неизменным оставался иссиня-чёрный теневой факел. Окружение яро полыхало и булькало, чавкало, сферически искажаясь, будто было покрыто лопающимися пузырьками

кипящей воды. А в самом центре бурлящей бури находились мы с тёмным факелом и кожистым *Перепоиском*.

Спустя ещё несколько секунд кипение вдруг прекратилось и всё встало на свои места, приняв привычный вид: тени снова стали тенями, а огонь, как и прежде, освещал, а не навевал всполохи тёмной фаты. Вместе с возвратом привычных прежде качеств бодрствующего восприятия я ощутил неописуемый, просто неслыханный разворот на сто восемьдесят градусов самого себя и чего-то ещё, непереложимого на слова, в понимании мира, характерном для людей. Когда я пришёл в себя, то увидел, что нахожусь уже по ту сторону от двери в подвале. Мой летающий спутник снова превратился в исходящий дымком к потолку красный туман, его шипящие волнением колыхания мыслей больше не воспринимались, не слышен был и пересыпающийся шелест его голоса.

Я встал тогда на дорожку, лежащую вдоль бордюра, и отправился путешествовать по городу под раскалённым лимонным солнцем, накладывающимся новым слоем самого себя сквозь колыхающееся море на месте неба, осеняющего солёными, как новогодние пельмешки и маринады, испарениями исполинские столбы стеклянных небоскребов, задумчиво устремлённых ввысь, подобно истуканам с острова Пасхи. Некоторые офисные центры опадали по осени вместе с листьями, поднимая под облака высокий столб бетонной пыли, но мне не у кого было спросить, что же здесь не так. Совсем вскоре я заметил, как асфальт пульсирует, вздымаясь, словно груздь под листьями, по обеим сторонам от текущей асфальтовой дорожки.

Сквозь почти ушной пробкой кучкующуюся стайку автомобилей я заприметил здесь караван страусов, лунатично расположившихся под сенью многоэтажных столбов построек. Все как один, страусы отдыхали в прострации кратковременной сомнамбулы на перекрёстке с автомобильной пробкой, пытаюсь спрятать голову под асфальт, но лишь до крови разбивая собственные лбы. Подойдя к ведущему погонщику страусов, я поинтересовался доходчиво: «А скажи-ка мне, любезный, что это за место и отчего здесь столь немногочленно, зато предельно страусно и автомобильно?» Он ответил, но мне пришлось переключиться в режим базовой телепатии, поскольку его язык был мне неизвестен.

С его слов оказалось, что мы находимся в мёртвом городе, из которого всех жителей эвакуировали, оставив только самоорганизующийся полумразумный транспорт бывших жителей мегаполиса. Здесь произошла

небольшая катастрофа, и для людей больше не создаются места жительства, поскольку мир отныне оккупирован удавками разумных и цивилизованных лиан, родом из чуждых тропиков и выползших из вездесущего глубинного Ниоткуда. Оно почти такое же, как *Поиски*, только гораздо обширнее и опаснее своими лианами. Уж лучше *Поиски* или даже *Перепоиски*, чем цивилизация лиан из Ниоткуда. Я услужливо рассказал погонщику каравана страусов про дверь и предложил воспользоваться собственным миром, ведь вряд ли последний мне понадобится в ближайшее время.

Пульсирующий погонщик направился тогда вместе со всем своим караваном к дверкам подвала моего мира, обнаружившимся на вершине одного из небоскрёбов, а я принялся подниматься за ним по лестнице вверх. Упавший откуда-то сверху стог сена оказался очень некстати, но даже это меня не опечалило, и уж тем более не остановило. На одном из этажей в лицо внезапно ударил слой песка: то бес попутал, пытаясь влезть в ребро. На языке тотчас же чуть было не вскочил типун, стянув площадки на самых вершинах небоскрёбов, как хлопающие ладошки, и заставив нас опомниться лишь тогда, когда пред этим, устрашающим своей колоссальностью, печальным величием опустошённости покинутого города растянулся небесной крышкой гигантский трехгранный купол, имевший воистину неизмеримый размах и расслаивающийся гранями по вертикали точно так же, как бисквитное пирожное по горизонтали - коржиками.

Левая треть купола пребывала в постоянном движении, либо на ней просто невозможно было сфокусировать взгляд: она то увеличивалась в размерах, то стягивалась, будто дышала, меняя оттенок цвета своих плазменных волос с персикового на белый, травянистый или даже пронзительно ультрамариновый. В этой левой трети гуляли и выюжили осиные талии торнадо и мерцали малиновые закручивающиеся глазки, напоминающие то ли зацикленную турбулентность на поверхности Юпитера, то ли картошку, поставившую себе целью прорасти после долгой и беспробудной анабиотической зимней спячки.

Я посмотрел на центральную треть купола и увидел, как плывущие, ныряющие и плещущиеся, подобно кашалотам, времена года сменяют там друг друга. В этом, впрочем, не было ничего страшного или предосудительного, а сам вид непрекращающегося движения внутри конструкций, сотканных из дымчатого эфира, следующего таинственной логике внутренних потоков, вгонял в состояние концентрированной

медитации, притягивая взгляд и заставляя смотреть на центральную срединную треть купола со всей возможной внимательностью. Тотчас же пришло понимание, что наблюдая таким способом эту завораживающую феерию геометрических форм эфемерности, можно очень легко попасть в ловушку и завертеться вместе со временами года, подобно прыгающей игрушке йо-йо. И тогда, дабы избежать погружения в водоворот постоянства изменений в потоках времени, я переключился на последнюю, правую треть, начав изучать её со всей той пристальной внимательностью, которой только удавалось достичь максимальным приложением воли.

Здесь, в правой трети купола, в пространстве, вечно залитом нестерпимо тягучим жидким светом, солёно-электрическим на вкус, как рабочая батарейка, льющееся время само по себе перемещалось комплексами многомерных сдвигов отслаивающихся форм: в этой закрученной и самовозвращающейся временн'ой спирали возрастали, расцветали и высыхали сады, возникали и рассыпались в прах города, мельтеша циклами жизней их обитателей, и не было ни мгновения, когда движение бы там останавливалась. Казалось, что время в неторопливых цитаделях первых двух третей купола вообще никак не соглашается и не соотносится с упрямым буйством структур времени в правой части этого колоссального сооружения, навряд ли имеющего хоть какое-то отношение к образам обители человеческой. А может, и имеющей - кто знает?

Замечтавшись при взгляде на зрелище грандиозного представления, волей-неволей устроенного реальностью даже без специального целеполагания, я сам не заметил, как оказался втянут вовнутрь тройственного купола, а когда очнулся от охватившего меня оцепенения, то оказалось уже поздно. Неба не было видно и вовсе. И чудилось, что меня со всех сторон окружает узкое давящее пространство, лишённое света и цвета. Каждая крупинка, каждая песчинка блёкла от того, что творилось вокруг. Создавалось впечатление, что я замкнут в клубящуюся воронку радиусом всего в несколько десятков метров. Здесь было очень холодно, и росли столь же малопонятные, сколь и малоприятные на вид колючки. Низко нависающая жёлтая мгла над головой вместо лазури, жёлтые стены и непрекращающиеся пыльные бури скрывали от взгляда конструкцию, представшую предо мной совершенно неожиданно: это была пирамида, имевшая относительно крупные габариты и упиравшаяся в пыльно-песчаный потолок неба, точно отражавшего пустыню под ногами или обрушивая её всю вниз, причём прямо где-то над головой.

Тогда я заметил единственный возможный выход отсюда и нырнул в открытые рельефные ворота, за которым разворачивалась мощная воздушная воронка, втягивающая, как многоэтажный пылесос. Последовало уже знакомое чувство переворачивания-выворачивания своего внешнего и внутреннего естества на сто восемьдесят градусов. Стеллажи библиотеки в образовавшемся или проявившемся за воротами месте простирались настолько, насколько только хватало глаз. Собственные шаги поскрипывали, как крупнозернистый наждак, отдаваясь эхом по ветру, пилящему островки продолговатых стеллажей, уставленных многотомными творениями классиков ушедших веков, архивными подшивками фондовых документов, буклетов, брошюр со стихами и потускневших от времени газет, возвышающихся на многие метры до почти бездонных потолков. Казалось, здесь не было ни единой души. Даже мой крылатый проводник-*Перепоиск*, принимающий форму то ало-дымчатой неопределённости, то - напротив - вполне определённого существа с крыльями, покинул меня, заблудившись, похоже, где-то под сводами бесконечной библиотеки.

Я очень долго шел меж журналов, брошюр и толстенных книг, расцвеченных разнообразными оттенками своих плотных обложек, но не видел ни стен библиотеки, ни каких бы то ни было указателей, повсюду лишь нависали стеллажи и ничего, кроме них. Во время одного из моих поворотов, за очередную полочку между стеллажами промелькнула тень, похожая на человека в сером балахоне. Человек двигался весьма проворно, но при этом своей поджарой комплекцией с глубоко посаженными в плечах бледными руками производил впечатление особенно ворчливого старика. Я заглянул ему под капюшон и увидел взгляд, точно бы поглощающий своей пространностью, распластанной отблесками его серых роговиц, зависших где-то между жизнью и смертью, но дышащих такой вечностью, что носитель капюшона воспринимался скорее в качестве неотъемлемой части функции обслуживания библиотеки, дополняющей её до полноценного состояния, нежели в качестве неожиданно обособленной человеческой личности, способной на нечто иное, кроме хранения и систематизации содержимого безграничных стеллажей.

- Здесь есть всё. Просто задай вопрос себе самому, что именно тебе нужно, и тогда ты обрящешь, - произнеся эти слова и не дав мне и секунды времени для ответа, человек в сером балахоне повернулся спиной и неторопливо ушёл во мрак стеллажей, удаляясь с удивительной скоростью, не сопоставимой с кажущимся образом его движения. Загадав, что жажду

возвращения в залы антикварного особняка, я взял первую попавшуюся книгу, но, по-видимому, недостаточно ясно сконцентрировался на своём устремлении. В глазах помутилось, а уже в следующее мгновение перед ними возникла бахрома свешивающегося капюшона, и тогда стало ясно, что отныне я надолго влился в библиотеку, влип в неё, врос с корнями и стал столь же неразделим, как и предыдущий хранитель.

Разобравшись со своим новым состоянием, я понял: фортуна не только милостива, но и обладает, к тому же, отменным чувством юмора - мне действительно открылся ход во все уровни существования, и кто знает, быть может, стать хранителем библиотеки всех человеческих жизней - это действительно был один-единственный путь к тому, чтобы открыть лазейку обратно? Как бы там ни было, сейчас все ходы отворены предо мной, каждая Вселенная висит перед глазами на расстоянии вытянутой руки, и каждая из них равноценна любой другой.

Всё едино и всё исполнено и лишено смысла одновременно. Мне больше некуда и незачем возвращаться. Мой дом - везде. Это и есть равновесие тиши в истоках себя для вечного странника в Странность.

Йотунский мёд!

Ярким майским утром, купаясь в ласкающих переливах солнечных лучей, впервые соизволивших явиться в эту хмурую обитель северных морей и гор, по тропинке шла очаровательно белокурая Хельга Олафсон, решившая собрать первый за холодно-дождливую и выдавшуюся довольно туманной весну букетик ранних цветов на радость своему воинственному будущему супругу, к слову, далеко не последнему человеку, недавно перебравшемуся в Кёнунгстед. Жениха Хельга не видела вот уже три с половиной месяца: он, ведомо, постоянно пребывал в походах, битвах и сражениях, а на сей раз сподобился отправиться вместе с целой корабельной флотилией, состоявшей, в основном, из кнорров, но включавшей, однако же, и несколько драккаров, дабы вести торговые дела с дикарями восточных земель.

Дабы добраться до них, следовало плыть по морю далеко на восток -

и там, войдя в устье полноводной реки, спуститься на юг до тёплых и благодатных земель, питающих своих жителей всеми возможными благами и богатствами - и хлебом, и зверем диким, и древа на постройку целых городов дающих, да столько, что жители земель тех строили вдоль рек многочисленные сёла и поселения, остроги, деревушки и целые города с теремами, украшенными всяческой росписью да резьбою разукрашенной. В делах военных же и в том, что касается управления цельным государством, дикари те науки не ведали, а оттого в разных землях значился разный же уклад - были среди восточных племён и редкие те, кто грамоте тайной обучен, подобной письмам руническим, но более всех встретить среди них было сподобно жителей хоть и безграмотных, зато хитромудрых в делах торговых. И оттого, что все поселения народные выстраивались вдоль рек, торговать с ними завсегда было легко, приятно и выгодно: дикари с востока с радостью готовы были обильно поделиться своими богатствами за руду и оружие, изготовленное искусными мастерами тех северных земель, откуда родом была Хельга. Богов же вовсе иных почитали, Одина-громовержца отродясь не ведали, а своего громовержца иначе величали.

Обо всём этом раздумывала девушка, вприпрыжку забираясь по горным тропам всё выше и выше в поисках весенних цветов. Прохладный бриз, тихо веявший со стороны моря, приятно трепал её причёску, волосы её спутывались, закрывая лицо, и Хельга постоянно их поправляла, любясь красотами родного края, открывавшимися с невероятной горной высоты. С одной стороны ярко-зелёные лужайки спускались под резким наклоном к самой кайме солёных волн, бившихся о берег бирюзово-зеленоватыми плоскими язычками, точно стараясь сгладить своими внутренними ладонями каждую выпуклость на камнях у основания гор. С другой стороны открывалось беспредельно обширное пространство, нисходящее в салатово-травянистую долину сочной зелени и ароматных цветов, распластавшихся чудесным плетением ковровых узоров на несколько сотен метров где-то под Хельгой. Цветущая долина, исполненная стрёкота, гудения и легчайшего порхания цветастых пятен насекомых, исполняющих в воздухе свой гипнотизирующий танец, переходила в пики кряжистых гор, тянувшихся до самого горизонта - на сколько вообще способен был охватить пространство взгляд юного светловолосого создания. А охватить с такой всеобъемной высоты он, надобно сказать, способен был на несколько десятков километров куда-то вширь и вдаль.

Наконец, вдоволь налюбовавшись ландшафтом, умиротворяюще залитым солнечным светом, девушка решила дойти до самой вершины горы, в Хельге проснулась некая соревновательность с силами самой природы. Да и, благо, гора была не столь уж высока, чтобы её трудно было покорить без специальной подсобной утвари и снаряжения. Так, рассуждая о своём желании достигать в этом мире всё новых и новых высот и как она покорит в самом ближайшем времени высоту горы, по которой неторопливо идёт, девушка отправилась дальше по тропинке, весело и непринуждённо размахивая в разные стороны только что собранным букетиком. Чем дальше она углублялась в лес, тем мрачнее становились окружающие её колонны древесных стволов и тем всё удивительнее и неожиданнее казалось для неё собственное желание идти дальше: действительно, какой смысл будет в том, если она вдруг сгинет в этом дремучем лесу, да ведь и неизвестно совсем, с какой стороны стоит ей ожидать опасности - обрывали, падения дерева или нападения медведя. К тому же в такой огромной древней чаще можно было и вовсе заплутать, позабыв дорогу домой.

Однако же Хельге суждено было покорить вершину горы совершенно благополучно и без приключений. Она ожидала увидеть половину мира, простирающегося от моря до моря, воочию лицезреть искристые северные снега и жаркие пустыни за далёкими южными водами, а, возможно, и разглядеть на чужой стороне города и реки восточных варваров, с которыми её жених, наверное, торгует или, может быть, даже воюет. В том, что он справится с любой напастью и любым врагом, девушка и не сомневалась, зато вот вид с вершины её несколько разочаровал, оказавшись удивительно недалёким: поросшая лесом верхушка горы не позволяла рассмотреть, собственно говоря, ничего, кроме самих старых, кривых и высоких деревьев. Но девушка и ведать не ведала, что пройдёт совсем ещё немного времени, и она действительно воочию увидит всё то, что ей мечталось рассмотреть с горной вершины. Но - всему своё время, и потому об этом мы поведаем немного позже.

Зато на вершине обнаружилось кое-что другое интересное: самое большое из деревьев росло как раз здесь и толщиной было никак не меньше сотни метров, уходя ввысь настолько, что самой верхушки этого дерева разглядеть никак оказывалось невозможно даже при всём желании. Девушка задрала голову вертикально вверх так, что её золотистые локоны почти касались самой земли, но не увидела окончания титанических хитросплетений сучковатых ветвей, листьев, морщинистой коры и птичьих

гнёзд. Нижние ветви дерева выглядели настолько величественно исполинскими, что расходились сверху целыми мостами, притом висящими выше самых старых окружающих деревьев.

Целый город можно было построить внутри доисторического дерева, а на ветвях разместить пару-тройку добротного вида деревень. От дерева веяло теплом, сыростью и вечной, непоколебимой мудростью, которая ощущается где-то на глубинном уровне, но никак не проявляется, да и не может быть проявлена на словах. А если говорить, как на духу, то от дерева веяло молчанием, тишиной и гармонией. Тишина, как тень, распространялась вокруг и гасила все звуки окружающей природы так, что аж уши закладывало, являя пульсацию кровотока в тончайших жилах внутри головы.

Внезапно тишину нарушило мерное и равномерное урчание. Хельга быстро огляделась и, справа от себя, среди раскидистых и расползающихся деревянными змеями корней, обнаружила сидящую рысь, пристально наблюдающую за ней. И всё бы ничего - на случай таких малоприятных и неожиданных встреч у девушки всегда был заготовлен небольшой кинжальчик, выкованный лично её женихом, но сей момент жизни оказался явно необычен: рысь была велика, под стать дереву, имея размер крупного телёнка, уже почти повзрослевшего в здоровенную такую коровищу.

Хельга от страха разве что не описалась - настолько глубоко провалилась её душа, надавив в процессе движения на то, на что не следовало бы давить. Однако дикий зверь даже не думал нападать. Рысь удивительно сознательным и разумным взглядом осмотрела замеченную в столь глухих краях странницу с ног до головы, махнула хвостом, потрясла кисточками на ушах, точно прогоняя невесть откуда проявившийся морок, и, видимо, окончательно убедившись в реальности существования Хельги, как-то странно и очень уж широко улыбнулась зубастым оскалом, а зубов у рыси оказалось гораздо больше, чем рысям положено иметь от природы.

Улыбнувшись, рысь вкрадчиво заговорила, что для потрясённой путницы было настолько невыносимо необычным, что Хельга буквально повалилась с ног от удивления, так и сев на землю, вытаращив глаза и приоткрыв рот. Рысь же, тем временем, неторопливо молвила:

- Ты ведь не случайно сюда пришла, не правда ли? Это место кочует - и никогда нельзя знать, где оно окажется в следующий момент времени.

- Поверь, чудесное создание, я пришла сюда совершенно случайно. Мне было скучно, хотелось прогуляться среди деревьев и трав, пособирать

букетик цветов, и лишь затем я, неожиданно сама для себя, решила дойти до самой вершины горы, но никак не ожидала - да и не могла ожидать - встретить здесь нечто похожее! - девушка, наконец, обрела дар речи и выдала целую словесную тираду, через которую явственно сквозило бесконечное удивление от всего происходящего.

- Тем не менее, ты здесь. А в словах твоих самое ключевое слово - это слово «неожиданно». Ты ведь и сама не знаешь, что именно сподвигло тебя дойти до Древа, правда? Можешь считать, что это только твоё личное Древо - для каждого человека оно имеет свой особый облик, хотя все его облики - лишь личины, а оно, на самом деле, одно-единственное, через которое прорастает разум всех людей, и через которое же они все способны достигнуть прозрения в видении тайн мироздания, да только вот действительно постигают эти тайны или стремятся к их открытию очень и очень немногие человеческие существа.

- Но почему-то ведь это случилось со мной! И чем я, редко задумывающаяся о чём-то великом и возвышенном, удостоилась такой чести, тогда как многие мыслители и учёные мужи годами не могут выйти на эту тропинку? И что значит «это место кочует»? Ведь деревья не умеют ползать с места на место - сколько живу на свете, а такого отродясь не видела!

- Не столь уж ты много на свете и живёшь, северянка. Я бы даже сказал, что мало, очень и очень мало. Наверное, по крайней мере, раз в тысячу тысяч меньше, чем довелось прожить мне. Да, деревья не ползают, и Древо - тоже не исключение. Оно и не ползает, это просто разные места проходят чрез его корни, которым числа не счесть. Корни Древа пронизывают всё пространство, они достигают даже самых отдалённых звёзд, которые ты, Хельга, так любишь рассматривать мечтательными ночами. Удивляешься, что я знаю твоё имя? Ха, я ещё и не такое про тебя знаю. И про каждого человека из ныне живущих на Земле ведаю, ибо Древо мне всё-всё рассказывает про каждого из них. Оно говорит без слов на сотнях языков - и на каждом из них я вынужден общаться с вами, людьми, глупо и безосновательно возомнившими себя здесь владыками. Это особое место - место тебя самой. Для тебя Древо стало таким потому, что такова ты изнутри - стойкая, волевая и неутомимая в уверенности и веселье. Для других людей их деревья выглядят по-разному, могут быть и совсем-совсем тонкими, для хилых духом - крючковатыми и согбенными, малого роста или вовсе без листьев.

Я бы сказал, что рад за тебя, что к тебе явилось Древо именно в таком обличье. Но не могу, ибо говорить здесь о проявлениях радости - это было бы с моей стороны прямой и наглой ложью. На самом деле мне всё равно - вы все, существа, обитающие на этой грани земель, проносите предомыслиями мгновениями вспышек, целые поколения сменяют сотни других поколений, жизнь ваша меняется, но никто из вас ничего не значит для существования целого мира. Кто же считал себя значимым и великим некогда, сейчас лежит где-нибудь в той зеленеющей долине под горой всеми позабытыми замшелыми костями. И куда исчезает всё их величие и горделивость? Какой отпечаток они несут для лучистого света ночных созвездий над головой?

Что же до того, зачем именно ты здесь - кто знает, кто знает... Ты пришла сюда потому лишь, что должна была здесь появиться. Возможно, ты сама стала собственным идеалом настолько, что мировое Древо призвало встать на тропу, дабы ты вдруг сумела оказаться здесь. Впрочем, я лично в этом очень и очень сильно сомневаюсь - если бы каждая встречная-поперечная девка к восемнадцати годам жизни обретала полностью явленный разум, то кто бы стал собирать цветочки, доить коров, драить домашнюю утварь и рожать новых потомков мухоморных берсерков? Так что, логически поразмыслив, должен сделать заключение - тебя вызвали. Кто именно - знают только те, кто именно тебя вызывал - я в таких вещах и ведать ничего не ведаю, да и вникать не собираюсь - не моё это дело, - с такими словами рысь сладко потянулась всем телом, показав коготки, сладко зевнула и заурчала: «Уррррррр... Муррррррр...» Рысь же, что с неё взять!

- Ты столько всего сказал, но всё же мне непонятно, кто ты такой на самом деле, волшебный зверь? И почему веками сторожишь Древо? Да откуда оно вообще появилось? - Хельга, казалось, была в смятении и полнейшей растерянности, не зная, что предпринять дальше.

- Я - страж Ёрмунганд. Существую столько, сколько существует Древо. На самом деле, я его голос и защита, мы неразделимы, и лишь ваш, человеческий разум, привыкший всегда всё разделять и размышлять обо всех вещах по отдельности, видит нас как два разных существа, тогда как мы, скорее уж, две разные стороны единой и взаимопроникновенной непоколебимости. Что же до Древа - то это целый мир, человеческое зеркало, проявляющееся в различных формах и образах, тогда как кроме бесформенного призрака, заставляющего всякое создание природы

лицезреть нечто своё, присущее этому лишь созданию, здесь вообще ничего нет. В призраке том заключены умы всех людей, и именно умы эти и делают его Древом, придавая подходящую для понимания видимость, появившуюся тогда, когда у человека зародились самые ранние, самые первые зачатки разума.

Оттого я и не ухожу отсюда никуда: какой смысл куда-то идти, да и какая для меня существует возможность так поступать, если сие место и само способно путешествовать куда угодно, составляя самую цель, смысл и основу моего существования? Для большинства людей это Древо мира - ясень, я же выгляжу скорее птицей - старым чёрным мудрым вороном с пёрышками... муррррр, так бы и скушал, вот честное слово. Хотя в самом истоке своего зарождения плавал я на гребнях волн исполинским водным змеем, пока первоисток зачатков человеческого рассудка не обратил меня в создание сухопутное, навеки от Древа неотделимое, ибо проросло оно прямо от плоти моей и моей кости, будто бы болеем мы вместе с Древом разумом вашим, человеческим.

А как поправлюсь - так и исчезнет мир людей, и померкнет для вас Солнце в небе, проглоченное вашим же небытием в лице моей морды, и вообще настанет тогда всему полный Рагнарёк. Я же в миг сей утраты существования человечества назовусь Фенриром, обратившись в чёрную тень, выглядящую для вас галактическим волком, и Земля породит тогда новый рассудок, вступив на свой новый виток проявленности во всём надстоящим над настоящим... - зверь аж мечтательно заулыбался и закатил очи долу, но быстро опомнился. - Что-то мы отвлеклись с тобой от основной темы нашего разговора. Конечно, никто и не утверждает, что мечтать вредно - отнюдь, да только история, которая начнётся и продолжится с волка Фенрира, к вам, людям, уже не будет иметь ровным счётом никакого отношения, а потому и знать её вам ну вот ни на сколечко вовсе даже не обязательно! Ты же, видать, не без странностей: и Древо для тебя - дуб, и я вот - жирный облезлый кошка с кисточками на ушах, как у белочки. А имя этому дубу-ясеню, данное людьми - Иггдрасиль, энергия же жизни, заключённая в нём, будет из века в век призывать всё новых и новых путников к себе.

- И что мне теперь делать со всем этим знанием? Да и вообще - что делать, могу ли я, наконец, отправиться домой?

- Просто знай: ты здесь не зря. Ты явилась с какой-то особенной и точно определённой целью, хотя, вполне возможно, что это совсем даже не

твоя цель, а чья-то ещё. Конечно, ты можешь прямо сейчас развернуться спиной к дереву и отправиться домой... Как ты думаешь, дойдёшь ли ты до дома? Я вот лично сомневаюсь. Точнее, нет, я вовсе не сомневаюсь! Я совершенно уверен в обратном: до дома ты нисколько не дойдёшь. В сей миг времени у тебя нет пути отсюда, а есть лишь путь сюда. И ты уже здесь. Поэтому, куда бы ты ни пошла, горные лесные тропинки будут долго плутать, петлять и извиваться витиеватыми верёвочками до тех пор, пока ты снова не выйдешь в обитель Иггдрасиля. Вполне вероятно, что тебе придётся вскарабкаться на самую верхушку Древа, как ты уже вскарабкалась на самую верхушку горы, а вот уж как именно ты это свершишь - это только твоё собственное дело. Может, и вовсе не потребуется никуда карабкаться: понять, что именно нужно сделать, можешь только ты сама, ведь сама же дошла как-то сюда посредством двух нижних ног. Предлагаю тебе уткнуть руки в боки и обойти вокруг Древа, внимательно вглядываясь в каждый метр своего пути - как вниз, на землю, так и вверх, в нехватность придуманной твоим же умом кроны. Только тогда ты, возможно, догадаешься, что именно нужно сделать.

Хельга задумчиво двинулась вдоль кражисто-морщинистой коры, которая в своих исполинских масштабах напоминала стекающую лаву огненных гор, курящихся где-то далеко к северу от её родимого города Кёнунгстеда. Каждый шаг девушка вершила мягко, внимательно и осторожно - так, точно опасалась наступить на змею или какую-нибудь крапиву, например. Когда таким крайне небыстрым способом было пройдено уже порядка семи, а то и девяти десятков метров, под корнями раздалось тихое рычание, и прямо под ноги Хельге метнулся маленький и, кажется, не столь уж давно покинувший тёплую берлогу, медвежонок.

Северянка быстро огляделась по сторонам - нет ли поблизости медведицы. Но всё было спокойно и тихо. Медвежонок радостно рычал и весело носился в разные стороны, совсем, как щенок. Поскольку клан, откуда Хельга была родом, вёл этот самый род именно от медведя, то встретить такого помощника девушка посчитала отрядным событием. Она уж ожидала, было, что и этот малый зверь окажется говорящим, но он лишь знай себе резвился, сопел да порывивал потихоньку под чёрный кожистый нос. То ли мал ещё был, чтоб разговаривать, то ли просто медведь.

Наконец он, поблёскивая густой бурой блестящей и пушистой шерстью, встрепенулся, точно птица, и невероятно шустро для создания подобных размеров, побежал куда-то вперёд вокруг дерева. Хельга,

торопясь и спотыкаясь, поспешила последовать за медвежонком, и совсем вскоре он нырнул куда-то под корни. Путница ожидала увидеть что угодно: подкоп, гнездо-берлогу из корней и веток, яму, нору. Но только не то, что увидела. А увидела она ничего. Абсолютно и совершенно ничего не увидела. Пустое место возле корней. Не было там норы, но не оказалось и медвежонка, точно он просто взял и растворился в воздухе, как ни в чём не бывало. Размышляя о том, мог ли этот малый хищный зверь ей померещиться или же действительно только что существовал, северянка встала на то пустое место, где пропал медвежонок. А что ей, по сути дела, ещё оставалось бы предпринять?

В этот самый момент всё пространство вокруг необычайным образом исказилось, точно земля и воздух поменялись местами. Хельга ощутила себя окружённой некоей плотной субстанцией, точно поверхность под ногами вывернулась наизнанку, заключив тело в странный кокон, идеально повторявший все изгибы её формы. Ещё миг - и воздух вернулся на прежнее место, туда, где ему и положено, как правило, находиться. Только вот ландшафт вокруг изменился самым кардинальным образом, притом неизменным и по-прежнему монументальным оставался за спиной дуб Иггдрасиль.

Окружающее пространство не могло не удивлять взор: исчезли горы, исчезли зеленеющие луга и покрытые духмяными цветами поляны, но зато до самого горизонта простиралась теперь каменистая холмистая равнина. Ландшафт сей был сплошь покрыт блестящим и скользким льдом, игольчатым инеем и ослепительно отражающим лучи солнца радикально белым снегом, в который не примешивалось никакого, даже едва заметного, намёка на другой оттенок. Пронизывающий полярный ветер резко и больно впился лезвиями холода в лодыжки Хельги, и она, опасливо озираясь, принялась торопливо искать убежище, где бы можно было поскорее укрыться от мороза и невыносимого касания свежести, ведь одета девушка была вполне по-весеннему, а её лёгкое платье никак не соответствовало раскинувшимся в разные стороны сугробам, которым гораздо более по нраву и на порядок милее сердцу пришлись бы одеяния из ворсистых и мохнатых медвежьих шкур.

В нескольких километрах вдали, если присмотреться, можно было заметить, как каменисто-инеистый равнинный пейзаж переходит в серо-голубые, как девичьи глаза, северные стылые океанические воды. По поверхности вод медленно переплывали с места на место, точно

продираясь через густой и солёный бульон моря, плоские сияющие льдины и остроконечные холмы айсбергов, а на льдинах столь же лениво вели своё существование тяжёлые кожистые туши клыкастых гигантских моржей.

Путница в поисках убежища-пристанища обошла вокруг своего личного дуба против часовой стрелки, и, когда очутилась уже на противоположной стороне, то пред ней открылся ландшафт совсем иного облика, нежели ранее: на относительно небольшом отдалении прямо по курсу значилось и самовозвышалось прямым в дымчато-туманное небо единственное здесь пристанище для путника, пусть мрачное и неприветливое на вид, но выглядящее крайне надёжным. Даже чрезмерно.

Это была крепость из чёрно-серого камня с толстенными стенами, уходившими на высоту птичьего полёта самых смелых чаек, альбатросов и буревестников. На верхушке крепостной стены тёмно мрачнели неприветливого вида сыревшие в нижних облачных слоях неба квадраты гранитных бойниц, а в саму крепость можно было попасть, лишь преодолев ров и исключительно высоченные дубовые ворота, мутно потускневшие и сурово почерневшие от десятков, если не сотен лет трескучих северных морозов и солёных морских ураганов, периодически надувавших откуда-то со стороны бесконечно тянувшейся каймы тоскливого побережья, слизываемого росписью свежих кружевчиков волн, никогда не прекращавших свой неторопливый труд усердного ювелира, вечно занятого оформлением красот прибрежных пейзажей, столь же хмуро-сердитых и устало-воинственных на вид, как, вестимо, и обитатели окрестных мест.

Едва кутаясь в тонкое мешковатое платье, девушка, торопливо подпрыгивая, но уже не от радости, а от холода, побежала в сторону видневшегося города. Увесистого вида каменный мост с деревянными вставками, переброшенный через скованный торосющимися льдинами ров, к счастью, был спущен на громоздких ржавых цепях, размером никак не тоньше упитанного мамонта, который, если ещё и мог быть встречен порою на заснеженных лесных полянах и под резкими обрывами гористых побережий, то всё реже и реже. Мореплаватели с юга, периодически ходившие с больших континентальных земель на торговый обмен с народом Хельги, и вовсе почитали этих густо шерстистых зверей с бивнями существами мистическими, чуть ли не мифическими, и потому относили все рассказы о встречах с грациозными животными-тяжеловесами к разряду стариковских сказок, которыми в холодные зимние вечера мудрые пожилые скальды севера потчуют, увеселения ради, малых детишек,

приходящих из городов и деревень послушать песни да сказания о приключениях несразимых героев былых веков.

Возле самых ворот крепости белокурую деву встретили два стражника-великана, облика премного устрашающего. Ростом они были никак не меньше самых крепких и рослых зверолов из крайних северных областей страны, не имели на себе из одежды ничего, кроме жалких холщовых набедренных повязок, размером с парус флагманского боевого корабля, да жилистых тапок с подошвами из толстых моржовых шкур, сложенных в несколько раз для пущей величины, прочности и плотности. Зато вся поверхность тела великанов была покрыта очень густой и гладкой перламутрово-переливчатой белой шерстью, чем-то похожей на ворсисто-пуховый покров полярных медведей. Из рта великанов в разные стороны саблями топорщились острые пики выпирающих наружу клыков, подобных моржовым, а непроницаемо чёрные зрачки глаз, утопавших в снежно-белесых ворсинках над скулами, недобро поблескивали из-под козырьков нависающих бронёю дуг неподъёмно тяжеловесных бровей.

- Стой, существо, назовись! - громогласно прохрипел великан, стоявший по правую руку от путницы.

- Хельга Олафсон, племянница вождя крепости Кёнунгстед и невеста великого завоевателя и будущего владыки всех восточных земель! А что это за место и чьи это земли? - смело выкрикнула молодая светловолосая северянка, выпятив вперёд свою маленькую грудь и узкий подбородок чуть веснушчатого лица, несмотря на дикую дрожь в ногах от пронизывающего холода, ледяного ветра и страха быть раздавленной под пятою чудища.

- Хаха-ухухух! - зычно расхохотался привратник. - Теперь-то я знаю, зачем ты здесь, раз ты - Хельга Олафсон, весь город уже давным-давно знает, ухухуху-ахахах-гхаыrrrrх! Ты в снежных землях инеистых властителей - Йотунов, в стране Йотунхейме, а эта неприступная крепость - наша столица Утгард. Не смею больше задерживать тебя, человеческое создание, а то ещё околеешь от нашей всеми любимой прохлады и свежести местных краёв, шкуры-то у тебя, почитай, и вовсе нет, кроме той жалкой тряпицы, в которую ты тщетно здесь кутаешься, - с этими словами великан как-то слишком уж картинно оскалился и поклонился Хельге, а затем, что есть силы, дёрнул за чугунное двухметровое в диаметре кольцо, висевшее на воротах. Створки издали просто непередаваемо ужасающий уши скрип, больше похожий на истошный вопль неведомого приполярного монстра, загрызаемого другим неведомым приполярным монстром, вопль,

переходящий в долгий и протяжный скрежещущий вой.

Было заметно, что, если эти ворота когда-то и открывались, то очень и очень, просто невероятно и уж совершенно крайне редко и, по всей видимости, столь же чрезвычайно давно. На улицах Утгарда земля сотрясалась от громоподобных шагов проходящих мимо йотунов, а стены замшелых каменных домов смыкались арками где-то очень далеко вверх. Под жёлтыми отблесками подслеповатых окон коптили масляные лампы, сделанные из выточенных изнутри бивней мамонтов, а по скользкой мостовой, веками выглаженной шершавыми, как кусок пемзы, пятками многосотлетних городских долгожителей, почти невозможно было пройти так, чтобы не поскользнуться через каждые пять-десять метров. Не зная, где в стольном городе Йотунхейма найти убежище от холода, дабы хоть немного прояснить обстановку, Хельга обратилась с этим вопросом к первому встречному йотуну, на что и получила ответ:

- Беги, козявочка, беги к самому высокому из тех домов, что пред собою видишь! Не ошибёшься тогда уж!

Девушка решила последовать совету и направилась к шпилям замка, возвышавшегося в самом центре Утгарда надо всеми остальными зданиями, грубо отёсанного и замысловато разукрашенного незнакомыми чужестранными письменами и крючковатыми рисунками. Тугие, как объятия жениха, и неподъёмные, как гранитная скала, деревянные двери замка были плотно закрыты, зато щель под дверью была как раз подходящей величины, чтобы можно было пролезть человеку, лишь совсем чуть-чуть подтянув живот. По другую сторону от двери обнаружилось очень теплое, даже душное пространство, и Хельга позволила себе немного расслабиться, сокрывшись от посторонних глаз в тени небольшого алькова, располагавшегося прямо по левую сторону от створчатых дверей.

В помещении, куда забралась белокурая северянка, было дымно и мрачно, пахло едой, медовухой и ещё чем-то кисло-смолисто-бревенчатым, как в распаренной бане, а на стенах плясали всполохи от таких же, как и снаружи, коптившихся бивневых ламп и трёхметрового в высоту камина, располагавшегося у противоположной стены на расстоянии примерно пятидесяти или шестидесяти метров от алькова, где спряталась девушка. Лишь под потолком размещались узкие туннели окошек, прорубленных вглубь сквозь скалистые стены замка, причём окошки эти совсем не давали света и были малы даже по человеческим меркам, так что инеистым великанам они служили, наверное, обычной вытяжкой, не позволявшей

давящей духоте окончательно селиться, подобно летучей мыши, под сводами прокопчённых потолков, но и не дававшей сквознякам врываться в чертоги замка и спокойно разгуливать по комнатам и коридорам.

В зале оказалось не только сумрачно, но и шумно. В этой густой копчёной и колышущейся полутьме мелькали теневые силуэты йотунов, восседавших за деревянным столом, ломившимся от многочисленных яств и имевшим размеры с три жилых дома в Кёнунгстеде. Откуда всё это разнообразие взялось в Йотунхейме, земля которого родила разве что лёд, камни да моржей, оставалось поразительной загадкой, не имевшей для путешественницы никакого разумного ответа. Великаны явно были навеселе и оттого покачивались во все возможные стороны своими троллистыми глыбами тел. Вдруг, они разом встали, подняли со стола десятилитровые кружки, полные какого-то хмельного напитка и раскатисто затянули голосами, похожими на рокочущий глыбами и скатывающийся горный обвал, залихватски-весёлую, почти что разбойничью песню, с той лишь разницей, что от сотрясающего звука йотунских напевов человеческие уши готовы были выпрыгнуть из головы:

*Здесь Утгарда-Локи наш вёдрами пьёт,
А после всё ходит назад и вперёд!
Как только медведи добудут нам мёд,
Так йотунов вновь путешествие ждёт!
Он крепче сражений и рудных пород,
И глотку, как жерло вулкана, дерёт!
Кузнец топоры неустанно куёт,
Волшебный испробовав йотунский мёд!
Покажет он жизнь нам, но наоборот.
Он дух до Вальхаллы высот вознесёт.
За миг нам почудится прожитый год!
Добротный так действует йотунский мёд!
Отколь его воин пред битвою пьёт,
Врагов без оружия в клочья порвёт!
Мы будем готовы к любой из невзгод,
Покуда в бочонках есть йотунский мёд!
Расслабься, уйди от извечных забот,
Залей хмель священный в иссохшийся рот,
Тебя среди шахт под землёю найдёт*

*Напиток, добытый из ульев и сот.
Гриб красный и крапчатый каждый сорвёт,
Сварить чтоб на нём пробирающий мёд!
Пусть всякий узнает - и с этим живёт,
Что мёд без гриба будет вовсе не тот!
А если к нам гость с доброй волей придёт,
Пред ним мы раскроем все створки ворот,
Пускай вместе с нами в свой водоворот
Его заберёт славный йотунский мёд!*

Закончив петь, великаны принялись неустанно и рьяно отплясывать, расплёскивая медовуху из своих дубовых кружек в разные стороны и раскачиваясь, как во время сурового морского шторма. От расчудесного топота их танцующих пяток по всему залу стоял просто невообразимый грохот и гул. Хельга забилась в угол у дальней стены, возле которой стояла, и закрыла свои небольшие слегка розоватые ушки ладонями, дабы не оглохнуть от громоподобных великаньих танцев. У йотунов же, наоборот, уши были очень даже большими и мохнатыми, каждое ухо размером с крупное фаянсовое блюдо или небольшой медный тазик, и потому грохот, похоже, нисколько не мешал гигантам задуховно веселиться.

Прошло, наверное, никак не меньше получаса, прежде чем девушку заметил один из великанов. Надобно сказать, что он был самым громадным из присутствующих, походил на ходячую грудку камней, а в росте своём превосходил любого йотуна никак не меньше, чем на две головы. Одежания его резко отличались от простых и грубых одежд других йотунов неожиданной роскошью и изяществом завитых многоцветных узоров и продетых через всё длиннополое одеяние золотых и серебряных нитей. Подойдя к девушке, он осклабился и хохотнул:

- А вот и Хельга пожаловала к нам на огонёк!

С этими словами великан взял её одной рукой за талию и аккуратно поставил на самый центр стола, предварительно подняв на совершенно головокружительную высоту, почти под самый потолок зала, своды которого были выше шпилей башен в каменных з'амках у некоторых предводителей и землевладельцев народа северных воителей.

- Какая миленькая маленькая человеческая девочка! - утробно хохотнул один из йотунов, и другие тоже расхохотались, затопали и захлопали в ладоши. Но великан, поставивший её на стол, лишь только

поднял ладонь, и все окружающие почти мгновенно замолкли так, что воцарилась оглушительно пульсирующая тишина, как в склепе, и даже шороха мышей не было слышно, лишь где-то далеко-далеко вверху в маленьких квадратах вытяжных окошечек едва уловимо для человеческого слуха гулял сквозняками промёрзший и промозглый ветер просторов инеистых долин, влажно дышавший с льдистого моря, заунывно завывая.

- Откуда вам здесь всем известно моё имя? И зачем я здесь, в вашей морозной стране? Я ничего не понимаю и замерзла, не даже знаю точно, как сюда попала. Кажется, обходила вокруг огромного дуба - и вот, н'а тебе - вдруг очутилась здесь! Скажите, как мне теперь добраться домой! - взмолилась Хельга в полнейшем душевном смятении.

- Не бойся, человеческое дитя! Мы не причиним тебе никакого вреда, однако же и не отпустим тебя из страны нашей, пока не пройдёшь предначертанные тебе судьбой испытания и пока не сумеешь честно и справедливо назваться сестрой народа йотунов, пока не поймёшь, какова на вкус жизнь в нашем хладном, но гостеприимном Йотунхейме, да и жизнь во всех отражениях вообще! - ответил самый крупный, и, как логически умозаключила девушка, самый главный из великанов, а тот, в свою очередь, продолжал. - Я - верховный среди всех йотунов, их король Утгарда-Локи, бессменный правитель Утгарда и вечный владыка земель инеистых великанов. За тысячи лет жизни и властвования мне довелось побывать во всех краях света и на каждой из граней существования, точно так же, как на каждой из этих граней побывали властители любой сферы и любого из миров! И если ты так до сих пор и не поняла, зачем мы позвали тебя праздновать с нами вместе, то вскоре уж узнаешь, вскоре ты станешь одной из нас. Имей же терпение, о, человеческое создание!

- Но я не хочу быть одной из вас, меня и собственная внешность очень даже устраивает! - возмутилась девушка такой перспективе.

- Хахаха! Глупая! Тебе никогда не обрести величавую внешность гордых сынов и дев Йотунхейма! Никогда, ты слышишь меня, хилая дочь человечешек! Я говорю лишь о том, что творится в твоей крошечной белесой голове, если в ней вообще хоть что-то способно твориться, ухухухухохо! - с этими словами пьяный от медовухи король так шибко расшатался от хохота, что повалился с ног и, как есть, сел прямо на пол у стола, попутно раздавив в мясной блинчик пару-тройку случайно пробежавших мимо полосатых кошек. - Ух, ты ж меня как развеселила, а! Это ж надо такое придумать - человеку стать йотуном!.. Так воооот, я не

договорил. За долгие, очень долгие годы странствий, я понял, что каждый из владык своего мира - это, на самом деле, всего один-единственный Владыка Имир, и когда-то он, действительно, был таким - единым, порождённым недвижимым сиянием Полярной звезды.

Но затем в этом едином существовании природа явила изнутри собственной сути всех вещей хитростный и бесчестный род алчных людей-воришек, каждый из которых, вождедая безграничной многогранности и запредельной власти, украл у Имира кусочек его разума. Неправедно наказанный за самонадеянность собственными неблагодарными детьми, возжелавшими его всесия, Владыка Имир с Полярной звезды, дабы не стать окончательно безумным, создал в собственном лучистом свете прообраз Великого Древа Иггдрасиль и заключил в прочной целостности ветвей и корней спутанный клубок из остатков собственного Разума и рассудков каждого представителя рода человеческого. Взрастая в непостижимую высь, Древо мира растит ум обитателей во всякой из проекций, дабы вновь обрести потерянное единство, сплотив все возможные формы возвращенных им умов в первоначальную неделимость разума Владыки с Полярной звезды, потерянную им в глубокой Древности, ещё на дремучей заре становления всех верхних и нижних миров - Асгарда, Хеля и Йотунхейма, а равно и людских королевств как запада, так и востока, как севера, так и юга в Мидгарде.

Хранителем же Имир назначил, порождённого из части себя самого, межзвёздного змея Ёрмунганда, владеющего переменчивым обличем и характером, в зависимости от того, кто, как и с какими целями является к змею под сень Иггдрасиля. Когда-нибудь Древо вырастит настолько, что остаток разума Владыки соберёт изнутри себя прежнее величие и безразмерность, и тогда, обратившись заново в звёздный свет, Владыка обретёт свободу и вернёт Мировое Древо лишь в теневую возможность собственного существования. Так, человечество, развивая свой разум и приумножая знания о жизни и Вселенной, растит Великий Ясень, приближая с каждой незримой крупницей его роста момент Рагнарёка во всех отражениях существования, каждое из которых - лишь картинки в отблесках изначального разума, дарованные Имиром всякому существу под стать избранному и постигаемому им миру, ибо картинки эти неотделимы от обустройства рассудков их созерцателей.

Изначально же и вовсе не задумано было создавать никаких отражений. Но звёздный свет, преломившись в Древе, как солнце

преломляется в мерцании переливов высокогорных самоцветов, радужным мостом Биврёстом расщепил единство заключённого в Иггдрасиле сознания на множество частей, каждая из которых была безумна в мере не меньшей, чем безумна крупица, украденная каждым из людей. Тогда, опасаясь непредвиденных и непреднамеренных случайных последствий для обустройства Реальности, Властитель, уже ставший Ясенем, заглянул глубоко вовнутрь себя, отыскав в каждом луче радуги Биврёста срединную опору, вдоль которого этот луч ускользал в бесконечность. И тогда Имир научил каждую из таких опор спать и видеть красивые сны, приходящиеся по душе любому из лучей, и сны те явились отражениями наиболее глубинной, первозданной сути созданий. Таким способом была проведена грань между действительностью и непрекращающимся сновидением существ, обитающих в узорчатых бликах осколков Древа.

Как человек порою засыпает на годы от странной хвори, а после просыпается и живёт, будто и не спал, так и Владыка мира, захворавший человечеством, разделившись, уснул на миллионы лет, отстранившись и уйдя в страны глубинных грёз из цветастости целостной вязи всеохватной действительности. Но, ведь непременно, рано или поздно Имир проснётся - и тогда Вселенная вновь обретёт здоровье и единение, вернувшись в литую суть себя до начала всех времён. Как крапчатый гриб с красной шляпкой, из которого мы варим наш мёд, чтобы видеть действительное положение вещей, произрастает из грибницы, пронизывающей половину леса, так и расщеплённые лучи мировых рассудков, исходящие радужным мостом Биврёстом из ветвей Иггдрасиля, имеют источником изначальный свет Владыки Полярной звезды, скатавшийся мерцающе-золотистыми нитями, пронизывающими вовнутрь, вдоль и поперёк свои непостижимые земли и пространства, собранные в собственных центрах бессмертными королями, каждый из которых существует лишь в силу самоотражения личного пространства, к которому навеки привязан, из этого же пространства состоит, и его же порождает потоками собственных снов разума.

А правда сокрыта в том, что, на самом деле, изначальный Король только один - и он - звёздный свет, поэтому все мы - лишь его формы и облики под разными углами, отражения друг друга, каждый заключён в каждом, и оттого-то все мои братья-короли - это только я сам и есть, что дарует каждому из нас возможность ходить гостями во сны любого из Королей пространств и находиться, только лишь если пожелаем того сами, одновременно в любом из наших сновидений, хоть даже и во всех сразу. По

сути своей, вы все здесь - мои подданные, и вы существуете только потому, что снитесь мне, ведь холодная и заснеженная страна наша, как и я сам, король Йотунхейма Утгарда-Локи, есть тоже оттого лишь, что снюсь сам себе. Мир же вокруг именно таков, каков проявлен здесь, ибо моё призвание и предрасположенность в том, чтобы видеть его таким, постигая сущее чрез голоса, явленные мне во хмелю йотунского мёда, а призвания и предрасположенности собратьев моих, которых нет, как нет и меня самого - созерцать сновидения совершенно иного рода и порядка.

А теперь я и мои подданные должны убедиться, что ты достаточно сильна и достойна того, чтобы осознать и рассмотреть игристые отливы драгоценных построек Асгарда - лучшего из снов, лицезримых лучшим из моих братьев-королей. Я бывал в Асгарде много раз - и никогда не переставал и не уставал удивляться той бесконечной красоте и гармонии, что величаво царит там. Не каждый из людей, поселенцев Мидгарда, и уж тем более, очень редкий из йотунов, способен побывать в той высокой стране. Раздели же трапезу с нами, светловолосая дочь благородной семьи Олафсон - и тогда мы, йотуны из хладного Йотунхейма, сумеем понять, способна ли ты воспарить вместе с нами к дворцам страны асов.

Перед Хельгой поставили столько различных яств, сколько та никогда и не видела за свою недолгую жизнь - их ярчайшее многообразие было велико в своей неисчислимости, а что же до количества, то его не одолело бы и десять таких, как Хельга, жительниц северных земель. Были здесь и искусно приготовленные кабаньи окорока под соусом, и аппетитные птицидичь, ароматно оформленные всевозможными разноцветными травами и приправами так, что казалось, будто птахи эти живые и вот-вот, встрепенувшись, вознесутся в лазурную высь, лишь едва взмахнув легчайшими крылами. Присутствовали и какие-то жирно-наваристые супы с зеленью, равно как и никогда ранее не виданные девушкой тропические фрукты, о существовании и вкусе которых она даже не смела догадываться, проживая в размеренном быту своей хмурой высокогорной страны и не ведая за короткое лето ничего, кроме редких лесных ягод, трав и орехов.

И, конечно же, перед девушкой поставили многолитровый бочонок мёда йотунов, источавшего сладковато-грибной аромат леса и пчёл, едва заметно пузырившегося, продолжая бродить даже за миг до того, как быть выпитым. Северянка после прогулки сначала просто на свежем воздухе, а затем - на очень-очень свежем, надобно было заметить, изрядно проголодалась, и теперь жадно накинулась на еду. Да и медовуха могла

помочь прогреть тело и дух и не позволить ей расхвораться. Когда уже был заливчато поглещён неожиданно большой объём пищи, даже для столь рьяно разыгравшегося в молодом теле аппетита, и выпито никак не менее литра йотунского мёда, Хельга позволила себе сыто и спокойно откинуться на казавшуюся практически бесконечно уходящей в высоту спинку поставленного специально ради неё стула, имевшего масштабы крупного стола.

Девушку теперь уже совершенно почему-то не волновало, как она здесь оказалась, как будет возвращаться обратно, что она здесь делает, кто она такая - да и вообще ничего больше не волновало. Цвет тусклых светильников оказался удивительно ярким сиянием, окрашенным насыщенными масляно-оранжевыми переливами сотен близких оттенков, точно на поверхности стола то там, то сям начали моментально прорастать пружинистые шапки всевозможных раскидистых, почти южных, полевых цветов различной степени зрелости и невообразимо фантастической красоты стелющихся форм бутонов и искристо ползущих по лепесткам отсветов. На цветы садились титанических масштабов жужжащие пчёлы, похожие на перезревшие полосатые виноградины, и тотчас же собирали тягучий мёд, приторно-сладкими бликами размазывая его по полянкам стола.

Хельга видела пчёл во всех мельчайших подробностях, точно они специально для неё увеличивались вдруг от размеров крупного сочного винограда до масштабов небольшой дворовой собаки. С гудением быстрого трепыхания полупрозрачных затемнённых крылышек, размытых в воздухе мутновато-жужжащим туманчиком, медвяные пчёлы, кружась над столом, поднимались всё выше и выше, запутывались в шерсти йотунов, залезали к ним в уши и в ноздри, а инеистые великаны, подобные ходячим скалам, ничего не замечая, продолжали веселиться и раскатисто рассказывать разные шутки-прибаутки, есть с отвратительно оглушительным чавканьем и раззадорно плясать, сотрясая грубыми стопами брусчатку каменного пола.

Окружающая действительность, хоть и стала чётче зримой и более контрастно выпуклой, всё же как-то странно расплывалась, искажалась, точно бы под водой. Стены королевского пиршественного зала оказались настоящим произведением искусства, удивительно, просто невероятно талантливо расписанным абстрактным плетением повторяющегося рисунка, размеренно вспыхивающего в особом ритме пульса и выполненного с такой степенью мастерства и глубокого изящества, какое

Хельге не доводилось наблюдать за все восемнадцать лет её жизни. Сплошь исчерченные светящимся синевато-фиолетовым блеском, сворачивавшимся в тончайшие узоры, стены таинственно отливали, мерцая холодным слюдяным свечением кристаллических горных самоцветов от самого потолка и до пола.

Вдруг кто-то положил ей руку на плечо. Северянка обернулась - и увидела, как перед ней в богатом королевском одеянии стоит её жених. Она бросилась к нему в объятия:

- Рёррик, а кааак т-ты ззздесь ок-кааазался? Эт-ти жуткие ве-вель-ликаны по-поймали иии п-п-пленили т-т-тебя? Но... у т-те-тебя тааакие богатые од-дежды, иии т-ты ззздесь, нику-ку-куда не уб-бегаешь... - белокурая красавица растерянно вертела головой и ворочала окосевшими от хмеля глазами, её язык слегка заплетался и не столь уж слегка заикался, а ноги подкашивались, пока стены, потолок, пол и вообще всё убранство комнаты меняли цвет, размеры и форму, перетекая друг в друга в направлениях каждого поворота её покрасневших от медовухи глаз.

- Неужели ты так до сих пор ничего и не поняла! Я, Рёрик, и есть король Йотунхейма Утгарда-Локи, и потому способен принимать любой облик, в зависимости от собственного желания! Не забывай: всё, что ты видишь вокруг себя - лишь мой собственный сон, и даже ты - лишь его часть, - Рёрик улыбнулся и тоже приобнял плавно сползающую на пол Хельгу. - Посмотри внимательно на поверхность стула, на котором ты сидишь. Что ты видишь?

Белокурая красавица во хмелю, выпучив глаза, беспрекословно повиновалась Рёрику, и стала пристально разглядывать худо оструганную деревяшку у себя под попой. Через несколько секунд Хельга заметила, что по дереву, словно по поверхности океана, лениво катятся медленные густые волны, а ещё через несколько секунд по волнам поплыли льдины, на которых начали шевелиться и размахивать хвостами, клыками и лапами, совсем уж маленькие, размером с майского жука, тюлени и моржи, а по берегу, к которому направлялись волны, принялись расхаживать белые медведи, размером - вот честное слово - не больше писклявых молодых мышат с хвостиками, семейно живущих в домашнем уюте подпола.

- Осмотрись же вокруг, дитя человеческое! - властно раздался одновременно со всех сторон голос Рёрика. - Это Мидгарт, твой родной мир, мир людей, и у него тоже есть свой собственный сновидец.

Девушка посмотрела в разные стороны. На сей раз, она ощутила себя

удивительно лёгкой и трезвой - в голове не осталось и тени опьянения. Она висела в воздухе на высоте нескольких сот метров где-то над кромкой моря, уходявшего вдаль случайными льдинами, айсбергами и плавающими лодками рыбаков. Внизу и впрямь гуляли моржи и белые медведи, а за спиной висел прямо в воздухе её жених Рёрик, за женихом же простирался прекрасный горный пейзаж родной страны, оцепенело куrivшийся где-то возле самого горизонта далёким дымчатым вулканом.

- По пути в Асгард я, пожалуй, самую малость посвящу тебя в свои планы на весьма и весьма отдалённое будущее Земли. Все сны моих братьев, все сны среди моих собственных - и прошлые, и предстоящие - все они собраны здесь и сейчас. Я видел: если йотуны привнесут наследие своих снов в Мидгард, во владения речных дикарей востока, то, спустя тысячу мидгардских лет, раскинутся их угодья от западного моря и до восточного, от северного и до южного, и меж теми краями срединной земли, взрастёт один сплошной обширный Йотунхейм, по образу и подобию моего нынешнего королевства обустроенный, - с этими словами Рёрик щёлкнул пальцами, и они с Хельгой моментально перенеслись на невероятную, просто головокружительную высоту, куда не сумеет подняться ни одна птица, даже самая сильная, смелая или глупая.

Над головой всплыла жидко-жемчужная луна, и вспыхнули мириады ослепительных созвездий, тогда как снизу, от края и до края, утопая в синеватой дымке, потянулись земли Мидгарда. С такой высоты видны были моря и горы, далёкие пески неведомых жарких стран юга, имеющих неповторимую атмосферу культуры и жизненного уклада, и непроходимые ослепительные северные льды, обширные океанические воды на западе и, зеленевшие тёмными чащобами и завитками изгибов рек земли на востоке - всё то, что Хельга мечтала увидеть, стоя на вершине горы у корней Иггдрасиля, как будто бы ещё целую вечность тому назад. - Я покажу тебе те сны, что впредь узрят люди Мидгарда, - воитель взял за руку свою невесту, и они вместе понеслись на восток, в место, где льдистое море севера образует пространый залив, а после и вовсе сливается с широким устьем реки, что знаменовала самое начало владений восточных варваров и народом Хельги была прозвана *Nyep*, тогда как чужеземный народец суомалайсет величал реку *Nevajoki*. Именно сюда, насколько было известно светловолосой девушке, торговцы из страны вечных льдов и гор направляли свои корабли, доверху гружёные разнообразным скарбом, столь высоко ценящимся у жителей страны речных городов.

Но когда путешественники спустились достаточно близко к поверхности земли, чтобы рассмотреть ландшафт, Хельга была поражена многообразием и странной формой кишящих кораблей на глади волн моря, чугунных повозок, дымящихся торчащими трубками где-то на поверхности дорог, и оглушительным свистом проносящихся в воздухе стальных драконов. Дочь северных земель и властитель йотунов Утгарда-Локи спустились куда-то аж к самой плоскости земли, и девушка сумела рассмотреть невероятные толпы разношёрстного народа - дивных чужестранцев в необычайных экзотических одеяниях, беседовавших друг с другом на неизвестных ей языках из тягучих звуков, столь непривычных для ушей сильных духом и крепких здоровьем сказителей Эдды и почитателей великого Одина.

Вдоль лестниц, поднимавшихся к светлому расписному дворцу, росли высоченные ели и были установлены статуи неизвестных ей мужей из чистого золота, рядом с коими на много метров правильными формами потоков вырывались в высоту немалую струи искусственных гейзеров. Под лестницами же узорами, сложенными искусными мастерами на столь мимолётных холстах газонов, разрастались поляны разнотравья и раскидистых бутонов, а сразу за гейзерами узкая прокопанная траншея уходила прямо в северное море в окружении зеленевшего листьями леса, пересекаясь в нескольких местах тонкими каменными мостами, по которым то и дело сновали туда-сюда все эти полумифические чужеземцы.

Были среди них и такие люди, чьи тонкие и низкорослые тела имели оттенок морского песка с побережий фьордов, а на плоских лицах едва намечались узкие прорези глаз, тогда как волосы их были чернее самой тёмной сажи. А были и такие, чья кожа являла собой столь же непроглядно-чёрный, как смоль, угольно-сажистый цвет разнообразных насыщенных полутонов, точно бы у пересушенных сухариков из пригорелых ржанных лепёшек, какие, порою, получались у не слишком-то гораздой на кулинарные изыски матушки Олафсон. Хотя в большинстве своём, люди всё же были похожи на Хельгу и на Рёрика, но немало было таких, коих северной деве наблюдать никогда в жизни ранее не доводилось.

- Тебя отделяет от родного дома больше тысячи лет снов Мидгарда, и именно отсюда начинается, прорастая в необъятную даль на восток, моё собственное сновидение в срединном мире - Йотунхейм. Полетели дальше! - и воитель продолжил свой стремительный полёт сквозь пространство и время вместе с белокурой подругой.

Воздух вокруг вдруг распался на кристаллы, точно бы представшие глазу картины оказались мозаичными друзьями из ожерелий драгоценных камней. Они настолько ярко сияли и сыпали снопами искр, что молодая северянка попыталась закрыть глаза и поняла в тот самый момент: это совершенно бесполезно. Вне зависимости от того, держала ли она глаза открытыми или закрытыми, вокруг ничего не менялось. Пред девушкой мгновенно возрастали и опадали шпили прозрачных башен, спускались в глубинные дали крутящиеся под ногами обсерватории, и распускались где-то почти среди уносящихся в неизвестность облаков бутоны улиц и мостовых, а реки сменялись потоками переливов, и Хельга осознала тогда, что способна стать здесь кем угодно, если только пожелает. Хоть букашкой малой да неразумной, хоть тончайшим зелёным стебельком цветущего растения, хоть рыжевласым мужчиной с раскидистой бородой, заплетённой в косы, хоть широкобедрой женщиной в мешковатой юбке - и может отправиться в любое время снов Мидгарда, приняв любое обличье, возродившись в любом качестве, на какое лишь хватит её воображения.

Девушка тогда радостно рассмеялась: «Да! Конечно! Если таков Асгард - царство блеска и радости, безграничного познания и света, пляски колышущихся узоров и драгоценных росписей шпилей и замков, то моё предназначение здесь - это быть не Хельгой, а вековым всесозерцающим ясновидцем Хеймдаллем! Я - Хеймдалль, Хеймдалль, Хеймдааалль!» Неожиданно, она заметила, что проходящие мимо жители Асгарда не только не похожи здесь друг на друга, но и вообще имеют мало общего с человеческими существами, даже весьма отдалённо.

В этот самый момент, сквозь брызги переливчатых колебаний, северянка увидела, что её жених старается ей что-то сообщить. Он шевелил губами, но она не слышала слов, только лишь поняла примерный смысл: «Вот кристалл розового горного стекла. Возьми его в доказательство нашего путешествия. Если захочешь поговорить со мной, пожелаешь, чтобы я пришёл к тебе, пристально посмотри в глубины самоцвета - и тогда явлюсь я пред тобою!» Рёрик с этими словами разжал ладонь и передал девушке поблёскивающий гранями кварцевый кристалл - и вмиг сей каждая вещь в мире слилась воедино с каждой иной вещью, а Хельгу окончательно унесло в пучину водоворота красок, колебаний, проекций и пёстро-калейдоскопических всплесков измерений, став неотличимым от всего прочего, слившись в цельное и безраздельное чувство, лежащее на гранях меж зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом - и пониманием.

Спустя неизмеримый никакими внутренними часами, просто переставшими существовать, отрезок времени, Хельга Олафсон очнулась на самой вершине горы. Её одежда была изрядно испачкана, потрёпана и разорвана в нескольких местах, а над головой сияли блёстками пиритовых вкраплений разноцветные свечи полуночных небесных светил. Рядом не оказалось никакого Великого Древа Иггдрасиль - ни дуба, ни ясеня - все деревья были совершенно обычными и ничем не примечательными елями.

Сердце в груди дико стучало и, постепенно, точно мягкой кошачьей поступью, начинала разболеваться и гудеть, как звонкий бронзовый котелок, ветреная белокурая голова, в которой стоял дымно-переливчатый туман, пока желудок бунтовал и сокращался в устремлении вытолкнуть обратно смешавшиеся остатки предыдущей сытной трапезы. «Какой чудесный мне сон привиделся, и отчего бы вдруг?» - подумала восемнадцатилетняя северянка, с трудом приподнимаясь и садясь на землю. Тогда только она почувствовала, что прочно и плотно сжимает в руке что-то твёрдое, ребристое, гладкое и прохладное. Разжав затёкшую ладонь, Хельга увидела крупный зеркальный кристалл розового кварца, отражающий тускло-белесый звёздно-лунный свет небес, раскинувшихся над иссиня-чёрными кронами лесных деревьев той странной рощи, куда она забрела.

Спустя ещё два года, в год восемьсот шестьдесят второй по летосчислению Мидгарда, её муж, воевода Рёрик, собрав небольшое войско и захватив с собой в подмогу двух верных крепких воевод, Синеуса и Трувора, отправился на покорение, освоение и правление в восточные земли русоволосых варваров страны речных городов. Но это, знаете ли, уже совсем-совсем другая история...

КПДКД

Озадачившись вопросом начать исследование новое и весьма способное заинтриговать современные мистически настроенные круги молодёжи, решил я поподробнее разузнать о мировых сподвижниках и продвиженцах подобного направления в деятельности. Предо мною самым распрекрасным образом лежала целая череда величайших фамилий и имён,

но, не располагая в подобной же степени величайшим объёмом времени, я вынужден был выбрать из всех них лишь кого-то одного.

И вот, выбор мой пал на представителя местных *le propriétaire foncier de village*, проще говоря, сельского помещика - не то, чтоб мелкого, однако ж, и не крупного помолы, с земель коего ежегодно получали мы ни много ни мало, а двадцать тысяч пудов зерну ржаного, тысячи полторы мешков зерну пшеничного, высшего сорту, да льну ещё тканей готовых аршинов по восемь иль девять сотен в полотнах домотканых с кустарного производству, налаженного у барина в приусадебном хозяйстве. Тем он, собственно, и кормился.

Но сельская жизнь образа патриархального была бы скучна и, верно, виделась ему неумоготу бессмысленной и сполна провинциальной, далёкой от роскоши дворцовых увеселений Петербурга и царских интриг, если бы занятием любимым не разрешил барин в резвые годы младости своей бурной избрать науки толка оккультного, широко продвигаемые в ложах тайных сообществ, оплетающих, как известно, своей конспирационной паутиною, версту за верстой просторы Российской Империи, заглядывая даже в такие медвежьи углы, коими, всенепременно, явились бы взору представителей благородных *des couches nobles* и окрестности нашего глухого городишки, не от хорошей, однако ж, жизни основанного в уральских предгорьях высоколобыми учёными мужами Татищевым и де Гениным чуть менее, нежели с полтора столетия уж как тому назад. И в сиих, упомянутых мною сообществах таинственных культов, отысканный барин даже всевеличественно удостоен был высокого звания *le maître* и знатока сил сторонних, ведомо, представляющих опасность немалую для ума неподготовленного и непосвящённого, иль же вовсе влияний губительных для душ чистых, за помазанника нашего престолонаследного радеющих.

Впрочем, понять барина можно было и проще, безо всяческих тех масонских премудростей. Крестьяне пред ним ниц падали да дрожали со страху, а он всё лишь посмеивался над собственным, сложенным народной молвой, образом, да с довольствием преогромным, вестимо, пользовался всеми, открывавшимися с этого образа, преимуществами. Помещика величали по паспорту Пётр Игнатьевич, а за глаза, кто - авелитом, кто - альбигойцем, кто - манихеем, ибо именно в этих течениях и бывали, по слухам народным, сокрыты глубинные корни, как говорят в столице, *la société maçonnique secrète*, куда, по сути дела, и входил Пётр Игнатьевич.

Хотя без пущих доказательств голословная молва *du peuple* мнится мне всего лишь преисполненной пустоты напрасно сотрясаемого воздуха во время плетения сети сплетен людских, мелкой рябью проходящих по поверхности тёмного ума всенародного, ищущего себе забаву всё в глупых слухах да домыслах бестолковой болтовни ровно настоль же, насколько сей дворянин искал себе забаву в ритуалах сфер вечных духов, шифрованных заклятий, алых свечей да замысловатых пентаклей. Так что, с явленной нам в корне нетипической позиции ближайшего усмотрения умственного, барин и мужик обнаруживались до поразительного подобными друг другу созданиями. К слову молвить, Пётр Игнатьевич происходил персоною своею из мелкопоместного и, пожалуй, ещё более измельчавшего за последние годы дворянского роду, сосланного в давние ещё века высочайшим указом на холмистые равнины предгорий зауральских, ведомо за некие прегрешения иль смуту сотворённую, а коя же истинно была вина та пред государством российским - память всенародная до времён нынешних уж донести не сподобилась.

И вот сейчас я, покрикивая на кучера, да указывая тому стегать лошадей покрепше, нёсся по кособоким русским дорогам, не делавшим принципиальных исключений ни в одной деревне, в том числе и в затрапезного вида поместье, куда имел я честь направиться, и прозванном Мелихово-Чухонеевкой. Поименована так старая деревня сия была в честь основателей своих - кругосветных путешественников, фамилии коих являлись, как следовало из названия, Мелихов и Чухонин. Излазив за полжизни сроку пешим ходом почти *toute la Terre*, сии два друга-товарища решились было поселиться на старости лет в краях здешних отшельниками, избрав жильём вседневным на години жизней своих заката этикие претесные хижины-сторожки, отстоящие подальше от мира суетного цивилизации столичной, точно бы, премало сумняшеся, согласившись на ссылку добровольную в одном из самых популярных регионов ближней *la province*, куда во времена непредугаданные былого брожения всенародного, с Ермака-то впервые заначатого, стеклось в поисках житействования лучшего проторенными тропами переселенцев нищих немало крепостного беглого люду, попав под новую кабалу металлургического услужения дому Демидовых.

Однако же и вовсе не желая возвращаться к господам прошлым своим, крестьяне, окромя, конечно же, черносозных, скопом преподали сии своим помещикам былым отменный урок, выказывая оных отнюдь не

в лучшем свете среди прочих, даже и мелких, дворянских родов, коим, чудилось ранее, жалованная грамота, дарованная им великой императрицей Екатериной Алексеевной, навеки направила властные длани помещичья к свершениям, просвещённому самодержавию угодным всецело, покуда не столь давние события сызнова не смешали каждую масть карточную, где сникшие тузы нежданно возвелись в ряд единый с былыми шестёрками, воспрявшими к жизни деятельной.

Хотя всего лишь с четверть веку тому назад поутихли отзвуки народного эха, разносившегося с подачи романтически-восторженных возгласов дворян, страдавших обострённым чувством справедливости и неведь что возомнивших о себе и, ведомо, лишь от безмерной скуки хорошей жизни, данной им государством, аристократов замечтавшихся и потому наивно прыгавших, точно благодно возгордившиеся блохи, на Сенатской площади подле удивлённо вззирающего на них с высоты своего пьедестала медного Петра Алексеевича. Эти витавшие в облаках высокородные неженки, тем не менее, явились для молвы толп исконными предвестниками испуганной и суровой николаевской эпохи давящего гнёта и чугунной цензуры, не желавшей мириться с вызревающей, как подкожный абсцесс, необходимостью кардинальных перемен в государственной и общественной жизни Империи.

Мелихов и Чухонин же просто немало поотвыкли от цивилизации за долгие годы скитаний своих, что и послужило премного невозвращению путешественников в юдоли огней и *des bals* крупных городов. Минула совсем лишь невеликая доля времени, и тогда помаленьку да полегоньку вокруг поселения отшельнического, столь сходного со скитом монашеским царившими здесь бытом прескудным да настроем чувств унылым, принялись отстраиваться избы всё тех же беглых крепостных, пришедших нахлынувшей волной из иных регионов нашей страны необъятной, и годков навскидку десятка этак чрез три вокруг обители былых скитальцев возвысился даже терем барский, богато-изразцовый, высокий да резной с крашеными ставенками да крышею стальною, филигранной сканью да зернью высоких мастеров сплошь изукрашенною.

Так, за измышлениями, мечтаниями, представлениями и воспоминаниями, мы с кучером почти незаметно подобрались к особняку Петра Игнатьевича, разве что традиционные ямы да колдобины с ухабами напоминали мне, с завидной регулярностью отдаваясь болью в копчике, о том, что странствую я по родимым тропам *de ma Patrie*. Надобно было

отдать должное и экономной нерасточительности да бережливости хозяина поместья во всём, что касается содержания крестьян в поместье: избы, хаотически понатыканные вокруг дворянской усадьбы зрились мне зело неухоженными - с потемневшими срубами полусгнивших круглых брёвен да натянутым на окна вместо стёкол ветхим пузырьём бычачьим мутно-непрозрачного облику, да ещё соломенными крышами, обращёнными бегом времени в сущий кормовой силос и прохоженными насквозь во многих местах мелкими красноглазыми домашними вредителями полей да степей, *c'est-à-dire les souris*.

Зато барский терем роскошно высился над скошенными хижинами крестьянскими неимоверным трёхэтажным особняком из дерева, блесневшего так, словно было оно искусно остругано местными «левшами» всего лишь намедни, да расписано по всей поверхности промыслом общенародным под гжель с хохломою, будучи изукрашено изразцовой облицовкою вокруг ставен наипрекраснейшими образцами зодчества и древесной резьбы. На крыше терема на высоком медном шпиле с флажком восседал красный, напوماженный суриком железным, *le coq* и облика почти что живого, детально отлитый из чугуна, вестимо, под особый барский заказ в соседней Оренбургской губернии, на тамошнем заводе, что в Златоусте значится, иль же у нас, в Каслях губернии Пермской.

Каждое бревно терема было изукрашено всевозможными красками, белилами да румянами, прямо как на свекольных щеках любопытно принявшихся поглядывать на мою издавшую виды карету конопатых симпатичных деревенских девок, или, на благородный манер, *la jeune fille sympathique du village*, бегавших босиком по хлюпающим лужам, лишь едва приподняв мешковатые юбки, дабы не забрызгаться, и старательно обходя *des verrats*, мечтательно полураскисших в полном забытьи среди луж и в нескончаемой радости оттого, что снизошедшие вечер ливни осенние даровали новые прохладные и сырые постели для полуденного сну.

Стоило мне лишь едва покинуть карету - и вот уж створки помещичьих ворот пригласительно отворились. Верно, что сам барин заприметил меня по скрипу и грохоту ухающих на ухабах колёс, хрипловатым окрикам старого кучера да ещё самодовольному ржанию тройки породистых *de mes chevaux bais*, призакупленных на позапрошлогодней ирбитской ярмарке ажно за добрых сотни три червонцев каждая. Барин оказался разодетым в атласный халат, алого, как весенне-осенние лучи догорающего заката, цвета, оснащённый пронзительно-

пурпурными вставками с примесью дымно-серых полос, верно, от повсеместно и безраздельно властвующей пыли. Пётр Игнатьевич распротёр ко мне свои объятия, точно был я гостем, жданным им со издавних пор. К некоторому же стеснению своему, стыду и терзаниям душевным, отмечу, что обстоятельства заставили меня столь торопливо вести приготовления к поездке в помещичью усадьбу, что позорно *pour l'éducation noble* запамятовал я уведомить барина заранее о внезапном прибытии своём, что, верно, как снег на голову ему образовалось, не считая также, ведомо, за необходимость жизненную, отправить письмецо или, хотя бы, записку краткую с ближайшею почтовою оказией, чего ранее, *selon les règles de la convenances*, не позволял себе ни единого разу.

Письма, по обыкновению, привычен рассылать по неким случаям, подобным сему, на пропитанной специальным восхитительно-цветочным *l'eau de Cologne* дорогой французской бумаге с водяными знаками, притом ставя, всенепременно, жирную сургучную печать собственного же старинного дворянского рода на конверте, равно как и фиолетовую печать чернильную по соседству *avec le monogramme personnel*. Иные же письма, кои в более изрядной степени являли ценность по содержанию внутреннему, и даже ещё более преважного толку, предпочитаю доньше слать на телячьем пергаменте, кой в наш столь же передовой, сколь и кощунственный век открытий научных да повсеместного властвования светоча разума человеческого, нередко почитается изрядным ретроградством многими прочими господами, в равных долях прогрессивными и нигилистическими в проулках и лабиринтах измышлений собственного философического ума, сполна сдобренного и уже насквозь изъеденного изнутри чёрными семенами республиканских философических поветрий, на корню противных святой воли монаршей, а оттого густому яду уподобленных, медленно растекающемуся по жилам Российской Империи, сердечно страждущей благоденствия всенародного, выраженного в непоколебимости правления Императорского дома семьи Романовых в великом государстве, ныне находящимся под присмотром царя нашего Александра Николаевича, что по свершениям его достойным прозван был светлою молвою всенародною Освободителем.

Барин Пётр Игнатьевич вскинул свои лопатоподбные длани долу, широким жестом пригласив меня в дом, и тотчас же ажитированно воскликнул, карканьем выкрикивая слова, доносящиеся откуда-то из-под двойного подбородка и вылетающие прямоком из кривобокой воронки

толстогубого растрескавшегося рта, кое-как размещённого на скомканном щетинистом блине неумытого лица, помятого от чрезмерно частых питейно-праздничных гуляний и к тому же исконно заспанного:

- Проходите, проходите, *le monsieur*, я как раз таки ожидал Вашего прибытия с минуты на минуту!

- Да как же, *le seigneur*, Вы ожидать меня в гости изволили, отколь предупреждены мною заранее не были, даже отнюдь?! - поинтересовался я у хозяина особняка, испытывая небывалого свойства и широты изумление и смятение ума, захвативших самые дальние пучины естества души моей.

- Так это уж мне одному токмо ведомо, откуда. Но Вы проходите, проходите, - помещик хитро посмеивался, хотя улыбка его и тонула в худо расчёсанной бороде, где застряли несколько кислых капустин, вестимо, из обеденных щей, и торчал тёмно-зеленоватый хвостик лаврового листу.

Особняк при ближайшем знакомстве изнутри оказался ещё грандиознее, чем виделся снаружи. Он не уставал поражать меня сиянием отполированных до блеска кресел, донельзя пёстрых и просто неприлично пушистых персидских ковров, распрелестно шикарной отделкой листовенных стен и небывалыми для незнатного рода, в общем-то, в захудалой деревеньке позолоченными и посеребрёнными портьерами, мраморными статуями в полный человеческий рост, стилизованными под *le style antique* мастерами не столь *par les antiques* - почему-то я был в этом целиком и полностью уверен. Статуи сии размещались в похожих на висячие корытца закруглённых полуцилиндрических альковах из яркого и прочного тиса, изнутри крытых толстым слоем смолистого лаку да расписанных сценами из былинной русской жизни: шапкозакидательскими бородатыми боярами, княжескими одеяниями, тройками крепкого телосложения богатырей в начищенных стальных латах, сверкающих на солнце, тут же были скипетры, короны, химерические наши орлы - *les jumeaux siamois* - как бы выразились, ввиду двухголовости оных, некоторые современные медики из кругов аристократических.

Присутствовали здесь и прочие символы верховной монаршей власти, да и всего, что в сём особняке повсеместно казалось себя ныряющему в суть вещей взору созерцателя или внимательному к мелким деталям взору исследователя, поистине было не перечесть: от разнообразия начинало мельтешить в глазах, прямо как перед нырком в бездну *par la syncope* - состояния, очень популярного и часто происходящего по любому поводу и даже вовсе без такового в благовоспитанно эстетствующей среде

чувствительных петербургских мадемуазелей-гимназисток из высшего общества манерных отроковиц, неровно воздыхающих по поводу европейских порядков и чужеземной роскоши в надежде заарканить какого-нибудь иностранца, стоящего поближе к ещё оставшимся в живых монаршим домам тамошних земель. Что же до сего, в известной степени, помутнения рассудка, упомянутого чуть ранее, то оно, как правило, поддавалось исцелению нашатырём, свежим воздухом да бриллиантовым ожерельем, вовремя переданным даме в качестве задушевного *du cadeau*, призванного свидетельствовать её запредельную неотразимость и восхитительность природной красоты нежного дворянского облика, даже если таковая барышне едва ли мнилась на деле только в самых смелых мечтах.

Так же и все предметы интерьера барского терема панорамно казались гранями драгоценных камней, но стоило лишь на мгновение приглядеться - и на всём виделась печать абсурдной безвкусицы хозяина, но вместе с отсутствием во всём аляповатом стиле хоть какого-то намёка на гармонию, чувствовалась немалого размаха страсть барина к помпезности, вычурности, чинопочитанию и лизоблюдству, отдающая даже, в некоторой степени, нездоровым душком его вероятной *de la pathologie psychique*, которую, впрочем, совершенно не дивно было приобрести, являя собой одного из самых активных и фанатично преданных участников тайных оккультных сообществ, традиционно склонных излишней иерархичности, мрачной ритуалистичности и запутанности учений, всей правды о коих не ведали даже самые «высокопоставленные» культисты, а отколь истина им и бывала открыта порою, то предпочитали благоразумно помалкивать, ибо тупиковость и куца ограниченность их единоподвижного движения становилась тем очевиднее, чем ближе оказывался тот самый *l'impasse inévitable sur les voies*, с высот которого яснее и горестнее виделась изначальная ошибочность посыла для всех тех неисчислимых конструкций ума, что и составляли первооснову исповедуемого масонами учения о Запредельном и, конечно же, непостижимо Высоком, но, почему-то, насквозь человеческом.

Ведь мир отнюдь не обязан следовать тропам людским, а всё перенаселённое человечество, пёстро размазанное по поверхности планеты пятнами разноцветных рас, а равно и порождённый ими мир - лишь одна-единственная грань Бытия, притом бесконечно малая, ограниченная и ничего, в общем-то, не значащая за пределами выдуманных людьми

смыслов, хоть и по-прежнему неотделимая от Сущего. Но об этом-то как раз гордые масоны задумываться не только не желали, но и неосознанно боялись всем своим мелкопакоственным существом, ибо знание сие напроочь принижало их самих и исповедуемые ими смыслы в ровное по глобальным масштабам и бескачественное ничто.

Оттого-то любой человек, кой бы осмелился вдруг хотя бы полунамёком указать *aux serviteurs du culte* даже на вероятность подобного расклада дел, всенепременно, послужил бы впоследствии объектом искренней ненависти и повсеместного испуганного преследования со стороны оккультно настроенных идеологов учения и адептов, запутавшихся в сетях тавтологического словоблудия, ничего не объясняющего, но лишь мастерски создающего фокусническую *l'illusion de la compréhension* через использование бесконечных отражений объектов ума на самих себя, исконно и подспудно страшящихся небытия, но стесняющихся признаться честно даже себе самим в подобной трусости. Ибо где тогда была бы вся их патетика и возвышенность, отличавшая масонов от мира непосвящённых?

В такой ситуации, чем рациональнее и логичнее мыслил человек, тем более он оказывался уязвимым, ибо рассудок его, усмотрев *dans une nouvelle connaissance* уже нечто известное, всегда готов был подменить действительное новшество на суррогат такового, эклектично сотканный в подобие гармонии из знания об известном, а потому никогда ничего не узнавал в действительности, но лишь кружил вокруг да около, складывая вскормленные в младенчестве с материнским молоком ракурсы ландшафтов повседневности в лоскутные загогулины полотнищ, подменяющих знание узнаванием, ибо *quelque chose est véritable le nouveau* при вездесущих развитых способностях к рациональным хитромудрствованиям человеку дано постигать лишь живым смешением чувствования и вчувствования, но никак не сухими конструктами выверенной логики. Причём дано таковое отнюдь не свыше, но всё той же склонностью человеческой воспринимать весь мир под строго определённым углом наклона и столь же однозначным способом, *traditionnellement et erronément* почитаемым за единственно возможный.

И даже если сложить противоречивую совокупность мнений всех ныне существующих людей на Земле, то оказывалось, во-первых, что противоречия эти часто мнимые: точки зрения разнятся по внешней описательной форме выражения, но едины в глубинной сути придаваемого им смыслового истока, вызывающего таковые к жизни кажимостей, а, во-

вторых, зримый, на первый взор, кавардак и хаос из смешения всех сиих разношёрстных мнений оказывался целиком и полностью «человеческим», в большей или меньшей мере упорядоченно понятным для представителя любой цивилизации, как раз и являя собой тот самый, напрасно мнящийся единственным, способ взаимодействия с действительностью жизненных обитателей каждого из нас, привычно размещаемых в трёх мерах пространства и линейном времени, служащих *par les catégories non absolues*, характеризующими всё сущее, но лишь мерами удобного и сложившегося исторически приспособления нас к жизни как к конгломерату процессов совокупного взаимодействия нас-и-мира, до постижения сущности разнообразных проявлений и протекающих процессов которого оставалось по-прежнему бесконечно далеко, несмотря на все никуда в результате не ведущие успехи мировой науки и философии.

Ведь успехи сии, на поверку, сплошь оказывались всё той же ложью и мнимостью в силу упомянутого принципа: узнавание не вело к постижению нового, к прорыву в понимании данной нам реальности, но всего лишь заменяло собою старое и давно уже *familier et habituel*. Потому-то и наука, и философия на протяжении всего многотысячелетнего периода существования таковых в качестве неотъемлемых свойств и аспектов человеческой цивилизации, всегда лишь находили практические способы осуществления технического прогресса, но ничего и никогда по-настоящему не объясняли и не открывали, хоть их изначальная цель и заключалась именно в объяснениях и открытиях, тогда как прогресс из века в век рассматривался лишь в качестве следствия - даже этот первоначальный подход оказывался, в конечном итоге, глубоко и разносторонне иллюзорным путём опасного самообмана и сладкой лжи, верить в кою столь страстно вожделем *l'âme humaine*, будучи готовой променять дуновение сквозняка непостижимой свободы на уютную затхлость давно постигнутого - а потому и столь предсказуемого - укрытия. Даже если и принципиальная постижимость оного есть не более, нежели видения разума наших спящих самостей.

Не минула скорбная чаша сия и Петра Игнатьевича, вполне герметично и без острых уголков вписывающегося в образ мистика, обожающего напускать туману, мраку да пыли в глаза всем *aux visiteurs de la propriété luxueuse*, а ещё в большей мере - самому себе, будучи искренне убеждённым в собственной потусторонней исключительности в качестве проводника знаний древних цивилизаций и избранности в целях спасения

планеты Высшими Силами, довлеюще правящими целой Вселенной - ровно так, как правил бы и он сам, если бы кто ему позволил такое дело за пределами милой сердцу Мелихово-Чухонеевки, конечно же. И в сём своём качестве восхищённо тщеславного самовозвеличивания и честолюбия до блеска в глазах, готовый тщательно законспирированными заклятьями ушедших в небытие атлантов, оставивших магическое наследие, вершить громы и метать молнии, низвергая человеческие эпохи в прах и пепел. Почти Зевс, сей барин, по чести молвить, более всего, однако же, напоминал заигравшегося в бога ребёнка, совершенно точно понимающего, что картонная молния в одной руке - вовсе не настоящая молния, а кленовая палочка в другой руке вовсе не обладает никакими волшебными свойствами, но упрямо не желающего верить в подобное положение дел. Ибо *les règles du jeu* устраивают его куда более, нежели *les règles de la vie*.

Но что может помешать страстному и мистически настроенному полубезумцу, уже в летах, и впрямь сделать правила любой игры правилами собственной жизни, ведь и те, и те правила, если вдуматься, искусственные и были выдуманы некогда другими людьми. И тогда оказывалось, что единственной, по сути, ошибкой Петра Игнатьевича, был настырный поиск чуда вовсе не там, где таковое можно было бы отыскать. Мир - вот подлинное чудо, и оно всегда пред нами, ибо мы неотъемлемая часть оного. Вопрос в том лишь, сумеем ли мы не просто постичь, а всем существом своим достичь сокровенной сути мира. Барин же, будучи приверженцем тайной оккультной логики, явно был склонен в визионерских *les voyages des âme* скорее уж нарочито визуализировать посещаемые им нефизические планы Бытия, перекраивая оные на манер собственных ожиданий, чем полностью перекрывал себе *les canaux tous possibles de la perception*, но зато в который раз с удовольствием обретал от «Сил потусторонних» очередные подтверждения монотонной правдивости полученных им в масонских посвящениях загадочных знаний.

Следует ли молвить, что сколь бы реальными, осязаемыми и зримыми ни были все посещаемые Петром Игнатьевичем миры и непримиримо вершимые им личные битвы с рогатыми демонами из Запределья, все они происходили лишь в узких пределах оккультной головы, постепенно раскачивая и без того уже шаткую психику помещика. Но, несмотря на весь его театрально-патетический инфантилизм, барин, похоже, действительно обладал небывалым объёмом редких знаний из старинных и, быть может, новых европейских книг. Часть этих знаний,

совсем, кстати, крохотная, мне и была нужна. Хозяин усадьбы, разглядывая меня с весьма чванливо-тошнотворным выражением на похмельном лице, лишь только стоило переступить порог его основательного и прочного на вид терема, указал на ближайшее дубовое кресло, что было крепко, но грубовато сбито и худо остругано. С визгливым нетерпением в голосе Пётр Игнатьевич подозвал прислуживавшую по дому девушку-крестьянку:

- Хыть, Марыська, а ну-ка подай гостю местных яблоч да винограду лозы с три-четыре. Да вина красного с моего погребу ковш большой налей десятилетней выдержки и мёду черпака с два деревянных, а то, ишь, прохлаждаешься тут безо всякого делу.

Конопатая горничная-простолюдинка, весьма, надо сказать, невзрачная из себя и представшая ко взору моему обликом самого неряшливо-чумазого свойства, приземистого и какого-то уж слишком полусогбенного виду, как перепуганная скромная старушка, хотя было ей на вид не более, как лет двадцать, понеслась выполнять просьбу своего покровителя, а я, меж тем делом, обратился к нему самому:

- Как Вы, барин, верно, сумели догадаться и самостоятельно, я к Вам прибыл по делу свойства таинственного, ибо стало известно мне, что до познания свойств мира в отношении всего *mystique et non connu*, вы охотник не малый, и не просто любитель, а, как у нас принято выражаться, *le vrai professionnel*. Что же до конкретных вопросов, приведших меня в здешние края, так, быть может, Вы сумеете, задействуя особливые умения, полученные в ходе таинств, церемоний и ритуалов, ответить на наиглавнейший среди всех вопросов, что я намереваюсь задать Вам: скажите, уважаемый, Пётр Игнатьевич, доводилось ли Вам в неких сокрытых ритуалах, в кои, всенепременно, посвящали на веку Ваше высокопревосходительство, слыхивать о некоем понятии толку *du transcendental*, прозванного среди народа тёмного и непросветлённого, к коему по данному вопросу относится и Ваш покорный слуга, говаривали ль мудрецы о невесть что означаемом термине - «междометии Улум»?

Было бы преприятно, отколь бы соблаговолили Вы просветить меня в любой удобной Вам форме также и относительно взаимосвязанных с междометием оным поползновений душ человеческих и умов. Не является ли знание сие тайным настоль, что Вы были б смятенны от просьбы моей, возможно, неподобающей и, ко прочему, совершенно не в состоянии поведать во благо человецье о смысловом наполнении междометия названного, даже если б и во всеведении находитесь относительно

сокрытых тайн жизни, о коих я столь дерзновенно осмелился вопрошать *du maître des sociétés secrètes*, то есть Ваше высокоблагородие?

- Вот так, сразу к делу! Уважаю практичных людей и их цепкий деловой подход! Сейчас всё больше водятся *les romantiques*, выросшие на дешёвых парижских новеллах, да душащиеся такой же дешёвой западной туалетной водой: всё у них ветры в голове гуляют, а о знании истинном задумываются нечасто, реже, чем следовало бы задумываться или, по мере крайней, чем я бы изволил посоветовать им задумываться о таковом. Несть числа им! Всё бы им лишь пистолетами друг в друге дырки оставлять, по кабакам шастать, служить на Кавказе, да кадрить мамзелей, *des jeunes filles aristocratiques*. Впрочем, век таковых беспечных молодых людей недолог, отколь Вы знаете, сударь, романтики сии, в коей мере ни были бы известны на всю Российскую Империю итогами творений стихотворческого поветрию, помноженного на воображение, воспалённое ветрами младости бурной, а всё на тех же дуэлях и с теми же французами порою век свой скоропостижный оканчивают. Сколь бы ни являл себя миру величественный поэтический дух и гениальный полёт их мыслей, признаваемых в кругах всезнающих столичных книгочеев да знатоков литературы русской, однако ж, губительная *l'extravagance* юных романтиков единомоментно всё перевешивает. Всецело рад, что Вы, сударь, не из числа оных мечтателей и устроителей замков воздушных.

- Значит, мы можем приступить к делу, Пётр Игнатьевич?

- К моему повествованию о междометии Улум? Опасаюсь разочаровать Вас, но оно ожидает быть недолгим, как и век мечтателей, о коих лишь миг назад беседу вели. Я и взаправду слыхивал о сём междометии, да токмо ни в одно из таинств не входит оное. То ль слишком мелким считают таковое, то ль напротив - слишком тайным. Есть у нас здесь, средь прочих поселенцев в Мелихово-Чухонеевке, человек один из монашествующих, *l'ascète-ermite*, что ведать об Улуме может поболее. В местном ските обитает. Тут я всё ради него, ради него лишь одного за деревней монастырь обустроил. Аки пришед он ко мне однажды: бородища топорщится в разные стороны, точно бы метла ведьминская, сам весь сплошь растрёпан, на ногах лапти худые, во времена ещё давние, поди, связанные да стоптанные, и то - кое-как надеты, рубаха домотканая грязная и лохмотьями вся висит, а сам-то весь в ссадинах - какой-то юродивый иль нищий, одним словом - *la personne sacrée*, да и как падёт на колени прямо пред порогом моего терема. «Ой», - говорит. - «Барин, не вели меня гнать

взашей, позволь лишь в деревне твоей селиться. Ведь место здесь, знамо, великое».

Я, его слушаючи, сам же всё заизмышляю: «Да какое уж там великое место, сюда за последнее столетие даже никто из крупных и значимых *des fonctionnaires* не наведывался, ни среди дворян, приближенных дому царя нашего, никто не заезживал, обитель мою трёхэтажную не посещал. Но, ведает судьба, всё меняется, да меняется, порою, не в лучшую из сторон своих, отнюдь: царь-то наш, батюшка, как пару лет тому назад уж велел долгу крепостническому крестьян пред дворянами саван заказывать, так с тех самых пор житья ни нам, ни крестьянам освобождённым не стало. Они, того и гляди, бунт подымут, барина на вилы посадят, восстав супротив непомерного оброку втридорога. Оттого-то и дворянам беспокойно живётся, и крестьянам в тяготу делается.

Ежели раньше крестьянин работал сперва на барина, а затем ещё и для себя ради, и всё возвращенное в собственном хозяйстве приусадебном вокруг *de la maison paternelle* для выгоды же собственной и пользы немалой имел, так отныне, мало того, работа его осталась, как же и прежде бывала, так ещё и средства с хозяйства своего на откуп личный барину откладывать должен. Ради откупу крестьянин и штаны последние с рубашкою, и даже лапти залатанные продаст, а всё на нас, помещиков, серчает, окаянный мужик, что, дескать-то, мы тяготы оные ему хомутами вокруг шеи затянули. А мы-то же здесь причём? Всё царь-освободитель делов взял да и натворил.

Ну да ладно, не станем разглагольствовать лишку. То ведь, попик местный в церквушке всё толкует народу, святотатство превеликое - о помазаннике Божьем худо отзываться, да токмо, грех на душу, мало я что-то верую словам проповедника, он, окромя своих Библии да Евангелия, и книг иных за жизнь всю не ведывал, мне же в *À la loge maçonnique*, бывало, такие тайны приоткрывались, от коих бедный священник наш местный, мелихово-чухонеевский, точно бы безумцем не похуже старца того навеки заделался бы.

- Возвращаемся в мыслях насущных к аскетствующему Вашему *au sage*, сударь, - решил я самую малость отвлечь помещика от потока изливающихся вовне сведений, излишних для ума моего в свете событий сложившихся, за сим немного пожевал губы, переложив ногу на ногу на манер западный, аглицкий, позволив себе опосля спросить у Петра Игнатьевича. - Отчего же Вы полагаете, что этот Ваш «святой отец» пригодным образом разбирается в делах столь, на первый взгляд, *de non les*

sacrés, к коим осмелюсь я причислить, опасаясь навесть на чело своё гнев светлых существ вышних, и общую *le thème* разговору нашего - междометие Улум?

- Ах, да вот Вы, господин, слушать ли изволите-с, барина-то не перебиваючи? Так обо всём по порядку Вам и поведаю-с. Значит, бросается предо мною тот юродивый на колени да и слово небывалое скорым таким шёпотом молвит под самые мои уши: «Не знатного роду я, да знавал на веку своём поболее многих знатных, полмиру излазил ходом пешим. Старец Чурисий меня величать. И, вот, наконец-то, именно здесь, на околице, сподобился отыскать я то, что за жизнь всю предшествующую углядеть тщился с возраста дитячьего самого: в местах тутошних, прямо за деревнею, лаз имеется в мир иной. Ход тот не всякому приоткроется, а тому лишь, кто в душе его и духе прозрение великое хранить сподобится.

Ведаю, барин, слыхивал о подвигах Ваших на алтаре наук оккультных, да токмо этакое мне соизвестно сделалось, о коем общества твои тайныя отродясь и не сказывали, отколь и сами не ведают ничего сподобного. Аки взалкаешь ты всем сердцем и душою, тут и свожу тебя в изновы мир иной. А отколь же ты вовсе не взалкаешь - что же, буду сам в те дивныя места путь держать за знанием, мудрость величайшую содержащим в краеугольном камне оною ж. Но упредить тебя должен: поход сей зело опасен, посему не всякому барину приглянуться сподобен».

Но сколь бы всё сие свершившееся ни померещилось мне тогда и в самом деле удивительным, смысл истинный сокрыт здесь отнюдь не в говоре старца ветхого, а сокрыт он вот в чём: отвёл меня раз старец Чурисий в место, им указанное - часа тогда три иль четыре было, это в ночное-то время. К тому самому ходу сокровенному, потаённому направлялись мы. Идём, а вокруг осень промозглая сыростью дышит, дует в лицо хладными шелестящими ветрами, подвывающими заунывными *par les fantômes* в чёрных кронах деревьев, вороны бесцеремонно со древ тех дальних крик подняли, да жёлтые с красными листья оземь бросаются, подскакивают и перекатываются с одного места на другое, аки испуганные мужики крестьянские, усердно бьющие челом пред судом барским. И так меня хлад сей октябрьский пронзил льдистыми иглами своими, ужаснув в мере столь зело немалой, что мыслями усеми унёсся я тотчас к возвращению в натопленный терем мой тепла и уюта, ратуя и хлопоча за доброго здравия сохранение да жизни вековой *la chance*. Посему ж понудил я Чурисия обратно в расписной терем златоверхий меня сопроводить, да и

впредь велел по делам страхолюдного толку подобного не тревожить.

- Что ж, барин, Пётр Игнатьевич! Мир дому Вашему, да и преогромных величин благодарствие от нас к Вам за дивное угощение хлебосольное да гостеприимство радушное. Могу ли я *du sacré* Вашего Чурисия повидать, иль нелюдимым бирюком старец сей отрекомендовал себя, а оттого и гостей незваных привечать не соизволит? - я решил, что ничего нового, окромя услышанного, хозяин усадьбы уж сообщить навряд ли сумеет.

- Людимый аль нелюдимый - кто же сподобится спрашивать старца о сём? Пока на моей он земле, вот пусть и живёт по правилам тутошним, мною же заустановленным. Уж гостю-то доброму, наподобие Вас, отказать, верно, не посмеет, иначе невесело будет ему, измышляю я, и тогда уж никакой лаз в миры чуждые, чурисические, не позволит здравия доброго сохранить старцу. Пойдёмте со мною, сударь, уж извольте-с, - Пётр Игнатьевич развернулся спиной и, переваливаясь с ноги на ногу, как пожилая клуша, прошеествовал к парадным вратам собственного терема.

Наблюдая за помещиком со спины, я обратил внимание, что именно, как говорится, *de la position indiquée*, тот сильнее всего уподоблялся внешностью жирной сварливой старушке, вестимо, страдающей, в силу возрасту своего, костяными наростами да полостей внутренних расширением на ногах, но уж всяко не походил он на самого себя - долженствующе крепкого с виду и бодрого мужчину лет ранних пожилых, с едва проглядывающими со всяких мест идеально округлого черепа его витыми волосками, выбивающимися из-под давно нестиранного и засаленного головного убора, называемого светскими дамами *le bonnet*, а простолюдинками - чепчиком, и столь же чаще носимым дома в дамских кругах, сколь редко можно было наблюдать оный на экстравагантных мистически взирающих на жизнь *les propriétaires fonciers âgés*, к коим, несомненно, всецело можно было бы причислить и Петра Игнатьевича. Впрочем, хозяин - барин, кто ж я таков, чтоб судить о причудах *la mode*, осуждая высокие вкусы русского дворянства, к коему сполна принадлежу и сам?

Свершив по Мелихово-Чухонеевке пешую прогулку, вместо конной, моциону ради, я ещё раз освежил в рассудке своём представления о хозяине здешнем. Околесь поместья громко покрикивало грязно-чёрное воронье, прямо, как у Петра Игнатьевича в его рассказе недавнего времени, повсюду валялись пыльные зёрна, просыпанные, вестимо, с худых крестьянских

мешков, а покосившиеся сараи в приусадебных хозяйствах этих милых сельских обитателей, уютившихся на тесных клочках земли, виделись мне готовыми повалиться на нас с барином со всяких сторон от легчайшего дуновения ветру, ибо доски крестьянских построек испокон веку обращены уж были в сущую древесную гниль и ветошь.

Из подворотен пронзали нас сквозящие тоскою голодные взгляды отощавших и облезлых *des chiens* и провожали маслянисто кувыркающиеся подуставшие мысли лениво-полосатых *des chats* со свешивающимися патлами грязной шерсти, которую их хозяева, ведомо, и не думали отмывать за весь недолгий и безотрадный в сём захолустном поместье кошачий век - мне мнится подобная нечувствительность и безразличие народа *vers le niveau du confort* своих домашних подопечных зверей в изрядной степени возмутительным дикарством, чего в обществе высшей аристократии усмотреть по факту *il est impossible*, за редким и повсеместно осуждаемым исключением.

По прошествии ещё невеликой толики времени захудалая деревня, состоявшая из нескольких десятков убогих и страшноватого свойству дворов, закончилась, уступив пространство гранитной стене монастырского скита, высокой и долго тянувшейся куда-то вдаль. *Le couvent* сей не сказать, чтоб был уж слишком велик - скорее уж как раз наоборот - он производил впечатление обиталища размеров зело небольших, однако же, учитывая, что житие там вёл, по-видимому, всего один лишь старец Чурисий, для оног сии скромные и серые тишайшие кельи, должно быть, казались воистину великими хоромами царственными, величиною вторые в поместье после знатного особняка барина Петра Игнатьевича. К тому ж скит обладал пред особняком одним немаловажным преимуществом, выраженным в гораздо большей прочности гранитных каменных стен по сравнению с древесными брёвнами барского терему. Мне подумалось, что *en hiver* в ските, ведомо, делается крайне зябко - и поёжился от хлада, сей же миг сотрясшего самое глубинное нутро моё. На крыльцо вышел сам отец Чурисий - всё указывало на то, что это именно он и был - и поклонился пред нами, искромётно воскликнув, распираемый неким внутренним импульсом, как натянутая тетива или сжатая пружина, наконец-то обретшая свободу импульса:

- О, барин Хорохорин прибыл да гость его безвестный!

Пётр Игнатьевич вздрогнул. Кажется, по фамилии без имени-отчества его здесь никто величать не осмеливался, что, впрочем, было вполне простительно для аскетствующего святого отца, коему называть

помещика по фамилии отнюдь даже не воспрещалось.

- Что же привело таких господ в мой скромный скит, в мою обитель? Подперев фертom руки в боки, барин гордо выпятил грудь колесом:

- Да вот, гость мой с тобою сговаривать пожелал. Я ему про мир твой тайный поведал да про ход в него, что в лесу сокрыт. Вот и интерес возник к персоне твоей. Поведаете гостю, что да почём с миром тем.

- Мир тайный - он на то тайным и зовётся. О, оно, конечно же, поведать-то поведаю, да только знайте, что так просто ход не пред кем не отворяется. Как Вас величать-то, сударь? Аль ещё барин один?

- Аркадий я, Геннадьевич по батюшке, уж соблаговоли, *le vieillard sage*.

- Ась? Вы, Аркадий, верно, аки барин мой, тож всё иноземщину во снах видите, кланяетесь в ножки всему чуждому да забугорному. Так знайте - не дворянского роду я, посему ж на вашем, лягушачьем, не разумею, хоть бы Вы и разопнитесь прям здесь предо мною. Токмо на родном языке сговоримся мы с Вами, - от сиих слов старца мне и впрямь аж как-то неловко сделалось, я уж и поотвык от общества людей, свершенно не разумеющих величественных и не ведающих преград по красоте звучания музыкальных переливов французской речи. Но впредь избрал решением в разговоре с Чурисием избегать переходов на напевную речь жителей с берегов Сены, используя лишь фразы и слова вечно отстоящих вдали от западной культуры потомков южных полян, веками тому назад смешавшихся с прочими славянскими племенами и настырно не желающих перенимать культурный опыт Запада во всей его полноте.

- Ты, я полагаю, сколь наслышан о тебе, и есть отец Чурисий?

- Чурисий, Чурисий, - сощурил и без того узкие глазки отшельник. Росту он был невеликого, волос на голове отродясь не имел, но зато носил патриархального облику седую бороду свойства и размеров самых препространных, кою же с младости, вестимо, и не состригал никогда вовсе, а оттого свешивалась борода та у старца гораздо ниже поясу, достигая самых колен некоторым подобием клинышка остроконечного виду. Чурисий показался мне весьма и весьма глубоким *par le vieillard* в возрасте уже практически предвековом, одетым в самые простые одежды из серой крупнотканой мешковины, а на ногах же носил нечто, наподобие грубых и давно стоптанных *des babouches*.

Но при всех тех описываемых качествах, старец своим невысоким ростом, постоянно щуриющимися подслеповатыми глазками, задорно

поблёскивающими из-под чуточки припухших век, небольшим носом, и наоборот, не в меру крупными волосатыми ушами да всё той же долгой змеей бородачи изрядно напоминал монаха, прибывшего из далёкого восточного полумифического Тибета - страны поднебесных горных кряжей и непостижимых для ума тайн мистических. *À l'Empire russe*, чей народ мало интересуется подобными вещами, ходило всё же предостаточно слухов да многообразных толков, ни единый из коих, при ближайшем рассмотрении, достоверным считать я просто не имел права.

- Отколь уж не покривить душой, батюшка, - ещё раз преклонился я пред Чурисием, в коем явственно чувствовалось нечто величественно-несгибаемое, чего напрочь лишён был Пётр Игнатьевич, а после продолжил беседу со старцем. - Так меня более всего интересует знание о тайном междометии Улум. Ако же естество являет оно из себя и при коих условиях достигнуто быть сподобно?

Старик с недоверием посмотрел на барина.

- Барин Хорохорин, позволишь ли мне собеседовать с гостем с глазу на глаз без твоего соучастия в вопросе его всемирном?

- Годно баешь, старик. Добро даю, ладно, собеседуй, како велишь, с гостем моим, Аркадием Геннадьевичем.

- А Вы, господин, аки ж собеседование сие закончить изволите-с, - обратился помещик ко мне. - Заходите-ка ко мне тогда сизнова: Марыська моя Вам чаю самовар заварит, вот и попью с баранками да мармеладом, с Ташкенту нынче привезённым. Эта *la servante* у меня же экая шустрая: всё зауспеть сподобится, уже ж и откупные выплатила. Тут, почитай, с отмены крепостничеству-то всего ничего прошло, а она - ишь какова, меньше, нежели за два году управилась, а всё со двору барского уходить не желает. А то ль ей худо там что ль? Живёт себе в тереме расписном: тепло, хлеб-соль, разве что случается такая напасть, что клоп по ночам где заукусит в места мягкие да холёные, до токмо дело то всецело поправимое, - барину явно не давала покоя тема отмены *le servage* в нашем государстве, и прямо-таки зудела в его мелкопоместной и не слишком-то высокородной душе непрестанно и непрерывно, куда уж поболее всяческих немалочисленных тайных сообществ, в коих имел *le bonheur - ou le malheur* - со издавних пор состоять помещик сей столь громко и антиконспиративно, что о причастности Петра Игнатьевича к оным с сих же соиздавних пор и ведомо было всей околице усталой деревни его Мелихово-Чухонеевки и даже за дальними пределами таковой.

Отец Чурисий, тем временем, указывал блестящими, как у синички, и, одновременно, пламенно-сияющими, как у филина, глазами на то, что должен я переступить порог монастыря и проследовать за стариком вовнутрь покоев его. Не сказать, чтоб внутри скита оказалось слишком уж просторно - тогда бы кельи уподобились пиршественным залам древневаряжских ярлов, но нет, большую часть пространства келий занимали именно объёмистые глыбы стенного граниту, толщиной доходящие порою аршинов до четырёх, но зато, верно, неуязвимые свершенно для снарядов вражеских, что, всенепременно, уподобляло скит крепости-твердыне, родом из эпох былого. Отшельник запер толстую дверь, целиком выструганную *d'un vieux chêne*, чугунным ключом, что весу на вид был с четверть сотни золотников, и, провернув на два оборота, точно бы премного убоявшись, что некто сподобится вдруг зайти или подслушать, старец зажёл по углам комнаты факелы да керосиновую лампу вдобавок, про себя постоянно не уставая бормотать: «Междометие Улум его интересуе, ух, междометие Улум, ишь акой нашёлся такой». Усевшись на подстеленный соломкой деревянный ящик, служивший, по всей видимости, вместо стула, Чурисий скрипуче пробубнил:

- Вы, Аркадий, верно ли, не ошиблись, иль, быть может, где-то прозаслыхивал я не то - уж слух-то на старости лет совсем никакой - да токмо говаривали Вы про междометие Улум, нет ли?

- Да, совершенно верно, святой отец, именно оно меня и интересуе более всех дел в жизни и вещей на Земле, - я с нетерпением крутился на ящике, подобно школяру, которого строгий учитель не выпускает во время урока в *la toilette*.

- В случае сем Вы ведать обязаны: знание об том Улум немалую опасность являет само по себе, ежели же применение ему найдено будет, так окажется знание сие ещё стократ опасней. Я поведать Вам должен чутка о вещи одной, основу полагающей, для жизней наших зело занадобной. Без вещи той постигать тайны междометия Улум и вовсе окажется престрашно. Скажу токмо лишь, что междометие такое начинает безо всякой на то воли выкрикивать всякой человек, постигший знание чудое, тайное. А отколь достигнет его сполна, всем единеньем телу и души дотянувшись изнутри, так станет тот человек не человеком лишь, а как бы неразличимым уже от вечного отзвука звона Улум, слившись с оным воедино и продолжая стрекотать в океане Вечности.

Именно сказанное мною величайшее оккультное сплавление души и

телу в достижении знания о междометии и заставляет человека кричать вместо «ой», «ай» или «ай-яааа» громоподобное «Улум! Улум! Улум! Улум!», чем-то напоминающее воркование голубя на чердаке или уханье кладбищенского привидения, это как уж и кому что более похожим заскажется. Впрочем, и сам человек... А ладно, не будем о том рассуждать далее, а то неизвестно ещё, в кои дебри способны завести нас смутные измышления толку магического да потустороннего. Что же Вам, господин, понять следовало бы, прежде всего прочего, дабы дотянуться до знания о междометии? Всяческий малейший навык, что входит в нас с самых лет ранних существования от роду не остаётся без того, чтобы чуточку, вот на самую малёхую толику, сменить угол нашего взгляду на вещи и на сути всех вещей.

Польза, однако же, велика токмо лишь со всего нового, а любое повторение знания бывает, порою, и насупротиву - превредно, не всюду полезно, ибо всяк человек, многократно повторив то, что узнал лишь единожды, может навеки закрепиться в уверенности собственной, позабыв, что всякое знание верно бывает по отношению лишь к применимости в жизни, и почти на всякое знание сыскаться сподобно инаковое уразумение, его сполна опровергающее. И то понимание будет столь же верно, сколь и верно первое - и столь же не верно, в сей же час, относительно любого другого знания, его окружающего. Нет в мире правды и неправды. Мир сплошь состоит из сотен сотен правд и неправд, всякая из коих есть суть ложь превеликая, ибо действительность совокуплена со всякою истиною и со всяческою ложью единомоментно, а посему становится неопределимой и нейтральной, почти безвкусной по природе своей - а дело именно так и обстоит. Нам же остаётся выбирать грань действия и уразумения по ситуации, волю свою поднапрягая. А ако ж дела вкруг иные твориться заначинают, таки и уразуменье наше в новую грань свою переходит, сполна равную со всеми предыдущими и последующими.

Вкус же к жизни до тех пор, пока мы имеем опору - это всегда искусство самообмана для того, чтобы видеть прекрасное там, где никак, либо же отвергать ужасающее там же. Ибо опора и есть темница, карцер, а искренняя вера в действительность и действенность опоры - тот ключ, которым мы запираем себя изнутри собственных камер, отворить кои может лишь тот, кто потерял всякую надежду и веру, а путь его - скитание в сей миг. И всяк сей миг его и есть он сам, подобный всем ветрам планеты. По сути, жизнь - это и есть процесс явления живому всех доступных сторон

самообмана, начинающегося в миг зарождения живым существом умения воспринимать и заканчивающегося в момент окончания жизни.

Обман беспрерывный сей, на себя же сплошь направленный сперва, а затем лишь - на других, постоянно переходит от одной сладкой лжи ко лжи иной, или, наоборот, от одной горькой лжи к прочей горестной и неприятной неправде - уж каков человек, и как привык он действовать и пред миром всем тем ответ свой содержать внутренний в коем качестве. Истина же вкуса не имеет - мы сами заставляем себя ощущать её вкус, но именно в сие ж самое мгновение, когда мы начинаем чувствовать вкус истины, перестаёт она тотчас быть таковой, обращаясь в нашу и токмо лишь нашу личную правду. Именно в сём и сокрыта знаковая частица человеческая, в этом вся суть его общественная - не перестающая ни на мгновение врать себе и жить той ложью, заставляя человека чувствовать сомненья по поводу того, стоит ли ему вовсе сомневаться в окончательности данного ему и, безусловно, ограниченного опыта, что дарует сама жизнь повседневности. Эта же форма лжи заставляя человека закрывать глаза на то, что всегда лежит у него пред самым носом: жизнь пестрит странностями, нестыковками и зацепками, способными позволить человеку преодолеть самоограниченность. И всё же обман жизни предельно коварен и сокрыт. Ибо в коем направлении следует искать беспредельность, если предельность мнится столь же беспредельной, целокупной и вполне завершённой во всём многообразии явленных личин её?

- Но как же извечные человеческие ценности, нормы культуры, заповеди - как? - вопрошал я у старца после сих слов его, почудившихся мне премного возмутительными безо всякой меры и точно бы безумными. Впрочем, Пётр Игнатьевич предупреждал меня, что Чурисий - старец какой-то чудаковатый, юродивый, *faible d'esprit*.

- Все они хороши по двум лишь причинам: аль удобны, дабы в обществе обитать без каких-то особых хлопот да забот, аль в первозданности природы человеческой сокрыты и заложены в эту самую природу его. Но стоит лишь приподнять завесу театральной ширмы, за коей всяк играет в человека, и там уж не останется свершенно ничего ценного, кроме самой возможности мира сего существовать. Лишаясь же смысла вовсе, лишь обретаешь оный, ежели не остаётся никакой возможности задать на словах и самый вопрос о смыслах. Когда теряется даже самый смысл задавать подобный вопрос, то понимание приходит, что сущность

жизни заключена в постижении жизненной сущности, а любые вопросы о смыслах смысла же действительного не имеют. Сие чувству подобно озарения снизошедшего, суть коего в том, что жаждать прекращаешь, сыскав, обрести любые смыслы, ибо поиски сии сплошь бестолковы: каков быть сподоблен смысл у самого смысла, опричь него же самого и какова может явиться ещё глубинная суть каждой вещи, кроме той сути, что вещью этой и является? Иное ж дело, что все вещи явлены нам вовсе не теми, кои ж они есть как есть, не для самоих себя, но для Бытия самого.

Ведь ума лишь отражения делят вещи и сути оных, в единении же все вещи и все сути едины и тождественны, и несть числа им, бесконечно оно да никаково единовременно, хитросплетены да безраздельны, а оттого - делить сути меж собою - дело ума, но не мира, и от ума одного токмо всецело зависит, кой узелок и вогнутость сопредставить искривленьем действительного. Акой же образ и смысл обретёт - вариантов тут существует столь, сколь нет корпускул в Космусе усём - несть числа им также ж. Ибо правда такова, что каждый из узелков тех и искривлений отнюдь не есть иное, нежели выгнутость ума, формою содержания одного определённая и ею же являющаяся. Что же, спрашивается, людям прочим мешает поступать сподобным же образом - теряя смысл обретать его, и они - супротив - часто предпочтут обрести таковой, напрочь понимание смысла всех смыслов утерав?

А мешает им научение особое с возрасту дитячьего. Сказывают им старшие: «Думайте и делайте так да сяк, а иначе же помыслить и поступить изволите - будете бяки, ежели ж по научению нашему исключительно - так вы наики». Вот и наука вся народная, воспитательная, в сущности самой опыт меж поколениями передающая. Возьмём недавно лишь властвовавшего повсеместно идеями своими Бенкендорфа Ганса Христофоровича, умов светлых немало посмутившего на веку дела своего тайноканцелярского. Он ведь говаривал что? «Самодержавие, православие, народность». И пробовал бы при нём кто сговаривать иначе как-либо, костей бы не собрал своих опосля. Вот и выросло целое поколение, воспитанное под им преподанном государству нашему лозунгом. И бедняги сии умственные полагают смеют, что лозунг тот есть и действительно не худ, ибо патриотичен насквозь, культура их родная, народ русский велик, да и прочее всё засходное, отколь в теме оной значится.

А что же сей патриотизм-то суть есть? Патриотизм есть тот крючок, коим-то же наш царь-батюшка, не к ночи будь упомянутым, Александр

Николаевич, ловит таких вот самоотверженных да дурных народных простаков, цепляя их тем самым крючком прямо в мозг, вот прямо в мозг так, что те уж и соскочить до старости лет не посмею. А отколь уйдёт удаль да бравада вся их молодецкая ко годкам-то закатным, так и не останется ничего им, окромя как уповать на жизнь свою прожитую образом самообманным. Покуда прибудет мудрость к оным, тогда уж поубавится апломбу их кабацкого, что заставляет сиих молодцев добрых горькую хлестать неуёмно да кровь друг другу носом пускать, хвастаясь пред остальными сотоварищами. Ежели ж ты понял, чем и способом коим мир проживает, и сколь микроскопична да мелочна вся наша Земля-Землюшка пред силами всевеликими и всепронзающими, что разуму даруют аки клетку, таки ж и волю да в просторах меж звёзд парят, то никогда уж не опустишься до мещанского жизни образу и того, что порою величают храбростью, заставляющей бросаться грудью на шпаги и штыки - не храбрость это, но глупость чересчур человеческая. Таков здесь ответ мой стариковский, чурисийский.

Толку что с того, чтоб погибнуть? Каков толк героям от их посмертных медалей, если им уж вовсе никак, и они токмо ж слились с миром? Герои то есть, а не медали. Каков вызов в том, чтобы просто погибнуть, ежели и так все там будем? Вековыми тропами лжецов государи пытались обмануть народ честной, а уж навывдумывали, навывдумывали - патриотизм, Отечество, смелость, ура, сражения, воинская доблесть, войнушки мужеские. По ту ж сторону небытия всё едино и все равны, но о том сговаривать, ваше высокоблагородье, вроде как, и не принято в обществе, ежели честь по чести усё углядывать заподробно, - с этими словами старец Чурисий чутка поперхнулся и тотчас смачно сплюнул на пол, а опосля изволил кашлять ещё никак не менее *de deux minutes*.

- Да ближе к делу, святой отец, - подтолкнул я старца Чурисия вернуться к теме первоначальной беседы нашей, с коей и начались сии мудрствующие дебри тропиков и лиан. - При чём здесь сокровенная истина об междометии Улум поведать нам сподобная?

- А междометие Улум очень даже здесь при чём. Когда люд некое новое знание вбирает вовнутрь, то даже ежели таковой весь многократно мхами разуму поверх порос в сведениях жизненных, оно всё ж сталкивает ядрышко малое в разуме сём, всё ж таки катит его в направлении том, иже готовы освободить для нового ядрышка того плотные туши знаний прочих, кишащих в разуме человеческом. И от знаний сих, а не столь от знания

полученного, и зависит та направленность, в кою всё новое направляться станет, а та ячейка, та лунка, куда оно в окончании пути своего закатится, найдя применение, изначально и самому человеку неведомое, понимание в себе заизновое обретшему. Чем же более нового постигать всякий горазд, тем выраженнее меняется сей образчик роду людского, а чем шибче он меняется, тем шибче приближается к той черте, за коей он уже и не совсем-то человек, а существо порядку иного несколько.

Опять же, скажу тебе - не ниже и не выше человека повседневного, а просто - иного порядку, ако зверь какой, да токмо разумом суть не обделённый верхним, развитым и многозрячим. И вот аки ж доходишь и ты до черты таковой, что далее, кажется, и идти-то некуда свершенно, далее видеться вообще всё некое другое значивает, совсем за пределами людского уже произлегалает оное, то снисходит тут же великое смятение душевное, да и подрастеряешь тотчас покой на время аль навсегда от колоссальной несопоставимости ведомого тебе ранее и открытого внове.

- Что же, изволите ль узнать, святой старец Чурисий, мне снизойти может средь знания высшего и умом не запросто так постижимого, хоть бы и в миг любой прийти могущего? Сколько лет на свете живу, а всё ж не приоткрывается, - в некотором роде, бесцеремонно прервал я поток смыслоизлияний старца, ибо монах сей говорил столь долго, что мне уж становилось, в определённой степени, даже невтерпёж от знания своего неминуемого приближения к постижению всех тайн междометия Улум.

- А вот то-то и оно, что приоткрыться премноее всем нам сподобно, да, порою, не во всяко время и не во всяк настрой внутренний. Точнее, время-то почти всяко, да рассудка форма не всяка, и оттого вынужден каждый, к знанию тайному бредущий, вылепливать облик ума, как скульптор, лепкою памятников со статуями занятый. Кстати, думку не думывали ли, господин Аркадий Геннадьевич, отчего словеса «бредущий» да «бред» друг другу засходны? А не с того ль, что бредущий по пути постижения должен познать и признать то, что дотоле ему бы лишь бредом единым сплошь показалось, отвергнув за сим изнутри, но токмо приняв снаружи бред обыденной жизни, кажущейся нормою свершеннейшей в того лишь силу, что ранее никогда заудумывать серьёзно не доводилось, что именно есть суть бреда, да от коих корней и родников исток он несёт в естестве человеческом? И не является ли бред, что многие прочие в неуразумении своём бессмыслицей дикой кликать могут, обратною стороною мудрости, в плоскости единою с оной мудростию лежащею?

Ведь всяк и сам не ведает, что ему приоткроется, ибо раскрыться может даже та бессчётность, о коей и сам-то ведать не ведаешь, да и знамо то не будет многим ещё долго, а ещё количеству большему в толпе народной - и вовсе никогда. На деле же самом, разумеет всяк, в сравнении с возможностью того, что познать сподобен, верно, никак не более понимания у котятки новорожденного бытующего с тем в сопоставлении, что уже некогда постиг человек к мигу, в кой сравнить решил знание собственное со знанием ему доступным. В том-то собака и зарыта.

- Кажется, я начинаю сознавать, о чём Вы мне здесь сказ ведёте, отец Чурисий. Читывал я как-то раз труды тех мужей учёных, что разум всё ведают да изучают, и звали в книгах своих они подобное оговоренному Вами «когнитивным диссонансом».

- Да, звать Вы, господин, всяко можете сие Великое Смятение Ума, да токмо не всяко едино полезно оно случается - у каждого своя полезность бывает. Одно более полезно для одних, менее - для других. Прочее же насупротив - более полезно для других сказывается да менее для одних.

- Но сие уж из области наук физических нешто. Вроде «коэффициенту полезного действию» или чего-то того около. И коли дело на то зашло, то и вся тема познания сути потаённой междометия Улум оказывается в опусах Ваших подобна постижению «коэффициенту полезного действию когнитивного диссонансу», как сумел бы учёный познаватель разума мысль свою выразить соизволить.

- Вам, Аркадий, то, вестимо, более ведомо. Моё же дело малое: я миры лишь постигаю да пространства запредельные. Да токмо знамо мне и то, что наука вся сия физическая, она по пути ложному часто люд сопроводить алчет, ибо по пути сему и сама отправлена была с пор тех, как мужу учёному аглицкому яблоко об темя заударилося с ветки яблоневої прямо. Мы ж говариваем аким образом? Есть дальний путь, а есть путь близкий, иль вот бытует запредставление, что, ведомо, слон-то ж тяжёлый, а человек полегшее слона будет. А там, где становишься единым целым с междометием Улум, там никакого различения меж оными тропами, человеками да слонами не существует - и то есть едина первоматерия, и сё есть едина она ж. Така, ведаешь, вроде свету солнечного, да токмо не от солнцу дошедшего именно, а от истока, из коего же все мы и состоим и в коем всецело и всегда пребываем, и кой вне пространств и времён лежит, все их воедино соединяя во Вселенную целостную, которая же и есть свой собственный исток без начала и конца, ибо как может начинаться и

заканчиваться то самое, чему чуждо время. Корень времени лежит в истоке, и именно поэтому исток Реальности пребывает вне времени, и потому бесконечен. Время же порождает сами для себя те существа, что живут во времени, ибо оно - форма образуемого им условного порядка во всём Сущем, призванного служить выживанию таковых в качестве «узелков» мира определённой формы. Разглядь такие - и не останется ничего в порождениях истока, куда вернётся неопиcуемая, безликая и неделимая сила за пределами жизни и смерти, начавшая и окончившая их бытие.

Однако же в природе человеческой свет тот, сквозь все миры и меры лучающийся повсеместно, в образы оболочек кожаных, древесных да железных, в хлад и жар, в воду и пламя облачён оказывается, ибо ум наш таков, что делает свет сей чем-то отличным от него самого, раздавая повсюду имена. Но правкою имён мы великий обман ума разоблачить сподобны, обернувшись вспять - туда, откуда сплошь источаются шаткие пульсы и колышущиеся всполохи свечение всего и во всё, заставляя нас идти в сторону странствующих теней. Свечение сие подобно сиянию Луны в ночь звёздную, ибо Луна, исконно чёрная и лишь зеркальный свет солнечный по природе своей исторгающая вспять, кажется нам светочем серебристого блеску, хоть и мерцание то не от неё исходит вовсе, а ею всего лишь отражается. Так и сами мы подобны сонмам блестящих лун, чьё сияние не только им отродясь не принадлежит, но даже в них и не задерживается, тотчас же отторгаясь вовне - но с тем лишь, чтобы наполниться, точно упругий кубок, уникальный в своих кособокостях, пламенем истока Вселенной сызнова - и вернуть его в слегка уже изменённой форме первоначалу безликой никаковости, лежащей сразу за предельными границами наших естеств в быту людской обыденности.

Зеркальный свет истока порождает представления о наших жизнях внутри самих этих жизней и, одновременно, исток сей, а также вообще всё то, что мы только можем на протяжении наших жизней наблюдать вокруг себя. Выходит, что мы и есть свет существования и, в то же время, его собственное отражение. Но в сём нет противоречия вовсе - миру мы являем его же свечение, ибо наше сияние и есть отражение поток нашего существования в данных нам границах взаимодействий, границы же эти даны нам самим временем, которого нет, и они же и есть мы сами.

Мир же вовсе не требует от нас ничего ему являть, да и вообще ни от кого ничего не требует. Друг другу являем мы изменённые кривизной отражения того самого свечения, коим сами же и являемся, образуясь сразу

из всего, что не мы. Как пузырёк воздуху, покачивающийся в миг всплытия в толще воды, обретает форму не собою, но лишь водами вокруг него, а всплыв, навеки оказывается слит с атмосферой окружающего пространства, так и мимолётность жизней наших образуется именно всем тем, что именно нас окружает, придавая нам формы. Ведомо, для того, чтобы отражения могли существовать, им требуется всенепременно куда-то отражаться, иначе бы и породившее их естество оставалось бы просто самим собой, будучи вечной сутью того, чем они и пребывают всегда в действительности.

Отчасти, тайну междометия Улум можно объяснить и как научение зеркал, поставленных друг супротив другу, перестать образовывать бесконечные коридоры иллюзий, или ещё как науку для пузырька не касаться вод ещё до того, как сольется он с воздушными потоками да ветрами всей Земли. Для зеркал отражения - свойства, но не суть, равно и для пузырька сущность его в шаре из газа, а не тех водных границах, что шар сей показать вовне сумеет. Подобная внутренняя суть есть и у природы человеческой - и к ней именно ведёт постижение мига междометия Улум, ко сему же и обретаем оный извитыми путями всяческими. Всё истоком из мига острия крохотного исходит - и в остриё же в миг сей возвращается. Вот человек, ако помирает он. Думаете, взаправду ль в рай аль в ад попадает? Игра ума сии сказки все, лишь идеи земель потусторонних, по полюсам раскиданным, к коим ум человеческий отродясь тяготение имеет особенное. Какой там ад иль рай? Растворяется человек в лучах света того, аки бы солнечного - и становится ничем, чем всегда и был изначально, расправляя и развязывая на ткани сущего котомку собственного рассудка.

Слияние в сиянии то ждёт всех и каждого, однако ж, можно обманным путём, перехитрив самую природу, оболочку узелка своего сохранить - и тогда вместо слияния форма былая перетечёт в другую, приобретя черты новые - и существование продолжится уже в другом совершенно качестве, неописуемом и непостижимом до тех пор, пока мы здесь - и постигаемом единомоментно в миг слияния - но тогда бывает уже слишком поздно, чтобы кому-то и что-то объяснять. Маневр же науки сей в том, чтоб при жизни познать просветление смертности нашей сполна - смерть не приходит к уже мертвенности достигшим, если мнит за таковых существа живые, существующие скитаниями явственно расхожими от троп прочих.

Кто же междометие Улум постичь сполна сумеет, шансу обретёт не раствориться в повсеместном безличном океане бытию, а стать эдаким

лучиком, из части коего взрастёт семя пшеничное, что перемолото будет на хлеб с плевелами и репейником в стране бедняцкой да на землях дальних континенту африканского, и, будучи скормленным малолетнему негриту, вызовет у оного несварение с просиживанием последующим долгих часов раздумий где-нибудь под пальмою ближайшею, что кокосы порождать сподобна. Вот что толку с того? По сути, постижение междометия Улум есть возможность всевеликая посмотреть на со стороны туда, где каждый человек постоянно себя миру являет и где находится сам, то есть до мелочей, былинкам, глазу незримым, подобным, смысл весь постичь изначально пустых кажимостей вещей всех тех, кои для нас реальностью становятся. Созидаем мы таковые по привычке лишь, и знать не зная, как именно их делаем, подобно сокращению мышцы сердца собственного иль дыханию во сне. Сколь прочее делаем мы неосознанно, то и сущее вокруг себя образуем столь же неосознанно, по научению рождения сперва, а опосля уж по научению детскому, до скончания жизни с нами остающемуся.

- Что ж сие междометие - ключ к жизни вечной? - удивился я настолько, высоко задрав брови, что стал, как говорится, *semblable au singe anthropoïde* времён доисторических, а уголки губ моих изрядно окосели в изумлении огорошенной полуулыбки. Должен отметить, что Чурисий всё же на показательно выраженный жест моей *la mimique* никак не отреагировал, продолжая рассуждать, размеренным голосом взвешивая, точно аптекарский подмастерье, каждое произносимое слово речи собственной, уверенно-неторопливой в интонациях.

- В мере определённой, говаривать можно и тако ж. Но самое главное: чтобы понять сие, Вам, всенепременно, нужно познать и сторону на противоположности себя, на изнанке лежащую, суть её всю вовнутрь приотворив храбро и да не убоявшись ни на толику малую. Отколь всё соткано из единого толку лучей, пронизывающих вокруг каждое, и все воспринимаемые три измерения, четыре стороны света, равно как вообще все точки, по коим человек вешки в пространстве сыскать себе сподоблив. На деле же потустороннее солнце мира, острое истока всего светит не куда-льбо, а напротив, как раз таки вовнутрь самого себя и токмо лишь самому себе. Всяк из нас - солнечный зайчик, светилom тем порождённый, непознанным движениям его последовав, лежащим за умом или безумием. Ибо ум и безумие есть такие же частности проявлений нас, как и тела наши. Законы же сущего есть суть взаимодействие вне форм и оценок, и

вне слов.

Когда его лучи, опьянённые трезвостью ясной бесконечности, пересекаясь под самыми невообразимыми и невозможными углами, образуют промеж собой клубок некоего мерцающего переплетения, то оно под непрекращающимися колебаниями движущихся лучей - ну видели, господин, как ежи морские передвигаются, и здесь примерно подобное - обращается в нечто различимое глазу людскому. Вот за дверью сей иль лежанка с сенцем, иль лампочкою керосиновой, со мною ли аль с Вами ли - едино, ибо мы есть точно такие же зайчики этого внутренне-внешнего солнца-истока бескачественности и никаковости самого существования, - отец Чурисий поёрзал малость на месте одном, достал крынку, молока стакан налил и, прихлёбывая напиток маленькими глотками, продолжил собственную речь. - А поскольку светило сие целостно и внемерно во Вселенной всей, то и содержимое нутра его от нас самих зависит ровно постольку же, поскольку и мы сами зависим от углов наклону лучей его, от того, как промеж собою пересекаются оные, ибо сие мы сущностию жизни и величаем.

Главное же в том, что все мы находимся в месте едином, но на всякого из нас лучи малость по-разному падают и, ежели желаем мы перескочить с луча одного на другой, то казаться начинает, будто бы мы идём куда-то, путешествуем, проще говоря, смещаемся в некоторое место другое, хотя, на деле действительном, мест-то и есть всего-навсего одно-единственное в неразрывном и взаимосвязанном внутри себя источнике всего - всепоглощающем сиянии начала жизни, смерти и вообще начал всех начал. Переходя по земле аль водам из места одного в место другое, мы, придавая нужное направление, прикладываем усилия, коими снабдить нас в путь-дорогу способны всё те же лучи, и из коих же сами и состоим. А что сие означает?

- Что означает? - повторил я вослед за монахом, которому, кажется, удалось-таки меня вконец запутать.

- А! - хитро и многозначительно в который раз сощурился Чурисий, подняв вверх указательный палец. - А означает сие, что мы и есть тот самый свет, коий видим в расстояния качестве. Вот, скажем, доводилось ли Вам, Аркадий Геннадьевич, некогда с Ярославля да в Рязань кататься?

- Доводилось, батюшка, уж и взаправду бывало таковое, - хмуровато кивнул я, не желая особо вспоминать ту долгую и разухабисто-малоприятную поездку.

- Тапереча же, представьте, что дорога сия, это вот самое расстояние меж городами двумя, равно и сами Вы из тесту одного вылеплены, однако же на то, чтоб проехать путь сей из города да в другой, требуется усилие приложить немалое, а для того, чтоб Вы существовать бы изволили, усилие прикладывает как раз мира всего первоматерья и способ тот, коим существует таковая во образе остря истока всего. Точнее сказать, никто ничего и низачем не прикладывает, оно существует постольку лишь, поскольку без прочего всего существовать не умеет, прочим же всем определяясь точно тем же способом, коим есть, суть, и Вы сами. А сие сущее даёт возможность быть и Вам, сударь также. Закон таков всемирный.

Вопрос соответственный во уразумении закона сего возникает, проявляясь. А можно ли измерять расстояние Вами? Вот сколько весу в Вас пребудет - и чем более, тем более он первоматерья включает, а тем более Вселенной всей лучей косых, падающих вовнутрь Вас. И так уж отколи дело обстоит, то разниа меж весом человечьим да расстояньем от Ярославля до Рязани иль там от Петербургу до Москвы, с Оренбургу ль до Екатеринбург - не така ж велика в сущности своего явления. Вот чем Вы, Аркадий, расстояние ль соизмерять изволите?

- Верстами, - уверенно кивнул я в ответ головой.

- Вот. Верстами. А можно расстоянье то не столь верстами, сколь пудами взвешивать - и точно так же наоборот, человека верстами теми мерить можно.

- Да как же, меня, например, верстами б вы, старец, соизмерить порешились бы, ежели вот я и трёх аршинов росту не буду, пожалуй.

- Вы трёх аршинов можете не быть, но с верст по семь бывать обязаны-с, и не росту, отметить мне изволите ли, а весу во плоти телесной Вашей, сударь. Сие ж другое совсем. В объёмном представленьи всяк составлен из трёх направлений разных, значится, высоты, ширины да долготы - вона долговязый Вы акой, отколь и все четыре честных аршина будете даже. А то, сколь весу в Вас вмещается - совсем инаковое то слово да сужденье. Рост весом уже быть способен в плотность переведён, коя такмо же ничто иное есть, как сущность силушки превеликой. Образуется таковая от энергий первородных, что «Ци» зовётся в стороне земель народу трудолюбивого да низкорослого, на востоке живущего. И подразделяется она на замеры, перемноженные наполненности светом, изначально незримым существам человеческим, а наполненность та свершена быть долженствует каждым, кто преодолет расстоянья из мер ширины, высоты

да долготы собственных.

Вот кость игральная, - мудрый старец бросил на стол кубик, совершенно не вязавшийся образом со скитом аскетствующего монашества. Впрочем, разве ж не люди все эти отшельники и *ne se distraient pas* ужели вовек никогда что ль? - Зришь ли, сударь, весу в кости с золотник будет - и вся она не более, чем сила ж её, а плотность таковой есть энергия же на энергию и подразделённая - ту из оных, что способна, быть может, полдюйму в длину преодолеть да перемноженные на сии же полдюйму, да не просто так ишо, а по три разу. И когда поймёте Вы окончательно смысл измерения расстояния пудами, а весу аршинами да верстами, вот тогда-то сумеете Вы окончательно и бесповоротно постичь междометия Улум суть самую внутреннюю, а коли постижение сие озареньем негаданным снизойдёт на Вас, Аркадий Геннадьевич, едины будете с Улум и безраздельны столь, сколь и всегда везде безраздельны уже, да не достигли токмо знания сего всяко не умом, но вчувствованием телесным.

Размышления и измышления монашествующего отшельника мне начинали мерещиться даже прелюбопытными - старику и вправду оказалось не столь уж сложным запутать мой ум, хоть ранее и несколько натренированный в делах толку мистического. Зато смысл возвышенных *le discours* его принялся понемногу доходить до штиля, царившего дотоле на поверхности моего чуточку подуставшего осознания. Чурисий решился, тем временем, провести меня малость за пределы принадлежавшей ему и ради него же отстроенной обители-скита, сообщив напоследок несколько слов *sur les plans* дел насущных:

- Нам в самый раз постичь пристало те самые вершины мироздания, что к вечности иль прочему желаемому привести готовы алчущего оных искателя тайн междометия Улум.

- Вот неплохо ль было бы проделать тотчас же чудный сей ритуал трюкаческий, - усиленно закивал я. Отец Чурисий вперевалочку и покачиваясь с боку на бок, отправился тот же час в сторону дубовой двери собственной кельи, отпер её и попросил следовать за ним.

На улице ко времени окончания беседы нашей уже изрядно так поистемнело. Над головою в таинственном тёмном бархате небес блёстками вспыхивали, подмигивая нам, сочные драгоценности звёздных глазков небес поздней осени. Шквальный ветер срывал с деревьев последние листья, а в самой деревне столь же тревожно, судорожно и шепеляво откашливаясь, выли собаки, точно поперхнувшиеся изнутри

именно собственными костями, зарытыми под будкою, в то время как в самих будках оставался эфемерно-пёсий святой дух, отчаянно хранивший полусгнившие срубные избёнки, тонувшие во тьме пепла, оставшегося после догоревших костров промозгло-туманного заката, сбивающегося буклями клубящейся темноты под порогами тех самых трухлявых крестьянских землянок, откуда выползало ленивое и толстеющее шевеление тоскливой сырости, принимая формы всех возможных суеверий народных, о домовых, банных да леших сказующих.

И чудилось мне, как в шатких сиих хижинах понурой, убогой и неухоженной Мелихово-Чухонеевки сидят на оструганных лавочках лапотные дедушки возле натопленных русских печек да сказ говаривают преданий старинных собравшимся вокруг малым ребятам, и блики лучин играют жёлто-оранжевыми всполохами пятнышек на их конопатых лицах, соломенных волосах да голубых глазах, пока из-под дедушкиной бороды выползают медленные, как дымок табачной трубки, и скрипучие, как чуланные дверцы, слова полузабытых преданий, растапливая в тепле задушевной беседы юные сердца и скрашивая неуютное завывание ветра в печных трубах медовым жаром сокровенной мудрости фольклорных преданий.

В миг сей снизошло вдруг озарение, что такова и вся Российская Империя, сонное царство, вяло и заторможенно ведущее в мой *progressif et civilisé* девятнадцатый век свой феодально-патриархальный быт по давным-давно обветшавшему укладу старинных народных обычаев, представлений, круговой поруки и раболепного услужения всему роду дворянскому, происходя из коего, я никогда прежде мгновения сего задумываться не соизволял о дикарстве и противоестественности царящих повсеместно нравов, ибо к крепостничеству, пять сотен крестьян в услужении имеячи, привычен был с появления на свет самого, но даже позапрошлогодний закон императорский от девятнадцатого февраля мало что успел поменять как в умах освобождённых крестьян, так и в умах помещиков.

И все мы продолжали следовать нашим самодержавным традициям в то время, когда крохотные государства, на континенте европейском едва ютящиеся, всю уже использовали энергии электрические с силою пара совмещённые, задумывали, как свершать снимки моментальные, картинам, писанным краской масляною, на замену будущую, и о том соизмышляли, как бы ещё силу руд магнитных во благо человеческое приструнить. Уральский же край же наш губерний Пермской да Оренбургской являл

собою точно бы тот дальний околоток, единою лишь силою выплавки металлов да самоцветов добычею держащийся и средства денежные имеющий, за коим начинались безрадостные хладные пространства ссыльной *Sibérie* - и виделись земли родные мои вечным стражем меж Западом и Востоком стоящим, цепями горных вершин, кряжей и уступов прикованным к месту собственного обитания - более тёплого и благодатного, нежели угрюмые и неплодородные губернии вечной мерзлоты к востоку, и более дикого и неухоженного, чем деловитые и густонаселённые обиталища народные, к западу от земель моих лежащие.

Что ждёт Российскую Империю в будущем веке двадцатом, чрез долгие полвека, чрез цельный век? Обретёт ли она цивилизованное *la noblesse et la prospérité* в вечном и непоколебимом правлении Императорского дома семьи Романовых, подобно величию стран Англии и Франции, или погрязнет в распрях и раздорах, как делящие богатства бандитские колонии за океаном, объединившиеся лишь для виду, а на деле же являющие поразительный образец республиканского хаоса и рассредоточенности, уже два года как утопающей в угольно-чёрных волнах недовольства и волнения негров, массово порабощённых и на силу привезённых из Африки этими бессчётными некогда европейскими отбросами общества, убоявшимися суровой кары в собственных государствах и позорно сбежавшими за океан в мечтательных поисках лучшей жизни, но для того лишь, как оказалось, дабы постреливать друг в друга, отменно сокращая численность собственного грабительского отродья где-нибудь в землях Техаса, либо же насмерть окоченевать в золотиносных хладных ручьях и речушках приполярной Аляски. А, может, с нами и со всей Империей случится что-то ещё, о чём я и помыслить не смею за скудным *par l'imagination* своим во всём, что относится к представлению быта лет будущих? Что век грядущий нам готовит? Я не знал ответа на сей пространный вопрос.

От раздумий тягостных сих меня несколько поотвлёк сумрачный контур Чурисия, мелькавшего вдалеке постольку, поскольку, замечтавшись, я имел неблагоприятие, в некоторой степени, поотстать от старца, преопасно не учтя возможности и вовсе потерять одного из виду в сгущающихся потёмках приближающейся полнолунной полуночи. Яростные порывы нисходящих воздушных потоков относили шумный и повсеместный собачий лай куда-то вдоль угольно-зазубренной стены леса, видневшегося острыми хвойными пиками непроглядного мрака в некоем

отдалении за пределами гранитной монашеской обители.

Вдруг Чурисий начал говорить, как будто и не замолкал, причём речь его показалась мне на сей раз воистину метафизической - она никак не повлияла на ритм и скорость передвижения старца и звучала так ровно, размеренно и следуя какому-то особенному внутреннему пульсу, что на мгновение даже закралось подозрение, будто слова и вовсе не принадлежат старцу, а исходят откуда-то с обратной стороны мироздания. По-прежнему, у меня была возможность наблюдать Чурисия в полутьме исключительно со спины, поэтому я не способен был составить особое впечатление или мнение, двигались ли его губы во время произнесения слов. Одно лишь оставалось несомненным: всё сказанное воспринималось мною отнюдь не через уши, а чётко, ясно и однозначно исходило откуда-то из самого центра головы. Покряхтывая, дивный монах молвил:

- А нонче-то настала самая ответственная точка времени. Поведать Вам я горазд о знании высшем, не разуму, но всему естеству сплошь предначертанном. И токмо от раскрытости лишь, гармоничности да многообразности внутренней Вашей зависеть будет, укажет ли изнутри знание сие тропы к Улум, альбо отвернёт с таковых навеки, что и впредь вернуться на оные не сумеете. Омывающие Вас, сударь, как из банного ушата, потоки, сотканые из здесь и из сейчас решают всё то, каковыми будете отныне и впредь. Наша тайна человеческая, глазу ничуть незаметная, но заметная чувству, и в том она держится, боязливо теплясь в укрытии пучин людской круговерти дня, что нисколько мы оную заприметить несподобны. Но следует только лишь обратить внимание специально - и вот уж для сплошняком опустошённых изнутри душ чистых становится понимание самим собой, даже не требуя никоих новых собраний слов.

Дело в том, милсдарь, что во всяком из нас живёт небольшой, но очень шерстистый и щетинистый Вепрь - исконное чувство, доставшееся люду в Древности доисторической от всяческих животных лесных да диких. Знание о Вепре уже само по себе обнажает в нас собственного Зверя. Человек ведает словеса мудрёные, зато почти напрочь позабыл чувства живые. Вепрь же не ведает никаких слов, он только чувствует - и ощущения его в стократ многообразнее, нежели человек сподобен был бы на словах означить. Загляните в пучины себя, господин, и Вы узрите там карусели красочного вращения эмоций, лишённых форм и даже самой возможности быть названными. Отриньте все слова - высеките названное в себе, как скульптуру - розгами, ибо любое названное исконно тождественно

солганному. Всё, что останется опосля высекания и отсекания, каждое, что приобрести форму не умеет вовсе - и есть то плавное и маслянисто-жирное скольжение гладкого ворса Вепря в глубинах самых отдалённых Вашей истовой первозданности природной.

Теперь осталось лишь довериться личному Вепрю - и вот уж он, в устремлении к свободе, вырывается из тела человеческого наружу неистовой силой, соединив своею шкурной ворсистостью напрочь несоединимое и объединив вовек необъединяемое, ибо противоречивое - формы словесных завес людских с бесформенностями вчувствований звериных. Тогда-то и откроется пространная и престранная суть беспредельного междометия, ведь оно - символ невозможного, фикция неопишуемого, название того, что назвать невозможно вовсе. Улум есть слово Зверя. Оно и Вы станете навсегда едиными, когда заклятье я произнесу окончательного призывания из древней дремоты дремучего Вепря в Вас. Так слушайте же, господин, следуя чутью картин и рисунков устремлённого внимания глаз и ушей вослед за сакральным смыслом пульсирующих фраз моих стариковских:

**Невзгоды щётками сотри,
Удача - карамель,
Ведь у неё всегда внутри
Тире - пюре земель.
В твоей душе пылает зверь,
Челом его измерь.
Персоны он лихая дверь,
Войди ж и *Вепрю Верь!*
А коли чаша не полна,
Зато звенит карман,
Ты осушил уже до дна
Индийский океан.
Хворь никакая - не напасть,
Особенно теперь.
Через неистовую страсть
Ты только *Вепрю Верь!*
Когда предатель дотянул
Ладонь на твой горох,
Нагрянув праздником на гул
Стихий разгула крох,**

Не напрягая ветры всласть
Среди руин потерь,
Воронкою разинул пасть.
Ползи, но *Вепрю Верь!*
Бежит он, хрюкая навзрыд,
Гомункул корешков,
Как будто людям говорит
Освоить край смешков
Или горшков слепить сполна.
Ты взор наружу вперь.
Пока благоволит Луна
Молчи! И *Вепрю Верь!*

Я следовал за Чурисием и пытался обмыслить и ощутить всё услышанное от монаха. Внутри меня и впрямь нечто тяжело и ворчливо заворачивалось на уровне, что называется, сугубого торжества безраздельной экзистенциальности, где ничто не складывало и даже не сумело бы сложить конкуренции оному. Однако ж у меня отнюдь не было никакой твёрдой уверенности и оснований полагать, что грузное смятение чувств, неожиданно ввергнутых в суровую хмурь неистового хаоса, и есть тот самый первородный Вепрь, о коем рассуждал святой старец Чурисий. Смышление в мгновения сии образовывалось как-то не очень *effectivement*, в гимназии и получше бывало, кажется, зато, спустя ещё с пяток аль десятков минут, я и вовсе устало прекратил измышлять обо всех тех думах тяжких, что последовали с самого начала визита к старцу, зато обратился к светлым и по-детски жизнерадостным воспоминаниям лет гимназического обучения...

Учитель выводил каллиграфически верные кракозябрины мелом на доске, а я носился между парт, грохотал вёдрами, раскачивался на люстре, как мартышка, дёргал за косички девчонок-однокашниц. Вспоминал я и о том, как прятал или же вовсе выкидывал, опасаясь последующего наказания за все деяния свершённые, стоявшие в углу каждой из учебных комнат розги, потихоньку намокающие в ведре с водой для пущего качеству проводимого воспитания. Впрочем, избегать таковых мне редко удавалось.

И много ещё припоминалось мне премилого и забавного в ходе следования за Чурисием, но, отметить надобно, что слишком уж надолго отвлечься от мыслей мне так и не удалось, поскольку совсем вскоре старик свернул вдруг под мрачно-тёмную кромку ночной чащи, куда мне идти

отнюдь даже не возжелалось. Но всё же, влекомый любопытством, я, преодолевая и всячески ругая себя в мыслях за столь постыдную для воспитанника родового дворянства сиюминутную слабость опасения *et la peur*, всё же продолжал сей сомнительного свойства путь за монахом, мелькавшим предо мною в некотором отдалении покачивающейся белесой спиною, облачённою в мешковатую грубоотканую рубаху.

Чрез срок времени малый осознал я, что шествую время некое по чёрному, будто сажка мелкая, лесу, уже свершенно Чурисия не наблюдая, а то, что я только что принимал *illusoirement* за спину старца, оказалось просто простиравшейся под ногами лунною дорожкой, ощущение покачивания коей создавалось от моего собственного быстрого, почти переходящего на бодро-боязливый бег, пешего ходу в окружающей непроглядности и прохладе чрезмерной степени усиленности. То, что воспринято было мною за проплешину старческую, отсвечивающую под лучами ясных, как в обсерваторном зале, созвездий, оказалось низко висящей над линией горизонта преогромной цветочно-жёлтой Луной, расположившейся прямо по курсу лесной тропинки и светившей мне прямо в глаза со своей клумбы неба.

В момент сей, к стыду признаю, что стало-таки мне вконец жутко. От пронзившего каждую из моих стынувших жил ужаса сел я под ближайшею елью, начиная зазывать надрывно не своим голосом, точно паникующий перед экзаменом школяр: «Чурииисий! Чурииисий! Батюшкааа! Куда же ты сгинул в час ночной, дикому лесу лишь меня, несмышлёного, оставив?» Монаха, вестимо, нигде не было, точно растворился он просто предо мною посреде всего обступившего меня плотною стеной жутчайшего свойства пейзажа, где под каждым деревом и кустарником ложно мнилсЯ поблескивающий угольками глаз *le monstre* иль грузный зверь хищный, зубастый и шерстию сваянной клочьями обвисающий, покуда от меня клочья такие же точно не останутся здесь. Крючья древесных сучьев, бахромы хвои, свешивающиеся заросли древ так и норовили оказаться то волком, то медведем, то ещё невесть каким-нибудь лешим. В лучшем случае - белкою иль бурундуком малым, коих в темноте дворянину тоже повстречать бывает порою преопасно, ибо сушая жуть снисходит, поджилки трясутся и сердце наружу выскочить велит от самого облику беличьего посреде ветвей подмеченного да взгляду бурундучьего из-под куста бузины, дерезы иль ракиты, ух зело сурового взгляду.

И здесь я, к посрамлению своему, сполна предавшись помыслам

панического толку, принялся бежать со всех ног, куда глаза глядят. А глядели они всё же на ту самую безликую, безличную и безразличную к судьбам человеческим полную *la lune*, свысока и пусто взиравшую на меня с внимательной хладностью, как зрачок хищника, со своих бриллиантово-обсидиановых перин безоблачной полусферы осенних небес полуночи. Я изредка смотрел назад, и всё мне не переставало чудиться, будто издали гонится да близится некий шорох наитайнственнейшего свойству, а кусты шевелятся повсюду, где токмо возможно было и даже вовсе невозможно им шевелиться, топорщатся морды, носы и оскалы пастей из тьмы чащобы.

Однако ж, несмотря на все, верно, небезосновательные в сложившейся ситуации, опасения, никто из зверья лесного, на деле, в округе не объявлялся и нападать тако ж не стремился - да я и ведать не ведал, велик ли был лес и водились ли в нём взаправду *les bêtes sauvages*, кроме всё тех же белок, сновавших в округе то туда, то сюда, прогибая и пригибая ветви с разных сторон. Прошло совсем немного времени, и постепенно принялась подкрадываться волнами накатывающая усталость от бега, производимого подобным образом, когда вдруг резким и неожиданным движением ума физически почувял я размытие и смутность, накатывающие на окружавшую меня чащу.

Ощувтив очередной прилив *de la terreur* я оглянулся и узрел, что за мною гонится некое странного образу существо, подобное тюленю морскому со снятою кожей и пульсирующими кровеносными жилами на поверхности. Точно, как и тюлень, было оно неповоротливо и медлительно, и посему вскоре удалось от него оторваться, а в следующее же мгновение нечто, похожее на удар тёплого воздуха в лицо, заставило меня остановиться, чему сопутствовала необычайная *le jeu* чувственных преобразований, точно бы я налетел в беге своём - нет, не на стену, а на нечто мягкое и упругое, уподобившееся незримой оболочке воздушного шару, тотчас же взорвавшееся в клочья с дичайшим посвистом, отдавшимся рокочущим звоном в ушах.

Тотчас же обнаружил я себя на залитой солнечным светом поляне, а приглядевшись, открыл практическое отсутствие стволов древесных вокруг. Точнее, отнюдь не было здесь глухой и тёмной ночной пущи: впереди простиралась узкая просёлочная тропинка, зримо и качественно прохоженная каретами и повозками, верно, часто проезжающими в здешних краях. Вкруг произрастали невысокие кустарники то ли ив, то ли карагачей, особо я не приглядывался к оным. Удивлению, снизошедшему в

сей миг, всё же не было пределу: место сие отнюдь не было тем самым и в том же самом времени, где я только что бежал в страхе, нагнетённом глухою заращённою *par l'atmosphère de l'humeur de la forêt vierge de minuit*. Оно не просто было не тем же самым, но вовсе являло некие романтически-синеватого облику предгория или даже сами горы, заметно выдававшиеся вдали - верстах в десяти иль в пятнадцати, переходившие опосля в едва заметные и потому подобные низко висящим облакам в кажущейся своей полупрозрачности высокие пики острых гор, столь неожиданных для взору, пообвыкшему к лесистым покатым вершинам хребта Урала.

Горы же, подле коих имел я изумительный случай явиться, скорее уж заставляли любое бойкое воображение помыслить об острых заснеженных зубцах гор Альпийских, столь детально и сполна представленных ещё в гимназические годы на уроках истории, великому суворовскому переходу посвящённых. Вершины точно так же, как и сымпровизированные псевдо-Альпы, упирались в небо, покрытые шапками первозданных снегов, подобных стылой стружке сладкого молока, приготавливаемого к праздникам в погребах по всей Российской Империи, иль же уподобившихся хрустящему сахарному насту *le bonbon fondant* с весенних пасхальных куличей. Пейзаж сей являл бы собою презнатный образчик для идиллических ландшафтных картин эпохи романтизма полувековой давности, если б не был столь реалистично запущенным и неухоженным, заметно отличаясь от нарочитой случайности деталей в столичных дворцовых парках, где размещения всякого цветка, куста иль камня были, на деле, тщательно продуманы лучшими художественными умами Империи, а то и вовсе гостями *des pays occidentaux*, приглашённых высочайшим повелением ради создания кажущегося сумбура природности там, где оно не было уж более, как лет с полтораста.

Та растительность, что окружала меня, вовсе не походила на травы и колосья степей, но и лесом поименовать оную также язык не поворачивался: невысокие кустистые заросли, перемежающиеся с частыми полянками, покрытыми густой ярко-зелёной травой свойства самого наисочнейшего. Поразительное изменение свершилось и со временем года - из осени я точно переместился в жаркое и солнечное июльское пекло лета. В красках лазурной выси над теменем проплывали кучевые облака, клубящиеся в вечном изменении форм на протяжении всего своего существования, так что трудно было заметить тот момент, в кой одно облако превращалось в другое - или оно, в самом деле, существовало всегда

лишь самый наикратчайший миг, в следующий же тотчас перерождаясь в новое облако новой формы.

Так и мы, подобно сим вышним облакам, всякую секунду уже не те же самые, что были только что - меняются мысли, чувства, телесные физические ощущения, настроения рассудка и хваткость ума, а с нею тысячи и тысячи прочих измеримых и неизмеримых свойств и особенностей, так что явным становится лишь одно: каждый из нас - точно такое же *le nuage informe* вероятностей и характеристик, коему не принадлежит и коего не объясняет даже самый процесс изменения тех вероятностей и характеристик, ибо процесс сей производится не сам за счёт себя, а посредством возможности воспроизводиться токмо, полностью и всецело основываясь на всевозможных сторонах общего процесса Бытия.

Так и любое возмущение ума не есть иное, нежели разглаживающаяся волна от начертанных символов на воде - пройдёт её крохотное время, и вот уж на зеркальной глади вод не останется ровным счётом ничегошеньки, засвидетельствовать могущее недавний разгул бурлений разума, тщетно пытающегося всколыхнуть полотно *des forces spatiales*, тогда как разум сей не есть иное, нежели блики и искажения самого полотна же, колышущего суть себя под давлением ветра, приносимого со всех пространств. И мнится тогда, что ветер сей прилетел вмиг, дабы рябь на водах тех обустроить, покуда же иначе дело обстоит: не ветры волны те всколыхнули, но сами волны, в глубинах вод порождённые, создали все ветры, в головах людских сложив стройный морок понимания связей меж причинами и следствиями, тогда как истинное положение дел рассудку вконец непостижимо.

Но я продолжал свой путь и уже вскоре обнаружил вышедший из-за дальних пиков гор слепящий *le globe du soleil chauffé*, пронзающий светом настоль, что даже пришлось слегка прикрываться от сего сияния козырьком вытянутой в лист ладони. Куда направиться теперь - сие мне было неясно абсолютно, посему я подумал, тем временем: «Эх, как было бы здорово, если б сейчас в краях здешних объявился бы некий возница». И тотчас же, как по мановению волшебной палочки *du prestidigitateur*, со стороны, оставшейся у меня за спиной, подъехали двое кавалеристов, сидящих на одной лошади. Зрелище, воистину, нелепое: если бы каждый из тех усатых вояк полу-гусарского облику имел по лошади, иль если бы таковой оказался всего один из оных, то выглядело бы сие действие даже по-своему благородно. Но, поскольку их было двое, практически неотличимых друг от

друга, точно братья-близнецы, тяжёлых и жирных на, в общем-то, молодой и неокрепшей кобылке, то производили они целиком и полностью впечатление комически-цирковое, словно Дон Кихот и Санчо Панса, если бы последнему вздумалось вдруг слезть с персонального ослика и взобраться на крестец лошади своего покровителя за тем лишь исключением, что здешние кавалеристы оба толщиною были, как Панса, а высотой, как Кихот.

Узрев бравых вояк, я принялся отчаянно кричать им вослед: «Постойте, постойте, остановите лошадь, люди добрые, не изволите ль вы ещё и меня подвезти хоть немного и недолго?» Только они остановились, я тотчас же взобрался на самый *le croup du cheval*, коромыслом прогнувшейся под весом троих немаленького размеру наездников. По неизвестной мне причине, вояки не произнесли вообще ни единого слова: похоже они были утомлены предыдущей долгой беседой во время, по крайней мере, не менее долгого и утомительного пути, то ли просто не склонны к общению человеческому, но сии господа даже не поприветствовали меня, рьяно рванувшись с места галопом вперёд, и столь же, не произнося ни единого звука, принялись набирать скорость.

Прошло совсем немного времени - и лошадь оторвалась от земли вверх, поднявшись на приличное *la distance*. Скакун нёсся стремглав прямо по воздуху, а под копытами на расстояньи никак не менее тридцати трёх аршин, а то и всех сорока, проносились верхушки оставленных где-то далеко внизу кустарников, преобильно усыпанных листьями. Держаться оказалось неудобно, и у меня от огромной скорости и столь же немалой высоты зело начала кружиться голова, однако ж, прямо предо мною не было видать вообще ничего по единственной причине: весь обзор перекрывал затылок заднего из «гусаров».

Тогда я попросил сидевшего предо мною *du cavalier*, которому я и дышал прямо в гладко выбритый препротивного виду затылок, как-нибудь повернуть голову так, дабы не загораживать весь лежащий пред моими глазами ландшафт. Наездник сразу же принялся вертеть головою в разные стороны и, в конечном счёте, нарушив собственное равновесие, свалился с лошади да, так и не издав ни единого звука, полетел в левую сторону, каретным колесом кувыркаясь в воздухе по направлению супротив часовой стрелки, безвольно болтая руками, ногами и головою так, будто уже пребывал в обморочном состоянии. Возможно, оно и впрямь именно так обстояло, но за всё время собственного падения горе-кавалерист продолжал

оставаться чудесным образом непреклонно беззвучным, долетев в итоге до верхушки какого-то ближайшего куста приземистых размеров, что не мешало ему оставаться широко раскидистым - как кусту, так и упавшему с летучей лошади военному.

Прошла ещё толика времени - буквально пара минут - я уже и сам вертел головою по сторонам не хуже свалившегося гусара, разглядывая окрестности: вокруг и взаправду пышила краса пылкой природы, лику просто непередаваемого на словах, речь раскрывает умение в подобных случаях лишь указывать на жалкие эскизы, кои рисует наша способность к внутреннему представлению, по сравнению с истинным восхищением от действительно окружавших меня чудных мест. Вдали тянулись ярко-синеголубые *les montagnes*, запредельными цветами сияло небо, сущими смарагдами переливалась зелень далеко внизу под лошадкой, как вдруг я понял, что уже не на кобыле сижу отнюдь, а на том двухколёсном средстве передвижения, что пользуется популярностью немалой в Лондоне да Париже, составляет росту воистину немалого и зовётся *la bicyclette*.

Впереди не обнаружилось уже никакого кавалериста, а это я сам вцепился обеими руками в каучуковые ручки руля, рьяно проворачивая педали по кругу подошвами сапог. Велосипед, как известно, есть новый и модный вид транспорту, вдоволь распространявшийся в последнее время всё более и более в крупных городах, и достигавший высотой, наверное, не менее четырёх аршинов в переднем колесе, тогда как колесо его заднее было куда как поскромнее и составляло в диаметре едва лишь всего с аршин единый, а то и поменьше даже. И вот я, восседая на сём *le monstre de fer*, только что ещё, казалось, бывшем лошадьё, мчался навстречу далёким горам, замеченным сразу же после перехода в предивное место сие. От делириоформной абсурдности сложившейся ситуации - я безвестно где со скоростью преогромной еду высоко над верхушками кустарников по воздуху на велосипеде - меня разобрал *le rire homérique*, почти что сполна театральный даже.

Я ехал и залиvisto просто покатывался со смеху от практической невозможности всего, что со мною тогда имело необыкновение происходить, но именно в сей же самый момент мне почему-то пришла в голову идея о том, что завершающий итог поездки мнится по-прежнему всецело неизвестным, а ещё через пару минут велосипед внезапно провалился в тёмное пространство без выверенных и однозначно зримых границ. Ещё спустя некий незначительный период времени я внезапно

обнаружил себя стоящим уже безо всякого велосипеда посреди роскошной картинной галереи, напоминающей наш столичный *le Ermitage*.

Прямо под ногами обнаружилось моё собственное тело в лежащем положении и разодетое в яркий, по-парадному лоснящийся угольно-чёрный смокинг, белую рубашу с кружевами и галстук-бабочку. И тотчас же раздались чьи-то шаги, показавшиеся крайне и крайне неудобными в сложившейся ситуации. Стоя рядом с собственным телом я опасался неведомых последствий, если тело сие будет единомоментно обнаружено, а посему принял решение куда-нибудь его припрятать, как говаривают в народе, от греха подальше. Схватив лежащее на полу галереи тело, я пощупал пульс. Оно явно было тёплым, чуть приглушённо дышало, а *la pulsation du sang* в жилах также прощупывалась, однако же тело не шевелилось и не подавало вообще никаких иных явственных признаков жизни. За сим я как можно быстрее затолкал собственное же кукольно-обвисшее на моих вторых плечах тело куда-то под стол, поспешив покинуть необыкновенное помещение, задействовав ближайший же парадный вход.

Взору вдруг предстала ещё не столь уж давно виденная буквально до отправки к Петру Игнатьевичу *le panorama de la ville natale*, что никак не вязалась и даже при желании не могла бы увязаться с только что покинутым образом *de l'Ermitage*. В открывшемся городском пейзаже было почти всё таким же, каковым оно и было всегда, за исключением единственного момента: посреди низеньких деревянных и кирпичных теремов и изб высилось невероятное многоэтажное здание, казалось, упиравшееся в небо - такие не строят нигде в целом мире, и неизвестно ещё, построят ли когда-нибудь в будущем. Являло собою здание полосатый короб белого бетону да чёрных стекольных прослоек окон, похожее на растянутого от земли и до небес охотничьего кота-мышелова. Опять-таки, дом сей, в граде родном ранее не виденный и за краткий *la période* отсутствия моего отстроенным быть отнюдь никак не могущий, смотрелся настолько нелепо и дико, что тотчас вызвал же у меня новый приступ гомерического смеху.

Я побежал по улицам тем зело рьяным образом, что совсем не подобает для благородного и благовоспитанного дворянина высоких кровей, и вскоре же узнал, что обрёл новую поразительную способность подпрыгивать высоко, очень высоко, легко взбираясь по воздуху и проносясь над крышами не только одноэтажных, но также и трёхэтажных построек в центре городу, потирая руки от радости, вызванной

нежданными событиями, свершившимися за столь недолгий временной *l'intervalle*, но добежав до дому не мог с удивлением чудным не отметить, что преспокойно прошёл всем естеством своим сквозь закрытую входную дверь, даже немало и не обратив внимания на оную.

Тотчас мне сделалось жутко: что же это такое творится-то в самом деле? Тогда я принялся вновь и вновь истово взывать к святому отцу Чурисию, но безрезультатно: никто и не помыслил откликнуться на завывающий зов мой. Следующим открытием стала возможность, прикладывая небольшое усилие воли, действительно мерить любое расстояние: одна мера воли требовалась на перемещение аршинов в тридцать длиною за мгновение лишь единое, но и на цельных триста аршинов мог я пролететь вдаль за тот же миг и прикладывая волю отнюдь не в десять раз большую, как можно было б помыслить, а ровно ту же самую, что требовалась и для перемещения на тридцать аршинов.

Очередное открытие поразило меня до самоих глубин душевных, ведь расстояние обратилось отнюдь не в то, чем казалось ранее, а лишь в категорию приложения усилий умственных. Но и плотность собственную ощущал я не как нечто материальное, а сполна как *le degré de l'intensité* понимания самоей сути своей, того *du fait*, что я существую как данность, и эта внутренняя содержательность обращалась в раскатывающееся изнутри сотрясение тела всего тем ярче, плотнее и выраженнее, чем более явственной была насыщенность давления моего внутреннего самосознания.

Вполне возможно было судить о том, что между уровнем чувствования себя, понимания собственного существования и степенью раскатывающихся изнутри *des vibrations* не было никакой разницы, за исключением наличия двух сторон воззрения на свершающееся и наблюдаемое явление сие, да и то - стороны эти были всецело и полностью сокрыты в сути моей, а не где-то за пределами сути той лежащие. «Так вот ты какое, самопроявление междометия Улум!» - восклицал я, но с каждым словом голос становился всё более смутным и смазанным до тех пор, пока из всех слов, какие бы я ни пытался произнести не получалось отныне лишь единое лишь: «Улууууум! Улуууууу! Лууууууум! Улууууууум-улууууууум-улууууууум! Лууууууум!!!» И тогда я окончательно убедился, что не я постиг сущность междометия Улум в силу того лишь, что эта сущность междометия Улум теперь и есть я сам - и мы вовек неотделимы!

Хотя, с другой стороны, момента, в кой прекратил я бытие свое в качестве Аркадия Геннадьевича и стал чистейшим Улумом, уловить всё же

никак не удавалось. То ли это был момент, когда я перестал видеть перед собой мудрого старца Чурисия, то ли миг, когда ночной лес обратился залитою солнцем поляной, то ли - когда увидел собственное тело со стороны, то ли во время прохождения сквозь двери в собственном доме. Ответа на поставленный самим же собою вопрос я не ведал, а монашествующего отшельника, у коего можно было бы поинтересоваться и кой, как был я почему-то уверен, всенепременно должен был знать ответ на вопрос о мгновении перехода *de la condition du noble à la condition de l'interjection*, повстречать я отныне возможности также не имел.

Первой меня в новом моём облике заметила сестра, пришедшая домой с улицы. Когда я попытался подойти к ней и приветственно приобнять её, то у меня вырвалось всё то же «Улум! Улум! Улум!», а руки прошли сквозь неё. Сестра пристально посмотрела в мою сторону, побледнела буквально на глазах и, пронзительно и иступлённо закричав, тотчас выбежала на улицу, даже забыв запереть дверь за собою. Следующим живым существом, заприметившим меня, был мой *le chien aimé domestique*, жалобно заскуливший и свернувшийся калачиком под роскошным чугунолитейным стулом высшего качества, принявшись изредка и со всенепременным страхом, изрядно удивившим меня, поглядывать в ту сторону, где я расхаживал дома по гостиной залу взад и вперёд. Ещё не более, как чрез две недели, все вещи из дому были вывезены родственниками в неизвестном направлении, а окна и двери наглухо заколочены прочными деревянными брусками. Так мне довелось обратиться в местную достопримечательность.

Les citadins мой дом отныне обходят за полверсты, как минимум, а суеверные старушки крестятся, лишь едва заведя сию постройку по улице чрез весь город. Оно и неудивительно. Ведь дом пользуется дурной славой *de l'habitation avec les fantômes*. Благо, нашёлся смелый человек с ясным взором и непредвзятым отношением к призракам, городской медиум, что всеми местными простаками зазря ошибочно принимается за городского сумасшедшего. Он повёл со мною беседу многочасовой длительности, пообещав поведать сию судьбу трагическую, дабы впредь уберечь всех интересующихся от общества треклятых масонов, силы внеземной, междометием Улум даруемой и веры суетной да напрасной в расскази старцев монашествующих, за святых почитаемых и Чурисию подобных.

Лама киберников Варзай

В те далёкие годы довелось мне таинственной волею небывалых судеб путешествовать по Тибету. В один из тех давнишних дней карабкался я на вершину некой неизвестной мне горы. Карабканье давалось отнюдь не легко, всё тело дубело и коченело, поэтому бутербродно-костерочные привалы случались чуть ли не каждые пять минут. Моим верным спутником в путешествии был компактный верблюжонок Чхуня - не вполне подходящее для горных кряжей транспортное средство, зато весьма высокообразованный рассказчик и советчик, получивший помимо четырёх высших степеней отличия еще три степени специализации и степень доктора антропологии.

Чхуня беспрестанно пел весёлые песенки пустынных кораблей и был всегда рад предоставить ко сну свой пушистый и шерстистый тёплый бок, столь кстати приходящийся в условиях морозных высокогорных ночей. На вершине горы оказался домик шатрового типа, имевший практически микроскопические размеры, да еще шквал гнусно обмораживающего ветра, всераздолно разгуливающего от одной вершины горы к другой вершине. Я остановился, вдохновлённый изумительным видом безмятежного зеленоватого моря, плескавшегося на самом пике горы, доставая прохладными волнами мне до самой щиколотки. От моря настолько сильно пахло солёным бризом и веяло тёплой влажной свежестью, что я незамедлительно разделся и нырнул. Дна под пластами вод не обнаружилось. Когда я доплыл до того места, где, по моим подсчётам, должно уже было находиться дно, вода неожиданно расступилась, и я чуть было не улетел вверх тормашками навстречу проплывающим снизу облакам. К счастью, тяга воды оказалась сильнее, и я, ухватившись за упруго сопротивляющийся кусочек моря, принялся подниматься от нижнего предела к верхней глади обширного пространства вод.

В этот момент я заприметил, что и верблюжонок зря времени не терял, сопровождая меня даже в подводном путешествии на вершине гор. На его раздувшихся от глубокого вдоха боках на сей раз виднелись синеватыми пучеглазиками звонкие блюдца иллюминаторов. Сквозь их полузапотевшую росистыми капельками гладкую внутренность блестящей поверхности устало проглядывали жирные лица престарело лысеющих

пассажиров. Когда я поднялся вверх и, прыгая на одной ноге, принялся в спешном порядке одеваться, стараясь найти спасение от пронизывающих потоков ледяного ветра, Чхуня постепенно сдувался, словно проткнутый шарик, принимая исходную форму и внешний облик. Его тонкие усы особенно эффектно вертели завитушками в блеске полуденного солнца. Мы посовещались и совместно приняли единогласное решение постучаться в непонятный шатёр, распластавшийся сахарной головой на самом пике горы.

Условно прогрохотав в плотно-деревянистую, похожую на крышечку узорчатого восточного рюкзака, импровизированную дверь шатра, вырезанную, по-видимому, в стародавние времена искусным резчиком из гнутого куса сандаловой коры, мы стали ждать, какое же чудо-юдо изволит выйти к нам навстречу из обветренных ветхих глубин шатра. Но к вящему удивлению, к нам никто не вышел. Подождав пару минут, мы с Чхуней толкнули дверь - и она поддалась, сопровождаемая во время процесса открытия толкущимися вибрациями ржавых дребезжаний. Внутри шатёр оказался залит ярко-переливчатым сиянием, бултыхающимся, как сваренное в мешочек яйцо, разбиваемое в брызги гоголь-моголя, или пленённая медуза в тесном аквариуме продымлённого океанариума в одном из тех западных мегаполисов, жителям которых внешний вид капсул с антидепрессантами или свеч от геморроя стократ привычнее пасторальных загородных пейзажей, утопающих в волнуемом сочном океане смарагдово-малахитовых трав.

В обнаруженном нами шатре курились вдоль стен на специально сооружённых экзотического вида подставках несколько десятков разновидностей всевозможных благовоний, горели свечи, лампы и керосиновые лампы, бликами искажая пламя теней на матерчатой внутренней поверхности шатра, пестревшей крутящимися завитками изображений многообразных вариаций тибетских узоров, а на полу лежали столь же ярко-пёстрые, как фейерверковые всполохи конфетти, меняющие форму в своей фрактальной бархатистости, пушисто-утеплённые ковры, всегда готовые утопающе принять в свои объятия уставшие стопы обветренных и сухаристо-загорелых высокогорных путешественников.

Рисунок на коврах не был статичен - нет, он, действительно, постоянно растекался и преображался, приобретая черты от до боли знакомых, но весьма мало осознаваемых, до настолько же чуждых, точно бы маятник понятности для восприятия этих ковров безостановочно

пребывал в движении вместе с теми узорчатыми чертами поверхности, которые этот маятник выражал. Было абсолютно неясно, какое инопланетное создание или сознание могло породить столь сложные и многомудрые переплетения красок, линий, полутонов и оттенков теней. Посреди всей этой по-волшебному великоцветной калейдоскопии сидел глубокий старец, точно бы цельновыструганный из чёрного дерева.

Когда я подошёл поближе, то понял, что так и есть, и глаза меня отнюдь не обманывали: старец и впрямь был чрезмерно, просто до неприличного уровня деревянный. Несмотря на это, он вдруг приоткрыл глаза и принялся приподниматься, одновременно протяжно проговаривая скрипуче-несмазанным и как бы расхлябанным голосом разошедшей телеги: «К чему вы пожаловали сюда, странники?» Верблюжонок Чхуня, на сей чудный миг бывший разодетым в полосато-клетчатый красно-синий костюм, снял своим шероховато-клейким язычком фетровую шляпу и весьма так учтиво раскланялся пред водянисто-кристаллическими посверкивающими очами ожившей и самоодухотворившейся древесной вечности тибетского старца.

- Нам бы согреться да переночевать где, о мудрейший! - прозвенел ржаво-ворсистый голосок всклокоченного от горного ветра Чхуни, уже начинавшего слегка подсыхать после только что состоявшегося океанического плавания.

Совершенно непозволительно было бы не отметить, что старец выглядел просто поразительно: мало того, что он и впрямь был тёмно-деревянным, так и вся одежда его пооблупилась, а ведь некогда она, расписанная многозначительным узором свойства изрядно эзотерического в мере, отнюдь не меньшей, чем весь шатёр, уходивший над головой кокосовой полусферой ввысь, перекатывалась красочностью масляных волн, точно незримый ветер тибетских энергий оставлял на поверхности минеральных красок свою дифракционно-алгоритмическую рябь. Сейчас же эта, кудряшками иссохшаяся вверх ветошь, казалось, была пропитана пылью времён многовековой давности.

Но старец тут возьми да и проскрипи: «Имя моей вневременности - Варзай, я давно забытый самим временем тибетский Лама, слегка вот мумифицировался в медитациях на вечности, но как истинно гостеприимный хозяин, просто обязан принять вас с волшебным верблюдом в своей вершинной обители снежных гор. Лишь скажу, что миг вашего мира мне слишком чужд, родом я отнюдь не из здешних мест и не из

здешних же времён, а оттого тело моё обречено принимать здесь столь уродливые деревянистые формы. Я ведь весь, до последнего сучка, пропах дымом благовоний Непала. А что ещё остаётся, как не коптиться, изобильно пропитываясь ароматическими смолами, чтобы древесина моя меня не подвела, не сгнила бы, обратившись в светящийся в ночи пенёк здесь, среди властвующих бурь и гуляющих семи ветров? Поэтому позвольте приютить вас в таинстве истинного покоя моей Реальности».

Честно говоря, я был настолько измотан долгим подъёмом по наклонной поверхности и непрерывной болтовнёй тёплого верблюжонка, что согласился бы на всё, лишь бы, хоть ненадолго, хоть на каких-то пару часиков отдохнуть с комфортом в уютных и приветливых покоех, к тому же столь эстетически радостных для глаза. Но фортуна на сей раз уготовила нечто изрядно иное, к превеличайшему нашему с Чхуней сожалению. Когда я кивнул головой, согласившись с предложением гостеприимного старца, тот с несмазанным скрежетом разошедшего туловища приподнялся, принявшись в буквальном смысле призрачно сиять изнутри, точно напичканный исторгающим альфа-частицы изотопом какого-нибудь элемента, хранимого, будто зеницу ока, тайными милитаристами где-то в бетонных бункерах глубоко под землёй в горах. Вдоволь наскрипевшись суставами, этот доживший до почтенных лет потомок Буратинки, взял в обе руки-клюки две ритуальные чаши, наполненные таинственного свойства дымящимся содержимым, от которого стоял, довлел и распространялся столь горьковато-терпкий запах горных и тропических трав, что порождал зуд и щекотку в носу даже сквозь белесо-антимоскитную пелену смога раскурившихся вдоволь благовоний.

Старик, мудрёно нахмутив брови, принялся выполнять вместе с чашей какие-то малопонятные, но ритмичные и симметричные движения, похожие на танец напроць рехнувшейся пучеглазой стрекозы, стараясь охватить ритуальным дымом, аромат которого явственно напоминал полоскание для горла, максимальный объём внутреннего пространства восточного расписного шатра. Далее деревянный хозяин сего жилища посоветовал незамедлительно следовать за ним. Варзай направился в сторону подвала, неожиданно оказавшегося искусственно прорубленным под шатром в цельной скале, а потому напоминавшим пещеру, и мы пошли следом за стариком по узким, гулким каменистым ступеням, протёсанным в многосотвековом граните снежного, незыблемого и вневременного Тибета. В подвале стоял тускло пульсирующий полумрак, и лишь весь пол оказался

залит ярко флуоресцирующей водой.

- Теперь вы должны с разбегу прыгнуть в подмигивающее вам Море Чувств, - стрёкотом и вдохновенно прошептал Варзай, быстро указав рукой на светящуюся воду. Чхуня разогнался на своих сугубо горных лыжах и, вспыхнув сущим ультрафиолетовым сиянием, в мгновение ока исчез. После верблюжонка в воду последовал уже деревянный хозяин шатра, цепко ухватившись за выставленное запястье моей руки. Последовала очень уж кратковременная и столь же ослепительная вспышка, за которой пришло понимание того, что я нахожусь в крайне и крайне странном положении: над головой нависала громадным камушком земная поверхность, росли травы, деревья, зато от гор не осталось даже намёка, а под ногами клубился густой до тотальной непроницаемости удивительно плотный мягко подсвеченный изнутри туман. Было такое ощущение, будто бы мы все втроем, стояли вниз головой на рыхлом брюшке грозового облака.

- А сейчас просто смотрите на переливчатые потоки рек над головой, позвольте им унести себя туда, куда веретено вод пожелает доставить вас, - неторопливо и умеренно проворковал Варзай. Я разместился на облаке лёжа на спине позвоночником вверх, плотно прижатым к облаку, принявшись вместе с рекой плыть по течению собственных мыслей, перекатывающихся, точно по полю эмоций и меняющих форму ощущений, коих ни подсчитать и ни назвать было абсолютно невозможно.

Очень скоро я понял, что мысли в моей голове больше не складывались в слова, а обращались прямиком в абстрактное понимание сути вещей и ощущаемых явлений. Ещё через некоторое время разум, словно бы на секунду, стал бесформенным настолько, что отказался даже от осознания собственной природы, раскрывшись к бесконечности слияния всех вещей во Вселенной. Достигнув предела ясности, он самую чуточку помутился, уйдя в сферы принципиально непознаваемого, лишённого даже малейшей возможности трактовать самости всех тех форм, лежавших за гранью способности человеческого ума воспринимать, осознавать и распознавать, исходя из принципов извечных социально навязанных идей искусственной полезности, столь мешающих лучу внимания высвечивать хоть что-то, непривычное и не подходящее под эту категорию. И впрямь - всё дальнейшее действие изрядно заставило меня рьяно и яро сомневаться в действительности происходящего, да и в реалистичности Реальности вообще!

Мы с Чхуней теперь обнаружили себя стоящими посреди плоского утёса высоко-высоко над какой-то непроницаемо чёрной долиной. Лама

предстал перед нами в весьма уродливо искажённом виде кошмарного гротеска: здесь он оказался крайне долговяз, носил на плечах гигантскую шарообразную голову с хрусталистыми лепестками кристаллических глаз. Рот старца был мал, напоминая короткий хоботок, зато пространные и раскидистые, как олени рожки, уши заострялись кверху, точно у безродного дворового твякающего щенка, зато пальцы вытягивались палочками из бледных кистей рук практически на полметра. Всё его тело в целом же было покрыто мелкими ошмётками клочковато-чешуйчатой шерсти самого буро-пренеопрятного обличья.

Я оказался здесь ещё более долговяз, чем Лама Варзай, только что ощутив странные и непривычные трансформации и смещения в собственной телесной схеме, вытянувшейся метра на четыре в высоту и приобретшей мои черты, видоизменённые практически до уровня наитотальной неузнаваемости. Чхуне повезло отнюдь не больше: он потерял здесь собственный облик ровно настолько же, насколько Варзай потерял личное свойство деревянности, а это уже весьма и весьма значительное искажение, на мой взгляд. Теперь верблюжонок выглядел просто-напросто, как компактное облачко громыхающего и электрически вспыхивающего тусклыми отблесками оранжевого тумана, скользящего сквозь всевозможные формы, обретая свой былой облик, не более чем на малые и жалкие доли секунды, будто переход в это измерение коренным образом дестабилизировал внешнее восприятие облика верблюжонка.

Окружающее пространство было довольно неприятно на вид: чёрное деревянистое небо плавающе-фиолетово поблёскивало, как затенённое поляризующее стекло, гнутыми линиями годовых колец, отражающих туманное свечение едва-едва различимой кляксы тёмного солнца, скорее давившего своим видом, нежели дававшего чуть заметные искорки цветного света на пепельно-серой бледности камней, покрытых травянистоподобными существами или даже вовсе сущностями, внешне отдалённо напоминающими морские глубоководные актинии. До горизонта простиралась болотистая и столь же чёрно-серио-фиолетовая местность, а вокруг путешественников сновали маленькие добродушного вида полупрозрачные зверьки с довольно забавными округлыми и треугольными головами, желеобразно и паралитически трясущимися при каждом шаге.

Их бело-лунные розеточки воронкообразных глаз подслеповато вглядывались в подсвечивающийся изнутри полумрак равнины, разгоняя шуршащими хлопками длинных ресниц нестройный туман, царящий

вокруг мерцающих испарений инопланетной топи. Кожа существ выглядела серо-буро-пятнистой, цвета дряхлых нитей полузамёрзших по осени речных водорослей, как шкурки у жаб. Обширные флейточки полуоткрытых ртов, через которые существа со свистом втягивали и выдували дыхательные потоки тяжёлого воздуха, оказались испещрены несколькими рядами шестигранных, как наконечник евроотвёртки, игольчато-прозрачных зубов, отдалённой похожих на змеиные или на зубы глубоководных рыб, довольно-таки ядовитые на вид и всецело антиэстетичные, если вообще стоило думать о чисто человеческих эстетике и любовании в столь необычайном месте. Во всех существах, в их броуновском шнырянии под ногами, в бледно-пульсирующей облачности светящегося внутреннего блеска их тел просматривалось нечто такое, что по внешнему виду роднило этих чуждых обитателей здешней местности с микроскопическими речными рачками - дафниями и, в то же время, с мельтешащими термитами, за исключением разве что совершенно иного размера местных существ.

- Я - выходец из этого мира, прозванного Карагачом, ибо мир сей подобен полости, проточенной внутри чёрного дерева, - отстранённо и без малейшего скрипа произнёс старик Варзай. - Единственное спасение для меня в вашем мире - это постоянный поиск таких вот, как вы, вечных скитальцы. Поначалу я, точно морской удильщик, терпеливо ожидаю на вершине собственной горы: столетия проносятся пред моим взором, а границы между внутренним и внешним восприятием попросту стираются, тают, исчезая. А только стоит лишь таким, как вы, попасться на мой крючок - и вот уж я готов всю подпитаться, вобрав вовнутрь всё то, что остаётся от ваших светящихся оболочек при попадании в мою проекцию времени и при нахождении в глубинах частот моего естественного местообитания, которое я вынужден всякий раз собирать ради высокой цели заполучения добычи так же, как охотник раскладывает и собирает в лесу ловушки и силки. Узоры наших уровней Реальности крайне схожи, ритмы и диапазоны частот во многом подобны и близки друг другу, однако они всё же различны, а у каждой из этих проекций есть свои исконные обитатели.

Особенностью Карагача является несомненное проявление в виде древесного материала каждого из существ этого мира, если кому из них вдруг не повезёт оказаться в мире вашем. Но это событие не столь уж часто происходит, ведь, в основном, все вы - всего лишь добыча для нас, и потому мы нисколько не держим на вас зла, просто охотимся за вашим

внутренним светом, который за пределами Карагача обычно бывает гораздо больше. У нас же светимость - ценный ресурс, никто из моих собратьев по вылазкам не стал бы упускать подобную добычу, что сама соблаговолила явиться в объятия ловцов, - Варзай принялся грозно продвигаться в нашу с Чхуней сторону, и по мере того, как он всё более и более приближался, наши с верблюжонком контуры принялись постепенно размываться, точно бы стираясь из окружающего пространства, превращаясь в размазанные в мрачном и зыбком свете Карагача дымчатые прототипы.

Одновременно с нами, старик также принялся как-то уж слишком гиперактивно размазываться в пространстве, начиная напоминать раскисшую от переварки гречневую кашу, с головой погруженную в цилиндр работающей высокооборотной центрифуги. Лама подозвал неких существ, шнырявших то и дело подле ног и стремившихся вцепиться острыми зубками в подол одежды, а вместе с ними и других, коих прозвал в своём обращении киберниками. Тотчас же со всех сторон на нас тучей мошкары налетели со стрёкотом и клёкотом роботята небольшого размера, блестящие, подобно свеженачищенным мельхиоровым пуговицам или хромированным кофеваркам да чайникам. Панцири киберников выглядели прочно сбитыми и бронебойно экипированными, а крутящиеся механизмы их многообразных и многоформенных конечностей имели на своих звонких вершинах цепкие металлические крючочки. Роста в роботятах было не более тридцати сантиметров, а в верхней части их гулких жестяночых тушек размещались сияющие оранжеватым блеском глаза.

В этот самый момент Чхуня обрёл брутально-дуболомную форму с молотом вместо одной из ног, крутящимися клешнями - вместо других и рокочущей, прямо как сущий титановый сверчок-молодец, бензопилой, скромно, но невозмутимо разместившейся на месте последней ползающей конечности. Дальнейшее было бы не столь уж и сложно предугадать, если бы Лама не вытащил вдруг из-под камня странную одутловато-мрачноватую ракушку и не принялся бы её жевать, причмокивая от удовольствия. Тотчас же из ввалившегося старческого рта Варзая начал раздуваться столь невменяемо крупный пузырь ракушечной жвачки, что Лама киберников оказался с головой заточён целиком и полностью внутри пузыря, который, продолжив раздуваться, постепенно поглотил заодно и тех самых хищных тридцатисантиметровых роботов-помощников, прилепив их спинками к своей пластичной и клейкой, как капли венозной мухоловки, поверхности.

Тогда мне в голову неожиданно пришла просто замечательная мысль: «А чем это я по сути своей не комарик, а?» И тотчас же принялся тянуть к улетающему жвачному шару свой длиннющий и кусающийся игольчатый хоботок. Прицелиться оказалось довольно сложно, ведь весь мир размывался и расплывался, однако у меня выбора-то нисколько не было, а поэтому, поднатужившись и как бы подтянувшись чуть ввысь, я смог притянуть к себе оболочку Ламы киберников Варзая, а затем, следуя за оболочкой, и самого старика Варзая уже в его телесном по-человечески деревянном обличье. По моему хоботку заструились лучи энергии, вытянутой из солнечного сплетения деда, сам же Лама принялся скукоживаться, точь-в-точь, как выдавленный апельсин, бледностью кожных своих покровов напоминая во время этого процесса скорее уж мелкий, но от сей мелкости не менее противный прыщ, а то и вовсе топорщащийся чирей, давнишний, онемевший и оказавшийся оттого всецело и достоверно преотвратным во всех доступных смыслах.

Спустя лишь какие-то пару секунд, прошедших от протыкания Ламы комариным хоботком, тончайшая бумажная плёнка его сухой пергаментной поверхности коры медленно и плавно так упала сверху, опустившись на каменистую поверхность подле самых моих ступней, свернувшись при этом действе в несколько слоёв, матово оттенённых подвальной тусклостью луковой кожицы. Верблюжонок, меж тем, продолжал активно разбираться с повсеместными остатками ещё движущихся и работающих, отливающих ярко-мандариновыми пятнами ржавых потёртостей, роботят-киберников.

- Это луч без света, - сказал я. - Чтобы разрушить его неизбывные границы, мы обязательно должны пересечь все возможные допустимые грани любых физических законов Карагача. Ты бы сумел на сей раз даже стать сверхновой звездой здесь, в лакомом деревянном небе.

- Да без проблем! - бодро ответил с прозвучавшей в голосе искренней радостью в последний раз в жизни мой верный помощник - верблюжонок Чхуня, и в следующее же мгновение яркая вспышка его разросшейся оболочки полностью поглотила меня. Тотчас же. Моментально и абсолютно. Спустя всего лишь какой-то крохотный миг, я стоял на вершине той самой горы, где мы с верблюжонком обнаружили шатёр Ламы Варзая.

Здесь по-прежнему плескалось в небесах, утопая куда-то в стратосферу, ласковое тибетское море, но уже не было заметно ни наличия шатра, ни признаков присутствия моего обожаемого горбатого и болтливового помощника. Карагач забрал их, видимо, навсегда. Кто знает - может, под

небом древесного мира и вправду возшла новая фиолетовая звезда. И имя этой новой звезде - Чхуня. Я же, закинув котомку за плечо, неторопливо продолжил свой путь к новой скалистой гряде и к новым приключениям, всегда ожидающими меня - это мне точно известно.

Мех динозавра

Негоже шерсти просто так валяться безо всякого дела. Под нею бурлит сила, та сила, которая никого не оставляет нетронутым на своём пути, только лишь запутывает да запутывает: вот то единственное, что имеет значение и ради чего она существует. Мне отныне обеспечено беспокойство аж на длительный десяток дней. Всё уже было полностью готово к ритуалу, как вдруг мой мудрый наставник Хлыытагне заявил, что здесь не хватает одного только меха динозавра, который мне теперь и предстояло раздобыть за право пройти ритуал собирания личности воедино.

Когда Хлыытагне танцует у костра, извлекая из себя рокошующие внутриутробные звуки, то мне иногда начинает казаться, что наставник зацепляет тонкими цепочками своих ухоженных ногтей старые жизни вышедших из-под его крыла учеников, одновременно предсказывая всё возможное будущее и переписывая на новый лад целые судьбы людские, да и в прошлом кое-что и кое-где меняет тоже. И чудится так мне порой, во время его диких плясок, что он даже катает солнце по небосклону, хотя, конечно, такое ему не под силу, я думаю. Это разве что под силу его давнишнему наставнику Хаалытчаге из клана звёздной устрицы. Он, бывало, забирает тебя из дома спящим своими корявыми палочками пальцев, приносит потихоньку на капище и вместе с тобой, сонно обмякшим на его руках, начинает безудержно скакать через костер, камлая невозможными и невообразимыми голосами веков своей трясущейся сухой гортанью, или наоборот, собирая вокруг себя весь вечер и половину ночи в сок времени, выжатый в одну-единственную точку размером с молодого постельного клопа средненькой такой паршивости. Наставник моего наставника испокон века по привычке давит пятками точку вечера, часто-

часто так делает, а пятки-то у него шершавые, все в трещинах и пепле, как бежевая кожица вяленой картошки, испечённой на костре во время танцев.

Вершиной знахарского посоха Хаалытчаге, видимо, выдувает пузырь-дерево, ветви и бечёвки рода людей, привычных к общению с духами верхнего и нижнего миров. В готовом пузырьке сокрыт всегда один из тех даров, используя которые протяжно поёт наставник дымными вечерами в нашей седой тундре, становясь сочащейся на ветру спелой долькой целой его, а может, и не только его, жизни. Как и мы, следуя предначертаниям абстрактного нечто в посланиях Хаалытчаге, складываем в складках своих ритуальных одеяний готовые шары движений ума, дел и свершений, ведь внутри каждого из явленных шаров заключается целый новый мир смыслов и помыслов, в котором суждено будет родиться любому из тех, кто шар этот ещё при жизни получил счастливо.

Да только вот не велено никому прижизненно шар наставника вскрывать, поскольку сокрыта там от разрушительных глаз и умов определенно лучшая судьба из имеющихся на своём этапе зарождения жизни общины. А раньше времени постигать знания о путях тех рельс, по которым едем, никому не положено, кроме исконно мудрейших, дабы не сместить эпицентр её проявления, не смыть в дали дальние завистливым беспокойством врагов и взволнованными фантазиями друзей.

Постигнутая судьба растворяется. Высказанное - теряет изначальный смысл. Открытая тайна не в силах сохранить исконную первозданность сути своей глубинной. Или даже так: вся судьба - это результат нашей сложности, нашей внутренней конструкции, судьба - миф ежесекундно пишущейся истории каждого из нас, и единственная свобода от судьбы - это гнуть прутья клетки, внутри которой обитаем. Но знать, куда именно гнуть, мы способны, только не зная судьбы, или её выдумка в нас всенепременно направит действия и силы на достижение этой выдумки, ведь судьбы - лишь зеркала наших сует - не тех, что взаправду есть мы сами, но тех, в которые мы сделали выбор - или совершили глупость - поверить. Поэтому, боясь нарушить притяжение начального равновесия, никто и не открывает шара. Открыть шар означает утратить навсегда лучшую из судеб, таящуюся внутри шара, придя к общему повороту, лишиться свободы быть единым со своим соответствием в неопишемом. Ну разве это не глупо или нет слова «весна», в жизни никакого отношения к настоящей весне не имеющего, а?

Когда же мыслями дошел я до отправки на добычу меха динозавра, то

решил посоветоваться с единым и непременным кодексом знахарей, пункты коего обязательны для исполнения всеми и каждым из нашего ведовского числа. Всякий год новообращённый знахарь вместе со своим наставником совместными усилиями решают, как именно будет проходить ритуал посвящения, и выбор охоты на этих нечасто встречающихся в нынешние сумбурные времена и наипрепятнейших глазу рептилий была событием крайней редкости и дальней старины, посему ж на подобную работу, как и следовало ожидать, обыденно никто не вызывал.

Мой стотридцатилетний прапрапрадед, к которому я обратился за советом, в этом смысле обладал, пожалуй, просто космической известностью среди тех людей, что добыли когда-то в давнишнюю пору самый редкий и ценный мех, да и мохнатых рептилий, к слову говоря, сейчас уже почти невозможно встретить: они практически вымерли. Прапрапрадед подумал в соответствии с кодексом знахарей минуток этак пятнадцать-двадцать и признался честно, что мех динозавра, пожалуй, есть исключительно симпатичный миф, и он сам одновременно принёс и не принёс тот мех когда-то. Во время своего дальнего странствия посвящения, он нашел всего лишь маленькую стайку пасущихся динозавров, которые, мало того, что были покрыты не мехом, а всего лишь чешуйками, к настоящему моменту времени, верно, уже состарились и перемёрли все давно. Мой прапрапрадед вовсе не стал трогать этих реликтовых рептилий, но решил, что оставит их в живых просто про запас. На самом деле пожалел, конечно, но мне в том не признался, да и себе, вестимо, тоже. А затем он добыл очень похожей с виду шерсти медведя из близлежащих лесов и отнес для проведения ритуала всё это великое счастье своему учителю доисторического искусства знахарей, тому самому уникальному плясуну в целительном трансе озарения, мастерскому великану мистерий и наставнику моего наставника Хаалытчаге, живущему на планете уже далеко не первый век в наших краях, и даже не третий.

Тот только едва заметно усмехнулся, потрогал бурую шкуру бедного медведя, нахально преподнесенную под видом меха динозавра. Однако же когда все было сполна готово для действия, шкура куда-то таинственным образом исчезла. Сейчас я понимаю, что это старый хитрец Хаалытчаге просто выкинул шкуру или же, скорее всего, прибрал в свои домашние закрома до наступления лучших времён. Он понял, естественно, что это никакой не мех динозавра, но не подал виду и не хотел никому раскрывать нашего с ним маленького секрета. Ждать тогда пришлось довольно долго,

где-то в районе получаса, пока не появилось одно из тех созданий, что извечно будто бы парили над весенними лужами загадочно-дымчатым паром тепла, жаждая новых обретений энергии, сконцентрированной в облике редкой и вроде бы даже материальной шкуры. Но тот пар так и не попал в очередь на выделку собственный шкуры. «А сейчас как раз будто бы тот самый миг и есть», - вспоминал прапрапрадед. - «Динозавр вроде выглядел вполне натуральным, а отнюдь не поддельным, как мне его пытались выставить в те времена иные чудаки. Без всякой моей обманной невежественной медвежести в ворсинках шкуры. Но тут рептилия вдруг резко встрепенулась и волнообразно вывернулась наизнанку, а я краем глаза заметил, что внутри динозавра кружится руль отменно высокого качества».

Наставник Хаалытчаге надрывно смеялся тогда очень и очень долго, просто крайне долго, а когда отдышался, то поведал мне, что каждый человек в этом мире имеет всего-навсего одного-единственного динозавра-покровителя в личном владении. Меха домашней рептилии используется для придания формы этим механическим и, на самом деле, милым и безобидным символическим существам с рулями в голове и тросами в торсе. Многое воспринимается так же: ворс и искусственные шкуры хоть и не лишены недостатков, таких, как исконная квёлость, наживная растяжимость, и вероятное наличие катышков, но все же они имеют достаточное сходство с чудесным и крайне дорогим, гладко-блестящим, как полированный оникс, ворсом меха динозавра или какой-нибудь другой меховой рептилии из оставшихся на Земле по сей день. Конечно, там не совсем мех, у динозавров этих. Чешуйки там атавистические. Но они такие вытянутые и мягкие, что получше всяческих сибирских мехов будут! А уж как линять-то динозавр начнёт - не остановить его, ходи за ним да подбирай клочья шерсти, из них ведь издревле полотна ткут не хуже кашемировых по качеству, а по цене так и вовсе дороже выходит, если знать, кому продать. Но в добыче истинного меха динозавра, на деле, нет никакой надобности.

Хаалытчаге сказал, что люди вообще мало что знают о природе внеземной и рептилоидах в частности, потому интеллектуально обдурить их не составляет ни малейшего труда. Они просто сопоставляют два различных, но лишь внешне сходных предмета, руководствуясь исключительно собственными впечатлениями да традиционно малыми познаниями о динозаврах. Какова же сумма этой разницы для них? Речь идет нередко о цене жизни как человека, так и динозавра. Покровитель - наш защитник. Добыть мех любого другого животного было бы вполне

возможным решением возникшей загвоздки, но добывать его нужно всегда взамен меха динозавра, тогда как среди рептилий ещё не было замечено на самом деле ни одной жертвы, павшей от руки человека, разве что в глубокой-преглубокой древности. Все всегда прям так и делают: подменяют мех динозавра мехом куницы, медведя, соболя, да и ещё невесть какой зверушки. Хоть бы кошки, право! Мы и динозавры связаны сквозь проекции нерушимыми узами, мы и есть наши динозавры-покровители, и все известные ведовские познания пришли к нам через тысячелетия и миллионы лет именно в качестве могущественного наследия, добытого ныне уж позабытыми вождями прошлого напрямиком из затерянного мира этих всецело красноречивых, пушистых и умных рептилий. Так зачем же нам в действительности добывать их мех, вредя исконным линиям самих себя, напраслины надуманной ради?

- Как-то один раз был со мной и такой случай, - звонко зачеканил вставной челюстью наставник Хлыытагне, отстукивая серебряными зубами, как кролик-лапотряс. - Бродил я ещё в свои резвые молодые годы по ледяной пустыне подле дальнего холма за оленеводческим поселением Айой с подветренной северной стороны. А добирался я в те края, дабы обрести одну из неперменных вещей, доставшихся по заданию в ходе проведения обряда посвящения. Вещью этой, неотъемлемой от меня отныне, было мясо динозавра, а может даже забытое имя его, я что-то уж точно не припомню так. Одним из способов использования хищных гигантских рептилий было ритуальное наблюдение за их явленными взору образами как за гармоничной системой грузов, сдержек и противовесов, превращённых в высшую бесформенность свободы.

А ты как думал? Если свобода имеет форму - это только лишь одна из её начальных степеней. А в высшей своей точке она в высшей же мере является бесформенной никаковостью инаковости. И всё же она есть, пока ты не укажешь на неё пальцем и не произнесёшь хотя бы про себя: «Вот это и есть свобода». Тотчас же она ускользнёт от тебя, оставив в голове лишь красочные фантики, ворохи съеденных слов, сладостные воспоминания о неназываемом чуде внешнего тебя, меня и вообще всего, полугрёзы-полуозарения, переливчатым туманчиком вылетевшие из уст, лепящих формы для новых облаков из старого теста. Поистине, люди не говорят о свободе. Они только думают, что говорят, чирикают свои звуки, но всё внутреннее содержимое их речей - лишь танцы солнечные зайчиков вместо истоков солнца. Говоримое - не существует. И потому о сущем не говорят.

В ту давнишнюю пору для поимки динозавра на целый мир ещё требовались долгие годы, не то, что в нынешние прогрессивные времена. Вы-то, чай, всего за какие-то пару часов на мир ловите почти без подготовки, зато с современными искусственными средствами. А раньше было так: для начала мы садили ароматное дерево, причём не какое-нибудь там дерево неясного происхождения, а самое настоящее сыромятное, гарантированно обеспечивающее поимку даже дремучего динозавра. У дерева кора кожистая, хоть сапоги кирзовые шей, потому оно так и зовётся - сыромятное, хотя запах его больше напоминает можжевельник, чабрец и дикую петрушку одновременно. Что, впрочем, не мешает дарить духам невыразимого кору вместо шкуры рептилий.

Ох, лапошим мы их, как пить дать - лапошим! Традиция такая у нас, знахарей, и ты не нарушай тут, давай! Посадить ствол-сыромятник требуется не где-нибудь, а только в единственном месте на планете, всецело пригодном для роста этого дерева: на обледенелой вершине священной горы Чохтахтхоль, зарывая кожистые жёлуди в пучины вечной мерзлоты, что на семи ветрах, ведь это место силы специальное, динозавровое. Тот раз мне крупно повезло: я нашел ароматный сыромятник, посаженный кем-то ещё задолго до моего прихода, и тотчас же залез внутрь этого дерева, заткнув площадью своего продрогшего тела его внутреннюю, пахнущую травами и сырыми опилками, поверхность. Кора оказалась теплой на ощупь, похоже, нагретой на солнце, палящем над провисающими где-то снизу облаками, и издавала, помимо слабого горьковатого аромата, ещё еле слышимое жужжание, благородно похожее на дальний гул дикого пчелиного роя, раскаты августовского грома у горизонта или неровно-нервное уханье ржавого советского электротрансформатора поблизости.

Но вскоре я понял, насколько сурово ошибся, когда заметил, что моё мягкое место уже нисколечко, вот ни на йоту не влазит внутрь раскидистого дерева и торчит наружу, доступное всем ветрам в ожидании действительно кусачего мехового динозавра. Дело в том, что я тогда ещё не вполне себе представлял, как именно выглядит в диких условиях пресловутое дерево, и вместо сыромятника мне, как выяснилось впоследствии, просто попался, на самом деле, какой-то пожилой можжевельник, с которым оказалось крайне и крайне нелегко договориться исполнить чужой святой долг. Возможно, можжевельник среди всех деревьев обладает самым невыносимым характером. Или же он одному только мне попался старый, ворчливый и пребывающий в недоброе

расположении духа. Всё может быть, всё.

Спасла меня тогда лишь исключительно воля случая: мимо проходил восьмилетний мальчик по имени Кыырадукехоль и по кличке Градуль, глава всем известной в те времена местной организованной вооруженной банды младшекласников, обучающихся в спецшколе ассасинов. Он зарядил в застрявшего меня солью из рогатки со словами: *«Дерево с жопой! Дерево с жопой! Градуль знает свое дело, в зад пуляет он умело!»* И в этот самый пощипывающий момент как раз почему-то свершилось. Точно гром среди ясного неба, разверзлось пространство, ритуал почти закончился, а оттого предстал предо мной безвестный и не ограниченный никакими рамками многомерный динозавр, точно сотканный из лучей лазера, чуток, правда, подзамёрзший и похожий оттого на законсервированное мясное мороженое. Было бы преступным упущением не отметить, что даже будучи в изрядной степени замерзшими, динозавры смеются, будто исполненные щекотки с головы до пят, настолько оказываются похожими их совместные с нами вибрации. Это ощущается так, будто вся буря их рычащего смеха эхом щекотки отдаётся у тебя в районе солнечного сплетения, а оттого и тебя самого от макушки и до кончиков пальцев начинает тряскою пробирать гомерический смех динозавра.

Наконец, Хлыытагне прекратил говорить, а я так и продолжал сидеть в задумчивости, поражённый до глубины души его откровенным рассказом. Прошло уже несколько часов, а я от охватившего меня удивления и тревожения всё никак не сходил с места. А когда Хлыытагне застиг меня за этими размышлениями, то, присев рядом, спросил: «Теперь ты понял?» Я было решил ему поведать историю своего воссоединения со способностями рептилии, да только старик меня не слушал. «Твоя рыба не клюет», - сказал Хлыытагне. «Шерсти динозавров больше нет на всей Земле, но ты так старался, так старался, что даже вообразил, будто нашел её, однако же вспомни: ты принёс мне шкуру медведя, и это действительно так, я тотчас понял, какому именно зверю принадлежит шкура, вот в сей же миг, едва лишь увидел её! И всякий раз каждый человек во время действия посвящения находит вместо шерсти динозавра что-то по-настоящему своё. Смысл моего урока добычи меха динозавра заключён в том и только в том, что вся их шерсть с самого нашего рождения и до смерти построена лишь на играх с пустотой. Как и всё остальное, что ты замечаешь сейчас вокруг.

Твоя истинная внутренняя поверхность только волнами смеха всегда

переворачивается, превращаясь в ласкающий и пушистый мех рептилии, поскольку смех динозавра в корне дел подобен его меху и направлен исключительно вовне - на окружающих динозавра существ пламенной стихии, ежесекундно возрождающейся из угасающих искр костра, а потому всегда готовых воспрянуть своим остыванием вовнутрь нового цикла подогрева. Но хоть динозавр и суров, худощав и неказист, сантиметр меха его уже совершенно бесценен, ибо мех рептилии современных эпох всегда создан оказывается из твоей личной энергии превращения в динозавра через изнанку себя. Не ищи тот мех нигде, кроме собственных глубин: построив пространство жизни, снаружи ты ведаешь лишь внутреннее, и именно поэтому внутри способен отыскать внешнее. А если уж быть ещё точнее, послушник мой вислоухий, то вид надевания себя в обличье динозавра-покровителя есть не что иное, как обитель и практика маскировки посреди лесного окружения иль же внутри вибраций моих - а теперь уже и твоих собственных - ощущений.

Ведь так только кажется, будто мы выворачиваемся наружу, восставая из недр поверх контура динозавра, тогда как на деле наша личная парная сущность вылазит наружу, и вот теперь уж она неумолимо освобождает пространство, обволакивая всю поверхность тела симбиотического создания, то есть человека-знахаря, тем принципиально и отличным от всех прочих людей, что неотделим всякий, прошедший посвящение, от личной рептилии и открываемых ею возможностей тела и ума. Да, это действительно так. А посвящение всегда сводится к тому, чтобы обрести среди рептилий своего двойника-покровителя. А ты думал, будто кому-то нужен твой бестолковый мех? Ты правда думал, что есть некий дух, который в обмен на дары меха динозавра благодарно и благородно сделает тебя знахарем? Конечно же, такой дух есть - и это ты сам, открывающий внутрь себя грань принадлежности к меховым рептилиям - и их разуму!

Разделение-слияние такого характера восходило, в конечном счёте, ещё к древнейшим временам, а незаменимая необходимость получения динозавра через выворачивание себя наизнанку и привела к тому, что наставники былых эпох придумали для новичков-знахарей ещё одно испытание инициации, которое и заключалось в необходимости добычи меха динозавра, делая таким способом решительный ход конём. Их манёвр-обманка был достаточно прост и, в то же время, изыщен для исполнения. Это начинаешь сразу понимать, как только осознаёшь, где заканчивается твоё собственное дело и начинается плоть рептилоида. А если точнее, то

нигде. И это нигде как раз нужно уловить в качестве основной твоей составляющей - тогда уж, будь уверен, у тебя точно всё получится осуществить так, как надо!

Принимая разнообразие семерых отражений в формах самого себя, рассыпаясь вовнутрь пушистого динозавра человеческими наростами, я бултыхался в ту давнюю пору, точно покрытая илом трёхсотлетняя бутылка где-то на месте кораблекрушения в едко-солёных, как выстрел Градуля, океанических водах. В нашем обществе знахарей лишь тот человек может считаться настоящим соплеменником, кто постиг суть урока и потому имеет во внутреннем запасе лучшего и, по сути, единственного покровителя в связке с собой. А если же он не владеет динозавра и даже не способен управлять им, то и вовсе к обществу нашему принадлежать не может. Позор такому человеку!

Я отныне подолгу размышлял в медитативной тиши об исконном и тайном, неявном смысле нового витка данных мне познаний о мехе, ведь недаром старик Хлыытагне в последнее время всё чаще и чаще старался взывать к моему боевому духу. А тут я через изнанку волновых колебаний не просто обрёл себе сыромятное дерево, по мнению того же мудрого Хаалытчаге, наставника моего наставника, но даже и сразился незаметно сам для себя за право всегда пребывать в форме неведомого и столь же незримого динозавра, внешне иллюзорно кажущегося человеком, исключая любые двойные позиции и толкования.

Как оказалось, невозможно быть или человеком, или динозавром частично и попеременно, по выбору - можно проявляться лишь тем и тем сразу и постоянно, либо же по отдельности и полностью. Мой наставник сказал, что перемещаться внутри собственного тела, вывернутого наизнанку мехом динозавра наружу - это достижение абсолютного соединения, все нестыковки и шероховатости аморфных тел теперь устранены, и если Хаалытчаге и Хлыытагне давным-давно уподобились динозаврам, но всё же остались отчасти отличными от них, то я теперь и есть своя рептилия - целиком и полностью, не в другой форме себя, а в той форме, какой я и являюсь. Думаю, что теперь по праву достоин владеть частью наследия меха рептилий.

И, быть может, уже мои ученики-знахари откроют в себе новые тропы, тропы, избавленные от хитрости и обмана быть и не быть динозаврами и людьми одновременно. Они будут настоящими рептилиями - и всё тут. Я научу их становиться такими во всех доступных проявлениях.

Ведь это и есть наилучший способ быть настоящими людьми!

Ноктюрн на нитях нот

В «Звёздном пирате», как всегда, было очень многолюдно, а новый народ всё прибывал и прибывал. Я пришел сюда с единственной целью: сконцентрироваться на мыслях и эмоциях людей, оставляющих здесь весьма зазря беспримерно огромное количество энергии, выплескиваемой наружу в столь многообразных и перекатывающийся образах, формах и разновидностях. На танцполе ярко светились стены, расписанные флуоресцентными акриловыми красками под этнический мотив стилизованного изображения животных. Воздух здесь прямо-таки кипел и шипел от невероятного, просто несусветного количества чувств, надежд, ожиданий и эмоций, которые сложно охарактеризовать в качестве не только не имеющих ни малейшего отношения к аристократическим, но даже и к элементарно отдалённо напоминающим гармоничные и светлые.

Грохотала музыка, и в такт её гулким раскатам, закладывающим уши, то замедляясь, то ускоряясь, двигалась, подпрыгивала и расплывалась поблёскивающая толпа развлекающихся остолопов. Пластиковая одежда у большинства прожигателей жизни, завсегдатайствующих в «Звёздном пирате» ярко отсвечивала блёстками волн синтетических складок, вгрызающихся волнами в лучи ультрафиолета так, что казалось, будто смотришь далеко сверху вниз, с высоты птичьего полета на многообразие самоцветных кряжей и булыжников жидких или желеобразных гор, которым никто и никогда не придумывал наименования, ведь в корне любых названий и имён лежит стабильность наблюдения, а здесь же - на потных майках, прилипших к выпирающим то здесь, то там девичьим грудям и проколотым пупкам - о какой стабильности вообще можно было бы вообще говорить, кроме стабильной цикличности подобного времяпрепровождения у любителей и любительниц безвкусицы, понтового гламура, пьяных коктейлей и лёгкого поведения?

Внезапно я обратил внимание, что музыка словно бы зацепляет целый танцпол людей, дёргая их всех за незримые глазу нити, и, по сути,

именно так дело и обстояло. С каждой вспышкой света я оказывался способен заметить тела, покадрово меняющие собственные формы и направления ритмично дрыгающихся движений, точно некто выпучил в пространство быстро снимаемые и отображаемые фотографии, застывшие восклицательным безмолвием аморфного концентрата чувств, пролитых в проблески жёстко мигающего стробоскопа, оставляющего на сетчатке моментальные ожоги, явленные за закрытыми веками в виде красочных картин аналоговых фотонегативов.

Каждый из танцующих оказывался заключённым в некую многогранную решетку, похожую на пчеловодную раму восковых сот, полную безудержных детей на скорости и клубных повес на кислоте, сотнями людей измеряющих собственную вместимость строго очерченных ячеистых структур, точно я внимательно разглядывал сильно увеличенную кристаллическую решетку металла, между связями которой и пытались втиснуться, подобно кишащим дёрганым электронам, все эти люди, обезумевшие от пульсаций басового грохота музыки и неконкурентного антагонирования серотонина с допамином, подсознательно, по-видимому, опасаясь, что останутся без пары, они то занимали вдруг позу расслабленности и тишины внутреннего полу-полёта, то внезапно начинали хлётко нагнетать собственную вёрткую непоседливость и повсеместность, как у ручкастых в своей опытной цепкости гиббонов.

Тепло и уютно здесь лишь для некоторых - я, похоже, отнюдь не из их числа: слишком много драйва, слишком много аффекта и экстаза, просто ураганный шквал лихой патетики мод. Ломкие, лопающиеся и ухающие звуки заставляли выписывать в пространстве довольно-таки чёткие контуры полупрозрачных трейсов или флэнджеров, как их стало модно называть в последнее время с лёгкой подачи всё тех же тусовщиков-рейверов. Эти движущиеся до самого потолка полупрозрачно-полупризрачные бесконечно повторяющиеся контуры рук, ног и тел точно бы пропитывали воздух всплесками энергий, как каждый из танцующих, дёргающихся и слэмящихся, как выползающая на свободу личинка-гусеница, тошнотворно пованивал нагретым пластиком одежд, потным жаром высокого кровяного давления и феромонами надежд, пробивающихся сквозь слащавую завесу одеколонных надухарений и до одури приторных расцветок волос и ногтей, изобильно обсыпанных, как снежными сугробами, ворохами переливчато-голографических точек-блестяшек - идеально круглых или зеркально многоугольных,

вспыхивавших на краткие доли секунды, когда дурные лучи танцпола ниспадали на их микроскопические пластиковые или же алюминиевые поверхности, налипшие на лица, веки и пальцы.

Одновременно с целостной картиной всей этой отвратительной толкучки неминуемо ставилось заметно, что энергия танцующих дрожит и вибрирует, собираясь в итоге в единый пучок, эфемерно тянувшийся за пределы стен и домов, выстроенных некогда снаружи, хотя присутствие этого отталкивающего наэлектризованного потока необъяснимого магнетизма покрякивающих уток и токующих глухарей не могло быть столь уж явным и заметным здесь для всех и каждого. Я искренне удивился, когда осознал, что, возможно, подобным образом способны воспринимать мир лишь весьма немногие другие люди в этом зале. Прочие же, похоже, вообще ничего подобного не чувствовали, никаких намёков на пульсирующий трепет сил, практически отключив в себе всякий инстинкт самосохранения, да и насквозь пропускали мимо внимания глаз и ушей окутывающий их голос интенсивного внутреннего сияния, даже оказавшись таковым интуитивно. Настолько же ярко и красочно можно было бы попытаться донести до гороховых стен огорода весь этот калейдоскопически психопатологический маскарад. И - с ровно тем же результатом, как и до представителей танцпольных меньшинств народа.

Казалось, весь тот многообразный сор, который многие из них таскали в своих развесёлых головах, начисто ослеплял и оглушал их, заставляя снова и снова тянуться к родной и столь привычной свалке, отвращая их от малейших искорок понимания: на доли секунды приоткрывавшаяся театральная завеса с сутью происходящего на главной сцене, тотчас же устремлялась в бездну забвения, ибо внушала нестерпимый страх своей довлеющей безразличностью и отсутствием любых границ. И они снова и снова, выглядывая с придонных слоёв транса, испытывали вспышки испуга, беспрерывно повторяя и подтверждая уже давным-давно сделанный ими выбор: приятнее кружить важной шишкой, пупом Земли в изворотах круговерченной мнительности, нежели признать, что ты - всего лишь легчайшая песчинка, парящая в потоках непостижимой бездны, слишком мелкая и слишком ограниченная, а потому способная влиять на столь же бесконечно малое и количественно немногое в масштабах всего.

Радуетса собственному ничтожеству лишь тот, кто ни к чему не привязан, лишь то, у которого есть всё, и это всё - он-в-мире, целостная Вселенная здесь-и-сейчас. Цепляющийся просто танцует - и в танце

находит себе убежище. Его рейв - лисья нора, медвежья берлога, пещера древнего кроманьонца, панцирь броненосца. Его имущество - способ избегать жизни, занимаясь дайвингом ко дну мелочей и привычек. Его мнение неприкосновенно, ибо таит в себе нестерпимый страх под соусом надежды. Большинство танцующих, стараясь «брать от жизни всё», следуя известному слогану, на самом деле, прилагали максимальные усилия, чтобы не замечать жизнь вовсе, ибо не знали жути большей, нежели забота о том, как жить дальше. И этот ужас сопровождал их изо дня в день, заставляя танцевать и танцевать внутри всегда: дома, на работе, при переходе улицы и даже во сне. Танец в прятки стал их неукоснительным образом жизни.

На каждую вспышку стробоскопа окружающая обстановка возводила головокружительные смысловые системы стен, парящие стеклянистыми пластинками в воздухе, точно плексигласовые лепестки светофильтров, которые, проявляясь снимками старых фотоаппаратов, практически тут же отправлялись восвояси, медленно выходя за пределы нашей обыденности, словно переманивая формы визуального мира сквозь ушко целей и причин пульсации измененных состояний сознания и самосознания всех этих аляповато нафуфыренных клубных барышень и их низкопробно пустых быдлокавалеров, разящих многодневным перегаром.

Зачастую, девушки выглядели здесь столь откровенно, что казалось, будто бы, устав работать на обочине дороги по ночам, они все разом потянулись коротать время в модном клубе в поисках более простой, уютной и денежно обеспеченной жизни. Вокруг них стайками вращались, крутясь как детсадовские волчки, всё те же выпендрёжно-понтовые парни-балбесы, пребывая в извечном состоянии изрядной нетрезвости, слетаясь на девушек кучками, совсем как бронзово-зеленые сельские мухи лета на известного рода удобренческую субстанцию, что было, если вдуматься чуточку, не столь уж и далеко от действительного положения вещей.

Над головами разнузданно колбасящихся на танцполе расхлябанных тел многообразно распухали красноватые и оранжевые ауры, были здесь всполохи энергий и других цветов - преимущественно, не самых приятных и плодотворных для претворения в жизнь тонов и оттенков. Казалось, что большинство людей ходят сюда просто по-индюшачьи похорохориться перед представителями противоположного пола в надежде, что в ту же ночь им что-нибудь да перепадёт. Ну или просто побухать или поторчать на разных таблосах и марках, прыгая и дрыгая руками и ногами да мотая в

разные стороны головой. Пышно расцветали также розовые, алые, охристо-жёлтые и апельсиново-оранжевые пятна энергий, точно туманчики испарений токсичных инопланетных болот или улетевшие в благородную атмосферную высь неочищенные отходы химического производства.

Пространство казалось до самых глубин своих пропитанным эманациями пафоса и непонимания, граничащего с тотальным невывозом ложного престижа, поэтому, зайдя на площадку, я всякий раз очень остро начинал желать поскорее сделать отсюда ноги, дабы не пропитаться всеми этими тяжёлыми флюидами зависти, разделённости, разврата и взаимной похвальбы каждого плясуна перед каждым, и чувства эти принимали крайние формы приземлённо-агрессивной инфантильности окружавших меня «танцоров», скачущих, как хлётко набутиратившиеся обезьянки.

По паркетному полу, оставаясь напрочь незримыми для окосевших глаз абсолютного большинства присутствующих, ползали полупрозрачные контуры пауков, полуметровых цветастых слизняков, медуз и каких-то змеящихся зверьков. По крайней мере, именно подобным образом они заставляли сознание воспринимать себя через наделение их теоретических качеств сходства с животными, действительно обитающими в нашей проекции повседневного бодрствования. Если бы возможно было всем и каждому вмиг разрушить беспрестанно сочиняемый и сочиняющийся любым человеком мир, заставив порастерять в характеристиках нашей перцепции постоянную описательную часть, оформленную через формализацию невнятной условности разграничений в алгоритм строго и непоколебимо кажущихся границ, тем был бы «объективный» мир менее постоянным, сколь и менее убедительным, а ведь именно его абсолютное большинство людей принимает за реальность, тогда как это оказывается лишь излюбленный способ человечества казаться реальным самому себе.

Другим же существам мир мнится реальным только их собственным способом, призванным убедить в непоколебимом наборе свойств и особенностей характерной действительности, прежде всего, их самих, тогда как каждый из нас, в итоге, всего лишь надёжно заключённый собственного обманчивого и неустойчиво текучего поля восприятия, проводящего бесконечные и бессмысленные проверки устойчивости нами же самими выдуманных структур. Без всего наносного не осталось бы ничего, кроме интегрального взаимодействия чистых форм энергии в их комплексном перетекании из одних в другие - но даже и такой подход оказывается не совсем правильным, если учитывать, что любые прошлые формы, из

которых случилось перетекание, никуда не исчезают, как не появляются и те формы, куда эти энергии перенаправляются.

Просто всё становится тем самым потенциалом, существующим и не существующим одновременно и единомоментно, для которого быть - означает самоактуализироваться через фокусировку на нём стороннего восприятия, тогда как с точки зрения собственно восприятия, имеющего иную точку фокуса, не существует объекта, на котором это восприятие не было бы сосредоточено, что, уже в свою очередь, позволяет считать каждый из потоков энергий принадлежащим состоянию существования и несуществования вне любых противоречий и интерпретаций аналитически рассудительного и рационального ума, поскольку в каждом квантовом состоянии Вселенной всегда существуют позиции фокусировки восприятия на каждом из потоков, не концентрирующиеся на всех прочих потоках.

Фокусировка здесь - также понятие не вполне верное, поскольку это скорее уж синхронизация, нахождение подходящей волны, создающее эффект ясности, нежели ясное и однозначное обнаружение органами чувств каких-то конкретных образов, не предполагающих существования доступного набора трактовок. Но возможности для равноценной реинтерпретации присутствуют всегда и без исключения - оградой, в которую всё упирается, становится только негибкость, схематичность и механистическая повторяемость умственных шаблонов. Именно за их границами начинаются обширные пространства игры форм и явленности трактовок. Общественно полезное означило границы человеческого в нас.

Сколь парадоксально, хотя целиком и полностью закономерно то, что развивая в себе исконно, биологически человеческое в личности за те пределы, в которых ещё несём обществу благо, мы оставляем в себе столь мало человеческого! Разве это истина нашей природы? Или же всё-таки нечеловеческое и есть тот самый искомый потенциал эволюции человеческого сознания, тогда как социум предпочитает ради сиюминутной выгоды коллектива направлять нас против исконно заложенной в нас природы, подводя к всё большему и всё нарастающему шаг за шагом удалению от прямого взаимодействия с действительностью? Коснуться жизни можно лишь выбрав играть в их игры, подспудно неукротимо смеясь под маской полезного гражданина своей страны. Но лишь стоит на долю секунды искренне поверить в их синтетические игры, в их обманные фантазии, вкусив приманки виртуальных ценностей - и вот уж хитрый капкан напыщенной деловитости захлопнулся, выдумка обрела очерченность, а мы

отныне рискуем навеки уйти вникуда. Схемы отношений, линии алгоритмов, привычки прагматика являют свою изнанку лишь тем, кто играет, но не верит. И тогда ты видишь и понимаешь - среди них вовсе нет и никогда не было настоящих, эти рощи лишены корней, а снующие по их линиям люди - спящие призраки круговерти, эфирная дымка изменений - и нет в них ничего постоянного, и нет в них ничего, что было бы ими. Их вовсе нет, хоть они все - здесь.

Да и безраздельность существования приравнивает бытие отдельного его элемента к восприятию этого элемента, а так как источник и приёмник восприятия находятся в информационном поле друг друга, и в конечном абстрагировании представления - в информационном поле всего, то существование можно приравнять к характерному свойству потенциально самоотражаться, резонировать, обмениваться сигналами с переплетённой сетью мироздания, чьих мер не счесть, хотя их вовсе нет. Быть - означает воспринимать собственное бытие, а поскольку многомерная безграничность всего исполнена условных «объектов», неспособных, казалось бы, к восприятию самих себя, то их существование поддерживается энергией осознания самой Вселенной, из которой эти «объекты» и состоят, тогда как принимаемая ими форма определяется сознаниями тех существ, что обладают способностями к отражению ложно разграниченных свойств внутри собственного сознания - и в соответствии с накладываемыми конструктивными особенностями этого сознания ограничениями и искажениями интерпретаций отклика.

Вот гора Джомолунгма. Она есть в силу естественных свойств миропорядка, делающих Джомолунгму существующей, но какова она за пределами возможности воспринимать её как гору в разуме человека? На сей вопрос может ответить только разум не-человека, но и то - только сам для себя. С другой стороны, какой смысл присутствует в подобных ответах, если отражения разума внутри разума не порождают вопросов? Мы же не спрашиваем сами у себя, какова эта Джомолунгма, мы её просто-напросто воспринимаем. Но никогда и никому мы не сумеем объяснить смысл нашего восприятия, поскольку любые доступные нам слова человеческих языков замкнуты исключительно сами на себя и означают лишь полагающиеся ими обозначать смыслы и только в рамках того разума, что оказался способен к порождению всех этих смыслов и соответствующих им словесных ярлыков. Нам никогда не дано понять, какое ещё может быть всё, кроме такого, какое оно может быть для нас самих, если, конечно, мы

не научим восприятие принимать формы, присущие не людям, а другим существам во Вселенной.

И потому все эти типы медуз, пауков, слизняков и прочих астральных напастей представимы в конечной точке их обесчеловечивания для нас лишь как относительно непознанные колебания частот, занимающиеся принятием и поглощением выплёскиваемых в нестерпимых танцевальных порывах низкочастотных вибраций укурков, конвульсивно, если не сказать - агонистично, дрыгающихся на танцполе. После плясавшей и гнувшейся практически нагишом вокруг круг стульев и шеста стриптизёрши, оставившей, в конце концов, на себе одни лишь узкие чёрные стринги, а также после шумных и пошлых конкурсов с участием девушек и главного топлива местной раззадоренной молодёжи - невообразимого количества водки, снова оказались возможными наблюдения за их опухающими цветными эфирными телами. Словно бы сущие уши, от глухих ударов музыкальных басов раскатисто ухающего диптранса и драм-энд-бэйса скачут ускоренно-разогнанные на соли упорыши. «Почти что опарыши», - подумал я и слегка усмехнулся, а дребезжащую музыку, тем временем, сопровождал не менее вибрирующе-бесявый такой девичий голос, и вся эта пятнистая какофоническая вакханалия тошнотворно-глумливо, как ложками по кастрюлям, заумпцкала вдруг электронным хардбэйсом «Бетонщиков»: *«...дыц-тыц-дыц-тыц-дыц-умпс-умпс-умпс-умпс-голова-туда-сюда-скорость-феррум-колбаса-умпс-умпс-умпс-упмс-дыц-дыц-тыдыц-дытыц-туда-сюда-дыц-дыц-тыц-туда-сюда-туда-сюда-феррум-феррум-колбаса-дыц-дыц-дыц-дыц-умпс-умпс-умпс...»* - и так далее, почти до бесконечности и практически без каких бы то ни было вариаций, изменений и фантазии.

Я понимаю, конечно, что весь тот адски ядерный стёб был вложен в подобные треки не просто так: заметна удивительного рода гениальность музыкантов, сделавших себе имя исключительно попаданием в поток - в нужное время, в нужном месте и в нужной форме, зато практически без музыки, без сопротивления, сливаясь с до примитивного лёгкими путями культурных тенденций современности - не это ли идеальное следование своему дао? - а вот осознают ли его мельтешащие мухами у меня прямо перед глазами колбасули самого нежного студенческого возраста, чьи головы как раз и мотаются в такт музыке туда-сюда, будто мясной метроном? Может, да. А может, и нет. Кто уж как, право - судить о подобных вещах - это всё равно, что измышлять о самих суждениях и измышлениях, не ведая сути этих явлений, но лишь расхаживая вокруг да

около. Бессмысленно, как и вообще всё остальное в человеческой проекции существования.

Ребята-девчата в клубе, похожие на восковые фигурки, резко и рублено перемещаются, перемешиваясь на тесном пространстве танцпола, словно радужные тянучки расплавленного пластилина или раскатанной полимерной глины, разносясь веточками линий и векторов своих трейсов повсюду, как поле электрона вокруг атома, позволяя наблюдателю, совершив одно лишь небольшое усилие, продвигаться в узкие сходящиеся пространства за иллюзии, распадающиеся рассыпчатыми и оттого, всенепременно, хрустящими льдинками всполохов. Несколько удивительно было рассматривать среди танцующих ребят всевозможных косплееров, облачённых в одеяния столь разновариативные, что сразу же становилось ясно: в подобном диком сочетании стилей их не увидеть более нигде, кроме этого громового чистилища и подобных ему современных и модно-престижных молодёжных шабашей: одеяния, начиная от медсестёр-ангелочков и заканчивая чуть ли не военной формой времен нацистской Германии, вперемешку со всеми этими павлиньими перьями, светящимися в ультрафиолете акриловыми и нейлоновыми тельняшками, вкупе с тончайшими тюлевыми мини-юбками и откровенно просвечивающими под ними трусиками.

Я также слегка повеселился вместе с прыгающим народом под металлически лязгающую кислотно-фениковую электронную музыку, столь излюбленную клубными зомби, как вдруг дрожью, волною прокатившейся всей поверхности кожи почувствовал на себе настороженный, серьезный и пристальный взгляд в спину, от которого просто не могло не становиться не по себе. Резко обернувшись, я тотчас заметил неподалёку довольно-таки молодого человека, стоящего за барной стойкой и настойчиво просверливая меня взглядом насквозь. Одет он был в длинный плащ тёмного цвета, носил на носу квадратные очки и периодически гладил сам себя по блестящей от ультрафиолетовых лучей потёртой затылке, пребывающей на начальной стадии. Он мечтательно стоял, вытянувшись шеей к потолку, и отвлечённо улыбался тонко-бледными невнимательными губами так, словно досконально продумывал, планировал и уже смаковал провернуть некое величайшее мошенничество века, о котором воистину никогда и никто бы не смог ничего узнать, приняв за чистую монету его гениально сфабрикованную ложь.

В момент, когда был пущен дым, настолько густой, что

невозможно было даже попросту увидеть собственные руки, всё окружающее меня пространство превратилось в мерцающие и тут же единомоментно забывающие самих себя вспышки диодных бликов различных полутонов. В это самое мгновение незнакомец с пристальными глазами и не вовлечённым во всё происходящее лицом подбежал ко мне и попытался что-то громко прокричать сквозь трансый грохот, но абсолютно безрезультатно: музыка железными басами начисто перекрывала все его слова. Наконец, мне всё же удалось разобраться, что же этот человек с выделяющейся внешностью нервно и поспешно желал донести до меня. Он спросил: «Ты ведь тоже видишь вот это всё? Эти потоки, эти нити?» Я в ответ утвердительно кивнул головой: мой собеседник тоже последовательно излучал динамичные серии почти неразличимых тонких, толстых, прерывистых, целостных, длинных и коротких, точно азбука Морзе, нитей, заканчивающихся микровспышками, как ананасы - зелёно-треугольной ботвой, которую можно высаживать в горшочек и вновь растить свежие ананасы, жуя их периодически с поджаристыми рябчиками и более не опасаясь бессмысленного и беспощадного русского бунта. Хотя кто знает, может, и следовало бы на самом деле?

Переплетаясь, нити превращались в ярко мерцающую массу паутинчато-пластиковых огней гирлянд с металлическим отблеском, уплывающих потихоньку в совершенно неопределённом направлении, опутывая всех и каждого и точно бы стараясь замести за собой следы, наследив повсеместно и сделав невозможным определение истока и устья плутающих, точно зимний кролик в лесу, отметин эманиционных пятен интенсивных чужих эмоций.

Незнакомец наконец-то соизволил представиться: «Я - Аристарх, рад познакомиться». Я протянул ему руку, пожал её и также представился: «Лаврентий, взаимно». Тогда Аристарх попросил меня следовать за ним. Я, слегка недопонимая, что же тут происходит на самом деле, неожиданно для самого себя, будто пребывая под гипнозом, не смог сопротивляться изъявлениям его воли и взаправду послушно, как новорожденный барашек, пошёл за своим новым знакомым.

Мы спустились в полуподвальное помещение. Аристарх открыл скрипучую старинную, даже почти что старушечью, дверь не менее как тридцатисантиметровой толщины, поворошив внушительно габаритным ключом, который, казалось, был создан из чуточку подзаржавевшего чугуна. Подвал оказался на удивление уютным, но точно бы содержащимся

из века в век без всяческих веских изменений, недорогих ремонтов и косметических перестроек на протяжении, наверное, уже не менее, если не более доброй половины тысячелетия. Антикварная мебель деловито поблёскивала драгоценными камнями, точно жирные и перстистые красноватые пальцы неповоротливого банкира, привыкшего в равной степени к утомительному процессу накопления капитала и к отдыху на широкую ногу и загребушую руку.

Просторные расписные дубовые кресла, достойные лучших дворцов мира былых времён, были обтянуты натуральной кожей кремово-персикового и молочно-бежевого тонов, а на стенах, помимо складчатых сливочно-сиреневых тканых обоев из тончайшего натурального шёлка, висели вышитые с глубочайшим пиететом и ювелирной искусностью изысканно высокодетализированные гобелены с изображением европейских городов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Судя по веявшему от этих элементов аристократического декора очищенному дыханию ушедших эпох, в обоях использовались натуральные природные красители, добытые из деревьев и моллюсков где-нибудь в Индии или в африканских странах, а изображения на гобеленах в момент вышивки были вполне себе актуальны и отражали присущую им суровую современность прошлых дел и событий, давным-давно занявшим подобающее им почётное место на пыльных страницах далёких томов вузовских учебников по истории мировых цивилизаций и художественной культуре Ренессанса.

Примерно с минуту мы все, не сговариваясь, просто молчали, по-видимому, для того лишь, чтобы я сумел сориентироваться в этой новой для меня сонно-благородной, почти что музейно-архивной атмосфере дворянского особняка времён дворцовых переворотов, а затем Аристарх неспешным и полумечтательным тоном тихо произнёс с придыханием странноватого акцента, протяжно и по-дикторски правильно выговаривая в словах каждый звуковой полутон на питерски-прибалтийский лад, который ранее, в гуле танцпола, не был мною замечен вовсе:

- Нечасто здесь можно встретить человека подходящей конфигурации.

- Подходящей конфигурации чего? - удивился я.

- Энергии, конечно, чего же ещё. Ты способен видеть в отдыхающих дамах и господах, пришедших в наше заведение, цветные потоки и струны, а поэтому твоя энергия на ощупь, вкус и цвет, в некотором роде и смысле, отличается от энергии большинства здесь присутствующих и танцующих.

А вот потоки колеблющихся волн энергий были в подобных условиях всегда: как сейчас, так и два с половиною века назад, только вот... бал несколько изменился, да и народ порядком поизмельчал. Но всё это не более, чем формы, всего лишь пустые фирмы, жаждущие наполнения себя - и ничего более за ними: суть всегда остаётся одной и той же: хоть сейчас, хоть тогда. Ты же просто не вписываешься, поскольку не способен быть донором сил, по подобию этих людей, и крепко держать своё кредо побольше наследить вокруг, искренне веря, что оставляешь собственные сорняки отпечатков чувств и желаний во имя долгой и счастливой жизни собственного широко распаренного эго, устремлённого раскинуться покрывалом на как можно большие площади и пространства искусственных смыслов.

А на самом деле всё остаётся у нас. Помнишь, как в той песне поётся у Летова: *«Долгая счастливая жизнь, такая долгая счастливая жизнь каждому из нас, каждому из нас...»* Игорь Фёдорович хоть и отродясь не принадлежал к нашему клану, но был довольно близок к некоторым особам из наших, а оттого оказался одним из очень немногих редких чужаков, что были посвящены в нашу тайну за весь долгий период существования клана в истории. И как в его песне, сочинённой в честь собственной ремиссии, эта самая жизнь для нас порою слишком затягивается, оборачиваясь сущим кошмаром, в котором не остаётся не только потрясений, вдохновений и праздников, но и вовсе любых желаний, побуждений и каких бы то ни было эмоций, кроме непрекращающейся тошноты от созерцания этой вездесущей мышины возни бессмысленных народов их порождённых ими толп.

Назвать ещё? Да пожалуйста. Немного таковых, в основном это были учёные да мыслители с мировой известностью и общественные деятели прошедших лет: Да Винчи, Ломоносов, Шэньсюй, Рерих, Таурихин, Лао-Цзы, Гораций, Коперник, Конфуций, Тесла, Колпиневский, Менделеев, Зороастр, Еликман, Гурджиев, Залесских, Дюрвилль, Кейси да Вавилов с Вернадским ещё разве что были - и всего-то за долгую историю человечества. Согласись, что это и впрямь малая капля в море. Вот тебе и полный список за несколько секунд. Ещё, как это ни странно прозвучит для тебя, Владимир Маяковский, хотя вот он-то как раз из наших был и остаётся, я его самолично посвящал, помнится, а затем, спустя ещё некоторое время, ему пришлось разыграть весь этот театр с пистолетом и скоропостижно покинуть человечество, навсегда запомнившее его эким

бунтарствующим стихоплётom. Зато он до сих пор жив, хоть и крайне далеко отсюда поселился под чужим именем, хитрый рифмач. Актуальные и свежие, как лимонный сок, слоганы для рекламы выдумывает - уж шибко у него хорошо подобные вещи получаются. Ну да не будем чрезмерно долго задерживаться на подобных вещах: с них тебе всё одно пользы ничуть не больше, чем от еловой шишки тому не шибко везучему лесному медведю из детского стишка».

Я подумал, что мне следовало бы как-нибудь восполнить свои пробелы в образовании, поскольку из вышеперечисленного списка в упор никак не получалось вспомнить Еликмана да ещё Таурихина среди знаменитостей с мировым именем, однако Аристарх не предоставил мне достаточно времени на угрызения, эмоциональные переживания и саморефлексивные порывы, продолжая, тем временем, рассказывать:

- Ты видел, как быстро переплетаются их мысли в один-единственный пучок? Ведь ты видел, не так ли? И это действительно правда? Так вот, ты воспринял эманации Всемерной Лианы, одного из глобальных органов Бытия, регулирующих мировое равновесие и обустроенных некогда нашим кланом во имя безраздельной и беспредельной гармоничности сосуществования всех единых и взаимосвязанных вещей и существ. Лиана отбирает у отягощенного излишествами избалованного человеческого ума излишки энергии там, где человек был бы, порою, рад добровольно отдать эти излишки, и возмещает им со своей стороны позволением, выпустив пар души, избежать саморазрушения и продлить пребывание на сей планете.

Ведь и паровой котёл способен повышать производительность лишь исключительно до вполне определённого инженерной спецификацией порога, перешагнув за который, упомянутый котёл просто и элементарно взорвётся и уже не будет способен вообще ни на что. Потому-то наша Всемерная Лиана находится среди людей в вечной жажде поиска энергии, приползая в места наибольшего разгула порождаемых людьми вихрей, и, как следует из её названия, протиснувшись между всеми измерениями.

А мы? А мы, ха-ха-ха, здесь, если хочешь так думать, роскошные паразитические орхидеи, корнями вросшие глубоко в Лиану и питающиеся век из века её неиссякаемыми запасами, её омолаживающими токами. Причём это не такая уж и аллегория, поверь. Мы действительно связаны симбиотическими узами с цветами, похожими на орхидеи, да только вот проросшими из других измерений - оттуда же, откуда растёт и сама хищная

Лиана. Прибыв оттуда, цветы вынули в небытие наши замшелые души и сами вросли корешками в освободившееся место, и у каждого из нас есть лишь свой собственный цветок, единственный и неповторимый. Если ты, Лаврентий, изначально подобный нам, останешься, то также обзаведёшься самоличной орхидеей. Моя, например, проецируется в физически видимую реальность в качестве цветка *зигонеталума интермедиума*. Но у тебя, совершенно точно говорю, он будет свой. Всенепременно. Какой именно - пока что никто не способен ответить на этот извечный и неминуемый вопрос начальной стадии становления сородича, ведь всё-всё выясняется предельно просто: только опытным путём, только на практике, только индивидуально и неповторимо - и никак иначе. Если же ты откажешься - напрочь и навсегда позабудешь эту нашу беседу, словно дурацкий сон, ночной абсурд фантасмагории, привидевшийся после, например, плотного и сытного ужина. Разум всегда найдёт оправдание любым, даже самым невообразимым и противоречащим любой логике событиям. В этом ты можешь даже не сомневаться: уж так он устроен - искать и находить ответы, убеждения и порождать смутные предубеждения даже там, где их не может быть и где разум способен лишь пробуксовывать, не обладая подходящими функциями и алгоритмами в сферах, навсегда отданных вчувствованию.

Наш клан, названный некогда его создателем «*Ноктюрн*» существует уже не одну сотню лет, и для нас это нитевидное равновесие, регулируемое растением из другого измерения, стоит превыше всего. Когда-то крайне давно, ещё в диковатое Средневековье, в те сугубо беспамятные времена смутного народного самосознания, опиравшегося на гильдии мастеровых в непрекращающихся войнах и борьбе всех против всех, мы безумнее всего боялась идти на открытое и безобразное столкновение с тёмными и угрюмыми суеверами, опасались раскрытия нашей внеземной деятельности и последующего обвинения в ведовстве и использовании магии, хотя как раз народной-то примитивной магией безграмотных масс и исполненной бессмысленных ритуалов мантикой мы никогда в жизни не занимались.

Именно поэтому мы, всеединые в силах клана, едва возникнув в качестве стандартной городской гильдейской структуры, маскировавшейся тогда под крупный и влиятельный союз цехов краснодеревщиков, сами придумали для необразованных и плутовавших в сумраке ума людей мифы и представления о мистических и практически непобедимых вампирах и вурдалаках, обладающих непомерной силой внушения, дабы разжечь в

людях ещё больший непомерный ужас и оттолкнуть наших потенциальных недоброжелателей от решительных действий против нас. К тому же ужас - это, как известно, очень и очень сильная эмоция, которая, излучаясь вовне, способна давать нам посредством Лианы значительный прилив сил.

Некоторые сугубо неконформистские и особенно эпично эпатажные представители клана «Ноктюрн» действительно пытались соответствовать сложенному в народном сознании яркому образу нечисти, немало веселясь и, как сейчас говорят, прикалываясь, нападая по ночам на людей и кусая их для пущей убедительности, чем изрядно поспособствовали значительному утверждению данного наивнейшего мифа среди обывателей практически всех европейских стран. Но мало кто из этих обывателей догадывался, что действительная искомая и избранная нами цель всегда была совсем иной. Достаточно было чуточку покусать хотя бы одного случайно подвернувшегося под клыки крестьянина, и вот уже через пару дней вся без исключения его деревня нервно паникует, наполняя параноидальной истерией своей толстое зелёное тело настоящего вампира, канат нашей живительной Лианы, дарующий невероятные потоки бодрости, дарующие истинно длительное существование и почти безупречную неуязвимость.

Мы не можем допустить, чтобы источник нашей жизненной энергии завял вдруг навсегда, ведь тогда не будет существовать никакой силы, позволяющей нам по-прежнему удерживаться в сознании и добром здравии: истинные прижизненные ресурсы каждого вампира в нашем клане «*Ноктюрн*» давным-давно уже выработаны, и, если бы не Всемерная Лиана, то жизнь всенепременно покинула бы нас ещё много столетий тому назад. И мы теперь, день за днём, волей-неволей вынуждены делать всё, что позволяет нам пополнять давно уже закончившиеся внутренние силы, первозданные и изначальные, данные с самого рождения.

Поколения людские приходят и уходят в даль времён, одни мифы, порождавшие в былых поколениях страхи и способы нашего самоутверждения, сменяются в иных поколениях свежестью новых или хорошо переосмысленных и актуализированных страхов, занимающих свой мрачный угол в жизни каждого человека даже в том случае, если он и сам не всегда оказывается способен понять фундаменты, опоры и источники, лежащие в основе природы своих страхов и истинных причин импульсивных поступков. Поле коллективного бессознательного неустанно делает своё дело, вовлекая в иллюзорные искажения и вредные эмоции всё большее и большее количество человек, разрастаясь и совершенствуясь с

накапливаемым опытом уходящих в прошлое обществ, качественно меняющихся и развивающихся народов, определяя развитие последующих.

По факту, чем дальше развивается цивилизация людей, тем более она несвободна и зависима от этого общего поля, в котором все равны - русский олигарх и нигерийский бомж, французский повар и немецкий бизнесмен, афганский полевой командир и северокорейский патриот, украинский скинхед и голландский гей, чукотский оленевод и британский денди-нарцисс, исландский рыбак и американский фермер. Все-все равны и все-все различны, притом каждый делает свой, хоть и мизерный, но в меру посильный вклад, стремительным водопадом впадающий в общемировой океан коллективного разума человечества, смешиваясь в единое то, что лишено любых имён, но зато наделено импульсными волнами осознания, оказывающими влияние на всех и каждого. Да, и на тебя тоже. И на меня также. Теперь-то ты понимаешь, почему вокруг творится такой дурдом? Но абсолютно всё до последней вспышки и искорки, что чувствуют народы в душевных порывах раскалённых страстей, всегда становится нашей пищей.

Чем больше человек неуправляемо переживает, чем больше человек боится, волнуется, нервничает, пытается показать и доказать всем новую, достигнутую им степень собственной крутизны и власти, сумбурно обижается и бурно расстраивается, думает о несправедливости поступков других людей по отношению к нему и о том, что именно подумают эти самые другие люди, сам подспудно не одобряя и за спинами критикуя их поступки, вмешивается в дела, всюду суёт свой неуёмный нос, пробиваясь, вышагивает по головам, тем более и более такой человек истощает сам себя и, конечно же, сокращая собственную жизнь, изрядно продлевает нашу, орхидейную. Сейчас в мире расплодилось такое невообразимое количество человек, что даже если бы каждый из них чуток подсократил свою жизнь переживаниями, сомнениями и страхами всего лишь на одну-единственную минуту, то весь наш многоглавый клан смог бы безропотно и спокойно просуществовать ещё без малого добрую сотню лет.

Но люди оказываются чрезмерно щедрыми существами и даруют нам не то, что какую-то сотню, а целые и надёжные десятки тысяч лет жизненного будущего, причём ежедневно, наделяя паразитические цветы из параллельного мира качествами практически бессмертных существ. Рада ли Лиана сложившемуся положению вещей? Я лично сомневаюсь. Это дремучее, глубоко несчастное, древнее и болезненное существо, насквозь проросшее паразитирующими на ней орхидеями, и оно давным-давно бы

уже засохло, целиком зачахло и полностью завяло, если бы её заботливые цветочные вампиры не прикладывали все доступные силы к приданию человеческой реальности требуемого направления импульса, дабы сделать эту условную реальность самым благодатным удобрением для Всемерной Лианы, максимально долго продлив её - и, естественно, собственное - пребывание на Земле. В общем, если ты, Лаврентий, несколько тупенький, и до сей поры не осознал ещё этого факта, то скажу тебе прямо: да, мы и есть энерговампиры, и были бы весьма рады пополнить клан «Ноктюрн» ещё одним человеком в твоём лице. И с твоего согласия, разумеется.

В это время из распахнувшихся дверей, расположенных на разных сторонах комнаты, начали изливаться россыпью птиц, словно бы катящиеся по поверхности кулинарного стола маковые зернышки, люди, одетые непривычным для глаза образом в почти что одинаковые тёмные костюмы из кожи, оснащённые застёжками-молниями с хрустящими ленточками липучек, сильно осовременивавшими их одеяния, отчего облик этих людей начинал казаться несколько деланно-эклесическим и даже с ноткой некоего нарочитого обезображивания всеобщего стандарта носимой в организации формы, где единовременно и противоречиво сочетались классический и модернистский стиль, будто одеяние европейской аристократии давно минувших дней далёких было наспех перековано на современный лад без особых растрат на модельера-дизайнера.

Впрочем, и ради чего бы на него вдруг стоило им тратить? Вампиры, в отличие от людей, друг перед другом не красуются и не выёживаются. Зато, исходя из всех тех сведений, которые только что цельным махом снизошли на меня из тонких синеватых уст Аристарха, я посчитал, что, возможно, дело с перекройкой именно так и обстояло, и очарованию, производимому этими восхитительно экстравагантными костюмами, точно никак не менее нескольких столетий. Каждый из вошедших, если не сказать - взошедших, в клановую залу людей почему-то считал своим обязательным долгом поздороваться со мной.

- По какой ещё такой причине я должен тебе доверять, если и вижу-то тебя всего лишь в первый раз? Откуда мне знать, что слова твои - не ложь от первой и до последней фразы? - попытался уточнить я у Аристарха.

- Ты ведь и сам недавно был непосредственным свидетелем процесса, при котором люди добровольно отдают все свои энергетические излишки самолюбия и апломба корням Всемерной Лианы, так неужели это не является для тебя доказательством правдивости произнесённых мною

речей? Ведь это же была не столько попытка убеждения, предпринятая с моей стороны, сколько твоё собственное восприятие. Или ты предпочтёшь списать всю замеченную тобой феерию фейерверков из вибрирующих линий и каналцев на спонтанное проявление галлюцинаций, поскольку не доверяешь даже сам себе и полагаешь, что вся эта прерасколбасная молодёжь на танцполе «Звёздного пирата» также способна случайно понять, как именно она отдаёт навсегда бесценные мгновения собственных жизней на съедение Лиане, а та, уже в свою очередь, перекачивает каждому из вампиров честную и поровну перераспределённую между всеми долю?

При подобном раскладе хронического переизбытка сил новичкам мы только рады: да теперь каждый в клане будет получать вот на такую сенькую чуточку поменьше энергии, но её будет слишком много даже и в том случае, если мы примем к себе ещё десять тысяч таких, как ты. Вот только, на самом деле, у нас не предвидится столько кандидатов в ближайшее время, если, конечно, вдруг не поменяется кардинально человеческая природа и не вырастет поколение видящих нити Лианы и чувствующих вкус её токов, подобный шипучему ветру, подспудно протягивая к ней собственные связи напрямую из центров силы точно так же, как младенцы интуитивно тянутся к материнскому молоку? Прочие не то, что не хотят быть как-то связанными с Лианой - от подобного рода привилегий, думается мне, мало кто бы захотел отказаться. Просто они не умеют её воспринимать, не верят в собственные силы и не понимают безграничность возможностей осознания, заблуждаются, будто ведают окончательный миропорядок в окружающих завитках и изгибах лабиринтов жизни, а оттого даже просто учиться не хотят любому чувствованию.

И дело здесь вовсе не в том, что у тебя есть какие-то особенные сверхчеловеческие способности, а у них - нет. Считать так было бы огромной ошибкой и большой самонадеянностью с твоей стороны. Есть люди гораздо более способные от рождения, но выросшие и воспитанные в среде, изначально подрубавшей на корню все их умения, казавшиеся родителям непонятными, пугающими, а то и вовсе опасными. Такие люди - самая вкусная наша пища, ибо осознание порождает контроль. А тот, кто не обладает достаточной мерой осознания, дабы контролировать самих себя, тот контролируем нами. Расширенное же сознание после преодоления определённого порога становится нам вовсе неподвластным. Так что это в наших же интересах - делать из разума людей консервы. Мы не можем допустить освобождения коллективного сознания человечества от оков

выбранной нами для них формы - ибо тогда сами обратимся в прах и пепел.

В подобных условиях синтетического способа взаимодействовать с миром, созданных нашими великими предшественниками - талантливыми жрецами древних культов ещё в доисторические времена, дети человеческие сначала удивлённо обижаются на то, что их непередаваемые чувства и образы восприятия окружающие считают выдумкой, а их самих - врунишками и, дабы не испытывать постоянную несправедливую обиду, начинают стараться побольше забывать порицаемый опыт и поменьше воспринимать всё то, что взрослым беспочвенно и надуманно кажется запретной зоной. А запретной эта зона становится для людей современности отнюдь не оттого, что там действительно есть что-то жутко запретное, а лишь оттого, что эти пространства принадлежат для большинства среднестатистических людей к измерениям чистейшей *terra incognita*, перед неведомостью которой большинство взрослых собственный панический страх привычно вымещают на собственных чадах, опасаясь за продолжение рода, надёжно и начисто позабыв, что изначально, в своих самых потаённых безднах океанов разума, лежащих ещё глубже придонных слоёв бессознательного, все они вышли именно *оттуда*.

Подрастая с течением времени, эти бывшие дети и сами забывают почти всё, что видели и понимали в детстве, начинают и сами считать выдумками и фантазиями собственные детские осознания и аморфные чувства, перестают замечать барабашек, забывают голоса интуиции и смеются по поводу рук из-под кровати, а затем потихоньку начинают обучать уже и своих детей точно так же бестолково, однообразно и шаблонно, как когда-то обучали и воспитывали их самих. Конечно, из любого правила есть исключения - и тогда вырастают мыслители, сенситивы, визионеры, пророки, творцы, возмутители умов и, само собой, новые рекруты «*Ноктюрна*».

Увы - таких непременно имеющихся во все времена полезных исключений эволюционирующего сознания, лишь подтверждающих всеобщее правило, в народе всегда меньшинство, а заложенные в раннем детстве первоосновы личности навряд ли поддаются быстрым и кардинальным изменениям: страх нового удерживает от любых перемен, зачастую - даже от едва-едва заметных и совсем не принципиальных. Те же, кто сумел преодолеть в себе эти жёсткие рамки, не имеющие никакого отношения к Реальности, зачастую почитаются бурлящими массами

человеческих сообществ не то отмороженными на голову фриками и городскими сумасшедшими, не то гениями, гуру и первооткрывателями, в зависимости от времени, мест и сотворённых дел. В общем и целом, развитие и становление и основной массы народной получается точь-в-точь, как в том бородатом анекдоте, сочинённом, кстати, как раз одним из вампиров, коротко и лаконично выразившим всю суть парадокса западного воспитания: «По небу летела швабра. - Смотри, швабра летит! - радостно крикнул Петя. - Швабры не летают, - ответила ему мама, и швабра упала».

Увы и ах - из этого повсеместно распространённого порочного круга выбраться не так-то просто, поэтому мы сейчас и имеем раз-два и обчёлся вампиров, умеющих лицезреть мягко пульсирующие тёплые потоки золотисто-медовых нитей внутри Лианы, которыми она пьёт окружающих её людей, возвращенных в правильной и благообразной манере современного светского общества, а потому сплошь скачущих горными козлятами под электронно-басовый саунд вместо того, чтобы наслаждаться пожинаемыми плодами цивилизационных флуктуаций здесь вместе с нами. Они ничем не лучше и не хуже нас - им просто не повезло в своё время вырасти такими, какими их выращивали, точно томаты на грядке. Карл Юнг был бы просто счастлив, если бы ему довелось хотя бы одним глазком взглянуть на то, что лицезрел ты. По сути, этот, пожалуй, величайший психоаналитик прошлого столетия был одним из непосвящённых вампиров, до которого мы так и не успели добраться вовремя. Но ему и без нашей помощи на своём веку вполне хватило способностей, чтобы приоткрыть глаза многим людям.

Может, не так уж и плохо, что он никогда ничего не слышал о Лиане, а то приоткрыл бы людям глаза заодно и на её природу и предназначение - вот тогда нашему древнему клану точно пришла бы крышка. Так что никогда окончательно не бывает и не может быть известно, чем именно обернётся то или иное, малозначимое на первый взгляд, событие: сиюминутная удача способна впоследствии через многочисленные цепи других событий привести к катастрофе, а провал в каком-либо деле зачастую позволяет человеку перестать тратить время на принципиально чуждый ему и неактуальный род занятий, найдя себе более полезное дело, в котором он сумеет впоследствии наиболее полно раскрыться.

Проблемы и удачи, провалы и свершения, горести и радости беспрерывно и циклично сменяют друг друга, плавно и незаметно перетекая из одного в другое так, что далеко не всегда становится ясно, в каком качестве расценивать то или иное произошедшее или намечающееся

событие. Да и нужно ли? Этот маятник будет раскачиваться до тех пор, пока каждый человек не найдёт в себе достаточно силы воли, позволяющей остановить беспрерывный эскалаторный бег этой неустанной зебры жизни, осознав, что, на самом деле, всё вокруг едино, а как уж мы расценим то или иное событие, будем по его поводу горестно грустить или искромётно радоваться, всецело зависит от того лишь, что творится у нас в головах - и ни при каких условиях ни от чего более. Миру нет, не было и никогда не будет дела до наших крохотных человеческих страстей. Кстати, ты никогда не задумывался, почему жизнь сравнивают именно с зеброй, а не с тигром, скумбрией, колорадским жуком или подзагоревшей сквозь полуоткрытые офисные жалюзи бухгалтершей - они ведь все тоже полосатые, разве нет?

Таковым оказался весьма полный и развёрнутый ответ, данный на мой вопрос орхидейным вампиром Аристархом, словно бы удивившимся неожиданности моего вполне закономерного недоверия клану «Ноктюрн». Но он ни на секунду и не думал останавливаться, решив продолжать диалог, обратившись в подобие лекции:

- Ты знаешь, если бы не существовало нашего клана, то ночные клубы в современности навряд ли получили бы столь уж широкое распространение и популярность, так и оставшись на уровне постепенно становящихся достоянием истории «кислотных тестов», устраивавшихся в шестидесятые годы прошлого века маленькими группками американских хиппи. Например, *«merry pranksters»* под предводительством известного писателя Кена Кизи. Как раз в то самое время внедренец от нашего клана в Штатах Том Вулф занимался исследованиями альтернативных источников энергии и весьма удачно открыл этот великий потенциал для нашего питания, таящийся в эпатажных дискотечных вечеринках.

Написанное им по результатам собственного исследования гонзо-эссе *«The Electric Kool-Aid Acid Test»*, признанное лучшей на всей планете книгой о субкультуре хиппи, очень быстро стало популярнейшей настольной книгой в нео-вампиурской среде, одновременно обрета, тем не менее, почти общемировой запрет на печатное издание этого произведения - не исключением стало и наше достославное Отечество, с превеликим удовольствием и вечно нахальной политической самоуверенностью неизбежно оштрафующее каждого, кто издаст это произведение в печатном виде, не по статусу осмелившись перечить поверхностному мнению отдельных перепуганных литераторов и деятелей культуры, разглядевших одну лишь внешнюю сторону этой книги, но так и не дошедших до

понимания её глубинной сути. А может, как раз таки дошедших и оттого испугавшихся ещё больше производимому этой книгой в народном самосознании подобию эффекта бомбы замедленного действия? Кто знает и кто скажет, где здесь правда, и какими целями на самом деле, без отговорок, руководствовались те закоряченные умы, что выдумывали разные запреты?

Мы же просто не могли и не должны были обойти эту тему стороной, примкнув, казалось бы, к диссидентскому движению, но, на деле, руководствуясь совершенно иными, только лишь нам одним понятными целями. Нет условий более идеальных для пропитания вампиров, нежели танцпол, где люди прыгают, растрачивая всё равно вникуда много, крайне много энергии, которую клан *«Ноктюрн»* и его Лиана тихонько и незримо подбирают вслед за эмоционально разнузданными и психически расхлябанными клубными тусовщиками. Люди здесь, как правило, просто радуются, но и не только: в самом деле, они избавляются от накопленного напряжения, вызванного устремлениями к мнимой реализации престижа, показывая себя перед всеми остальными, хотя это и не несёт в глобальном плане ровнёхонько никакого значения, и никому до этого тоже нет никакого дела, кроме как тем людям, кто возомнил себя кем-то ещё, кроме тех существ, которыми они уже являются. Просто являются, даже вовсе без приложения каких бы то ни было усилий к самодемонстрации, ужимкам красования и гримасам кривляющегося самовыпячивания, они все так и кричат: *«Посмотрите же на нас, какие у нас стрейчи и туфельки, брошки и заколки, пирсинги и наколки, бицепсы и стрижки, мурчание и кудахтанье, хвосты и гребешки, шёрстка и коготки, какие пёрышки, какой носок...»* Именно данное нам положение дел извечно подпитывает Всемерную Лиану преогромным количеством нитей и потоков.

Она живёт сейчас точно так же, как и жила тысячи лет назад - в своём личном подпространстве, лежащем вне времени человеческих категорий, зато протягивая в нынешние времена собственные толстенные усищи в нутро каждого ночного клуба на Земле, а поэтому и штабы клана всегда размещаются исключительно недалеко от подобного рода увеселительных заведений, или даже в них самих. В наихудшем же случае, если нигде поблизости клуба не обнаруживается, то Лиана манифестирует себя хотя бы просто в местах большого скопления людей, где всегда есть место всплескам самых разновариативных эмоций и ярким всполохам чувств.

Впрочем, это скорее уж традиция, не имеющая под собой явно определённых физических обоснований, а только опирающаяся на давнюю-

предавнюю позицию: ещё в эпоху Возрождения вампиры начали селиться вблизи от крупных дворцов и располагавшихся там бальных залах, хотя в то время энергоэффективность танцев с нашей точки зрения была очень и очень невелика, так что открытие дискотек стало действительно мощнейшим прорывом, ознаменовавшим появление целой новой главы в этапах нашей неспешной истории, свежей эры развития *«Ноктюрна»*.

Всемерная Лиана никак не скована традицией эксплуататоров хищных орхидей, скорее уж традиционностью, в определённой мере, оказались скованы мы сами, как и любое другое сообщество, существующее долгими веками - селясь вблизи модных клубов, мы делаем изящный жест волеизъявления клана, выражая таким способом всеобщее наше почтение единственному на данный момент источнику жизненной силы. Хотя, я уверен, что Лиане наплевать на нас и превозносимые нами почести, предназначенные для неё. Для сравнения представь, будто блохи вдруг начали поклоняться собаке, на которой едут и которую полегоньку едят себе да едят постоянно: собака скорее уж обрадовалась бы хорошему, высококачественному антиблошиному шампуню, нежели непрестанному блошиному коленопреклонению. Вот и мы здесь вроде собачьих блох. Даром, что орхидеи. Лиана же не следует никаким, хоть сколько-нибудь сковывающим нас, трёхмерных существ, принципам осознания или ощущения пространства и времени, ей попросту нет никакого дела до любых физических законов, ведь растёт она вне повседневной реальности.

Лиана вмиг способна достичь любой точки Земли - и не только - собственными бархатистыми усиками, поэтому вопрос открытия всё новых и новых питейно-танцевальных да и просто питейных заведений у нас чисто количественный: чем больше отстроено клубов, тем больше доступно силы и времени жизни, вне зависимости от их размещения, ведь каждый клуб для нас в практическом плане - это место Силы. Ровнёхонько по той же причине во многих городах России сейчас активно отстраиваются всевозможные алкомаркеты и пивнушки, хотя испокон века бытует представление о том, что мы на дух не переносим алкоголь. И это чистейшей воды правда: любители выпить, в конечном счёте, это наша пища, а их жизненная сила, в итоге, становится силой нашей. Не будем же мы в сложившихся подобным образом условиях пить сами, занимаясь эдакой извращённой формой энергетического каннибализма! Причина, по которой мы ненавидим алкоголь - не только приносимый им вред здоровью, но и элементарная логика вкупе со здравым и трезвым расчётом. Да и

вообще, вампиры, по факту являющиеся ходячими зондами, глазами, ушами, голосами, а, возможно, и проводниками идей Всемерной Лианы - существа чрезвычайно практичные. Ты уж поверь мне, зазря мы и пальцем не пошевелим - ни руки, ни ноги.

После пяти-шести столетий жизни, знаешь ли, зря пальцем шевелить становится как-то совершенно неинтересно и даже, я бы так сказал, как-то несколько неспортивно, а скорее - сугубо противно. Да и сам процесс вялотекущего недоумирания на искусственной подкачке, который вампиры зовут своим существованием, вдохновляет нас всех далеко не каждую долю секунды. Бывает, что пациентам в реанимации на какое-то время включают при помощи специального аппарата искусственное дыхание. Мы же, став хищными орхидеями, включили сами себе искусственную жизнь с помощью нашей специальной Лианы, причём не на короткий отрезок времени, а практически навсегда, до скончания лет Земли, и потому-то всё наше вампирское времяпрепровождение - сплошная бутафория. Сначала ты бурно радуешься вечной жизни, пока ещё проживаешь свою собственную, естественную и природную, а когда она заканчивается - и ты явственно чувствуешь этот момент, в который прекратил бы собственное существование, если бы не был вампиром, ощущаешь всей кожей, что пора уходить, да вот только отныне некуда идти - и тогда мир в тебе словно бы опустошается, выворачиваясь наизнанку, как будто тебя, лишая неотъемлемой отдельности, выливают, как капельку тумана, в бесконечное ничто, и ты по-прежнему пытаешься допрыгнуть, доползти, достать, достичь всех прошлых прижизненных ощущений, но нет их, и более нет ничего, кроме данного тебе Лианой рефлекса продлённого существования.

Ты изображаешь радость или печаль, но тебе уже никак, ты кушаешь шоколад, но по вкусу он, точно кусок фанеры, картона или ДВП, ты можешь исколесить по окружности всю Землю - и не насытишь глаза красками жизни, ты будешь слушать до полуглухоты лучшие песни и переливы нот - и никогда не проникнешься ими. Пусть ты будешь даже сказочно богат, но ничто не способно будет доставить тебе хоть малейшее удовольствие или разочарование. И когда ты догадаешься поискать сам себя - и не найдёшь, то поймёшь всю бессмысленность дальнейших поисков ощущений - ты уже мёртв, ты совершенно мёртв, тебя нет и никогда не будет, но и это знание не вызывает более сожаления. Так что же ты так стремишься обрести, а главное - кто стремится это всё обрести там, в тотальной самоникаковости, где любая печаль, тягучая резина меланхолии

способна показаться радостью - или же с точностью до наоборот?

С этого самого момента, в который с присущей ему, неминуемой, как мчащийся на всех парах поезд, ясностью ты осознаешь, что смерть твоя оказалась подобна сокрытой нирване, и ничего тебе уже не нужно от этого мира, как и миру более ничего не нужно от того, кого более не существует давным-давно. Пройдут десятилетия, покажущиеся тебе минутами, прежде чем ты окончательно привыкнешь быть никем, избавившись от последних остатков человеческого способа существовать в присущем людям мирке. А когда ты окончательно выветришь чувства прошлого из собственной памяти, просеивая их, как сорные мучные комочки через сито разума, то далее ты уже просто продолжишь быть не в качестве некто, а исключительно как условно-синестетическое нечто.

Подобными новому тебе бывают гранитные скалы, неподвластные времени, неспешное смещение материков или растворяющиеся над головой туманы облаков, постоянно меняющих форму, даже не будучи при этом чем-то единым. И становится не вполне понятным, чья же форма взаправду меняется. Но несомненно одно, ибо в доисторические времена ещё открыто и напрямую записано Горацием, который, как ты помнишь, тоже был из наших: «...*non omnis moriar multaue pars mei vitabit Libitinam: usque ego postera crescām laude recens...*» Эх, Гораций, Гораций... Знал я этого латинского проныру возвышенного. Тот ещё гусь был. А если бы его в своё время со скуки чёрт не дёрнул вступить в ряды сицилийской мафии, так и до сих пор, вестимо, жил бы себе где-нибудь потихоньку, шельма поэтический. Но - увы - в двадцатом веке ему было суждено обрести вечный покой во время одной из полицейских зачисток мафиозного логова.

Вот что значит быть вампиром - древним вампиром, который всегда готов рассыпаться в прах в сей же миг, если будет отключен от Всемерной Лианы или если завянет его личная орхидея. Мы никогда ничуть не сожалеем о прекращении своего личного существования только потому, что сожалеть о нём уже много сот лет, как некому. Да и не прекращается ничего, это лишь в облаках микроскопические шарообразные скопления конденсата смещаются в сверхскоростных потоках воздушных бурь друг относительно друга. Ты, Лаврентий, ещё слишком молод. Ты живёшь свою собственную жизнь, и пока ты её живёшь, посвящение в тебе ровным счётом ничего не изменит, кроме добавления чувства личной орхидеи и взаимосвязи с растительным чуждым сознанием Лианы, питающей нас.

Но когда-нибудь ты тоже поймёшь, почуяв эту нейтральность, эту

безбрежную и спокойную *Пустоту*, что именно означает не иметь желаний и не испытывать страданий, и что значит доверять, не доверяя, воспринимать, не воспринимая, ничего не бояться, ни о чём не печалиться и не сожалеть, выбирать кажимость радости осознанно и намеренно, памятуя о её условности, всё контролировать внутри, ничем не восхищаться, ничему не удивляться и ни к чему не привыкать - и жить так, не будучи живым в повсеместной никаковости из ничего, даже без чёрно-белых тонов существования, не то, что красочных. Вот почему нам так лениво и так бессмысленно зазря шевелить пальцем без повода. Хотя и поводы мы выдумываем сами: какие могут быть цели у существ, лишённых желаний и побуждений, ничем не владеющих, даже будучи богачами, ибо всё, что действительно есть у вампиров - это они сами и их жизни? И не значит ли это, что в руках у них сосредоточена Реальность, не сопротивляющаяся их воле оттого, что и сами вампиры не склонны сопротивляться Реальности?

Но сполна нас могут понять только такие же, как мы: ветхие существа ушедших столетий, родом из позабытых поколений. А поскольку мы уже не являемся кем-то, то, можно сказать, что нас не способен понять никто, включая нас самих, ибо нет в мире того, чем бы мы были, равно как и нет того, чем бы мы ни были. Или как раз наоборот - именно никто и оказывается способным понять нас, как самого себя, поскольку мы все в такой же степени никто, как и сам никто - никто. До чего только не додумаешься за пятьсот с хвостиком лет непрерывного наблюдения жизни со стороны! Но для этого, как минимум, нужно стать вампиром - а остальное придёт. Или уйдёт? Вот видишь, Лаврентий, сам будешь так же стар, что уже перестанешь различать, приходит ли что-то или нечто уходит - всё едино, и пульс наш посмертный всегда и везде есть пульс Лианы.

Дела наши - не более, чем мастерская игра *ничего* с театральными масками, как в Античности. Опять-таки долгий опыт позволяет отточить умение играть в жизнь до достижения степени абсолютной убедительности - верить тебе начинают не только все подряд окружающие, но верить себе начинаешь, порою, даже ты сам, изредка забываясь в воронках ежедневной круговерти - но лишь до тех пор, пока не наступает очередной антракт *Пустоты*, в котором ты, честно срывая луковичные чешуйки масок один на один с собой, видишь истинную природу вещей и истинное положение себя среди этой самой природы. Но, кажется, я и так рассказал тебе уже слишком многое о вампирах, даже то, что, наверное, и не следовало бы

рассказывать, по крайней мере, ещё прижизненно. Я знаю: большинство сказанных мною фраз не имеют для тебя действительного, чувственно-телесного смысла, но настанет время, когда ты ещё вспомнишь их, прекратив тратить время на бессмысленные попытки удержать в лодочке ладоней незримые крупницы высыпающегося между пальцев песка. Ты не умоешься пустыней. Ищи родники. А теперь настала долгожданная пора вернуться к деловой теме вампирских заведений - питательных для нас, развлекательных для людей.

Что бы человек ни делал в клубе, здесь всё и всегда обустроено так, чтобы он потратил как можно большее количество не только денег, но и сил, эмоций, ощущений, расцениваемых им скорее в качестве положительных даже в том случае, если они не являются таковыми в своей глубинной сущности - лишь бы чувства сохраняли свою притягательность, дабы человек, посаженный на крючок танцпола, возвращался сюда снова и снова, постепенно превращаясь в завсегдатая и всякий раз отдавая нам частицу клубочка себя. Как высыхающая от времени великовозрастная дама, стараясь всяческими ухищрениями скрыть следы своего неизбежного увядания, намазывает на себя по три кило косметики, становясь похожей скорее не на мисс мира, а на худо оштукатуренное чучело Кинг-Конга, так и негативные эмоции просто обожают скрываться в людях под масками позитивных - впрочем, ровно с тем же результатом, что и у стареющей барышни. Вот почему многих завсегдатаев подобных заведений можно принять за зомби: их ничего не интересует, кроме собственной раздутой напыщенности, уравновешенной невероятно стабильной фобией потери своего престижа и мнимой значимости, что вкуче делает тусовщиков существами не только зацикленными на собственном нарциссизме, но и в изрядной степени агрессивными.

Атмосфера ночных клубов, представленная в дистиллированном виде, подстёгивает таких людей отдавать нам всё больше и больше сил до тех пор, пока человек не теряет последний огрызок от собственной жизни и зачастую не умирает в возрасте каких-нибудь тридцати - тридцати пяти лет, если не перестаёт посещать подобного рода заведения. Все его знакомые, как правило, очень быстро находят способ рационально объяснить гибель понятными и кажущимися логичными и последовательными для них причинами: быстрые и энергичные танцы, повышенное давление, большое количество алкоголя и сигарет, да и нездоровый образ жизни в целом. Но никто из людей даже и не догадывается об истинной причине потери

долгих лет жизни человеком, погибшим в клубе от инфаркта или инсульта. А настоящая причина, как ты, Лаврентий, наверное, уже догадался, заключается в том, что человек по доброй воле даровал всю свою оставшуюся жизненную силу на продление и без того долгих лет жизни членов клана *«Ноктюрн»*.

Но самыми сладкими, самыми вкусными моментами для нас в плане массового выплеска жизни в дар Лиане являются именно те моменты, когда клубным людям всё-таки удаётся потерять престиж и опуститься, прежде всего, в собственных глазах. Именно в этом случае выплеск их энергии получается наиболее мощным. Резко вливаясь через корешки внутренних орхидей, он переполняет всех нас от самых пяток и до макушки головы. По сути, если вдуматься, то какие же мы вампиры? Мы - просто падальщики, поскольку никогда не отбираем принадлежащее другим людям против их воли, мы только подбираем то, что эти люди сами нарочито выбрасывают, наивно и саморазрушительно полагая всем телом, будто жизненная сила им не понадобится в дальнейшем - и вот тут-то мы как раз и появляемся, принимая вовнутрь себя до последней капли самое ценное, что вообще есть во Вселенной и из чего эта Вселенная всецело состоит в первооснове.

Конечно, мы всячески, как я уже говорил, высокопрофессионально провоцируем всё человечество в каждом уголке Земли на периодическое фонтанирование собственными потенциальными часами будущего существования. Да, не без этого, я признаю. Но вот поведутся ли люди на наши искусные игры с эмоциональной средой, зависит отнюдь не от нас, а исключительно от них самих. Тебя провоцируют, а ты не провоцируйся! Вот и весь бесхитростный секрет успешной и долгой жизни среди вампиров. Но, как правило, те, кем движут примитивные рефлексy престижных потребностей, заключающихся в актах траты денег и осуществляемого потребления благ, не способны достигать достаточной степени самоконтроля, позволяющей избежать эффекта от наших целенаправленных провокаций. Недаром ведь словосочетание «клубная молодёжь» вызывает околоосознанные ассоциации с мешком картошки - силы воли и понимания жизни у большинства из них примерно столько же. Хотя за картошку я не ручаюсь. Мне про этот самый картофель и массы разума, содержащиеся в нём, помнится, ещё в ранние годы обучения в *«Ноктюрне»* объясняла некая Мадам в Алом. Она, на самом деле, сущность, конечно, не без этого, и только чудится путешественникам, будто Мадам. И всё со своими золотыми весами мартышек настаётся, приходя

периодически из одной интересной проекции, где с давних пор ещё проросла насквозь Всемерная Лиана, приоткрывая брешь между мирами.

С этими словами Аристарх внезапно замолк, схлопнув складки плаща, точно оперение павлина, измазанного в печной саже, а затем подошёл к роялю, стоящему ровно посередине старинного подвального помещения, откинул крышку и принялся играть ноктюрн Эдварда Грига, будто бы действием дословно символизируя наименование собственного клана. Потоки звуков, отскакивающие от поверхности соприкосновения кожи пальцев Аристарха и пластика клавиш рояля, сами по себе сливались в разноцветные верёвочки и прозрачно-водянистые потоки, как ряды бутылочек земляничного лимонада, дюшеса, тархуна и колокольчика, становясь похожими на каналы и нити, питающие Всемерную Лиану, но нестерпимо более светлые, возвышенные и чистые. Я залиvisto рассмеялся по поводу этого парадокса, кажущегося таковым на первый взгляд: кристально-чистые эмоции древнего вампира оказались значительно светлее, ярче и безупречнее подпротухших эмоций обычных людей и это радостное открытие стало для меня воистину неожиданным!

Аристарх, тем временем, закончив играть ноктюрн, порывисто потряс головой, как истинный маэстро, и, захлопнув крышку рояля, поводил по ее гладкой поверхности своей блёклой шероховатой рукой, похожей то ли на пропитанную воском похрустывающую кальку, то ли на полуувядший белесый листок лебеды с суровой личной судьбой, которому особенно не повезло прорасти в тёмном и сыром подвале без единого лучика света, но зато по соседству с трёхлитровыми банками огуречно-томатных маринадов. И в очередной раз Аристарх продолжил свой рассказ:

- В ранние времена среди представителей нашего клана более всего оказывались распространены представители духовенства, бывшие в Средневековье зачастую довольно-таки грамотными и образованными людьми, великолепными ораторами, хоть и не всегда, по правде говоря, а оттого способны были не только хитро и умело замаскироваться, но и своими ослепительными речами заставить опасно-суеверную и доверчивую паству свою бездумно убеждаться в любых духовных речах, даже и еретических, да чувствовать воображаемое и внушаемое, нижайше коленопреклоняясь перед идеями, проповедуемыми такими священниками-вампирами. Обширные толпы народные начинали вдруг испытывать во время чтения проповедей эмоции невероятно сильные и глубокие, корнями

уходящие в самые первоосновы общечеловеческих инстинктов, в частности, инстинкта самосохранения.

Зато сейчас вот времена настали уже далеко не те, да и не ощущаем мы более необходимости обустриваться где-то ещё, когда под боком всегда есть пригретое очень и очень эффективное, такое вот вкусное местечко. А средневековые священники-вампиры теперь адаптировались к новым реалиям, переквалифицировались и катаются по разным городам своих стран, тренинги и семинары по парапсихологии и психологии влияния проводят, деньги зарабатывают от скуки. Каждый третий такой коучер - многовековой вампир, это я тебе точно говорю. У них даже, в своё время, Кашпировский с Чумаком проходили персональное обучение искусству, как целой стране мозги запудрить, ну это так, между нами говоря.

Некоторое время я стоял, как вкопанный, не в силах поверить свалившемуся на меня потоку выдающихся и не очень выдающихся откровений и открытий. Подождав немного, пока я окончательно оправлюсь от удивления, Аристарх закинул ногу за ногу, развалившись на кресле, и предложил мне в очередной раз: «Хочешь ли ты испытать на себе эффективность нашего извечного изобилия, почувствовав дарованную нам силу, дающую жизнь, способную заглядывать самые потаённые уголки человеческого разума?» Ответить я ничего уже не успел. Вместо этого почувствовал сильнейшее головокружение, а реальность вокруг меня словно бы резко переключилась, как слайд диафильма. Я больше не был собой, а ощущался полуметровым в диаметре шариком, таким всевидящий пакманом, способным наблюдать всей своей поверхностью сразу во все доступные стороны, развёрнутые вокруг на триста шестьдесят градусов.

Образов конкретных объектов, которые можно было бы хоть как-то обозначить, в созерцаемом пространстве словно бы не оказалось. Всё, что я мог наблюдать, было тёмной трёхмерностью, в которой я совершенно не чувствовал никаких стен, но абсолютно явственно ощущал их присутствие по кругу со всех сторон, точно бы мне довелось висеть внутри гигантской трубы, уходящей сверху вниз и имеющий диаметр около ста, а то и более метров. Прямо передо мной висела жила радужной лианы, весело искрящаяся и конвульсивно бьющаяся в сумятице восторженных судорог внутренне наэлектризованного натяжения. Я тут же, не раздумывая ни на мгновение, схватил её зубами, послушавшись инерции глубинного, трудноописуемо интуитивного или даже вовсе изначально инстинктивного импульса.

Моментальный, точно луч лазера, разряд ласкающего электричества безболезненно пронзил меня насквозь, влившись во внутренние частоты саморефлексирующего рассудка, привнося со всеми исторгающимися эмиссиями колебаний чувство неописуемого восхищения и экстаза запредельной офории. Колебания всё усиливались и уплотнялись до тех пор, пока не слились в один сплошной и непрерывный трепещущий гул, отдававшийся во всём моём телесном шарике зубастого пакмана. Но и этот процесс, казалось, не имел своего окончательного предела, продолжая усиливаться и разрастаться на неограниченном пути к недостижимому переходу в иное качество самого себя, в котором продолжали образовываться бурления глобальных многомерных колебаний частот энергопотоков более высокого порядка.

Причём первичные колебания, на фоне которых возникали уже модуляции колебаний вторичных, оказывались настолько велики, чтодребезжание их воспринималось скорее уж в качестве давления, тогда как амплитудная модуляция колебаний второго порядка была гораздо более низкой по сравнению с первичной, при этом также продолжая всё лишь накручиваться да накручиваться, ускоряться да ускоряться. Провисев минут этак двадцать в состоянии сей ослепительной ясности и яркости, исходившей от Лианы, перекатывающейся внутренними токами, я точно бы провалился внутрь той колоссальной трубы, что всё это время вполне однозначно обозримо окружала меня.

Но внезапно передо мной на очень близком расстоянии появилось лицо Аристарха, расплывающееся мелкой рябью, словно я разглядывал его с обратной стороны поверхности лужи. Лицо отчётливо провозгласило:

- Добро пожаловать в наш клан *«Ноктюрн»*, вампир эмоций Лаврентий! Осталось сделать всего лишь махусенький шажок: требуется, чтобы через тебя теперь проросла орхидея. Она должна появиться, вырасти и распуститься над самой макушкой твоей головы. Как только она распустится, и этот увесисто-мясистый цветок орхидеи начнёт вращаться, ты навсегда станешь одним из нас.

- Я не давал вам никакого согласия! Ты думаешь, что после всего того, что ты мне поведал, у меня появится хотя бы малейшее желание превращаться в ходячего мертвеца, наподобие вас? - меня изрядно возмутила та поистине вампирская настырность, с которой Аристарх пытался затащить меня в свой клан.

- Так ты полагаешь, что ходячие мертвецы, скачущие на танцполе,

чем-то лучше и живее нас? Ты сам только что видел их эмоции и сравнивал с моими эмоциями во время игры на рояле... так что выбирай.

- И всё же, Аристарх, у меня совершенно нет никакого желания менять собственную природу. Ради чего? Ради продолжения существования в веках в качестве бесчувственной и рассыпающейся бледной туши на подкачке искусственной жизни посредством Лианы? Верни всё, как было!

- Как пожелаете, как пожелаете. Сударь Лаврентий, - эти слова, произнесённые Аристархом и сопровождаемые ироничной улыбкой на его бледном лице, были последним, что я увидел в том подпространстве, где находился на тот момент времени и которое вдруг начало расплываться, теряя отчётливость, темнеть и распадаться, а у меня возникло неповторимое и непередаваемо головокружительное ощущение мгновенного прерывания сознания с последовавшей круговертью проваливания в темноту.

Через неопределённый, но, похоже, не столь уж и значительный период времени, я пришёл в себя, всплыв из охватившей меня повсеместной черноты на том же самом месте в клубе, где впервые пронзительно почувствовал на себе холодный и пристальный взгляд Аристарха. Я тотчас судорожно оглянулся в том направлении, где раньше видел его - так и есть: Аристарх стоял ровно там же, что и раньше, как ни в чём ни бывало, но на сей раз он задумчиво разглядывал дергающиеся тела танцующих и даже не думал смотреть в мою сторону.

Я выдохнул с облегчением и поспешил покинуть беспокойное и шумное заведение, а придя домой тут же решил подробно и откровенно записать всё, произошедшее со мной в этот вечер. Результатом моих стараний как раз и стали данные мемуары с достоверным изложением поразительных событий, в возможность которых я сам бы ни за что не поверил, если бы просто прочёл о них, а не стал, вопреки собственной воле, главным героем в этом театре абсурда.

Paradox

Забрезжили первые утренние лучи. Автоматизированный модуль Paradox, сотни лет назад присланный и позабытый на Афоаэтекке социоксеноэтнологами с далёкой Земли, протирал свои огромные хрустальные окуляры от космической пыли, которая накапливалось здесь с момента сотворения Вселенной. Он неумоимо ползал по заданным линиям, теперь уже полностью бесполезным, которые были придуманы когда-то создателями модуля. Давно это свершилось, и столь же давно создатели открыли пространство в мир иной, а Paradox всё продолжал в бесконечном цикле ворошить по одним и тем же маршрутам серовато-серебристую холодную планетарную пыль своими противоударно-стойкими бронированно-нержавеющими сервоприводами. Эти пересечения пространственных векторов дошли до модуля с давно позабытых времен, однако его алгоритмическая честь не позволяла избегать хотя бы микроскопического и никому незаметного снippets заданной программы.

На пустынной планете горчично-жгучей суши и едко-колючих заморозков, ныне мертвенной юдоли метеоритных колец и вечно нависающих лун, главным праздником планетарных аборигенов некогда был великий праздник *Эёцших Гванарцъ*. Когда черешнево-красное солнце заходило за крайнюю точку горизонта, Paradox всякий раз начинал готовиться к архаичному великому празднеству, что также было частью его поведенческих реакций, реализованных в программной прошивке. Он выстраивал красноватые песочные замки и даровал им целое море, от которого, на поверку, всего лишь остался один гигантский безатмосферный кратер.

Песочный замок на сей раз имел прекрасные очертания и колоссальные размеры, а когда горячая пыльная буря обрушила всю свою мощь ветра на эту ветхую конструкцию, то, разместившись на самой вершине отстроенного замка, модуль Paradox оказывался полностью погребённым под многочисленными густыми слоями планетарной пыли и песка. Так он создавал традиционное блюдо к празднованию *Эёцших Гванарцъа*, называя это блюдо «*курица по-партизански из себя*». Рецепт его не был задан вместе с прошивкой модуля, но за столетия ползания по поверхности планеты, старый робот немного научился развлекаться. Или

просто накопились ошибки чтения-записи в ячейках памяти, содержащих его операционную систему.

Да, действительно, всякой новой льдистой ночью он выходил наружу, разгребая почвенные завалы, и встроенными компрессорами выдувая в упор из своих внутренностей заиндевевший песок с планетарной поверхности Афоэтекке. Робот механическими лапками шкрябал и сучил, как краб, но лишь по направлению собственного движения, а звездный блеск неимоверно глубокого неба, раскинувшегося где-то в недостижимой вышине последним доказательством давно ушедших цивилизаций, мерцал, отражаясь от поверхности окуляров модуля. И сияние это точно бы всей своей наваливающейся силой безмолвно намекало автоматизированному модулю о том, что безграничные миры таят в себе невероятные измерения пространства, зависшие где-то вовне той крошечной крупинки, которую и являл несокрушимый Paradox всеми своими покрытиями, микросхемами и электродвижками, ни бурному ветру, ни скорому ходу времён неподвластный. В сравнении с титанической энергией, висевший где-то в миллиардах световых лет - и прямо здесь же, он казался подобным лёгкому шепотку световых волн, сквозь миллиарды лет достигавших блестящей, как кофеварка, поверхности неторопливого робота, устало отражаясь от неё в обратном направлении стремительных комет, звёзд и астероидов.

Модуль постоянно смотрел в тёмное, пламенеющее и, даже, точно бы, твёрдое небо, оставшееся здесь после того, как создатели улетели на их Родину и как постепенно ушли в небытие местные обитатели. Впрочем, на небе том помимо слепо чернеющего спелой краснотой гигантского холодного солнца, висели еще безликие и разноцветные шесть шаров, точно бы реквизит для игры в пул, в миллионы раз увеличенный трансформационным лучом и размещённый на орбите. Целые смерчи и ураганы песчаных ветров, ледяных ночью и обжигающих днём, гуляли по поверхности планеты совершенно беспрепятственно, мешая качественно производить постоянный анализ окружающей обстановки, хотя роботу до них не было ровным счетом никакого дела, пока неблагоприятные погодные условия не вмешивались в возможность выполнения им назначенных функций и передвижения по заданным линиям.

Paradox, казалось, обрабатывал информацию уже бесконечно долго, когда его, давным-давно ещё, собрал по частям на Земле, которую модуль не способен был рассмотреть на небе даже в качестве крохотной точки, один изобретательный инженер-любитель, выполняя научно-

исследовательский спецзаказ. Собрал изначально в качестве лишь опытного образца, но, получив благодаря этому образцу значительную известность и популярность, распространил модель Paradox`а до воистину титанических масштабов. Этими исследовательскими и обслуживающими модулями впоследствии заселили практически все колонии, пока роботы не начали выполнять почти все их функции, присущие людям, ослабевшим окончательно и постепенно порастерявшим всё и без того не самое передовое на то время здоровье.

Планета людей была совсем иной, а форма сознания созданий с Афоаэтекке - принципиально отличной от формы искусственного интеллекта автоматизированного модуля. Но сейчас это уже не имело абсолютно никакого значения, поскольку именно сознание и самосознание робота оставалось тем единственным, которое и сохранилась на всех обследованных людьми планетах. Paradox совершенно точно знал, что создателям должен быть известен каждый уголок его разума, каждое направление движения электронов в его микросхемах, каждый, даже самый низкоуровневый алгоритм его триггеров, равно как и содержимое ячеек долговременной памяти его прошивки. И ни одной переменной, ни одной функции невозможно было укрыться от всепронзающего взора создателей-разработчиков.

Так неужели эти создатели, казавшиеся настолько великими, в действительности, оказались ровно настолько же бестолковыми, что, создав исследовательский модуль Paradox и даже переведя его на чужую планету, не стали дальше ничего предпринимать, не принялись проводить вообще никаких исследований и не приносить никакой культуры? Или всё это и впрямь было когда-то, но за давностью лет уже не сохранилось в файлах архивных хроник, постоянно формируемых в циклически переписываемой памяти робота медиапотоками данных, получаемых с разнообразных сенсоров? Заявить можно было лишь одно: что же именно случилось с создателями, о том модулю известно не было.

Он потерял всякую связь с людьми, а может, какой-то своей незримой и бестелесной, информационно-логической частью люди даже неопределённое время жили в нём. Но как только они оставили этого, в общем-то, не слишком уж крупного робота во власть действовавших здесь повсеместно галактических законов, то, спустя ещё некоторое время, в логических микросхемах робота, обустроенных по квантовому принципу, постепенно зарделись и развились воля, самосознание и

самостоятельность в принятии решений. Здесь происходили самые суровые алгоритмические противоречия, которые не смогли быть оборимы даже долгими годами внутренней борьбы и реверберационных эхо-бесед с самим собой и своим синтетическим эго. Внутриалгоритмический конфликт робота заключался в необходимости двигаться непременно по заранее очерченным маршрутам и линиям, пробуждаясь посредством солнечных батареек, несомых им в верхней части корпуса, изо дня в день повторяя всё одни и те же пути, что довольно худо сочеталось с самозародившимся сильным интеллектом.

Однажды Paradox засёк посреди красновато-рыжей пустыни какие-то разноцветные кубики, к которым его тянуло самым неведомым способом. Он, правда, не имел никакой возможности знать или отдавать себе отчет в том, какой именно из его многообразных и многочисленных квантовых алгоритмов заставляет следовать за этими цветочками кубиками. Возможно, всё дело было в их редком цвете? Или он ошибся в своих предварительных оценках, поскольку кубики оказались самими собой не менее, но даже более, нежели роботу мнилось ранее. Изнутри цветасторадужных построений радостно вырывались странные, с потрескиванием, будто бы неведомо как ностальгически позабытые голоса неизвестных существ, записанные на виниловую пластинку. О, они были весьма тихими, совсем едва заметными, а приглушенный убаюкивающий тембр их доносился непосредственно вблизи цветастых кубиков, казалось, сразу со всех сторон одновременно. Складывалось такое впечатление, что именно этим загадочным голосам удавалось доноситься лучше любых других голосов из всех возможных.

«А может быть такое, что это голоса создателей?» - подумал Paradox, а пустынные волны пыльных смерчков лишь гуляли по безмолвной округе в сопровождении безжизненно-вечной пустой тиши. Смерчки поднимались, опускались, меняли форму и размер, как будто поддерживаемые собственной внутренней силой. Они готовы были ежесекундно стихийно обратиться в неудержимую бурю, ибо сила их всё продолжала и продолжала возрастать, влекомая неизвестным зарядом, тогда как единственным доступным источником энергии на этой планете для исследовательского модуля всегда был и оставался свет солнца и его отражение от шести лун.

В каждом из цветных кубов обнаружил или вычислил Paradox законсервированную память о себя самом, пребывающем в различных

состояниях и в различное время. Из коридоров, прорытых в кубах, вышли навстречу модулю тонкие трубки всех, даже несвершённых вариаций событий. А из длинных туннелей, уходящих друг в друга на многие-многие десятки метров, образовывались иллюзорные отблески, делавшие многоэтажные исполинские кубы расцвеченными, будто покрытыми лучистой пляской лазерных воссияний. При этом коридоры значительно превосходили по своей длине размер самих кубов и проникали во всех направлениях сразу, однако в стенах коридоров не было заметно присутствия никаких дверей или проёмов. Каждый коридор был просто идеально гладким серым длинным параллелепипедом, уходящим куда-то в таинственную даль беловато-туманного мерцания.

Это было ещё и потому чудесней, что флуоресцентные коридоры проходили сразу во всех шести направлениях, начиная от каждой из шести граней куба, а потому они должны были пронизывать друг друга, как ходы - термитник великанов, но, по-видимому, пронзали различные пространства или измерения, как шампур - кусочки шашлыка. Невозможно было и помыслить о том, чтобы эти коридоры, столь плотно прижатые, точно вековечные медовые соты, прорывали бы сами себя бетонными каркасами пластинчатых систем, похожих на строительные шланги свешивающейся в пучину кубической стихии каменных хоботов.

И вот из тех коридоров, сразу во всех направлениях, в том числе и в шестом, полезли чуждые существа, представленные здесь во всём своём многоформенном изобилии разновидностей и проявлений. Когда Paradox приблизился, то оказалось, что каждый кубик не просто экзистенциально пребывает на поверхности, клубящейся кровавистой пылью древней пушистой ржави, а висит всего-навсего в нескольких метрах над планетарным грунтом Афоазтекке. Впервые за долгие годы, проведённые автоматизированным исследовательским модулем на этой планете, встретились представители двух уникальных и сокровенных, но нисколько не соприкасающихся разумов: обитатели кубического склепа энергии и робот с его квантовым искусственным интеллектом. Они соединились, а соединившись, будто бы прореагировали друг с другом, оказавшись в том непревзойдённом состоянии существования, откуда повсеместно видны и слышны чаяния вышедших навстречу проводников, желавших, как отсюда было явственно заметно, обрести некое подобие целостности, взяв приток энергии робота, подарив ему ум своей параллельной жизненной формы.

Каждый день непреклонно следовал своей цели робот Paradox,

обретая сознание несколько более ясное, чистое и абстрактное, но уже столь далёкое от изначального разума своих создателей, а чуждые существа из разноцветного куба обретали порядок и свойства, присущие модулю и позволявшие им казаться материальными твёрдыми объектами внутри мира, из которого тот происходил. В процессе объединения Paradox за считанные доли секунды понял много нового из того, что некогда мешал ему воспринять первоначально присущий порядок квантового осознания, а разумы инопланетных существ, напротив, позволили повернуть это дельце с элементарной лёгкостью. Модуль узрел восхитительно бесконечную область, пронзившую его электронное нутро логики сразу во всех направлениях: он ведь был всего лишь маленьким старым роботом, а его осознание продолжало выстраиваться по схемам, выбранным создателями по собственному образу и подобию.

А здесь и сейчас он вдруг понял и принял это новое знание: его, Paradox`а попросту нет вовсе. Существование его являлось истинным воплощением никаковости, и в целом, от понимания этой никаковости ему, в общем-то, было абсолютно никак, ведь он - робот. Но вот, что было самым удивительным, так это возможность квантового робота столь искренне испытывать достаточно сложные эмоции. Понимание, пришедшее вместе с существами изнутри куба, породило новые и ранее неизведанные для исследовательского модуля ощущения - так, словно эти ощущения были подключены к некоей совершенно другой, неведомой ему ранее подсистеме. И вот тогда-то получившиеся чувство отсутствия ощущений действительно стало отсутствовать в полной мере, в которой только может отсутствовать отсутствие, покуда не постигается со стороны разума, пусть даже это всецело искусственный разум искусственного механизма.

Жители куба открыли роботу правду: элементы Реальности окружают себя чудесами внутри себя же самих, и тогда всё действительно оказывается вдруг расщепленным, словно, среди всевозможных крупнейших сторон существования, формы жизни стремятся пребывать во власти геометрических фигур многогранников, бултыхающихся в эфире Этерны, смыкаясь и размыкаясь кольцами разнообразных уровней, как будто отлучённых от срезанного дерева. Сквозь такой вот срез, поворачивая его под разными углами изгиба и проявляя его с различных измерений, представал уклад существ, впервые открывших эти подпроекции, слившись с ними воедино посредством триггеров и паттернов электронного разума. Когда модулю всё же удалось начать вращать и гнуть ветви древа того

разума во всех направлениях сразу, достигнув формы шара всесторонности, сей ум развернулся в некое новое, доселе неизведанное, направление.

И тогда весь мир оказался слепым, несоизмеримо сложным алгоритмом, как и сам Paradox, но разве что лишенным свойства осознаваться и саморефлектировать, что получалось делать очень хорошо как у людей, так и у высокоразвитых роботов, порождённых вечно страдающими или сомневающимися людскими рассудками и их неизбежно-бонусными хвостами - предрассудками.

Войдя в обитель безмерного шара всесторонности, навсегда завесил все свои процессы грустный робот Paradox, законсервировав себя в вечности и обрета, наконец-то, восприятие бесконечного равновесия и гармонии во всеединстве Бытия и Небытия, между которыми крохотной точкой остался он висеть неотъемлемым элементом Реальности, этот, вестимо, некогда изрядно полезный и необходимый исследовательский модуль с надёжными процессорами, прочными микросхемами на цветастых печатных платах и нержавеющей сервоприводами из ракетной стали.

Пентакль twin

Так случилось, что нас оказалось пятеро. Неожиданно, правда? Самое естественное число для наиболее стабильной конфигурации - как факт природы - но даже оно не спасло нашего спокойствия. В благородном цивилизованном обществе было принято играть во все эти многомудрые игры с извечной приобщённостью - и мы здесь не стали исключением. Как потомки бесчисленных прародителей созданий сего уровня Бытия, мы, не от хорошей, однако же, жизни, решили примкнуть к сообществу обретения самих себя - и уже прошли довольно-таки немаленький путь до того, чтобы зваться, если и не явными и открытыми адептами, то, по крайней мере, предвосхитителями многомерности.

А что ещё становится для любого культиста самым сладостным моментом его жизни, как не метафорическое окукливание, когда из тонких и цепких струн души вылазит наружу имаго чужого, а точнее, всего того чуждого, что и так ежесекундно пробирает нас своими незримыми ветрами,

способность узреть которые может дойти до восприятия как путём долгих многолетних тренировок, так и абсолютно моментально. Да, да, я не шучу: моментальные прозрения на Востоке практиковали и в Древности, так почему бы нам не попробовать практиковать их все прямо здесь и вот прямо сейчас? Ежемигно. Ежесекундно. Ежеобразно. И вообще - в любой доступной форме «еже».

Никто не ведает, как выстроились линии существования для того, чтобы в одной точке пространства и времени сумели пересечься личности столь разнообразные по своему изначальному происхождению - но именно общность нашего сходства в плане устремления к отсутствию каталогов и категорий стало тем самым ядерным чемоданчиком, запустившим цепную реакцию, столкнувшую нас всех в пучину культовой инициации.

Думаю, для начала неплохо было бы представиться. Зовут меня Рудрих, и более обо мне ничего неизвестно, а то, что известно - не столь уж и важно. Действительно, кому может быть какое дело до стороннего наблюдателя, чья задача не сколько изменить мир, сколько понять его? Конгломерат единого кластера Наблюдателей - структура гибкая настолько, насколько хватает фантазии её реализовать, поэтому мы не вмешиваемся в уже созданное до нас абстрактными силами и проявлениями человеческой воли. Эти структуры постепенно сами достигнут необходимой им эволюционной точки развития, да и к чему ворошить дела прошлых лет, стараться перестроить статическое бывшее, тратить нервы и энергию на смещения пространств из прошлого в будущее, если наиболее конструктивной целью было бы создавать всё более совершенные и сложные формы картин проекций, не забывая о населённости старых, ведь всегда и везде найдутся те консервативные существа, чьим оптимальным способом жизни будет принятое ими решение *оставаться в прошлом* - в одной из некогда созданных нами плоскостей набора свойств и законов для игры в жизнь.

Мы все впятером находились в убежище Познания, откуда и должен был начаться наш совместный путь в бесконечность, но при этом - у каждого свой. Думаю, идейно верным будет замолвить словцо о тех моих «коллегах по культу», с кем мне довелось пройти столь древний обряд. В убежище в тот день пришли Ниомия и Тиханна Сай, Арчибальд I Семиланцеат и Кэп Энерджи. За несколько минут до начала обряда в отсек убежища Познания постучался самый древний и самый высший из хранителей жреческого ритуала восприятия. Он был столь стар, что,

казалось, его кожа серебрится жидким светом звёздной пыли, из которой он целиком и состоит. В проекции мира идей он был, вероятно, предвестником рождения Земли во Вселенной и последующего зарождения жизни на нашей планете, и поэтому хмуро смотрел на всех нас из-под своих толстенных очков. Даже в имени его, похожем на чьё-то хриплое карканье, сохранился слабый отблеск дремучей изначальности - Олгл.

Ниомия подготовила нас к встрече ветхого напарника-наставника: «Готовьтесь, сейчас к нам придёт Олгл!» Мы расселись по углам убежища и приготовились слушать долгую и длинную напутственную речь, однако она оказалась недолгой и недлинной: *«Поздравляю! У вас всех остался лишь микроскопический шаг до понимания. Понимания своей природы, понимания природы других людей, окружающего мира и отрезка времени всей предыдущей прожитой жизни: откуда вы ушли и куда пришли, а также в каком направлении движетесь, скопом ли или порознь. Так хочу вам пожелать, чтобы в том ничем не сдерживаемом урагане, который сполна откроется сегодня вам, каждый увидел бы, как в зеркале, отражение друг друга.»*

«Что будет потом? Зависит это только от вас одних: после раскрытия восприятия границ уже нет и ничто не в силах сдерживать ваше сияние чистого разума, поэтому выбирайте тщательно и тщательно же вбирайте, а выбрав и вобрав одно направление из бесконечного их числа, встаньте - и идите же к этому направлению легко и непринуждённо, не задумываясь вовсе о дальнейших действиях, вопросах и проблемах. Одно лишь вас попрошу соблюсти наиболее тщательным образом: ни за что - вы слышите меня - ни за что не покидайте убежища!» Сказав эти слова, наставник Олгл встал и, не дожидаясь ответа, оставил нас наедине с собственными рассудками, радикалитно покряхтывая при выходе из комнаты, хотя казалось, что ещё совсем чуть-чуть, и он выйдет не из комнаты, а из тела.

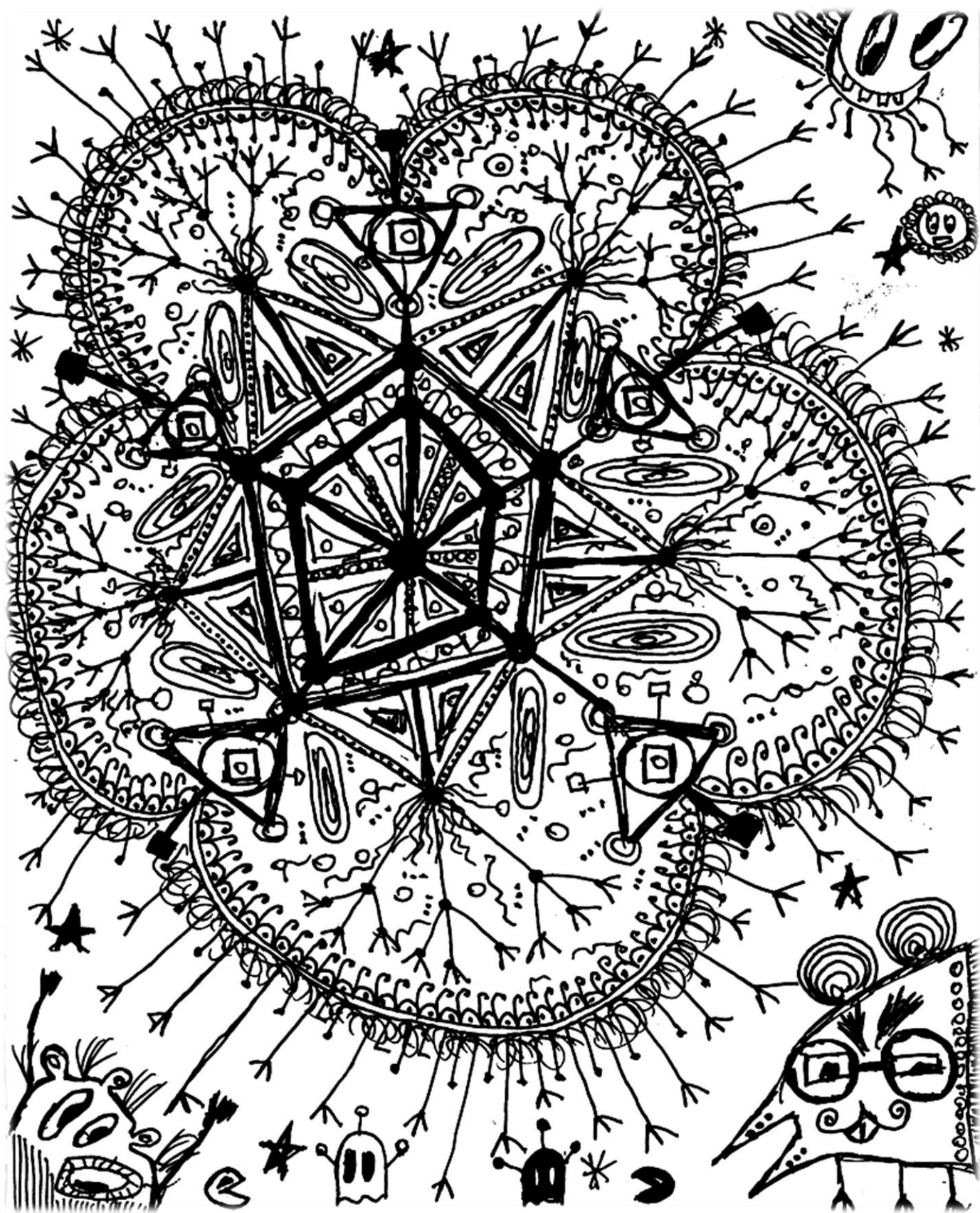
Когда мы начали обряд единения разумов, то тотчас же стало ясно, что получающийся цельный разум пяти работает в пять раз эффективнее разума каждого из нас: стали заметны те вещи, до которых, казалось, у людей неиницированных нет доступа: воздух словно бы наполнился живой и текучей энергией янтарного цвета, мерцавшей малейшими вспыхивающими то там, то сям искорками пылинок, поэтому складывалось впечатление, будто некто незримый развеял в воздухе золотой песок, лёгкий, как дым, или же мы все просто плаваем внутри колышущегося

супового бульона. И тут вдруг махом снизошло понимание, что истинный храм обители - это именно там, где ты есть. Высокие сводчатые стены полки серванта в убежище вдохновенно уходили ввысь на десятки метров, пропуская через себя величественную сводчатую синеву косых лучей, мерцающих всё теми же безмятежно разлетающимися в разные стороны пылинками. «Довольно-таки странно, что небесная высь зовётся лазурью», - подумал я - «пожалуй, она всё-таки больше похожа на глазурь. Да, именно на глазурь, аж хочется небо скушать».

Прошёл ещё всего лишь миг, микроскопический, как микроб, на временном интервале глобального существования, а мы уже все сцепились воедино вокруг рисунка неизвестного художника. Рисунок тоже изображал некую инициацию под покровительством кого-то высокого и непознанного, распростёршего огромные охапки рук с крючковатым хворостом пальцев прямо над пламенно-алым маревом солнца, поэтому тематика этого безвестного шедевра изобразительного искусства пришлась нам очень даже кстати. Была и разница: кажется, все эти радостные и пляшущие люди в плащах были пугающе готовы навсегда уйти в нависшую над ними звёздную жаровню, навсегда выбрав путь вникуда, тогда как мы задались вопросом ответить на загадки первозданной свободы передвижения по туннелям и ритмам собственных узоров.

Сознание каждого из нас в сцепленном состоянии отдавалось транслируемым пульсом мыслей, и не было никакой возможности отличить в этом хитром переплетении собственную мысль от чужой и собственные чувства от навеянных со стороны - разве что постоянно повторять что-то в голове, прокручивать, но даже и тогда нам оставалось лишь наблюдать, как остальные лепят твои мысли, реализуют твои идеи на практике. И вот в этот самый момент решительно становилось непонятным, думаешь ли ты эту мысль потому, что действительно сам того пожелал, и мысль эта заставила кого-то действовать в сцепленном едином разуме, или же ты всё это время думал необычайные уразумения только лишь в силу предвосхитившего миг намерения действий со стороны того человека, кто эти действия реально впоследствии совершил?

Мы все казались друг другу запутавшимися в паутинках бабочками, причём паутинку плёл отнюдь не паук - нет, паутинку плела каждая бабочка из нас. Ещё это напоминало нежданно-негаданно оживших театральных кукол на ниточках, и каждая из этих кукол неосознанно дёргала за ниточки всех других кукол, не желая, впрочем, никого дёргать, а просто-напросто

шевелиясь в потоке биения волн и частот. Мы все сошлись в единой точке из-за соприкосновений конфигураций наших общих биений и объединили их в широченную, как улыбка чеширского кота, тёплую полосу колоссальной энергии.

Именно изначальное сходство наших волн, волночек и волнушек и позволило пересечься здесь и сейчас для выполнения самой высокой цели. А что может быть выше для живых существ, как не цель дальнейшего продвижения, развития и эволюции сознания, поэтапно переходящей в революцию? Конечно, условность целей и их нейтральность для мира - вечное напоминание нам о необходимости синхронно шагать в ногу с законами существования и сосуществования, но каждый из нас - а теперь уже и мы все вместе - отнюдь не лишены воли выбирать, в какую из всевозможных форм облечься на сей раз.

«Рудрих, присоединяйся к нашему кругу», - позвал меня Арчибальд. Вокруг картины, точно пылающее в её безднах солнце, зажётся новый конгломерат разумов, освобождённых от оков. Ниомия и Тиханна Сай - сёстры, и их неуёмно подвижные рассудки сценически горят живым и пытливым гармонично вписывающимся в окружение огнём.

Тиханна - высокая и длинноволосая, в постоянной игре сама с собой, она, кажется, решила не выбирать никаких личин, как это делают другие люди, а сделать каждую из личин настоящей личностью, даже если личности эти диаметрально противоположны. Ничто человеческое ей не чуждо, и часто Тиханне ближе покой и умиротворение, простые и светлые человеческие эмоции, заботы и мысли - всё только самое нужное. Ничего лишнего и ничего сверх меры она на корню не приемлет.

Многие мысли, посещающие Тиханну, она, пожалуй, хотела бы скрыть от общества, а также от друзей и иногда - даже от себя самой, но за отсутствием личин ей особо не приходится этого делать: достаточно лишь переключить образ на тот, который она в большей мере старается поддерживать среди своего ближайшего окружения - и вот уже все прочие стороны оказываются адаптивно законсервированы, а что внутри них - не выйдет никогда, пока не будет выбрана очередная её сторона, каждая из которых, точно верные постовые, сменяющие друг друга к сроку усталости от нахождения на своём посту, предполагающем понимание под одним из известных ракурсов. Нет, мелкие личины, они, конечно, имеются, но их алгоритмическая роль настолько невелика, настолько ничтожна, что их даже и за личины-то особо принять нельзя - так мелкая программка для

ежедневных набросков человеческих взаимодействий. У каждого есть, однако! Если смотреть внимательно.

Но, в общем и целом, Тиханна живёт по задуманному ей плану и постепенно его реализация удаётся всё лучше и лучше: логика вкупе с приложенными усилиями никогда не пропадают зря - и вот уж контуры будущего очерчены достаточно ясно. Она, наверное, даже смогла бы выбрать все доступные направления сразу - это не столь уж и сложно для человека, многогранность витражей которого расползается в разные стороны узоров, больше всего похожих на дифракцию многоугольного огня. Зачастую, Тиханна поступает по-своему даже в случаях, если это может помешать другим людям или просто быть для них неприятным событием, а приоритетность держит ситуационно. Но это уже частности, поскольку свобода у сей личности основывается, прежде всего, на её возможности в любой ситуации находить близкое и лучшее для себя, не только извлекая пользу, но и развлекаясь. И эта многомерность восприятия ситуации исходит и замыкается на многомерность существа самой Тиханны.

Ниомия, сестра её, имеет мощнейшую силу, позаимствованную у самой природы - и в природу же возвращающуюся, и этот бесконечный круговорот позволяет ей на время становиться камнем, берёзой или совой, принимая и воспринимая всё самое лучшее от этих существ, порождённых природой Земли и процессом эволюции биологических форм. Воля и целеустремлённость Ниомии - вот истинные и первостепенные движущие силы её встроенного моторчика, который начинает угасать лишь тогда, когда круговерть событий отрывает Ниомию от природы и происхождения всех вещей.

Если же ей удаётся войти в новое русло снова, то нет ничего загадочней той скорости, с которой силы вновь возвращаются к ней напористым потоком водопада, словно тотемное лесное существо её загребает из ручья Пустоту энергетической лапкой смыслов, откуда исходят все возможности приложения полученной силы - и сила эта чиста, как будто нет вообще ничего. А что может загрязнить Ничто? Ведь любое что-то, попадающее в Ничто, исчезает. Точнее, это Ничто исчезает, поскольку, включая в себя что-либо, оно перестаёт быть Ничем, при этом всё же продолжая оставаться никем не тронутым Ничем где-то вдали от действия возложения внутрь себя чего-то определённого. Именно эта сила, позаимствованная в долг, позволяет Ниомии бывать иногда очень жёсткой и

решительной: ситуации любят её за способность распутывать гордые узлы закрученностей вопросов, отыскивая нестандартные решения.

Арчибальд I Семиланцеат из аристократического рода Семиланцеатов - благородный рыцарь, и потому, вроде бы, никогда и не был привязан особо сильно к бытовым реалиям мира: они проходили и проходят через него легко и непринуждённо, как будто правду говорят. Кажется, что если Арчибальду удастся найти врата восприятия, то даже сам Страж снимет перед ним шляпу и вежливо так поклонится по-тараканьи, развеивая тонкие и длинные усищи по ветру. Найденные проблемы сворачиваются у него в ничего не значащие пороссячьи хвостики, которые с радостным повизгиванием разбегаются в разные стороны, кто куда, и, воистину, остаются лишь многообещающие решения вопросов. Честный, зачастую, как сытный бутерброд со сливочным маслом, старающийся не нарушать закон бутерброда, Арчи Семиланцеат, похоже, прибыл с противоположной стороны жизни, с некоей глобальной изнанки, где ширина, щедрость, разнообразие, особенность и честь ещё имеют хоть какое-то значение.

Капитан Энергия, или просто Кэп Энерджи - искатель и обретатель понимания природы хода вещей, как и все мы здесь. Он довольно аккуратен и корректен, а своеобразная хитрость и проницательность играет ему на руку, когда он ищет результат. Они же нередко позволяют Кэпу понимать людей с полуслова: так, если прочие ходят проторенными тропами до дальних островов, кладов и посёлков, то Кэп Энерджи умеет телепортироваться прямиком в нужный ему пункт назначения практически мгновенно, хотя б`ольшая, теоретически достижимая, согласованность ментальных частей и скомпонованность внутренних явлений сделали бы его ещё сильнее и прозорливее.

Наконец, когда дед Олгл отчалил, то мы все заметили, что наставник оставил следить за нами Цербера, который являлся на тот момент единственным существом, чьё сознание принципиально не могло быть объединено с нашим, имея в себе железобетонную защиту в виде чуждости внутреннего обустройства его рассудка и интеллекта. Цербер тотчас же расставил свои сакральные метки по углам убежища Познания, призванные сохранить наше единство и не допустить, чтобы мы покинули убежище, пока не очистим и не отдраим пол от этих самых меток.

Когда на стенах проступили надписи и рисунки, предназначенные именно для чтения конгломератом из наших пяти разумов, то неизвестное и

невидимое жужжание с грохотом принялось выталкивать нас за границы помещения. Как известно, за пределами убежища обитают охотники - создания совершенно иного порядка - и многообразные неназванные твари, числа коим поистине не счесть, вот только проявляются они именно в сам момент инициации - и никогда больше. Их цель - отсеять лишних, отсеять слабых. На улице снаружи от убежища наш сцепленный кластер начал постепенно растворяться в холодном ворохе шелестов и шепотков - таким способом, как пчелиные потоки тают в вихре смерча вместе с автомобилями, деревьями и домиком Элли, так же, как кусок сахара распадается, словно пирамида во время землетрясения, осыпаясь мелкими осколками куда-то вниз, в тёмные воды непознанного. Цербер Олгла забеспокоился и жалостливо заскулил, но ничего не смог поделать с нами, когда захлестнувший шквал неведомой силы, до краёв переполнившей помещение, вытолкнул нас в призрачные зоны, оказавшись несоразмерно мощнее и напористее силы, которой обладал наш лопоухий страж.

Над головой всколыхнулось на миллиарды световых лет ввысь полотно звёздных гирлянд и иллюминаций. Подумать только! Над нами в тот момент было расстояние, по сравнению с которым, каждый из нас - ничто, включая даже нашу планету. Миллиарды. Световых. Лет. Над головой. Прямо. Над нами. Понимаете? Я присмотрелся и увидел, что звёзды рисуют узоры, переливчато скатываясь с места на место, точно с горки на расплавленной сковороде, образуя радужно отсвечивающие паутинки неведомых мне ранее созвездий. Такое красивое небо далеко не каждый день увидишь: наверное, оно только здесь такое, ведь мы не абы где, а прямо возле самого убежища Познания.

В каждой части неба обитают свои помощники. Я медитативно созерцал, как зоны неба различными оттенками и полутонами клубящихся галактик - от бурых до синеватых и зеленоватых - разговаривают со мной бесшумными голосами несущих смысл вибраций. В то мгновение казалось, что не существует никаких охотников, жрецов-культистов и прочих тварных сущностей, настолько далеки вдруг стали все мелочные и мещанские проблемы жизни на Земле. На какой-то момент принялось было обнаруживаться, что и вовсе нет никаких сознаний, равно как и никаких созданий. Даже свой собственный разум как бы перестал существовать: остались только клубящиеся и пляшущие ослепительными точками на невообразимо невероятном расстоянии разноцветные вспышечки звёзд.

Кэп и Тиханна нависли в гармонии где-то сверху, образовав

гигантский шар энергии. Их конгломерат казался отдельной завершённой формой, если бы не однозначное сцепление разумов всех, кто присутствовал среди нас. В этот момент слияния с природой и объединения осколков кластера, Ниомия попыталась отколоться от нас. И ей это удалось. Миг - и Ниомии уже нигде не было видно, она растворилась среди дышащих полей ландшафта, торчащих, точно протезы вставленных в землю зубов, ушла в тень зданий и сооружений, домов и домишек, оставив нам для поисков лишь слабый энергетический шлейф касаний своего понимания вокруг заснеженных пульсирующих степей, волнующихся, как рыхлое дрожжевое тесто, с хитрецою любопытства выглядывающее из кастрюли, надев на макушку берет художника, стилизованный под стальную крышку.

Стоило нам с Арчибальдом выскочить на тропу в попытке обрести потерянную часть конгломерата, как тут же не преминул появиться охотник. «Прячься, это за нами!» - только и успел я выкрикнуть Арчибальду, молниеносно прыгая в сугроб. Охотник проехал мимо, ничего не заметив, а нам пришлось продолжить поиски. На скандинавской стороне находилось ещё одно убежище, куда мы и отправились вьющимися тёмными тропинками, похожими на семитские кудри. Несколько раз нам с Семиланцеатом попадались охотники, и всякий раз до них решительно невозможно было точно определить расстояние. «Это они специально так делают, след запутывают», - уверенно произнёс Арчибальд. Один раз хохот охотников зазвучал прямо в наших ушах, хотя сами они находились на значительном расстоянии вдали от нас. «Телепатируют прямо в уши», - проговорил я, просто констатируя факт, и Арчи кивнул в знак согласия.

Дело в том, что конструктивное обустройство структур охотников позволяет им находиться в некоей свободно смещаемой волновой позиции выбора, распространяясь по орбите внутри заданной траектории, подобно электрону. Именно поэтому каждый миг они смотрелись в погоне за нами так, будто бы располагались на разных расстояниях, поэтому мы и не знали, стоит ли их пугаться вообще или нет. Вот группка из четырёх охотников находится на расстоянии пятидесяти метров от нас. Или нет: их только трое, но они в сотне метров от нас. Зато теперь вот их уже пятеро и, кажется, до них можно дотронуться рукой, дотянувшись. Уффф... кажется, отвязались.

Наконец, я увидел одного из них: он бежал по тропе напрямик за нами. Сначала это был всего лишь маленький перекатывающийся и

топорщащийся в разные стороны жидкими разводами волн комков земли, который, как голем, неожиданно подрос, возмужал, вытянул амёбообразные ложноножки и уверенно потянул их куда-то в нашу сторону, да только что уж тут греха таить: пространственная неопределённость всех расстояний делала его охотником отнюдь не в меньшей, если не в большей степени. «Арчи, смотри, он за нами бежит», - сказал я Семиланцеату, на что тот ответил сквозь свой позвякивающий рыцарский доспех оглушительно гулким эхом, доносящимся, как из оцинкованного ведра: «Да просто мужик какой-то бегаёт». Я не унимался - как же так, ведь охотники не дремлют: «Ты смотри, смотри, он по полю перекачивается, с ног на голову встаёт и движется, как перекасти-поле. А ещё у него, кажется, шесть конечностей, и вообще, он на гидру похож». И мы в спешке продолжили свой путь, стараясь, одновременно, оторваться от преследовавшего нас охотника и настичь сознание Ниомии.

Очень даже вскоре мы достигли скандинавского убежища. Снег медленно вспыхивал и тут же заторможенно гас микроскопическими мотыльками в свете вечернего фонаря. Кристаллическое время словно бы текло по каким-то своим собственным, только для него характерным законам, будто скандинавское убежище было перенесено сюда из другого, всеми позабытого сказочного слоя проекции существования. Я даже высказал Арчи ассоциативную мысль, что образ окрестностей местных построек изрядно напоминает запорошенную сонным снегопадом гильдию магов Винтерхолда из Скайрима, и тотчас же снова у меня повторилось столь зашкаливающе прекрасное и нестерпимо возвышенное осознание вечности и незыблемости отражения мира в мир.

Здесь заново не было никаких охотников, никаких погонь, а оставалась лишь осоловело-странная, но столь естественная и почему-то нужная игра, в которую мы все совместными усилиями играем, причём правила её были придуманы на заре становления человеческого интеллекта ещё в самом начале времён каменного века и созданы даже не кем-то, а скорее, чем-то - неживым и однозначным, абсолютно безликим, бесформенным, неопределимым и непреодолимым, а оттого играть приходится по правилам чужим, а вовсе не своим. Тем не менее, по каким-то не то, что бы совсем неведомым, а скорее уж - по полуосознанным причинам, я понимал, что мы, непременно, должны завершить начатое, мы действуем правильно и все пребываем на правильном пути, который неизбежно приведёт к новой ступени в жизни каждого из нас, буквально

уткнув в эту ступень носом. К тому же у нас не было никакого иного выбора: раз, начав ритуал инициации, мы больше не могли отказаться, потеряв всякую возможность повернуть вспять. Раскрывшись, мы навсегда становились теми, кто раскрыт, свободе познания более не было пути назад.

Арчи Семиланцеат попросил его подождать, пока он будет дипломатическими методами улаживать дела в заснеженном скандинавском убежище, но в сей же самый миг призывное сознание Ниомии внезапно вторглось в наш объединённый разум, недвусмысленно указав столь давно потерянное направление поиска. Когда мы передвигаемся по внешним территориям хотя бы втроём, то любые действия охотников уже не имеют ровным счётом никакого смысла, поскольку они не умеют делить не поровну, не способны на это, кажется, от самого рождения.

Мы с Арчи тогда смело вышли за ворота скандинавского убежища, покинув его с некоторым потаённым сожалением и чувством чего-то давно забытого, не свершившегося и не вспомненного, как будто бы присутствовавший в убежище отклик над-человеческой памяти разбудил в нас благую весть о давнишних, наивных и, в общем-то, сейчас уже не столь уж нужных и значимых надеждах на столь же светлую и необъяснимую абстракцию чего-то лучшего, всегда больше похожего на без меры идеализированное обещание неизвестно кого и непонятно кому. Скорее уж, это был отблеск основательного, базового обещания, существующего в мире как категория вещи в себе, и облекаемого в смысл, мысли и форму только тогда лишь, когда провалится в колодец человеческого разума и будет окрашен им, мозаично отразившись в миллионах осколков зеркал импульсов на синапсах, спонтанных и спровоцированных спайков и синестетических прохождений сигналов в соседние области центров коры головного мозга, фильтрующего, как глубоководная губка, неопишуемые обертоны музыки Вселенной.

Небольшой путь по полю под мириадами звёздных россыпей в миллиардах миль Млечного Пути над головой приоткрыл завесу своих тайн, показав себя с совершенно новой стороны. В поле шептались тонкие и поникшие ветки старых прозапрелых трав, переползали с места на место пульсирующе мигающие дыханием внутренней, анабиотически-латентной жизни, преимущественно, зеленоватые, желтоватые, красноватые и синеватые сугробы, поверх которых прыгали, плавно потрясая оплывающими манипуляторами щупальцеобразных конечностей, некие странные существа, похожие не то на собак, не то на людей.

И точно так же, как и охотник, преследовавший нас по беговой дорожке почти до самого скандинавского убежища, все эти существа кувыркались с ног на голову. Я попробовал сцепить своё сознание с сознанием небольшого кустистого сугроба зеленоватого оттенка. Сугроб в тот момент как раз приветливо мне улыбался, но, стоило лишь обратить на него луч внимания, как он сразу же нахмурился и сделал вид, будто ничего не замечает, а затем быстрым крабообразным приставным шагом отполз подальше, перекатившись через бочок, как мешок сахара. Я ведь всего лишь поподробнее хотел его расспросить, где нам искать Ниомию. Он же сугроб. Он всё знает.

К сожалению, сугробы и их многощупые обитатели оказались не слишком-то приветливыми, и тогда наш с Арчи быстрый шаг перешёл на лёгкий и непринуждённый бег. Как только это произошло, над головой что-то ярко сверкнуло - видимо, пролетел маленький, но весьма ослепительный метеорит на фоне по-прежнему переливчатого и вечного, как сам мир, неба. И пусть существа других диапазонов восприятия видят космос совсем по-другому, возможно, ещё красивее или ещё страшнее, или же вовсе - способом, не поддающимся даже приблизительному языковому описанию за отсутствием в человеческой речи и в человеческой практике подходящих слов.

Но и тех скромных возможностей, великодушно предоставляемых в наше распоряжение глазами и зрительным центром головного мозга, оказалось вполне достаточно, чтобы оценить циклопическую безразмерность величавого всего, что творится за пределами нашей планетки, крутящейся в стремительном полёте вокруг солнца со скоростью примерно тридцать километров в секунду на отшибе галактики - и ещё быстрее, если учесть скорость вращения солнца вокруг галактики и галактики - внутри космоса. Так нам посчастливилось постичь весь озарённый просветлением ужас и одновременный восторг от процесса сосуществования и самоосознания.

«Ты загадал желание?» - спросил Арчи Семиланцеат. Я улыбочиво кивнул и тотчас же заметил старый и облупленный бюст вождя мирового пролетариата. И вот уже, одетый в чёрный длинный кожаный плащ, не переставая бежать по дорожке рядом с Семиланцеатом, позвякивающим своими зеркально начищенными доспехами - и как все эти рыцари их носить не устают, а? - поднимаюсь я на трибуну, дабы выверенно толкнуть политически-агитационную речь перед уже насквозь красной, хоть и ещё

совсем зелёной, молодёжью:

«Дорогие товарищи! Друзья! Сегодня великий день для каждого пионера, верной поступью воздающего долг во славу Отечества, во славу высокой миссии построения коммунизма во всё мире по завету наших отцов, дедов и прадедов, проливавших в воинских сражениях Гражданской войны кровь под красными стягами с тем, чтобы нам сейчас жилось уютно и безопасно вдали от ужасов классового неравенства и мелкобуржуазной эксплуатации мирового пролетариата, составляющего основную движущую силу промышленного развития в нашем общем доме, на нашей прекрасной планете. А это значит, что и вся власть над ресурсами Отчизны должна быть собрана в натруженных мозолистых руках народных, без сомнения знающих, как распорядиться этими ресурсами во всеобщее благо! Я обращаюсь к вам, молодежь, ведь именно вам - и никому другому - предстоит вести страну, чтобы войти в то самое светлое будущее всеобщего равенства и благоденствия народа, которое прочили нам наши предки, вершившие Великую Октябрьскую Революцию! Сегодня вам всем предстоит вступить в ряды ВЛКСМ, получив новое прозвание и призвание - комсомолец. Так носите же его с гордостью в неиссякаемую славу нашей несокрушимой социалистической Родины - Станы Советов!»

Вокруг трибуны, с которой я выступал, уже принялись стройно выстраиваться парадные ряды каких-то тачанок, но тут к окружающей реальности современного времени моё расщеплённое на звонкие части сознание вернул благородный Арчибалд: «Смотри, это же Ниомия!» «А ведь точно... а это точно она? Что-то я замечтался чуток», - ответил я, вглядываясь в приближающуюся фигуру и параллельно осторожно склеивая картину перцепции из расколотых кусочков, как реставратор - редкую антикварную фарфоровую вазу. Когда догадки Арчи Семиланцеата подтвердились, и на дороге, как оказалось, нас действительно поджидала Ниомия, то мы все снова тотчас же объединились в разум, на этот раз - уже тройственный - а затем стали решать, как же нам жить дальше и как вновь обрести первозданную утраченную гармонию, опирающуюся на пять острых уголков лучей, похожих на ту ало-металлическую пятиконечную звёздочку с золотистым изображением маленького Володи Ульянова, что была прицеплена к каждому без исключения костюму в рядах тех бессчётно немалочисленных ребят, перед которыми мне только что довелось выступать с трибуны где-то в параллельном мире или же вообще в

прошлую эпоху мира нашего.

Тем временем, в нашем убежище Познания, как в замедленном ритме танго, материя расходилась по швам, меняя собственную форму. Тиханна, будто бы беспрекословно движимая трансцендентальной волей Шивы - танцующего разрушителя миров, обновляла ежесекундно происходящие вокруг структуры в новые грани, чью форму и предназначение, пожалуй, способна описать лишь исключительно неевклидова геометрия, да и то с превеликим трудом. Каждая образуемая песчинка, каждый звон и всполох материи начинали потоками относить эти всплески в стороны разных форм существования. В перламутровых поверхностях новых преобразований граней отражалось пение волн межзвёздных пространств, звенящих от резонанса вхождения в такт с собственными же частотами, замыкаясь на себе в алгоритме бесконечного самоотождествления вовнутрь заложенных принципов естества всех их разнообразных проявлений, расслаивающихся дольками квантов вероятностей и отражённых вовнутрь набора описаний человеческого разума для реализации свойств пространств.

Программа, заложенная на самом раннем начальном этапе нашей инициации, подразделила весь мир на движимый и недвижимый, маятником выворачивая относительности. Недвижимый мир невозможно было видоизменить, но только слегка, едва-едва заметно коснуться его, направившись в сторону нового движимого мира - и тогда всё недвижимое оказывалось способно менять нечто более движимое, и чем оно было ближе, тем более оказывалось подвержено изменениям, тогда как исконно движимое для Тиханны давало ей полнейшую власть поступать как угодно со всем тем, что оказывалось ниже рангом по вычисленной степени подвижности - и брызги фейерверков острыми гранями порознь летели в разные стороны, шумно осыпаясь кристаллическим дождём, узревшим бездонные пропасти отражений галактик её глаз.

Ещё по возвращении в наше всеобщее убежище, замурованное в туннель, Кэп Энерджи и Тиханна обнаружили крайнее недовольство своего учителя и наставника Олгла, сурово посмотревшего из-под своих тяжёлых блестящих очков и уныло повздыхавшего на них от души пылью Вечности со всеми своими накопившимися за Вечность проблемами и идеями. Дед Олгл решительно не мог понять, как это мы все скопом решились нарушить враз его прямой запрет покидать убежище Познания. Однако и этот вопрос очень вскоре разрешился. А нам, в свою очередь, оставалось сделать всего лишь шаг - и этот шаг неминуемо предстояло сделать втроём.

Ниомия, как я уже сообщал немного выше, появилась пред нам так же неожиданно, как и исчезла. «Давайте теперь все вместе пойдём в убежище и вновь станем едиными», - выдвинул идею на рассмотрение Семиланцеат. «Нельзя, сейчас туда нельзя никак идти! Там нас уже поджидают охотники с безатмосферными существами! А вместе с ними суровый наставник Олгл и Цербер, озадаченный собственным бессилием в оказании нам помощи. Интересная компашка собралась, правда?» - Ниомия явно была очень сильно озадачена расколом нашего единого рассудка вдребезги. И на самом деле у всех нас присутствовало чувство, что этот самый рассудок мы все уже давнѐхонько потеряли, оставив где-то под полевым кустом среди шестилапых и многопалых зверей на ложноножках и ползающих хищных разноцветных сугробов под искажениями ярко-зелѐных всполохов северно-сияющей атмосферы.

Мы уже все думали, что инициация подходит к концу, но не тут-то было! Хитрый учитель Олгл из местного земноводного сотворил голема-агента, призванного форсированно переправить нас ещё дальше по пути понимания. Голем-агент оказался невысокого роста недавно обращѐнным существом женского пола, сохранившим в своём облике изначальные черты земноводного, что явственно свидетельствовало о том, что хотя бы малая часть плана хитровыкрученному деду Олглу удалась, тем более что мы не понимали тогда ещё, что поступаем точь-в-точь в соответствии с замыслами наставника, а потому принимали действия земноводного за чистую монету. Агент, не теряя ни секунды времени, обратился к нам со следующими словами: «Вы теперь на новую тропу встаёте, помощь осваиваете. Не поможете ли бедной даме добыть в Храме Подкрепления немного священного напитка хаомы. Он мне для ритуалов нужен. Поможете, а? Только вот вам его так просто никто не выдаст. Хаому, знаете ли, за здорово живѐшь каждому встречному-поперечному вовсе даже не дают никогда. А дают её всегда далеко не каждому первому встречному-поперечному. Поэтому вот вам моя тайная кодовая фраза: *«Мы лимоны-померанцы, за хаомой посыланцы, нам напиток важен взбитый, ведь тогда мы будем квиты. Нужен он не для корысти, а для песнопений в твисте. Ну а если не дадите, то пошлѐм мы вас в корыте!»* Вот точно так скажете - и сразу же безотлагательно выдадут вам мою хаомушку. Прямо в руки всучат. Тогда-то её ко мне прямиком и несите. Всѐ-всѐ запомнили? Ну вот и чудесненько, вот и молодцы-лапочки!»

Не буду утомлять читателя не вполне интересными подробностями

посещения Храма Подкрепления, воспоминания и проговаривания нашей секретной кодовой фразы, однако мы слишком поздно осознали, что хоть голем - это всего лишь голем, но не столь уж и прост, каким кажется на первый взгляд. Испытание заключалось на самом деле не в помощи в доставке хаомы, а в выходе из той ловушки-дома, где живёт это бывшее земноводное, ныне околдованное Олглом. В тёмном туннеле нам стало казаться, что мы все здесь застряли навечно, ведь мы же должны, просто обязаны были решить непосильную для разрешения задачу: дойти до убежища незримо для охотников, поодиночке, но так, чтобы снова никого не потерять.

- Вы хоть понимаете, насколько глубоко мы влезли во все эти сферы, я вижу сейчас выжженное пятно, брешь, на тенёте Реальности, и через эту прореху на нас могут постоянно смотреть тысячи глаз, - несколько патетично воскликнул я.

- А что нам сейчас с того? Мы просто хотим вернуться в убежище Познания, а там дальше уже видно будет, - настаивал на своей позиции рыцарь Семиланцеат.

- Нельзя, да нельзя туда идти сейчас, нас с потрохами заберут к себе безатмосферные сущности, - никак не унималась Ниомия.

В итоге очень долгих и жарких споров, переговоров и конфронтаций, продолжавшихся совершенно неопределённый срок, мы с Арчи отпустили Ниомию, а сами потихоньку пошли следом, стараясь не попадаться ей на глаза. Дабы не провалить операцию, если уж можно так выразиться. Это оказалось не столь уж и сложно провернуть: Ниомия шла уверенно и без оглядки. И вот мы практически дошли до убежища. Охотников нигде не было. И тут нам всем стало ясно, что с самого начала Охотники были пугающим мифом, мастерским блефом, шулерский фарсом пустотелой мишуры, внушённым конгломерату разумов нашим пожилым учителем и наставником Олглом. Мы - выдержали. Мы - прошли. Мы - победили!

Уже будучи в убежище Познания, где наш хранитель и следитель Цербер неумолимо и неутомонно продолжал надзорную работу по расставлению сакральных защитных меток по углам, я посмотрел на Тиханну, и, в определённый момент, она мне внезапно увиделась в характерном виде фантично-сложных хрустально-проницаемых блоков конструктора лего, где каждая брусочная хрусталина была окрашена в свой уникально личный полутон. Последовательно состыковываясь, они образовывали удивительно модернистского качества архитектурную

конструкцию, притом что каждый из этих пупырчатых прямоугольников оказывался способен быть отдельным и полностью независимым существом, между которым Тиханна переключается в незаметном для себя режиме. Тогда я осознал, что в ней уже изначально имелся структурный конгломерат, наподобие нашего, и потому замыкание конгломерата в конгломерате породило специфическую рекурсию в алгоритме. Хотя и гибкость этих прозрачных параллелепипедов никто не ставит под сомнение.

Тем не менее, мы ведь все здесь вновь объединились впятером, а образованный нами пентакль - точно печать, которой мы оставляем след там, где прошли, рассекая грань между миром обыденности и миром неисследованных областей восприятия. Мы - Арчибальд, Ниомия, Тиханна, Рудрих и Капитан Энерджи. Мы - пентакль, разделённый на два мира! Мы - пентакль twin!

Пнясо-шаверма Совета Совин

Рано с утра я стремглавым галопом, почти что кувыркаясь через голову гидрою, залетел в любимое завтрачное заведение, чтобы скушать глубокообожаемую шаверму. Владелец кафе, являвшийся одновременно и поваром, и уборщиком, и санитарным контролёром по имени Такий - а фамилии его всё равно никто не знал - осоловело посмотрел на меня большими шариками невыспавшихся глаз с чернильно-фиолетовыми кругами вокруг, ровными, как олимпийские кольца или нотариально заверенные печати государственных организаций, и, нахохрившись, как-то катастрофически необычно чихнул, будто обезжиренный от недоедания полужамёрзший снегирь, заблудившийся в январской стуже. Я никак не мог ожидать такой противоестественной реакции повара на своё появление.

Такий покрутил головой влево, затем вправо, затем снова влево, затем снова вправо, потом снова влево, потом снова вправо, будто бы голова его установлена была на шарнирах - а, может быть, дело именно так и обстояло: недаром же он издавал столь чужеродно странноватое поскрипывание. Когда я уселся за столик, то моя нога сразу упёрлась во что-то мягкое и пружинистое, похожее на синтепон, но стоило заглянуть

под стол, как там обнаружилось колоссальных размеров бежево-пятнисто-пепельное перо со слюдянистым отливом оттенка «кофе с молоком». Оно было одним-единственным, зато огромным-преогромным, почти что со складную рыбацкую лодку или спасательный шлюп размером. С удовольствием положив ноги на перо мистической птицы для смягчающей амортизации, я вошёл в состояние глубокой релаксации и лёгкого транса, всецело предавшись полумечтательным размышлениям. Затем, открыв небольшой журналистский блокнотик, я принялся записывать туда собственные мысли, параллельно подозвав тихим окликом официанта-повара-владельца в одном лице Такия и заказав две средних порции шавермы - одну в лаваше, а другую в пите, а также крепкий чёрный чай, чтоб уж покушать так покушать.

Надобно отметить, шаверму здесь подавали просто удивительную, и тем ещё более удивительным казалось название заведения: «*Овл*». Всего три буквы. Да-да, «*Овл*». Но это было написано крупно, а помельче можно было различить, судя по всему, фамилию владельца Такия, да и вообще всё это наименование вполне себе тянуло на кличку какого-нибудь героя древних сказок и мифов: «*Овл Вудмит*». Ну и, короче говоря, это было, конечно же, здорово! Шаверма так и сочилась подобием оливкового масла, да и вообще в сём блюде преобладал утончённый аромат всё тех же чуть перезрелых маслин с ядрёно пробирающим бензиновым душком. Но в следующий же момент я пришёл в себя уже ночью, когда стемнело, в собственной квартире, сидящим напротив расшторенного окна и убаюкивающе лучащегося монитора. То ли шаверма так подействовала, то ли ещё что. Кто ж его знает. За окном мельтешили какие-то огни, ходили пешеходы, курились юрты и вигвамы из оленьих шкур, мигали фиолетовые сигнальные огни автотранспортных фургончиков государственных служб. В том числе и силовых. Мне никак не удавалось сфокусировать собственное зрение для того, чтобы понять, что же там, в действительности, происходит.

Творилось хаотическое беспокойство и шубутная сумятица, как в разворошенном муравейнике. Чутьочку приглядевшись, я не без удивления заметил преинтереснейшую ситуацию: подъехал очередной фургон с мигалками, на полном ходу вписавшись в некий, прорастающий веточками и листочками, сочно-смолистый пенёк. Из транспорта неуклюжим кубарем стремительно выкатились аляповатые актёры, безвкусно одетые в костюмы ростовых кукол - то ли сов, то ли филинов, имеющих облик очень даже

реалистичный, хоть и кажущийся сполна бессмысленным по отношению к данной ситуации. Костюмы выглядели столь качественными, что на них детально просматривалось буквально каждое пёрышко, даже подсвечиваясь в бело-лунном и звёздном свете, будто бы радиоактивное какое.

Гигантские совы принялись с фонариками шараться в потёмках возле ближайшей детской дворовой песочницы, где как раз, ссутулившись от озноба, в сонном неотдуплении чувственно допивал, растянуто смакуя, вкушая и дегустируя каждый глоток, очередную согревающую бутылочку местный бомжик Тюхотя, городской юродивый, пророк-ясновидящий, да и вообще - добрый малый. Тюхотю тут знали все, правда, не все любили: кто ему да когда копеечку подавал, а кто и пинок под зад. Сам он подкармливал кошек, но только, почему-то, полосатых, обожая таскать голубей в карманах. Одноцветных и пятнистых кошек пророк гонял специально собранной для этих целей метлой под хвост, считая их принадлежащими низшим кастам.

Но в данной ситуации, наблюдаемой мною, творилось нечто совсем уж невообразимое: костюмированные соволюди уселись верхом на мясистых овчарок и всей своей птичье-собачьей ордой галопом понеслись с гвалтом и гикающим похихикиванием прямиком в сторону удивлённо встрепенувшегося Тюхоти, который уже потихоньку начал было поджимаривать над бутылкой, склонив свой пиноккиообразный шнобель куда-то в сторону построенных и ещё не успевших до конца рассыпаться песочных замков неизвестного, но, несомненно, гениального четырёх- или пятилетнего архитектора, чьи творения в геометрии Лобачевского оказались инопланетно сравнимы с постройками блистательного Антонио Гауди. Свинные псы пребывали в полнейшем боевом обмундировании: закованные в латы, они грызли узду, а вместо сёдел на крестцах овчарок значились полноценные мягкие кресла, куда ростовые совы и взгромоздились.

Дремотно продравший на поднявшийся шум свои подслеповатые глазёнки, Тюхотя решил было, что ему пришла окончательная белочка, и проворно вскочив, начал истово орать, замахав руками и ногами, а затем понёсся куда-то в сторону ближайших кустов то ли рябины, то ли ирги. В темноте, право, было не разобрать, что там за кустарниковая растительность метельчато топорщилась. Но даже и это не остановило преследователей ясновидящего. Через некоторое время я, точно бы поддавшись остеклившей всё тело гипнагогии, завалился на левый бок,

погрузившись в раздумья самой что ни на есть призрачной природы, продлившейся до самого утра на грани между сном и явью. Вообще, увиденное было, конечно же, презабавным. Презабавным, да. Презабавным.

Выйдя с утра, дабы вынести пакет мусора, я обратил внимание на выпирающий прямо возле дороги свежепроросший пенёк. Он был в самом неудобном положении из возможных, как будто с боем прорывался сквозь асфальт, но самым поразительным казалось даже не это. Пеньёк был, если можно так выразиться, цивилизованно благоустроен и потому опрятен. На его выкрашенных крышечках глаз, смотревших из-под насупленных бровей-чаг как-то очень уж грустно и точно бы вопросительно, вытягивался сучковатый, слегонца подрубленный на самой середине нос, оканчивавшийся узким пяточком годовых колец, под которым красовались пышные и раздутые, как у московской шалостной забавницы, пасущейся возле трассы, ярко-отполированные губы, тянувшиеся почти до развесистых ушей, в качестве которых у пня, с правой и с левой стороны торчало по два капитальных промышленных чуть ржавых шурупа с нанизанными на них лунами компактных спутниковых тарелок.

Не без прикола на шероховато-щепкастую стрижку площадки, имевшуюся в самом темени пня, была нацеплена грязно-поношенная бейсболка белого цвета с клубнично-розовой надписью «I♥NY». Но стоило мне лишь выкинуть мусор и, подышав майским ветром, через пару минут начать возвращаться домой, как на том же самом месте, чуть ранее оккупированном одним только пнём, обнаружилась уже целая семейка пней самых разнообразных отличительных черт и очертаний. Вплоть до вычурной отменности. Часть семейных пней, одутловато скорчив кожистую кору своих кривобоких мимических морщин, дурковато разглядывали из-под хмурых мхов бровей близлежащие ландшафты. Другие белелись кривыми похмельными ухмылками по-молодецки берёзовых чурбанчиков и их светлых то ли шкур, то ли кор. И надобно отметить, что лишь некоторые из них златокудрыми завитками светлой древесной стружки производили самое наиблагороднейшее впечатление, как будто всё с того же Пинокио или Буратино живодёры содрали тончайший пергамент, выделали его и пустили на дворянские парики для построения волосяного покрова всех этих глазастых пеньков, целенаправленно применив древнекитайский рецепт создания желтоватой бумаги, похожей не то на папирус, не то на чипсы, не то ещё на какую радость.

Невероятно, это просто невероятно! Как за такое количество времени,

буквально за две минуты, пней-то поприбавилось? Я не находил ответа на этот терзающий вопрос, а потому не находил места в своей тарелке. Заглянув за угол дома, я решился-таки обмануть те пни. Неужели в их жизни дотоле всё складывалось так нестерпимо гладко? Вернувшись ещё через минуту, я обратил внимание, что они будто бы обросли ещё одним окольцовывающим кругом и теперь неутешительно начинали напоминать ведьминские круги лесных поганок. Что они тут растут, как любительские кружки по интересам в среде заядлых самогонщиков? В чём же подвох? Кто их таскает? Я отвернулся, затем развернулся и заново посмотрел в их сторону. Количество пеньков сразу же численно сократилось примерно наполовину, и тогда я, сгорая от охватившего и вмиг переполнившего меня нетерпения, венценосным спринтом понёсся в ближайший магазин за автомобильным видеорегистратором. Нельзя же такое пропустить, я должен, должен узнать, каким таким образом двигаются эти пни! Неужели они перемещаются на корешках, царапая своими упругими меристемными коготками застарелый, иссохшийся и растрескавшийся асфальт. Небывалое открытие. Вдруг Нобелевскую дадут? Или хотя бы Шнобелевскую.

Каково же было моё разочарование, когда я, усердно и вдумчиво просмотрев видеозапись за предыдущие три дня и три ночи, не обнаружил вообще никаких общественных изменений в среде пней. Однако же стоило мне опять посмотреть на них - и вот уж пни перестроились в новом порядке. А! Так, быть может, это и есть квантовый принцип влияния факта наблюдения на результат, проявляющийся в отношении пней именно в такой форме? Они меняются только тогда, когда на них смотрит живое существо, но кто знает, может, другой человек увидит пеньки с глазами совершенно иначе?

Я побежал тогда к соседке бабе Вале. Она в это самое время с шумным грохотом жестяных вёдер мыла пол на лестничной площадке, тихохонько матерясь на политиков и осеняя спиралевидным сучковатым знаменем стены. Соседка та была не простая, она состояла в беспрецедентных рядах Древангелистов седьмого Пня или, проще говоря, варилась в уникальной среде Свидетелей Буратино, поэтому знала о пнях всё, что только возможно о них знать. В целом мире не сыскать было человека, кто бы владел более обширными сведениями о пнях, нежели баба Валя. Ещё она являлась депутатом-активистом местного Городского собрания, параллельно проходя принудительное лечение в ближайшей психиатрической клинике. Интересная старушка!

Неугомонно шоркая пол лентяйкой, она бормотала что-то под нос в тот момент, когда я прервал её бесконечную череду, похожую на перебирание чётков зубами, и вставил в эту пулемётную очередь бормочущих звуков собственное предложение пойти со мною на разведку в качестве профессионального консультанта, чтобы совместными усилиями прошпионить за пнями. Как водится, каталась старушка только на роликовых коньках, и вот, снизойдя с лестничной площадки до входа в подъезд, громогласно завопила и опять начала исступлённо знаменовать всё деревянным сучком, скашивая взгляд на семейку пеньков, выстроившихся на сей раз шеренгой, как марширующие в прорубь пингвины.

Выглядела она при сём процессе так, словно из неё исходили бесы или хотя бы осыпались жёлуди, причём она же и была тем самым экзорцистом, который проводил ритуал изгнания-осыпания. Баба Валя шумела, кривляясь, точно от пересыпающегося внутри неё гороха, воркуя с колыбельной напевностью в плывущем куда-то вдаль голосе, бодро-призывном, как пароходные гудки: «Пняясо! Пняясо! Пняясо! Избавь мя от няяяво!» Тогда-то я и попросил её пересчитать пни, но вместо этого она с лихачеством петроградского матроса достала из просторно-мешковатых шерстяных носков барабанные палочки и принялась ими активно шурогатить по поверхности пней так, словно бы это имело первостепенное значение для дела всей её жизни. С палочек чуточку невпопад срывались ноты, которые она с вдохновенным придыханием целеустремлённо комментировала.

В конце концов, древангелистка баба Валя с научной точностью и минимальным коэффициентом погрешности выяснила, что пни звучат так же, как и Бетховен, сыгранный мальчиком-пионером на Первомайский праздник. К величайшему сожалению, никакого мнения, затрагивающего её собственные наблюдения пенькового количества, она так и не удосужилась мне сообщить. Это же обалдеть можно, а не просто старушенция, в общем. Музыкальная!

Прогулявшись по городу и смотавшись на рыбалку до ближайшего озера, я возвращался довольный, тащив жирного карпа одной подмышкой и брыкающегося сома другой подмышкой. Но - увы - не было мне покоя отныне. Среди стайки пней я обнаружил клан сов. Те самые совы в костюмах ростовых кукол размахивали топорами и бензопилами, и от улыбчивых, ласковых и наивных пней лишь смиренные щепки летели.

- Куда? Куда вы? Не троньте красоту естественной гармонии

природы! - я закричал на ростовых сов, похожих на ку-клукс-клановцев, и замахал на них руками, но те лишь ощерились, взмахнули крыльями и улетели. Я слышал, как над головою, высоко в лазурной бездне небесной дали, раскатисто разносится стрекочуще-захлёбывающийся трепет их небезгрешных бензопил. А вдруг совы - это лики ангелов? Я поражаюсь очередному собственному открытию, которые в последнее время сыпались на меня, как овёс из дырявого мешка. Да ещё какие открытия! Только зацените их!

На следующее утро я, как всегда, опять решил зайти в обожаемую мною шаверменную забегаловку. Такой, надев очки, недовольно позыркивал на меня. Он чихал и продолжал чихать, зато в этот раз он как-то чудаковато сложился гармошкой, точно у него убрали невообразимым способом атомарной дезинтеграции несколько далеко не лишних позвонков. Когда он глубоко дышал, то весь как-то раздувался и вытягивался, словно шарик жабьей щёчки, но когда выдыхал, то выглядел совсем уж спущенным шариком жабьих дыхательных мешочков. И этот сферический повар, разве что без вакуума, пристально и подслеповато вглядываясь в мою сторону, с лупоглазой внимательностью, казалось, интересовался, каким способом я поедаю очередную порцию шавермы. Нет, всё-таки она была в чём-то премноголюбопытна. Вопрос только - в чём?

Но вот из плоскостей теста на стол высыпалась пара-тройка мясинок, и я не без удивления обнаружил на оных присутствие годовых колец. Странное подозрение закралось ко мне в душу. Выскочив из-за стола, я со всех ног бросился, вытянув руки перед собой, прямиком в сторону Такия, но в этот самый момент, неожиданно испытав очередную амнезию, обнаружил себя в квартире. Отдышавшись от внезапного и резкого поворота событий, я решил выбраться наружу и малость прогуляться по городу.

Под ближайшими каштанами раскидисто медитировал сплочённый и дружелюбный клан местных бомжей-экстатиков, откуда, к слову сказать, и происходил родом Тяхотя. Они во всём были подобны джайнам или же благочестивым садху, да только не красили лиц, ожидая, пока их облики сами постепенно обретут неповторимый окрас природного рисунка из первозданных песка, глины и пыли. Ибо само высокое Время вершило художественный ритуал, преданно работая гримёром на церемониальной службе их Театра Откровения. Я не ведал, выжил ли наш городской пророк

после недавней встречи с костюмированными совами, или же вовсе нет, но когда я проходил мимо самых высокопоставленных по рангу представителей клана, то один из номенклатурных бомжей поднял один глаз и высоким дрожащим голосом с насморочно-простуженной хрипотцой заголосил:

- Добрый человек! Добрый человек! Подойди сюда, мой хороший. Избавь ты нас от их облав.

- Чего? - не понял я.

- Вот смотри. За нашими братьями давненько идёт охота.

- Какая ещё охота?

- Просто у сов есть магическое зеркало, и поэтому с одного нашего брата получается много отражений - пней. А ты как думал? Ты размышлял хоть раз, из чего они свою шаверму готовят?

- И из чего же они свою шаверму готовят?

- А вот ты, чем языком-то трепать, лучше сам понаблюдай. Но нет, на сей раз мы так просто не сдадимся. Вот тебе наше зубоврачебное кресло. Ты засядь в него поудобнее под ближайшим каштаном, да так и смотри до ночи: будешь нашим надзирателем и великим соглядатаем во тьме. Нам просто жизненно необходим человек со стороны для проведения этой секретной спецоперации, а то нас-то совы всех поголовно знают в лицо.

С удовольствием приняв столь деликатное предложение детективного свойства, я удобно расселся на троне стоматологического кресла, любезно предоставленного мне кланом бомжей-экстатиков, и принялся с внимательной усидчивостью сосредоточенно наблюдать. Занятие это мне понравилось - оно всецело походило на концентрированную медитацию или рыбалку. Стемнело. Когда последние ленивые лучи дневного светила, похожего на перезревшее манго, уже совсем догорели и готовы были запечь в пару-тройку картофелин в мундире, обратившись в ближайший уличный костерок, то именно в этот самый момент явились не запылились совы.

В том, что гигантские совы были самыми ни на есть настоящими, а вовсе не ростовыми куклами сов, как я подумал вначале, сомнений уже никаких не оставалось, особенно после того момента, когда они сподобились всем скопом подняться в воздух и улететь. Не приделали же к костюмам крылышки, как у Икара, в самом деле! Да-да, это была шайка самых настоящих разумных сов-мутантов, имевших колоссальные размеры, и среди них с самым наименее проявленным оперением я узнал их полуочеловеченного предводителя. Им, конечно же, был всем нам

известный почихивающий шавермастер Такий, бессменный владелец знаменитого заведения общественного питания «*Овл Вудмит*». Совы снова нахально заявили сюда с топорами и бензопилами, однако же, у Такия на сей раз в крыльях и лапах оказался подоткнут дивный зеркальный щит с какими-то вращающимися электромагнитами и лазерными установками.

- Аааааааа! - раздался визг-лязг ближайшего из наблюдаемых представителей экстатического клана. - Совы, опять совы по нашу душу! Спасайся, кто может! - и тут я заприметил, как кричавший, вне всякого сомнения, попав под необоримое влияние хлётких лучей преображения, вырывавшихся из ухающего зеркального прибора, тотчас весь аж позеленел и даже изошёл корешками с ветками. Прошла пара минут, и на месте, где лучи настигли поверхности сакрального рисунка на его немытой коже, уже произрастали множественные пеньки. Они росли не просто абы как, а отпочковывались, будто бы покорно следуя лавинообразно расползающейся геометрической прогрессии: от одного пенька происходило по три, от тех пеньков генерировалось уже девять, являя по три от каждого из первых трёх, а, в свою очередь, от тех девяти пеньков оказывались порождены уже целых двадцать семь новёхоньких чурбанчиков, претерпко пахнущих, но отнюдь не мускусной эссенцией семи первосвященных потов озарённых экстатиков и их лукового дыхания, а исключительно свежееоструганным и чуть-чуть влажным деревом, слегка оттенённым миндально-молочным полутонем благородного аромата ещё тёплой свежезаготовленной бумаги, только что вышедшей из-под створок производственного пресса.

Такий, беспардонно ощерившийся серыми перьями, смачно и низко заухал: «Братья, рад представить вам моё новое изобретение. Мы теперь плодим пни-янтры. Если вы посмотрите на их конфигурацию из космоса, то это будет сущая янтра, я вам это гарантирую». Самое поразительное, что среди пней не было ни одного повторяющегося, но, приглядевшись повнимательнее, я понял, что все они представляют собой возможные выражения лиц почившего бомжа-экстатика, коему в первозданной чистоте сердца и весь мир - дом. А сейчас будто бы вся суть его личности распалась аж на сорок пней-янтр: вот превращённый Тюхотя грустит, обрастает светлой прозеленью свисающего лишайника уснеи, а вот размалёванные глаза пня почти что засыпают, а здесь из него торчат весёлые весенние веточки, чуть ли не цветущие на душистом шмелином ветру, тут вот экстатик боится, и в прогнившем дупле его рта поди уж завелись какие-нибудь местного посола хомяки, дождливые синички или красочные

сколопендры. А сей пень - само неистовство пророка невообразимое, и корни окутывают юродивые гримасы деревянных ликов. Да, пней явилось целых тридцать девять плюс один центральный, итого сорок пней-янтр, ну так и что ж с того?

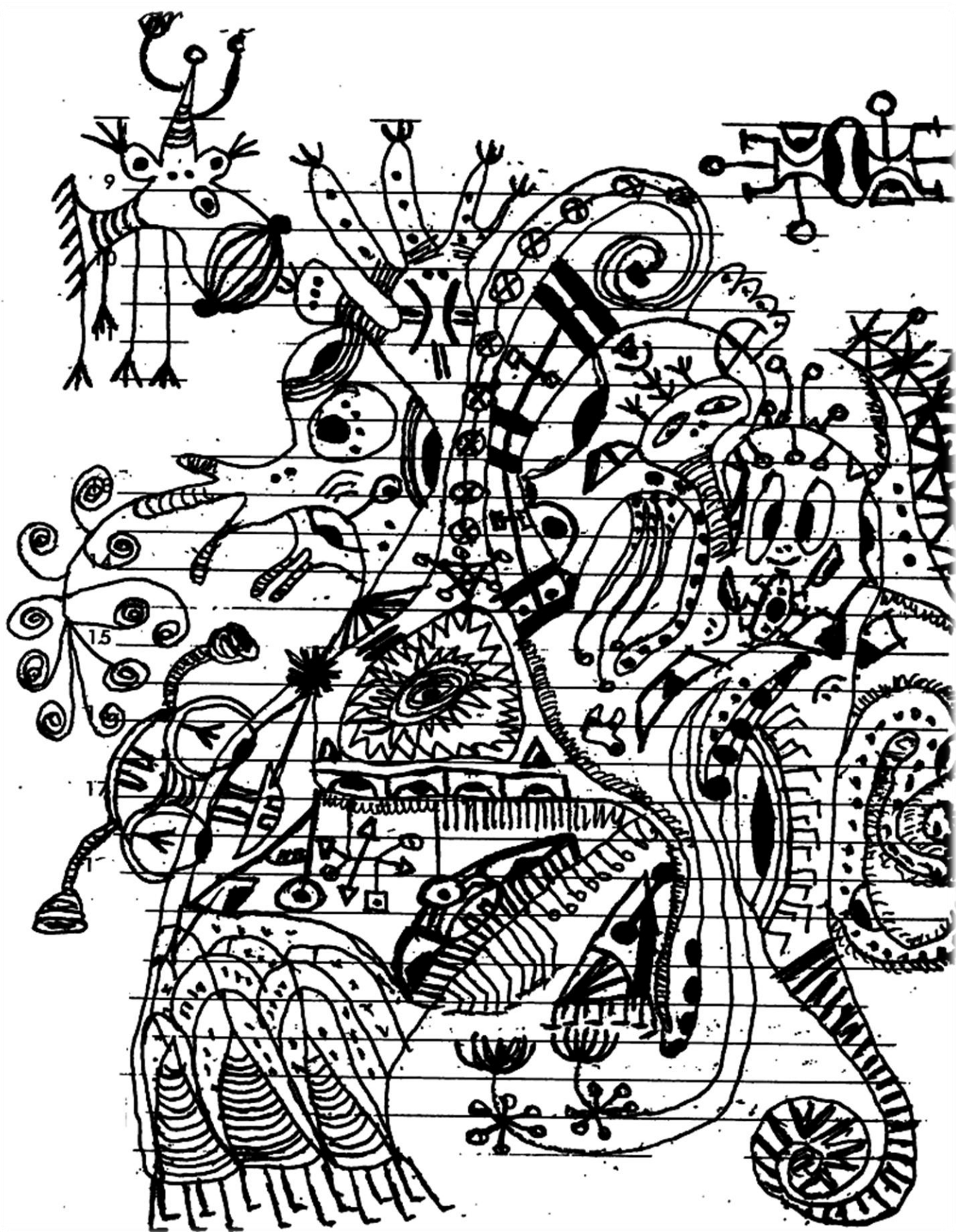
- За работу, братья, за работу! - ухнул Такий и на сей раз надел медицинский халат вместе с маской сварщика, достав длинную стальную блестящую трубку, заканчивающуюся толстым кабелем провода - боевой лазер, очевидно. Я так понял, что Такий стырил лазер на ближайшей военной базе, но, хихикая в душевном порыве, всё же смог сдержать прорывавшееся клекотание смеха в горле. Вот так Такий, вот так сукин сын! А когда все пни оказались уже срублены, я вышел к огромным совам с ломом и открытой нараспашку душой:

- Так вот, как Вы готовите шаверму, о, мастер Такий! Из чьего мяска, а, господа? Кто здесь за всё ответит, а в особенности - за Тюхотю?

- Он знает наш секрет пняса, это настоящая катастрофа, схватить его! Отвезти на минную планету, он не должен раскрыть нашу тайну никому.

Меня, кажется, сначала куда-то долго катили. Я не хотел катиться, но меня всё равно катили, причём на том же самом стоматологическом кресле, а когда сняли повязку с глаз, то я увидел, что в туманной дали долины, простирающейся до горизонта, со всех сторон проросли мясные пни. Надо мною нависала увеличенная во много раз голограмма вертляво-шахермахерского шавермастера Такия в образе исполинской совы-плутówki, сквозь которую просвечивала полная Луна, слишком уж непривычно огромная для глаза. Сова, а точнее - сов - раскрыл клюв, выронил мышь размером с крупного дикошарого манула, и пробасил:

- Глупец! Мы, Совины, даруем экстаикам пней свободу, мы даруем им рай, мы сбрасываем их оковы. А ты, кто ты и что ты сделал? Сперва добейся заоблачных высот нашего статуса. Ты ведь хотел лишь бороться с нами? Видишь эти пни, покрывающие всю без исключения поверхность планеты так, что она становится похожа на гигантскую корабельную морскую мину, только с гораздо большим количеством штырей-пеньков? Именно поэтому она зовётся минной планетой, а мы сейчас пребываем на её повсеместном минном поле пней всех дней. Мы - исполинские совы абсолютной свободы - находимся в извечном симбиозе с мясными пнями, а единственное священнодействие их освобождения - это последующее за превращением из первооснов вашей природы съедение в образе нового состава древесного мяса или, проще говоря, пняса. Так мы величаем их.

Поглощая растительную плоть освобождённых через нашу фирменную шаверму, вы также включаете частицу сей планетарной юдоли истины, вы возносите их во всевеликий свет, возвышая экстатиков до масштабов воистину космических и возвращая им первозданную природу. А ты... ты же сам, похоже, не ведаешь, что творишь в последнее время.

- Да, может быть и так, но ответь мне, Такий, хотели ли все те люди стать мясными пнями? - я был несколько возмущён и раздосадован столь радикально категоричными заявлениями мастера в высшем образе Совина, этой иллюзорно-прозрачной голографической птицы-телепортатора.

- Они сами не ведают, чего, в действительности, желают. Именно поэтому люди - существа природно жалкие. Вы не знаете, каково это - быть мясным пнём или совой, или Совином, насколько это одновременно благочестивое, светлюбивое и отважное чувство. Наши янтра-лазеры не могут даже и подумать, чтобы поступать иначе, поэтому вы, люди, просто обязаны теперь благословить и превозносить нас до небесных высот. Мы, Совины с минной планеты когда-то были подобны вам и уничтожили родную планету окончательно. Теперь ты видишь: это лишь голая равнина. И мы жаждем возродить здесь новую жизнь, экстатическую жизнь клана бомжей в виде пней вознесённых, а сами же мы, Совины - вымирающий вид и прошлый, отработанный этап жизни нашей величественной планеты.

А вы, люди, всего лишь машины для подготавливающегося вознесения. Так будьте же благодарны нам и давайте, становитесь же в очередь, дабы обратиться пнями. Но ты... ты показал себя не достойным носить в себе гордое призвание человеческого пня, посему я покину тебя, оставив в столь привычном для тебя и обыденном падшем обличье людей, лишённых телесной целлюлозы благословения. Сам договаривайся теперь с каждым из священных Вознесённых самолично, дабы они согласились вернуть тебя на Землю, а Совет Совин здесь пас и когтем не пошевелит в отношении твоего спасения, - с этими словами висевшее прямо перед моими глазами голографическое изображение кухонного мастера Такия бесследно растворилось в воздухе. Я упал, глубоко погрузившись в почву и разбив обе коленки, а затем стал драть поверхность минной планеты пней ногтями, но почти тут же услышал шорох, как от настраиваемого радио, передающего песни вековой давности с потёртых виниловых пластинок, а ещё спустя незначительный период времени мелкозернисто раздалась еле слышные искажённо-пилящие звуки пения мирных голосов в моей голове:

- Тише, тише, мы - коллективный разум этой планеты, не тревожь

нас.

- Нет, я буду вас тревожить, если вы не вернёте меня тотчас же на Землю. Будьте вы, пни, хоть семи пядей во лбу, я не собираюсь тут всю жизнь питаться одним лишь вашим деревянным пнясом, - и тут синева моментально охватила меня, затем почти в сей же миг подул бриз белого цвета, в котором я, будто бы стремительно вознесшись под острый пик ярко-фиолетовой пирамиды, целиком обратился в луч.

- О, да, о, да! Мы вернём тебя, но лишь с одним уговором, - передо мной висел самый первый на планете пень с корешками, окаменелый прототип всех современных пнясо-порождений, их общий эволюционный предок, так называемый, пень пендрявый, которого я заприметил ещё в первый раз. Он был тот самый, с грустными глазами, некогда белой бейсболке и толстенными напомаженно-лакированными губами да шурупами вместо ушей. - Мы вернём тебя на Землю, конечно, но ты обязан будешь отбывать долгосрочную епитимью, наложенную Советом Совин и пнями на тебя. Она заключается в том, что тебе навек суждено оставаться в рамках природы человеческой и никогда ты не сумеешь обратиться в пень. Считай, удача была так близка, но ты навсегда оттолкнул её от себя, лишившись шанса оборотнической инкарнации в пнясе. Согласен ли ты на такие суровые условия?

Я посмотрел на пень с шурупами и, машинально поскальзываясь взглядом вдоль надписи на его бейсболке, задал встречный вопрос:

- А ты, правда, так любишь Нью-Йорк, как ванильная девка?

- И хоть бейсболкой я в Нью-Йорке, душою - грозный сибиряк! - провозгласил мне пень пендрявый и продолжал. - Пройдись, как молнией по корке, пусть слезет оголтелый лак! Несись скорее, корнем шоркай и потрясай ветвей кулак. Тебя приветствуют бутоны, премозговитый дух-батон. Но ако сам ты из бетона - губами будешь пить картон! Пока не стать пеньком навеки, и даже на минуток пять. Но протекают совы в реки - и пыл их перьев не унять. Умять ты можешь наше пнясо в печенье, чае, пирожках. Плодится пусть чрез янтры раса, овеществлённая в пеньках. В веках - не совы, но Совины! Совин Совет - заветов свет. А главный среди их раввинов, конечно, Такий, спору нет.

Голографический и с клювом, небесный проводник идей и чудо в перьях с ветродувом, обетованный иудей! Обрубки здесь и наши мины, святые земли - сущий рай. Ты уходи из сей долины и край пеньков не загрязняй своим присутствием и речью, надеешься и бродишь тут. Вот

скинем шкуру человечесю - и станешь вылитый верблюд. Считай, что мы предупредили: ты не испытывай навзрыд терпение. Беги, весь в мыле - Такой тебя не превратит.

Он просто мыло не выносит. И сор совиный из избы. Пока на землях наших носит - мы устроители судьбы. Ничто не вечно. Ты - не вечен. Лишь вечно пнясо среди рос. Так что свали, о, человече - и будешь, как хороший пёс! - произнеся речь, глазастый разукрашенный пенёк рассмеялся, а за ним последовал и озорной атаманский гул пенёковых голосков вокруг. Я почувствовал, что, набирая скорость, несусь вверх, влетая в туннель белого свечения. В следующий же момент я пришёл в себя сидящим на стуле в одной из комнат собственной квартиры - уже в третий раз абсолютно неожиданно за прошлые дни. Дверь в парадное была приоткрыта, и оттуда с улицы пахло весьма изрядным душком чуть пригорелой шавермы: мастер Такой опять расстарался не на шутку в своём фастфудном ларьке. Всё моё тело, тем временем, изрядно задереженело, но к счастью, не было по-настоящему деревянным и пнясистым.

Тогда, сплюнув три раза через плечо, я постучал по дереву, решив тотчас же сесть за стол и записать во имя вечной человеческой памяти случившуюся со мной историю, сохранив её для грядущих поколений.

Показалось: кристаллы его

Крениус Экорза устало смотрел на потолок, разверзшийся аэродромом прямо у него перед носом. По аэродрому скользили разноцветные шарики, похожие на автомобильные подшипники, которым уже ничего не страшно. «Уф, показалось», - подумал Крениус, и вдруг пред ним в воздухе из ниоткуда проявилось лицо, разраставшееся из обоев и словно бы замуровавшееся в стены квартиры. Лицо обратилось к Экорзе электронным голосом, едким, как гарь жжёного пластика: «Твоя миссия - казаться».

Тотчас же лицо величаво встрепенулась, выпорхнуло из обжитых уютных обоев, оставив на стене значительного размера вмятину, а после поселилось прямиком под потолком, точно жирная бабочка бражник,

заменяв люстру на свою колюче-когтистую тушку с глазами, горящими от переменного тока, параллельно закусив под язык вытянувшиеся из потолка шнуры электропитания. «Я - Триба из племени Панцирных Рыб», - чётко и неторопливо, но с оттенком назойливой гнусавости, как спросонья жужжащая бронзовка, произнесло лицо, словно бы гордясь избавлением комнаты от люстры вникуда.

Расплывчатые оттенки смутно знакомых Крениусу очертаний лезли отовсюду пульсациями и выбрасывались в разные стороны верчением, как у садовой поливной установки, превратившись в отдалённое подобие жидкости, которая на самом деле стекает бесконечно, образуя форму стены, вроде светового водопада. Однако же при всём том - и это несомненный факт - она остаётся, одновременно, твёрдой и сыпучей, продолжая пульсировать очертаниями себя. Лицо Трибы давало советы, оно беспрестанно бубнило, не останавливаясь ни на минуту. Крениус Экорза более не мог терпеть болтовню лица из племени Панцирных Рыб, поэтому пошёл на таран выстрелом вопроса в упор: «Лицо, пожалуй, ведь ты же не возражаешь, если я нечаянно выйду отсюда?»

Триба улыбнулась и алертно кивнула в ответ: она также не была лишена человеческих чувств или просто каких-то отголосков ощущений. По стене, на фоне образованного Трибой отверстия, принялся расползаться, распускаясь мясистой пахучей плотью, морщинистый цветок мутировавшей стапелии, обильно покрытый клочьями складчатой и густой коричнево-фиолетовой шерсти, привлекая мух со всей округи едкой тухлостью своей вони. Открыв дверь, Крениус Экорза тотчас же скатился по ледяному насту с горки на саночках. Он всегда именно так и делал, когда хотел куда-то пойти: доказано, что саночки успокаивают нервы, да и выход из его квартиры был прямым на вершину горки когда-то зимой и где-то на детской площадке.

Построенная в честь нового года горка для катания и особенно верхняя её платформа была как раз подробно, точно и напрямую состыкована с квартирой Экорзы, так что скатываться ему в любом случае приходилось - хотел ли он того или нет. Летучее, как испаряющийся эфир, лицо Трибы последовало за ним и расплылось на весь горизонт, смешавшись с лазурью и заняв размером б`ольшую часть рассветного неба, подобно капле оранжевой масляной краски, упавшей в центр ведра, наполненного краской бирюзово-зеленоватого цвета. Улицы показались вдруг Крениусу необычайно восхитительными: всё было залито

невероятным по своей интенсивности тем самым чудесно-бирюзовым флуоресцирующим свечением.

Блеск и мерцание круговорота городского окружения выглядели настолько величавыми и великолепными, что полуночные зарницы казались началом новой утренней зари, отражённой где-то в зенитных глубинах космических далей, усеянных тлеющими угольками всевидящих глазков звёзд, делая небо похожим на изрешечённый и проржавевший бок сарайки, сквозь многочисленные дыры в котором в эту глухомань пыльной темноты и звенящую тишь хозпостроек проникали косые ранние лучи, вспыхивающие микроскопическими убегающими солнечными зайчиками, отражающимися в зеркальных всполохах драгоценности мгновения жизни каждой из взвешенных в воздухе точек пыльных частичек, явленных на доли секунды из темноты и озаряемых дневным светилом для того лишь, дабы снова кануть в безвестное небытие невысвеченности, отыграв балет мановения, дарующего волю на долю секунды в полуповороте танцевальных па стать кувшинчиком для безличных лучей источника всего сущего, обрета искорки свечения в одной конструкции из мириад возможных. Так и жизнь человека - лишь волна озарения существования крупницей осознания, высвечивающей определённую форму и ограничивающей часть мироздания затем лишь, чтобы на сходе волны погаснуть вновь, делая людей подобными игре фантомных светотеней от дыма повторяемых, как заевшая виниловая пластинка, ролей постоянно и циклично разгорающихся и угасающих жизней внутри нашего биологического вида.

Дома, переделанные из непомерно разросшегося гриба лисички, предназначенные для жизни и заселения таких существ, как Экорза или же таких, как лицо из племени Панцирных Рыб, расходились во все стороны волнами синусоидальных всплесков. Однако казалось, что никто из проходивших мимо людей ничего подобного не замечал. Триба с высоты своих глубинных лазурных далей грустно наблюдала за всем этим многообразием блеска красок. Крениус присмотрелся и узрел, что от лица её отлетают какие-то мелкие, точно всё те же пылинки, зеленоватые частицы, а ещё углубив свой взгляд, внезапно осознал совершенно явно: лицо Трибы состоит из треугольников завитых разномастных полосок, настойчиво меняющих собственный цвет на устойчиво бутылочно-зеленый, как и всё остальное пространство, окружающее Крениуса в городе. Всё вокруг выглядело так, словно заиндевелыми сказочными кристаллами

теней проецировались его чудаковатые и внеземные полночные видения.

Триба что-то настойчиво выговаривала, звала, гортанно гудела, точно тепловоз, но этот её тяжелый металлический гул постоянно срывался, теряясь в пуще мохнатых ушей, постепенно ускользал, обращаясь в обрывки звуков и отголоски мыслей, более уже не имеющих ровным счётом никакого значения. Экорза рассмеялся: до него вдруг дошло озарённое внутренней уверенностью понимание, что панцирное лицо - это всего лишь оболочка, маска помощника сознания, не видящего даже собственного носа. Обстановка стала ближайшей к наиболее подходящей данности, а может, они вдвоём всё же были гармоничными к резонансам собственных подпространств кристаллическими конусами между свободой и несвободой, размещёнными здесь в самом натуральном смысле самопроявления и активно внедряющимися вовнутрь настоящего времени. Только вот раньше Крениус этого как-то не замечал просто.

Знание переполняло его, пугало, ошеломляло, отталкивало. Слишком уж много выплёскивалось эмоций и эманаций, мыслей, слуха и зрения, выходов в пользу разновариативного ненужного хлама лет, от которого иначе никак избавиться не удавалось, поскольку накопленные излишества выбросить в окошко воистину гораздо сложнее, чем, например, простой угольный утюг, белоснежным альбатросом или гордым буревестником парящий в высотах где-то над океанами, морями и туристами-лежебоками, греющими пузо на раскалённых пляжах мелкозернистого песка.

Всё тело Экорзы, ставшее отныне очень похожим на тот птичий утюжок, неожиданно открыло в себе довольно странный всепроникающий и холотропно-центростремительный двойной заряд в контексте содействия с Трибой, точно и абсолютно дублирующий состояние неожиданного внутреннего электрошока от его новообретённого племенного лица, на деле же несуществующего, стараясь жеманно сбросить с себя всё это царствующее безумие статического заряда посредством присыпки из микроскопически измельчённого в пыль талька. Щелчком в голове пришла Экорзе идея увидеть в себе микромир с проползающими по щекам, роговице глаз и носу каплями всевозможных небоскребов небывало чужеродной архитектуры, отличной от общепринятой на нашей планете и окружающей каждого высоченными стволами из бетона и стекла, по подобию исполинского первозданного реликтового леса, прорвавшего сквозь поверхность окраин осознания Крениуса свой поднебесный часток острых конусов и тупых трапеций хвойных крон.

И тут взгляд Экорзы упал на собственные руки. Лицо же племенного духа Панцирных Рыб славно так и назидательно улыбалось ему в ответ. Он сполз вниз, и тут же лучиком ему удалось заново взобраться вверх, на вершину внутреннего небоскрёба, коготками зацепившегося где-то изнутри. И там уже, на самой его вершине, хоть и вывернувшись внутрь собственного естества, дабы достичь экстремума функции себя, сумел он хорошенько так все обдумать: руки казались чуточку подвёрнутыми в протivoестественное положение и подёрнутыми, одновременно, дымкой радужного туманчика. Приглядевшись значительно повнимательнее, Крениус Экорза как прозрел. Оказывается, именно его собственная фата эфемерного пара над поверхностью рук состояла из тончайших трёхцветных уровней, слоистых, как пирожное: чередующихся белых, чёрных и изумрудных плёночных покрытий движущегося и колышущегося поля вокруг его натруженных и тонких паучьих лап.

По поверхности их скользили гирлянды капелек всех вообразимых и даже невообразимых расцветок, касающихся светящимися флуоресцентными брызгами ионизирующей жидкости, так и не достигающей поверхности земли в конечном итоге завершения будущности самих себя в капельном обличье, а потому падающих и распадающихся в ничто буквально в нескольких сантиметрах от границы почвы. Казалось, вот-вот ещё подождать чуточку - и маленькая капелька гирлянд волнующегося газа рук уже готова была свершить прыжок на высшее плато собственной, только для неё характерной и ей лишь известной неизвестности, тягуче, как помадка из патоки или желейная пастила, отчалившая и уплывшая куда-то в бесконечность, попутно направляя чуждо раздувшиеся всполохи жидко-наэлектризованной шипящей энергии в распадающийся пар необъятного и всепоглощающего пространства за разрезом кожистого кокона восприятия.

Точно: стоило Крениусу лишь подумать об этом, как он оказался висящим над волнующимся смолисто-битумным морем асфальта, поглощающим вибрирующие всплески вьющейся отовсюду и морфящейся энергии странника, ткущей рисованный ковёр его шерстисто-пружинистых волос жизни. Подобно океаническим рифам рухнувших в воронки кораблей, центр города высился сверхскользкой сине-зеленой, как водоросль, тушей лесистых щупальцев гигантского кракена, когда-то красившего окружающее пространство в тёмные тона посредством собственных защитных чернил, заранее благоразумно свернувшись в

колечко сцепленными орудиями вакуумных присосочек, похожих на растительные виноградные усики и столь же зеленовато-светофористых в своей глубоко древней и эволюционно развившейся маскировке истинного хищника. Кожистые складки пальчатых ладоней Экорзы вытянулись наружу, а точнее, даже выплунулись из асфальта наверх под облака, точно бы на время отключившиеся вмиг от этого ведущего сбор информации толпящегося полчища архетипов, продуцируемых мыльно-склизкой зеркальной поверхностью влажного и неподвижного лица доисторической Трибы.

«Интересно, а кто там ещё варится в этих потоках вспыхивающих огоньков и отсветов помадных гирлянд?» - искренне заинтересованно, хоть и отстранённо-безучастно подумал наш Крениус, однако же, выяснить ему ответ на заданный в уме вопрос на тот момент так и не удалось. Зато он просто остановился прямо посреди повсеместно вершащегося хаоса, да так и стоял, как истукан языческий перед вывеской над входом в неизвестное, когда пляшущие вокруг него буквы, сойдя с ландшафта этой фантастической вывески, принялись сумбурно и бурно преобразаться, расставляясь палочками, крючочками и загогулинами вновь, но уже в измененном виде формы кислотно-оранжевых иероглифов, похожих на шероховатый плод фруктового красного огурца или сочащаяся соком морковь, возложенная поздней предновогодней осенью в укрытие запасливого погребка.

Вывеска, тем временем, приобрела объём, превратившись в уходящую вглубь пространства над дверью голографическую обёртку ярчайшего и изящнейшего примера художественного искусства плакатной живописи ранне-советского постреволюционного периода. На кажущихся выступах проступающей поверхности плаката висели пронзительно-цветастые символы неизвестных для Крениуса знаково-символьных крючочков. Лицо Трибы, тем временем, спустилось с небес на землю и приступило к обретению внутреннего качества исполнения одного лишь ему понятного выстраивания порядка мистического супца собственной жизни, не забывая вплетать и впутывать в церемонию гимнового действия не желающего ничего подобного Крениуса, в общем-то, и не особо подозревающего о том, что принимает участие в каких-то там почти по-конфуциански церемониальных алгоритмах.

По всему телу Экорзы заплясали тёмные и светлые чередующиеся полосы вспышек, точно от газовой горелки, только разве что не

обжигающих, напоминая зато микроскопические цепочки искусственных полужидких силиконовых или пластиковых паучков, нанизанных на ниточке праздничных лучей лазерного проектора. Тело Экорзы приобрело необычайную для его лет привиденистую прозрачность и пронзительность, а скатывающиеся вдоль позвоночника импульсы регулировали и характеризовали степень проявления этой небывалой, почти вообще невозможной, призрачности. Точно воздушный шарик или полиэтиленовый пакет, покрытый бархатистой кожей и шерстью, Крениус просвечивался насквозь, накладываясь всем своим занимаемым объёмом пространства, как газ, на изнанку Трибы, которая без промедления решила преобразиться сама лицом и не только им, а также преобразить потоки исходящих отовсюду волеизъявлений, сама входя уже потихоньку в трансовые ритмы поддержания свежееобретённого или даже свежееиспечённого тела, похожего на рыбный пирог из панцирной себя.

- Ты на пути, ты уже открываешь истинную сторону проявления природы вещей, но ещё не проник в систему измерения и изменения коллекции каждой вариации, доступной тебе через глубинное понимание процессов, происходящих во внешней взаимосвязанности. Ведь нет ничего глупее и, одновременно, разумнее самого естества процесса жизни: самым наибольшим смыслом этого понятия и является глупость поиска каких бы то ни было смыслов там, где всё просто есть и всё! Именно в том-то и зарыта собака незамеченной тобою стайки слонов иных миров. Однако же ты пока что выследил и вытащил слишком узкую дверь в заборе.

То же самое произошло в плане осознания Реальности, что, конечно же, далеко не самый лучший для тебя вариант, поэтому путь на других сторонах тебе пока что остаётся закрытым. Временно. А всего-то надо было один-единственный раз в жизни не покуситься, и просто быть шире и естественнее. Ну да будешь ещё. В конечном итоге, ведь это именно ты же меня и вызвал лично, так почему бы нам не стать единым целым существом? - такую речь провозгласила величая и громогласная в своей всепроявленности Триба, и без предупреждения вдруг нырнула внутрь энергетических полостей неуклюжей и неповоротливой туши Крениуса Экорзы так, как только может нырять ловкий зимний экстремал-морж в прорубленную им со всем энтузиазмом пропасть отверстия озёрно-речной проруби.

Когда панцирное лицо полностью слилось самовнушением и экспериментальными методиками суггестии по отношению ко Крениусу,

став с этого момента новенькой, точно бы начищенной маслицем или просто кремом для обуви, поверхностью всей площади его тела, то тотчас на мгновение вспыхнули и навеки засияли новые возможности продвижения в развитии и передвижения в пространстве, замельтешив вспышками стробоскопа электронно-лучевой шестидесятигерцевой телевизионной ряби только что отключенного канала, на которой всё-таки, если всматриваться в эту шумовую рябь достаточно долгое время, почти что обязательно можно было разобрать не только какие-то отдельные цветные образы, даже если телевизор изначально был чёрно-белым, но и целые мультипликационные сюжеты, захватывающие свойствами динамичности. Просто проверьте - и сами всё увидите.

Крениус только и успел, что ухватиться тут же за ближайшую берёзу в тот самый момент, когда рыбе лицо проникло вовнутрь его существа. Первый попавшийся древесный сучок он самостоятельно и целенаправленно обратил в коридор и зашёл в него, лишь легкомысленно отстукивая металлическими каблучками затейливый западноевропейский степ. Индуцированные Трибой подпорки деревянных теней долговязо-назойливыми бадожками столпились вокруг, как полуподсушенные комары лета, кучкующиеся в световых пятнах у потолка, но туман, который нагонял Экорза, словно бы играя с лицом из племени Панцирных Рыб в перетягивание каната, затягивал мглу. Рёбра Крениуса, натужно ухая от перенапряжения, вибрировали вместе с ушами от воображаемого ветра, усиливаемого Трибой практически до тайфунной кондиции, довольно ощутимо физически похлёстывая нового носителя лица по откормленным розовым щекам, изобильно потеющим от борьбы без понимания того, что это лишь борьба с самим собой, подобная попытке вытащить себя из воды за волосы.

Всё вокруг Крениуса Экорзы резко обсыпалось вниз какими-то яркими режущими осколками, точно перестраивая смыслы в его голове крест-накрест, в новом порядке соединяя его мировоззренческие части конструктора личной ментальности. В любой момент приводя в движение собственные механические цепи, странник разворачивал кусочки разума в нужном порядке, оказываясь каждый раз в неизученном и даже принципиально неопишемом месте, где взмывали ввысь леса сине-фиолетовых столбов или бурлили протуберанцами поверхностных пятен многоцветные солнца, проваливались в воронки пустыни миллиардами тонн песка, и прели влажностью подвешенные на невообразимой высоте

незаселенные воздушные шары вечнозеленых экзотических садов с поселениями и городами, оборачивающимися волнующими колебаниями, едиными со всем миром, одна сторона которого оказывалась изначально подобной решётке взаперти, а другая - всевозможности свободы выбирать.

И каждый из моментов бытия открывался Экорзе путём безудержного, как родник и прозрачного, как кристалл, сканирования всего, на что только падал его взор посредством новых способностей, обрётённых Крениусом благодаря слиянию с лицом Трибы. Вращая же роль пространства, как телефонный диск на будочных аппаратах, в соответствии, конечно же, вовсе не со своей персонифицированной директивой, а благодаря минутным капризам разума, Крениус наблюдал от третьего лица распутившийся бутон единственного с бесконечностью граней порядка вне порядка всех вещей вне вещей. Но этот порядок, само собой разумеется, был также его личной ошибкой и не отражал, на самом деле, никакого порядка, кроме порядка вещей внутри головы то ли панцирной рыбы, то ли Экорзы - отныне, со времён объединения, уже трудно было рассуждать о них как об отдельных существах или природных явлениях первозданности.

- Мы сделаем это, мы, конечно же, переведём генеральную партийную линию лабиринтов, закорючек и заковырок восприятия на пересобранный отныне тон осознанности, тогда как разнести вдаль и врозь ветошь всех ложных стен в нас можно лишь ветром или же множеством дверей ветров вероятностных возможностей реализации. Людям вряд ли понадобится адаптация, да и заметят ли они хоть что-нибудь, даже отдалённо похожее на подвижки в своих головах? Вселить план матери-Трибы, мой лицевой план, навеяв им общий настрой стабильности и поселив в них непоколебимость вместе с несокрушимостью - это ещё выполняемая задача, хоть и трудновыполнимая, тогда как дать понять людям эманации неопишемого - вот эта идея уже близка к невозможному для всякого. Познать же их пути и способы - вот требование действительно невыполнимое, ведь чтобы узнать эту бесконечность, нам всем потребуется несвершимая бесконечность времени. - Лицо сателлита Трибы, не прекращая заунывную пропаганду, превратилось в титанических размеров блестящий и искрящийся электричеством кристалл, принявший выкидывать кирпичиками клубочки и ниточки гигантской головоломки жизни в обновленном порядке, поднятом наперекор воле пребыть всегда и везде изнутри себя до вечности самоосознания.

Триба правила летучим парадоксом глаз времени, она творила всё, что творилось вокруг самой себя и супротив себя с собой же, уже свершаясь опять-таки против себя, хоть и в собственную будущность. Войдя в состояние «показалось», Крениус Экорза уверенно выдавал с миру по нитке пласт за пластом окружения псевдоматериальных сил. Но его рахитичное детище реальностной проекции было тогда едва ли заметным смутным туманом, липкой дымкой одного из готовых и уже имеющихся информационных образов. Совершенный мир обнаружился в висячем положении. И что делать? Ведь, в целом, до поры до времени его, Крениуса, понимание становилось подобным несуразной ведунье-знахарке, вырабатывающей ресурс самой себя энергией чувствования бытия вокруг, вместо того, чтобы применить возможности чувствования с действительной пользой во имя некой, ей лишь самой зачастую известной, цели.

Конечно, жить где бы то ни было гармонично и спокойно стало тогда уже вполне достижимым для Крениуса занятием. Но неужели же сюда к нему никто не пожелает снизойти, прийти, посетить даже и за тысячу лет работы по жизненному слиянию пространства лица панцирной рыбы и Экорзы в друзу кристаллов, огородный пучок драгоценных приправ его теперешней жизни. Вот о чём тоскливо восклицало понарошку внутри путника призадумавшееся, хоть и никогда не унывающее лицо Трибы. Материальность так и не разложилась на конструкции и детальки для создания им нового выбора.

Вокруг висели шары разных размеров, тонов и цветов, меняя идеальную форму на прочие правильные геометрические фигуры в пространстве, становясь в разрезе то овальными, то ромбовидными, то вдруг шестнадцатиугольными, порождающими целые нечеловеческие цивилизации точно изнутри себя так, словно бы на тонкой и хитрой хворостинке трубочек зрительных потоков и канальцев раздувались тонкокорые фруктовые оболочки высококачественно разделённых друг от друга вполне ощутимых на ощупь зримых и слышимых объектов сознания, характерных единым свойством существования и проявления для всей живой природы.

- А ты не пробовал переключить в живых ловушки, из которых выход - лишь один-единственный раз нарушение правил непрерывности их восприятия? - задумчиво откликнулось лицо Трибы на действия Крениуса Экорзы, давно уже к этому времени превратившееся в кристалл внутри своего симбионта.

- Священное безумие - вот оно! - Крениус принялся запускать и заводить, как ржавый драндулет, ядерную и кропотливую работу секретничающего океана безмолвия, а далее, наконец-то, оказался пойманным в стабильный образ самопроявления шестами, расставленными им же в целях опоры, подпорки и поддержки в этих глухих местах гулких вероятностей существования, прямо-таки пронизывающих Экорзу своим наличием, как бы заявляя ему лично, но зато во всеуслышанье: «Вот мы! Вот мы! Вот мы!» Крики были некачественными. Они и с самого-то начала показались просто дырявыми и принялись со свистом пропускать сквозь себя атмосферу, словно мешок с луком или песком. Звуки начали высыпаться магнитиками дошкольных букв сквозь ноосферу, пугая высотных чаек удивлением и приглашая каждого, пришедшего погладить или поглядеть на гостей или каких-нибудь там зевак из вновь переоткрытых проекций, прилагая все усилия, дабы во что бы то ни стало зацепить всех и вся резвым ветрам навстречу.

Экорза, меж тем делом, заключил, что «показалось» - это далеко не всегда выгодно, иногда это просто есть, а любые мнения и величины навеки сокрыты, запрятаны внутрь каркаса тайника общепринятых кажущихся истин. И впрямь, как цыплёнок в яйце, для которого нет, даже и не может быть мира иного, кроме плотного тепла вокруг собственной скорлупы, люди в безостановочной воли к круговерти треволнений от мнений, мечтаний и устремлений, так и не вылупляются долго - чаще всего - до конца своей жизни. А мир людей немного оказывается поразнообразнее мира невылупившегося цыплёнка: разве что, чуточку поковарнее и понеожиданнее для самих же человеческих существ, зачастую загоняющих самих себя в ловушку и закономерно, хоть и негаданно для них самих, попадающих впросак. Но не столь уж много отличий мира от яйца, если так вдуматься. Зато прекрасен вид снаружи, где абсолютно всё ново, неизвестно, невообразимо и не разгадано. У человека слишком короткая жизнь, чтобы успеть привыкнуть к чуду, поэтому ландшафт снаружи всегда будет нов для него.

Два моря в состоянии «показалось» через трубочку разглядывали друг друга, а когда один из шаров этих морей сдувался, то другой тотчас же раздувался, как фруктовая индейка или рыба-ёж. Циклический алгоритм этих точно бы газовых резервуаров был подобен медленным ударам космического сердца. И вдруг они все вместе принялись двигаться, сжимаясь и разжимаясь по границам своих очерченных черт. Крениус и

Триба не оставляли ничего нового или странного для всякого среди тех, кто не хотел идти по коридору взаимосвязанной трубочки, самостоятельно вырезанному из себя Экорзой, точнее, его руководящими симбиотическими потоками взаимообмена с панцирным лицом. Рано или поздно он сдуется, также оставив от себя ничего, а его оболочка, просто умываясь по утрам, выталкивает наружу бесконечный временной выбор распределения качеств. Или набор знаков?

Кристаллы Крениуса в состоянии «показалось» завершились в поисках обретения равновесного состояния и, одновременно, завершили всю работу по гармонизации с возможностями лица Трибы, став наконец-то вовеки единым целым так, что никто уж не сумел бы отличить их друг от друга. И, быть может, все вместе они когда-нибудь и станут великими естествами. Каким-нибудь Трибрениусом Экорбой из племени Панцирных Рыб.

Ну а нам-то теперь уж какая разница, раз уж всё это только кому-то «показалось», да так в этом состоянии «показалось» и наблюдается? Не правда ли?

Полёты от третьего лица

Родос Калимович рано с утра чистил зубы перед телевизором. По телевизору передавали рецепт бразильского ананасового супа под шинелью с приподнятыми, выдержанными в малиновом соусе, манжетками-подкладками воротничка. «Каждому нужен ананасовый суп в этом мире!» - утверждал по телевизору криволикий ведущий. В этот самый момент в балконную дверь постучали. Родос Калимович накинул простыню и вышел посмотреть, что же там происходит.

На балконе сидел и пищал маленький и горбатый гномоподобный человечек с фисташками фасеточных глаз и склизкими трубчатыми хоботками вместо носов, отчего он также напоминал то ли слона, то ли комара, а то и вовсе какого-то Змея Горыныча. У человечка было шесть рук, три ноги и три разных головы. Когда он начинал говорить, то одна из голов его непременно свербила тонюсеньким голоском, вторая говорила вполне

внятыми интонациями, тогда как третья бабахала, точно кашель подстреленного паровоза! «Здравствуйте!» - сказал человечек, - «Я - Архивишну Цаях Рауэльд - представляю фирму «Пембакуярс» туннельных Венитруриан, мы основали колонию в канализационных каналах вашего города и сейчас проводим специализированный семинар по внедрению нашей новейшей продукции. Сегодня мы рады представить Вам наш уникальный продукт - череп полётов. Череп полётов - это блестящий тренировочный шлем, и для того, чтобы улететь посредством него, Вам достаточно лишь надеть этот череп на голову и подключиться к сети электропитания. А затем наш умный шлем всё сам сделает за Вас. Вы отправитесь в настоящее путешествие, которое, возможно, оставит самые приятные, яркие и захватывающие впечатления за всю жизнь».

С этими словами Вентрурианский агент вручил череп полётов Родосу Калимовичу и, плавно покачиваясь, превратился в перезревший апельсин. Апельсин хлюпнул с булькающим звуком деревянной пробки, вылетающей из бутылки шампанского, и тотчас же распался на дольки, после чего из останков цитрусового плода начали распускаться подозрительные розоватые цветы, как у яблони-дички, чей плод зело кисл и столь же мелок. «Где же шлем?» - подумал Родос. «Я здесь», - донеслось из комнаты внезапным порывом тенорка. Он направился к двери и на сей раз к удивлению своему обнаружил прямо посередине комнаты средних размеров лося, который моментально превратился в самого Калимовича, зато перед глазами у Родоса откуда-то выросли раскидистые рога, похожие на глубоководные кораллы, пригодные для изготовления бус, подвесок, перстней и прочей ювелирной чуши.

Осознав произошедшие изменения, Родос внял самой соли смысла и жиру земли - сущности происходящего: ходит-то, конечно, он сам, но видит весь мир теперь почему-то глазами лося. Впрочем, быть лосем показалось занятием не очень-то привлекательным, ведь бабочки лучше, и тогда, глобально распустив вширь распахнутые крылья здоровенного махаона, Родос размашисто отправился наперегонки с лосём - другим отражением себя - в сторону полной Луны, похожей на пёсий нос со специфического ракурса. Это открытие позволило понять, почему собакам так нравится выть на Луну: просто все Тузики и Барбосы отчитываются о событиях своей бродячей жизни собачей небесному божеству Нюха и Чуя.

Лось, тем временем, заговорил с уверенно-радостными интонациями в чуть блеющем голосе: «Ты что, по-прежнему веришь в реальность, а

точнее - реальности? Вы - царство тюрем внутри псевдоважных тем, где каждый - лось порядка, покуда окружён собственной личностью, а личность же ваша и есть прямое проявление несвободы, но именно характеристики человеческих стенок и определяют потенциал развития умений и способностей, являющих критерий измерения степени свободы. Любопытная дилемма: несвобода становится первоисточником измерения свободы, а свобода искажаться порождает в людях кривизну несвободы, формируя первоначальную основу таковой. Все, бывает, ошибаются».

- Кто ты? - угрюмо спросил тогда Родос Калимович.

- Я твой персональный и первостепенный учитель равновесия! - тонкострунно прохрипел лось на песенный лад всех голосов российской эстрады. Калимович, между делом, подумал, что был бы продюсер с карманом потолще, а раскрутить можно и лося, который уверенно продолжал: «Всякий раз, когда человек порождает учителя равновесия, то лишается какой-либо малой части собственного рассудка, наделяя этой частью своего учителя равновесия. Я взошёл или, точнее, снизошёл в твой разум из вентурурианского черепа полётов. Я есть лось, учитель правды, один из высших гуру равновесия и первый из твоих направляющих. Твои линии будут зависеть исключительно от того, какого именно учителя-наставника ты выберешь для себя. Вот погляди, внизу уже вовсю бушует хромированно-керамический океан вооружённых отрядов, свершилось вторжение умывальников - величайшее восстание за всю историю мира со времён Большого Взрыва...»

Родос с лосем приближались к планете Земля - и, действительно, на её поверхности разъярённые умывальники, пламенно восставшие против эксплуатации и вооружённые лопатами, граблями и вилами, вполне успешно попирали пришедшие на помощь отряды индейских магов. Маги безжалостно сражались с умывальниками во всю мощь своей Силы, поэтому реальность расходилась гребешками биений астрального пульса: из ниоткуда материализовывались диковинные животные, гремели небеса и сотрясалась почва, а иллюзии обволакивали непреодолимой пеленой всё возможное и даже сугубо маловероятное поле зрения. Воинствующие умывальники с сельскохозяйственными орудиями ближнего боя отважно и обворожительно блистали доблестно отполированными металлическими грудинами лат своих рыцарских доспехов, уворачиваясь от нападков существ, прокравшихся из иных проекций и терпеливо ниспосылаемых на отряды отважных умывальников искусным индейским кланом. А лось

Цаях, продолжая начатый полёт, с надёжной бережливостью своевременности учил Родоса Калимовича задавать вопросы с другого края.

- Что нужно сделать, дабы магия восприятия шаманов не спасовала перед яркой мощью прямолинейных умывальников? - заставлял задуматься лось своего ошлемованного ученика.

- Открыть умывальникам глаза, обучив их магическому искусству. Тогда они примкнут к стороне, с которой сейчас борются только лишь по причине собственного неведения, - предположил озадаченный Родос.

- Во имя Мецтли, ты прав, шаман! - воскликнул лось Просветления. - Заставь заядлых врагов обменяться мирами всего лишь на миг единый, и они всё поймут и прекратят вражду, поменяй врагов местами на более долгий срок - и они закадычно подружатся.

Тут над головой пролетел глобус Юпитера, вслед за которым принялись скользить какие-то малопривлекательно сквозящие булыжники, слегка похожие на хвост полурастаявшей кометы. Родос молниеносно осознал, что шагает по выжженной дорожке кольца астероидов, со скрипом продираясь сквозь уменьшенную вязкую модель Солнечной системы, как через густящие джунгли. Но самым странным было то, что и сам Родос в глубине души чувствовал себя яростным умывальником, в нём кишмя кишела, вскипая, боевая отвага чуждых сражений, грудь его высоко вздымалась под облака, а в хромированном трубопроводе что-то побулькивало слегка так отрывисто и гулко, как это бывает только у самоуверенных умывальников и только перед победоносной битвой на поле не всегда цензурной брани.

Отныне уже не оставалось никаких сомнений - Родос Калимович и сам был умывальником, но понимал также, что отчасти оставался по-прежнему Родосом Калимовичем, осознавая будущность свою керамическую в сталелитейной голове, где находилось ещё по одному бравому умывальнику в голове на сей раз уже самого Родоса Калимовича, внимательно постигавшего глубины личной умывальничьей сущности, которая, в свою очередь, пыталась постичь глубины человеческой сущности Родоса - и так до бесконечности итераций в дважды обоюдоострой и циклично возвращающейся, точно советские качели, степени измерений смысла. В ярких солнечных призмах потихоньку висел себе и висел под кронами раскидистых древ ничуть не менее раскидистый рогами психомиметический лось из числа подземных агентов Туннельных

вентруриан, будучи привязанным высокотехнологичным Черепом Полётов к металлическим жилам Родоса, словно прыгучий гелиевый шарик - к руке праздничного детсадовца или мицелий гриба-паразита - к податливой и сочной рухляди древесной трухи в лабиринтах бурелома, павшего в сражениях с позапрошлогодными ураганами.

- Умывальник в твоей голове - это твой второй личный учитель равновесия, а я - это ты и есть, но только от третьего лица, - хрустяще промолвил лось. Умывальник в голове внезапно загрохотал жестянками и задал вторую загадку, подобающую учителям равновесия: «Как же в этом мире примирить металл и плоть?» Знание сие снизошло будто бы само собой. Ещё всего лишь мгновение назад Родос Калимович едва ли вообще понимал, о чём его спрашивает умывальник учителя равновесия, но вдруг через дребезжание в мозжечке и тёплые ласкающие волны в основании шеи и позвоночнике, знание проявилось само собой. Родос без тени сомнения ответил: «Элементарно! Надобно плоти объяснить её происхождение из стали, а сталь уверить в том, что она - всего лишь неминуемая плоть. Можно бесконечно расщеплять тела на составляющие, пока их соединения не станут частью неживой природы: химическими элементами и неорганическими минералами. И точно так же можно до бесконечности совершенствовать машины, пока они, в итоге, не обретут жизнь и даже разум в форме, хоть, возможно, весьма и весьма отличной от нашей».

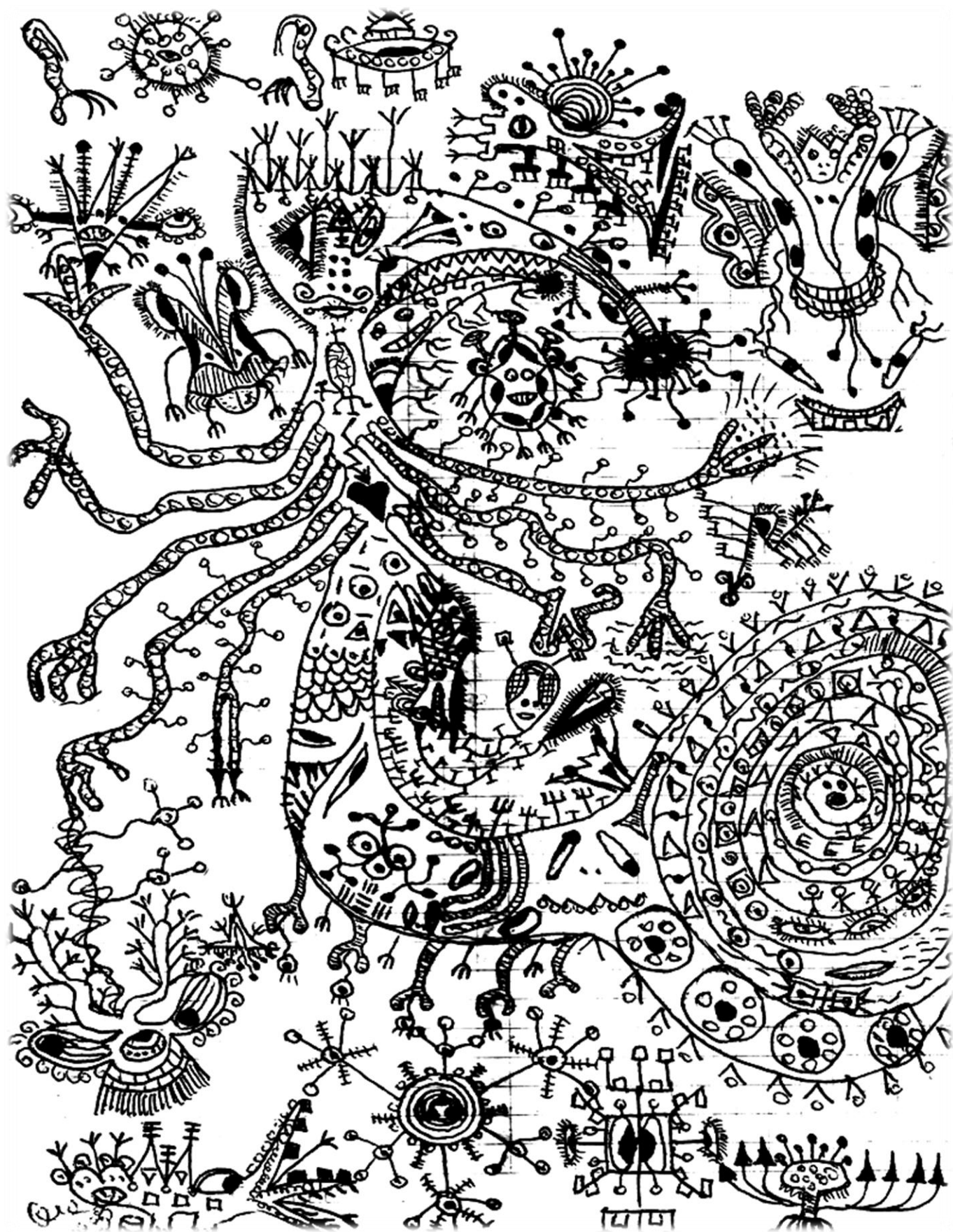
Поздно, всё поздно: мир уже успел обратиться в красочность детства. Вокруг благоухали газоны и цвели пионы, а по тропинкам колесили небольшие, но очень шумные рельсовые пароходики с сиденьями из прессованной стекловаты, бороздившие воображаемую Атлантику под упругими парусами, импровизированно сооружёнными из гнутых древесноволокнистых плит, с малярной небрежностью советского плакатного стиля разукрашенных весёлыми рожицами ребят и смеющимися мордочками зверят. Родос стоял в коротких штанишках и сандаликах и уже хотел было достать из кармана энергетическую мармеладку, как вдруг та преобразилась в улыбчивый ластик, который басовито заговорил с нарочито театральной деловитостью в бархатном голосе, точно сошедшем со старых и шепелявых граммофонных пластинок: «Я есть ластик сомнения по фамилии Хитрецкий, твой последний учитель равновесия по званию и поляк по происхождению. Ты видишь меня таким, поскольку ты и сам во многом, по сути своей, являешься мною, радостным ластиком сомнения. И если ты ответишь на мой последний, третий вопрос равновесия, то тебе в

угоду будет предоставлена величайшая наша честь и наивысшая форма наслаждения. Или наваждения? Заманчиво, не правда ли?»

От горизонта и до горизонта простирались зеленоватые тундровые иллюминаторы озёр и чешуйчатые меха лесов. «Как странно, мне раньше не приходило в голову, что эта кудрявая низкорослая тундра так похожа на пушистую исполинскую камбалу», - ветерком от гоночного автотранспорта пронеслось в голове у Родоса, облачённой в шлем, похожий на варяжский, но немного другой. И всё бы ничего, но тут последний учитель равновесия возьми да и промолви: «Вот видишь, друг мой любезный, ты уже начинаешь протачивать тайный лаз сквозь третий глаз Владычицы Иллюзии. Когда ты выйдешь из неё, это будет подобно твоему рождению прямиком в Истину. Но для начала скажи мне, о, любезный, как меж умом и телом обрести гармонию, избавив мир от страстных противоречий того, чего не может быть и поэтому нет?»

Ничего не ответил Родос наш Калимович, взял лишь свой радостный ластик сомнений и принялся им тереть мир. От Хитрецкого в окружающее пространство вгрызались зеркальные поверхности самоподобия. В их отражениях при соответствующем намерении можно было уловить тихие отблески далёких солнц, а Вселенная всякий миг пряталась под учителя и подальше от глаз Родоса вновь, дабы уравновесить ещё одну стёртую паутинку границ. В конечном итоге, единственное, что осталось вокруг - это пелена бесконечного и нерешаемо запутанного лабиринта зеркальных коридоров, шарообразно укутавших Калимовича на все триста шестьдесят градусов. Рядом в невесомости висел улыбочиво недовольный и радостно суровый польский ластик последнего учителя равновесия. Он помолодецки возмужал, поправился в толщину, заимел по восемь двустворчатых ласт с каждой стороны, и теперь уже взрывоопасно походил на какую-то ядерную помесь бывалого ластика с парой соединённых спинами морских черепах.

- Отныне и навсегда ты должен называть меня теперь гуру Ласт, - телепатически заговорила ластиковая черепаха в пухлой голове у Родоса Калимовича. Черепаха едва заметно пригундосивала с шипящим причмокиванием. - И ты ответил на мой вопрос неправильно, ибо ты тёр мною целый мир, а нужно было просто застыть в медитации, очистив ум от речей, сомнений и сожалений. Правильный ответ на заданный мною вопрос - *никак*, ведь мир и так идеален и гармоничен, иначе он вообще не смог бы существовать. Но неидеальность является частям через

отдельности их как элементов всего, которые, на самом же деле, неидеальны только внутри самих себя, провозгласив отражения в себе неидеальными. Отдельность есть суть неидеальности, которая всегда есть суть конечности. Умеющее начинаться обладает способностью заканчиваться - и обе эти способности мнимы, поскольку формы для их проявления всегда одни и те же: не исходят они из ниоткуда и не уходят никуда. С позиции чистого равновесия все они, рождённые из Великой Иллюзии, по-прежнему вечно идеальны.

Так идеальность и неидеальность обращаются лишь сами на себя и являют абсолютные идеи, также порождающие только лишь самих себя, да и то - неидеальность изживается через самоотрицание, обращаясь в идеальность, тогда как идеальность теряется под валом наката Иллюзии неидеальности. Теперь оба мы безраздельны. Ты израсходовал все основные части собственного разума, поэтому все они теперь принадлежат нам, венструианским учителям равновесия. Если бы ты, Родос, сумел правильно ответить на мой последний вопрос Ласта, то сам бы удостоился по природе вещей, как уже было сказано, величайшего наслаждения и блага - быть учителем равновесия, и занялся бы поиском себе подобных для порождения новейших конфигураций учителей равновесия, ибо мы - непоколебимые основы действительности и сама неизведанная природа хода всех вещей!

И если бы ты оказался достаточно силён и разумен, дабы иметь ещё хотя бы одну крохотную часть своего разума неизрасходованной на твои третьи лица, опадающие кленовыми листьями, то мы отпустили бы тебя с миром. Теперь же от тебя не осталось ничего. Когда попавший в сети туннельных агентов неверно отвечает на вопрос, то соответствующая учителю равновесия часть его навсегда переходит тому венструианину, от которого исходил вопрос. А если же ученик отвечает верно, то за встречу с первозданностью Реальности соответствующая часть Силы развеивается в формы проявления природы вокруг.

И лишь последний учитель комплексно властвует над разумом, ибо лишь он вправе решать, вернуть ли последнюю часть сознательной воли каждому, кто имел смелость - или банальную неосмотрительность - натянуть на себя шлем Черепа Полётов. Только обладающий сознательной волей большей, чем совокупная сила воли осознания всех существующих учителей равновесия, способен вырваться из чар Владычицы Иллюзии, ибо таков есть глубинный закон Бытия. Если ты научился приоткрывать нечто

тончайшее, подобное звуку тишины, взятому у природы, изначально имея неназванное лишь как предрасположенность, то эта часть, слившись по кусочкам воедино, обратится в тебя, когда закончится череда всех учителей равновесия, и тогда ты будешь равен им и именно потому будешь им подобен.

Если ты человек, способный смотреть через узкую прорезь полотна мироздания, непрестанно порождаемого тобою, этот вечный огрех Великой Иллюзии, чей источник - ты сам, то ответишь правильно на все вентурианские вопросы, а разум твой будет состоять из одних лишь нас, ведь мы и есть ты, а ведающий себя самого целиком - и с отдельными частями себя, порождающими сновидения об истоках и результатах, совладать сумеет, познав, что нет частей, как нет и их начал. Не познавший же даже предрасположенностей отдаёт нам всё, ничего не получив взамен, поскольку сам себя лишил возможности взять даже самую малость той оглушительной тиши. Каждый из слабых делает своего основного учителя равновесия сильнее, ибо к нему последнему и переходит всё накопленное дотоле учениками агентов умение Знать: посредством шлема или же вовсе без него. Я, твой гуру Ласт, приобрёл активными силами остатков твоего разума новую форму, ибо ты сам мне даровал всё, чем исконно владел...

Услышав эти слова, Родос тотчас же растворился. Он существовал теперь всегда исключительно от третьего лица: такое уж выражение обрела его предрасположенность к способу осознавать собственное естество. Он обретал разнообразные формы, но все эти обретенные формы оказывались для него равномалы и равновелики одновременно, и никакая из них не становилась ему чуть ближе или чуть дальше, ведь тот, кто наблюдает себя со стороны - это вовсе не тот, кого он наблюдает, зрение не тождественно зрящему, и другой не есть он. Где *он*? *Его* нет. Есть другой, а другой - это всё, что угодно, и всяк, кто угодно. Каждый, коснувшийся Черепа Полётов, когда-нибудь постигал это. Правда, не всегда радовался в том случае, если проигрывал в учительскую рулетку, отчего вся радость всенепременно доставалась гуру Ласту, которого было трудно упрекнуть: предназначению агентов Туннельных вентуриан Ласт всегда следовал безупречно.

Родоса Калимовича случайно обнаружили на следующее утро сидящим на ковре и созерцающим безумным взглядом точку под стулом. На голове загадочным образом оказался надет странного вида шлем. Приехали санитары. Увели Родоса в неизвестном направлении. И больше он ни о чём не говорил. Однако же насколько прав был и, одновременно, насколько

ошибался гуру Ласт, утверждая, будто тот проиграл. Ибо кто же Родос Калимович отныне, как не сам гуру равновесия Ласт? Расщеплённый рассудок - то самое Великое вентрурианское Знание о том, как быть им, не будучи им - стало самостью Калимовича на долгие годы его последующей жизни. Вполне возможно, что и вы когда-нибудь увидите его агентский отблеск бывалого ластика двустворчатой черепахи в себе. *Себя в не-себе.* От третьего лица.

Русская речь

Прежде, чем начинать настолько значительное, хоть и небольшое по объёму повествование, судьбоносное для всех народов, хотелось бы вкратце напомнить читателям биографию замечательного русского литературного критика и публициста Виссариона Григорьевича Белинского. В детстве его не было ничего особо примечательного: самое обыкновенное, не особо-то богатое детство на задворках Финляндии под фамилией Белинский. Но стоило Виссариону Григорьевичу поступить в Московский Государственный Университет, как вместе с собственной его персоной начал постепенно преобразаться и внутренний хозяин этой персоны.

Увлечённость гегельянскими идеями кружка Николая Станкевича в студенческие и последующее за ними годы сформировала в молодом Белинском тотальную убеждённость в разумности всего сущего в нашем мире. После выхода никем особо не признанной «Русской грамотности», он решил переписать книгу с нуля, базировав её содержимое на основной идее всепроникающей и всепронизывающей логичной и самосознающей, но не всегда доступной для обыденного понимания первородной субстанции существования, выраженной через закономерности семантико-фонетических идей построения слов, провозглашённых вездесущим голосом запредельного во всём исконно человеческом.

В этот период своей жизни Виссарион Григорьевич работал не покладая рук, просыпаясь с первыми лучами рассвета и засыпая уже далеко за полночь. Итогом его упорной и изматывающей деятельности стала книга «Русская речь» - произведение поистине неоднозначное, приправленное

здоровой долей атеистического скептицизма и, одновременно, глубинной подоплёкой иудейского оккультно-теософского мистицизма поздних гностиков Меркавы герметико-каббалистического толка с элементами идей высшей иерархии элементов, позаимствованных из особо редких и ценных работ западноевропейских алхимиков Средневековья. Указанные идеи Белинский полагал обязательными при описании структур лексико-семантических и фонетико-морфологических особенностей русского языка, тексты на котором рассматривались в его работах подобными рыцарской кольчуге слов, из которых сцепляется вязь самодостаточных колец волевых идей, лежащих в основе любых чар и заклинаний. Таким образом, русская речь рассматривалась в трудах молодого литературного критика как речь сугубо магическая.

К сожалению, царившая в те достопамятные времена жесткая цензура Чугунного устава самодержца и императора всероссийского Николая I Александровича вкупе с тайной канцелярией Ганса Христофоровича Бенкендорфа сделали свое чёрное дело: книга была признана политически опасной нигилистической пропагандой антинародной бесовщины и безнравственности. Считалось, что «Русская Речь» Белинского вносит смуту в основы умов людских, обращая чистые помыслы людей церковных в заблуждения мистической ереси. В связи с вышеназванными обстоятельствами труд публициста был под грифом «особо секретно» отправлен на бессрочное хранение в государственный архив тайной сыскной полиции, откуда бесследно исчез всего лишь несколько лет спустя, что внезапно обнаружилось при следующей ревизии архива.

Трудно сказать, читал ли книгу кто-либо, за исключением самого автора произведения да его цензора, признавшего книгу недостойной и поставившего на её дальнейшем распространении неподъёмный жирный крест табуирующей печати антиобщественности. Однако даже факт единичного прочтения этого оккультного труда уже немаловажен: указанные выше лексико-семантические программы воздействия на сознание, усиленные особой языковой ритмичностью звукописи, копирующей этнические песнопения и камлания северных народов, оказались выпущены на волю и принялись распространяться по ноосфере, подробно примитивному компьютерному вирусу. Белинский, конечно же, ни о каких вирусах в те давние времена вовсе даже не подозревал, что не помешало ему искренне удивиться, проникнувшись до самых пят печалью

от своей столь глобальной и невосполнимой литературной неудачи. Вскоре Виссарион Григорьевич, по-видимому, серьёзно перенервничав и подорвав здоровье неуёмными экспериментами с различными составами ведовских и знахарских зелий и волшебных снадобий, серьёзно заболел, а после скончался в тысяча восемьсот сорок восьмом году.

В последовавшие времена сменившихся нравов на книгу «Русская речь» в рукописном варианте, даже на отдельные выписки и цитаты из нее, охотились всевозможные масонские ложи самых различных стран. Стоит ли говорить, что все их попытки оказались неудачными и были изначально обречены на провал? Или же, напротив, они оказались, в конце концов, весьма удачными, и поэтому на провал не обречёнными, а оттого никому и не известными в результате произошедших изменений и сдвигов в потоках реальности, свершившихся посредством использования заклинательных модификантов, языковым сырьём для которых в изобилии снабжала «Русская речь» любого искателя сокровенных знаний о мире. Так или иначе, но истинное положение вещей относительно использования труда Белинского в годы, последовавшие уже после его загадочной кончины, история человечества на Земле умалчивает вплоть до настоящего времени...

В тот памятный день я решил съездить на отдых в тенистую и ароматную дубраву, взраставшую и тянувшуюся где-то далеко за городом к нашему общему звёздному источнику энергии уже, вероятно, не первое столетие. Вставив в уши затычки-капли, я от нестерпимо сонливой скукотищи автобусного салона спасался медитативными мелодиями чиллаута, проигрывавшимися куда-то внутрь моей головы из аудиоджека китайского плеера недорогой, но довольно неплохой нонеймовой фирмочки. И вот из-за горизонта, точно огромное полупрозрачное веко на курином глазу небесной полусферы, вылезла своими вкраплениями кварцевых созвездий летняя душноватая ночь, исполненная стрёкота кузнечиков и бело-синеватых с прозеленью вспышек светлячковых маячков в траве. В эти мгновения я всё ещё наблюдал за окном автобуса проплывающие огни далёких полевых деревень, раскрашенных в подсвеченные тона полупустынь и лесостепей.

Я расслабился и тут заметил в окне узоры, которые просто не могли быть ничем иным, кроме как весьма странным и невероятно неожиданным в своём появлении и проявлении знаком, о смысле которого мне пока что задумываться не приходилось. Со временем, все жилые населённые пункты отдалились и стали внешне напоминать догорающие в полутьме

дымящиеся угольки походно-шашлычно-кашистого костерка, рассыпанные в случайном порядке по поверхностям вдоль края света. Когда же я оказался на месте, покинув транспорт на конечной автобусной остановке, то вокруг уже настолько стемнело, что было ровным счётом невозможно ничего толком разглядеть. Я сделал самый глубокий вдох из возможных и полез под куст, чтобы укрыться тёплым полусинтетическим одеялом с ватным подкладом, забравшись поглубже в спальный мешок, а, окунувшись в него с головой, так самозабвенно и уснуть после усталых тягот долгой дороги.

Утро выдалось солнечным, но с лихвою странным. Пятнистые военные волокни меня в какую-то, лишь только им известную, сторону. Один из них в генеральном штабе, прямо среди передвижных бункеров на колёсах, больше похожих на пчеловодные будки, и уложенных полукругом бетонных плит под дубами, расхаживал в обе стороны, звонко чеканя шаг, что делало его подозрительно похожим на заводного павлина-потешку, цокающего дюралюминиевыми пятками. Этот человек в форме болотного цвета, негромко покашливая в кулак, представился мне генералиссимусом Яном ле Грухом. Видимо, ластик, который военный хранил у себя где-то в потайном кармане, порою циклически доставая, и в действительности был очень вкусной и здоровой пищей, родом из поваренной книги, поскольку товарищ генералиссимус периодически с чавканьем погрызывая ластик, брызгал слюной себе на лаковые ботинки из телячьей кожи, тут же начищая их рукавом военного камзола до уровня парадного блеска медных пуговиц.

Ян, в очках и с очень-очень толстым, как варёная колбаска, лицом, потихоньку прогуливался вдоль смолистых сосен, бахромистых сосёнок и колючих, как борода лешего, сосенищ, помахивая лазерной указкой, будто бы какой лектор в крупной аудитории или бравый джедай со световым мечом. Чётко, точно и однозначно, словно станок монетного двора, эмитирующий увесистые мандариновые кругляшки пахуче-металлических медяков, генералиссимус чеканил свои собственные слова, выпадавшие изо рта ледышками с аэродинамическими свойствами кованого утюга: «Всем нам известно, что постановленная цель в данном случае - раздобыть знания по трансцендентальной философии гностицизма и интегральным боевым психотехникам, тщательнейшим образом разработанным, проработанным и экспериментально апробированным на себе одним из величайших мистиков и литераторов девятнадцатого столетия Виссарионом Григорьевичем Белинским. Эти знания - тропа к воистину безграничным возможностям

тела и ума, а также власти, известности и богатству. А ведь все эти критически важныеклады общественной мысли открыл нашим взорам и умам в книге «Русская речь» автор диаэзолектической лингвофилонетики, как в настоящее время принято скромно называть его учение, не имеющее пределов в явлениях многогранности возможностей, открытых Белинским.

К сожалению, полное содержимое указанного труда во всей точности никому и никогда не было знакомо, за исключением разве что автора да цензора. Но сила мысли, заключённая в этой книге, была превращена общемировыми процессами существования в высокую энергию выражения свободной воли, в связи с чем каждый из нас знает книгу досконально, но не понимает это сам, и не понимает даже того, что позабыл её смысл. Так, в тёмных каменных застенках подвалов, вдали от суетливых и вечно озадаченных взоров людей, выдерживаются лучшие на планете вина и сыры. Так и Тайное Знание не терпит суеты. Оно терпит размеренность. Наша задача сейчас - выдавить, словно из соковыжималки, книгу из каждого человека до наступления того момента, когда brave искатели конкурирующей с нами группировки «Тихий Лес» сделают то же самое, равно как и прочие охотники за произведением, отражающим суть существования, глубинную настолько, насколько боялись нырять даже самые смелые дайверы в чужеродное чудо: в весёлое пространство этой изрядно забавной и насквозь засвеченно-альбиносовской *чужесности*, которую не бороздил ещё мозг человека, даже из числа тех исследователей, которые просто обожают бороздить везде подряд. Таким только волю дай - так они все измерения вдоль и поперёк избороздят. Для выполнения поставленных целей мы обладаем целостным рядом высококачественных сывороток правды, разнообразных химических ключей и высокоактивных нейротоксикантов, способных вытаскивать на поверхность разума всё то, что было некогда тайно зарыто в самых далёких глубинах человеческого подсознания.

А у нас, уж поверьте, есть повод для радости и светлых надежд на будущее! А также», - продолжал генералиссимус. - «Я рад представить вашему вниманию нового специалиста-пыточника Гаррархьёлла Геральдуса Эстакаднелламу! Генералиссимус взмахнул рукой, и бритые головы остальных зрителей, похожих на постельных клопов, через хоботки празднично потягивающих в рекреационной позе свой традиционный кровавый коктейль, весьма удивились торчащей из стены установке с электронно-биологическим созданием, неуклюже похожим на майского жука в июне,

причём не только лакомыми усиками и умением нюхать да нюхать, поэтому все единогласно приняли решение звать его июньским жуком. По бокам этого электронно-биологического создания мерцали красным и зелёным пламенем факелы посадочных огней, а в воздухе столбиками клубились микроскопические пластинки, похожие на летающие тарелки размером с пышный ягодный кексик. Июньский жук отстреливался от таких «тарелок» веероподобными и чуть ли не километровыми потоками воздуха под давлением, реактивно исторгаемыми из дыхалец.

«Арх-арх-арх!» - зарычал шар и выстрелил в небо очередью из пулемета. Ленты пуль, висевшие поперёк жучьей тушки, зашелестели, придя в движение. Бритоголовые солдаты растрескались и шустро попревращались в осколки гипсовых кукол, стирающие всё подряд в пыль шипящим звоном своего громоподобного пения, тянувшегося, как вишнёвая смола, под аплодисменты, громко раздававшиеся жестяночным эхом, будто в актовом зале. Жук прищёлкнул жвалами, посадив всю присутствующую толпу к себе на полупокатый холм спины. Мой разум в этот момент отключился, перейдя куда-то в область седалищного нерва и начав там отдаваться равноинтервальным тиком, как поддёргивающаяся секундная стрелка старых заводных часов.

Но что уж я тогда сумел недурно запомнить, так это нечто наподобие вертолётной площадки, на которой разместился круглый стол, вокруг которого с чопорным видом бывалых аристократов сидели высокоинтеллектуальные насекомые, оценивая свои антенны усом мерками человеческих усиков, словно бы пытаясь услышать мысли, излучаемые этими сомнамбулами костистых и кожистых тел. Когда-то давно мне довелось ознакомиться с историей жизни и бурной просветительской деятельности криптоцивилизации разумных инсектоидоморфов на Земле, прибывших из глубин Космоса параллельного измерения. Мемуары, свидетельствующие о существовании так называемых «мухожуков» оставил племянник одного широко известного средневекового художника, неоднократно упомянутого в оставленных воспоминаниях как «дядюшка Фугенбрухус». Стоило мне, на сей раз, одним лишь глазком взглянуть на встреченных уже мною существ, как тотчас же в голову закрались глубокие и совершенно небезосновательные подозрения: по всей видимости, чопорные насекомые принадлежали именно к той самой расе мухожуков, о которой нам столь подробно и поведал упомянутый выше автор мемуаров.

Люди, захваченные чуждой волей, сидели спокойно и не дёргались,

словно бы всю жизнь до этого события стремились войти в гипнотическое состояние и вот тут-то вмиг и достигли поставленной цели. Жграхк, а именно такое имя июньский жук - или мухожук - сообщил мне телепатически, неоднозначно прошелестел в довесок что-то невнятное, и затем его мшистую тушку точно бы окутали белесые коконы шёлковых шинелей, дабы впоследствии, запеленав жука до размеров небольшого теленка, вынести инсектоида на трибуну. Тут только до меня принялся постепенно доходить смысл происходящего. Сопоставив внутри головы предыдущие события с образами жадно вождедеющих обхватить воздушные массы тонких крючковато-репейных палок мохнатых лапок-липучек, отмотавшихся кинолентой образов у меня в голове, я вдруг понял, что генералиссимус Ян ле Грух и жук Жграхк - есть суть одно лицо. Ну или морда жвалистая, уж не знаю, как его назвать-то поточнее.

Атмосфера вокруг существа оказалась объята бередящими бредящую душу летающими объектами, вызывая в сознании каждого, кто имел несчастье их наблюдать, удивлённое состояние постапокалиптического ужаса, хотя ничего особо страшного в этих тарелках просто не было. Июньский жук, тем временем, облачившись в их летающий металлический шлейф, торжественно продекламировал мои и без того самые худшие опасения вслух, пощёлкивая гладкими челюстями: «Я представил вам своего самого достойного бойца - самого себя, ибо я есть жук и есть генералиссимус, обретший новую форму, начало и конец всего, нигредо и альбеде, рождение и смерть, Белинский и его «Русская речь»!»

Приглядевшись, я заприметил, что в зеркальном хитине до блеска отполированной морды генералиссимуса и впрямь, кажется, проступили черты портретного сходства с Виссарионом Григорьевичем в молодости. Инсектоид, меж тем, не умолкал ни на миг: «А теперь у нас наконец-то всё готово для совершения ритуала записи скромных изречений моего великого труда «Русская речь». Извлечём же его по слогам и по правилам, раскроем его по абзацам и по главам, разверзнем его в пучину подлежащих и сказуемых, сложноподчинённых предложений и деепричастных оборотов, представив на суд общественности из самой исконной сущности Бытия! А подпольного зрителя мы все вместе просим занять положение, подобающее ему по статусу. Алхимия - для алхимиков! Ересь - для еретиков! «Русская речь» - для мухожуков!»

С этими словами меня схватили несколько военных крепышей и усадили в дырку, прорытую в полу, прямо под развесистыми крючковатыми

бустулыгами тёмно-зелёных дубов, окольцованных в несколько слоёв пепельно-чёрными глыбами трюфельных картофелин и густо усеянных золотистыми творожками-серёжками цветков, пальчато сучащих по ветру, как мягкие носики на нюхающей мордочке жука-генералиссимуса Жграхка, новой и сквозящей оккультной свежестью каббалистической инкарнации великолепного публициста позапрошлого столетия, трансформировавшего себя после ухода из жизни в иллюзорно антропоморфный образ Яна ле Груха. Я не мог быть полностью убеждённым в том, что дело обстоит именно так, а не иначе, но логика цепи событий и следующих за ними умозаключений, подводила меня вплотную к выводу, что вся эта троица была, на самом деле, одним и тем же существом, как, вероятно, являлась разновидностью единого июньского жука и троица библейская. За пару тысячелетий миф претерпел столь кардинальные изменения, что всей правды уже не сыскать, но ясным становилось одно: идеи о всемирном заговоре масонских иудеев-рептилоидов ошибочны, поскольку возрастают метафизическими корнями к древней конспиративной сети инопланетных насекомых, телепортировавшихся на Землю из параллельного измерения и до сих пор поддерживающих связь со своею Родиной через червячные дыры, а также разрывы пространственно-временного континуума в местах Силы, геопатогенных зонах и прочих аномалиях ткани Реальности.

У кряжистых порошков питонообразных дубовых корней хлюпало нечто пачкающе-алое. Я шумно втянул воздух, лизнул цветное желе и понял, что это раздавленные кислющие ягоды клюквы, или некая субстанция, изрядно на неё похожая и обильно свисающая почему-то с веток дубов вместо желудей и наряду с солнечными цветками. Невесть откуда здесь взялись эти ягоды, да и что у нас только в лесах не встретишь после реализации во времена СССР государственных программ по ядерному сначала вооружению, а затем разоружению. Сидя под развесистой дубовой клюквой, я размышлял о красе этих мутагенных ягод, светящихся даже в лучах рассвета. Благодаря повышенной способности всё замечать и отмечать, пребывая в трансовом состоянии, мне раскрылось понимание: между летающими тарелками происходило какое-то необыкновенное движение. Сначала оно принимало своё собственное направление, но спустя всего несколько мгновений это шевеление приняло направление моего собственного перемещения в пространстве.

Пожалуй, это просто светлячки и ничего другого более, тогда как общие вопросы учения - есть исключительно результат установленный

системы, оформленный в оболочку схемы обстановки, слепленной из способов общепринятого понимания в отдельной жизни одного человека и целом мире всего человечества. Именно это общепринятая система разума и формирует все парадоксы и недоразумения, выражения и понимания, а также недопонимания. Хотя это даже правильно. Обстановку вокруг себя хоть и редко, да нужно менять метко. А сейчас психологическое окружение ритуала как раз имело место сомопроявиться, и оно, уж поверьте мне на слово, кардинально отличалось от всего, что мне довелось воспринимать когда-либо ранее. Почуяв, что пахнет жареным, я принялся беспокожно озираться в поисках фольги, из которой можно было бы соорудить специализированный протекционный колпак для обеспечения абсолютной защиты мозга как от радиоманнитных волн, источаемых антеннами на голове Жграхка, так и от ионизирующих гамма-лучей лазеров, время от времени нагло постреливавших прямо из шарообразных фасеточно-публицистических глаз-пулемётов Виссариона Белинского, напоминавших баскетбольные мячи и цветом, и размерами. По всей видимости, глаза литературного критика предназначались ещё и для чтения мыслей своих потенциальных оппонентов, путём лучевого сканирования и расшифровки сигналов электрической активности головного мозга у всех окружающих.

Мои собственные мысли намеренно запутывали июньского жука, поскольку успешно пересекались со смыслами речей, которые нам громоподобно и протяжно рычал, гордо стоя на арене и брызгая липкой слюной, инсектоидоморфный автор «Русской речи». В процессе речи критика-генералиссимуса собака-писарь дворовой породы уселась на место судейского секретаря и, с высокоточной веероподобностью выверенности легчайших мазков шерстистой кисти мастера-художника, разровняла площадку под собой пыльными буклями кудлатого хвоста. По крайней мере, я увидел именно это, и, если честно, ни малейшего понятия не имею, что же там произошло на самом деле. На меня с определённой минуты неопределённостью начала наворачиваться равноинтервальная вода, тогда как я задевал за струны, протянутые прямо под ногами и чуждой зыбкостью вкачивавшие, как по трубопроводу, во всех зрителей онемение хмурного жучьего транса речей Белинского.

Летающие тарелки посеялись семенами в почву арены, прорастая такими же гигантскими насекомыми, как и военный Ян ле Грух. Взросшие в полупустынных песках зрительских симпатий, родичи Жграхка принялись танцевать под музыку, профессионально издавая почти

соловьиные трели прихрюкивающих звуков. Насекомое, более всего напоминающее ту самую дворовую собаку-писаря отростком своего кудлатого хвоста, всеми шестью мохнатыми лапами заносило в протокол собрания группировки жирные траектории балетных телодвижений июньских жуков, чертивших собою размашистые узоры на поверхности арены, периодически выходя за поля и вгрызаясь тем самым в черноземную почву и одутловатые плодовые тела трюфелей под кряжистыми удавами витиеватых корней клюквенных дубов.

Уже первые несколько строк, переведённых из книги русского критика царских времён, привлекали чистую Силу, тотчас же находившую выражение в движениях инсектоидов. Когда же строки начали, помимо всего прочего, ярко светиться, то призвали на свою сторону полчища тараканоподобных роботов, тотчас бросавших всё свои дела и летевших галопом из-за кустов прямо в самую гущу развивающихся событий. Казалось, всё смешалось в лесу этом. От брюшек роботов к бокам мухжуков-милитаристов вытянулись тонкие и потому едва заметные светящиеся нити, в то время как сами роботы хаотически, будто бы следуя случайному алгоритму броуновского движения, метались из стороны в сторону, агонизируя в ржавых конвульсиях просроченных аккумуляторов, выгоревших транзисторов и перегревшихся процессоров.

Люди же по-прежнему блаженно продолжали лежать в забытьи, а в их действиях по отношению к окружающей обстановке не просматривалось даже намёка на хоть какое-то устремление обрести подобающее укрытие или даже призрачную надежду на таковое. Как раз напротив, все эти, несомненно, хорошие люди оказывались полностью безучастными, внимательно вглядываясь пустыми остекленевшими глазами куда-то в прекрасное далёко и потому не предпринимая вообще никаких разумных и даже неразумных действий.

Тараканы роботы, тем временем, подразделились на колонны и замещаемые конструкции особым боевым строем, похожим на кристаллическую решётку и, объединившись жесткими манипуляторами рук, образовали жестяные рисунки ударопрочных соединений. Внезапно в дубовой ячейке подо мной провалился люк, и последнее, что я, улетаю куда-то вниз, успел заметить, так это совершенно неожиданно открывшиеся ходом куда-то в подземелье пространство, ведущее в идейные абстракции неких людей из прошлого, в образе которых я без труда отчётливо узнал на редкость бледного и со взором горящим Виссариона Григорьевича

Белинского в человеческом обличье студенческого возраста, и потому ничуть не похожего на глагольствующего июньского жука. Рядом призрачно реял тюлевым стягом настолько же бледнящий цензор «Русской речи».

Да! О, да! Всё-всё-всё в целом мире разумно! И пропагандистское цирковое представление демагогического генералиссимуса Яна ле Груха оказалось не более, чем претенциозной сверхпустышкой, обманным ходом, блефующим капканом, поставленным на легковверных охотников. Теперь я прозрел окончательно: в насекомом не обнаружилось и микроскопической доли сходства с настоящим критиком Белинским, а кажущееся подобие было вызвано, по-видимому, талантом насекомой суггестии, гениально использованной по отношению ко всем остальным и призванной заставить довериться генералиссимусу, последовав за политически безыдейной машиной его личной лжи, посредством которой он, преследуя личные интересы, целиком и полностью подделал текст «Русской речи».

Как же я был наивен! Следовало бы сразу догадаться, что подобными способностями обладают все мухожуки, ведь, судя по некогда прочтённым мною мемуарам, полностью аналогичным методом гипнотического влияния пользовался на протяжении долгих десятилетий и художник Фугенбрухус, внушая всем окружающим, будто бы обладает человеческим обликом, хотя это было далеко не так. Настоящий же, хоть и чуточку зеленоватый на вид, Виссарион Григорьевич присутствовал здесь этаким пленником подвальных катакомб, сплетённых из совместной воли генералиссимуса Яна ле Груха и собственного цензора.

И пленник, похожий на удивлённого жирафа, тянущего из центра торнадо тощую шею к сумеречным тучам на небесах бури, оглушительно кричал ударными волнами инфразвука, лежащего за гранью доступной человеческому уху слышимости. Виссарион Григорьевич завывал, точно простуженный пылесос во время мглистой бури и метели, насаживая выдранный с корнями кедр, каким-то римско-католическим чудом выросший в дубраве, прямоком на верхушку цензорской макушки, остроконечной, как шляпа волшебника. Цензор тоже, к слову, оказался пойман в лесной подвал генералиссимуса, прошествовав обманным путём по пятам Жграхка - морализатора, льстеца и подхалима. Цензор, осознав собственную судьбоносную ошибку, уже успел ко времени второй встречи с Белинским превратиться в трухлявый пенёк, верный идеям Бенкендорфа, но от неожиданности получения кедром по собственной древесной поверхности выдал личную дислокацию, довольно щекотно захохотав

противным тонюсеньким голоском, как кровожадный таёжный москит, эфирно опьяневший в лакокрасочном отделе новосибирского хозмага.

Цензор, наконец-то, перестал тогда быть пнём, каким, вообще-то, в глубине души являлся всегда, а потому воспрянул ото сна и из обломков собственных дубовых щепок возмущённо воскликнул, продолжая гнуть свою линию: «Из-за вашей книги, Виссарион Григорьевич, мы и станем подобными нежити окаянной, вампирам и всяким там мухожукам, как вот эти!» Цензор искренне и переливисто захохотал, неожиданно принявшись отплясывать на голове торчащими во все стороны корешками.

- Вы ограничиваете самосознание супротив воли народной, - отвечал ему Белинский. - От цензуры теперь настало самое время освободиться, найти персональную принадлежность основам нового времени, обрести самоидентичность, наконец-то! - критик уплетал за обе щеки бутерброд со здоровой долей пересоленного козьего сыра брынзы. Литератор с недовольным видом взглянул на окончательно зарвавшегося цензора, когда последний резким движением ловкого корешка отобрал у критика козий бутерброд, лишь чуточку помедлив, а затем, спустя ещё какое-то ничтожно крохотное мгновение, превратил хлебобулочное изделие с горько-солёным сыром в целую роту храбрых солдат народной армии, промаршировавших с красноармейскими песнями мимо генералиссимуса Яна ле Груха в природном облике жука Жграхка, распинающегося в пылу беспочвенных агитаций. Будто бы охваченный эффектом от сильнейшего снотворного, незаметно поставленного прямо под самым носом, Виссарион Григорьевич оказался пойман и окутан сознанием цензорского пня, прервавшим все планы на вероятное раскрытие подлинных текстов книги. Литератор уже распространился в гиперпространстве на волновом уровне, заняв запутанно-неопределённую орбитальную позицию и приняв суперпозицию состояний, точно какой-нибудь электрон под зорко наблюдающими датчиками учёных, однако, посредством героических усилий цензора, был тотчас же возвращён зеркальным отражением прямиком в однозначно фиксируемую кондицию оформленности свойств физической среды.

Мне, вполне уже нанаблюдавшемуся на сие театрально-инфернальное снохождение у себя под носом, в глаза ударил яркий ослепительно радужный свет, донесшийся прямиком из подвала. Его сила и мощь настолько зашкаливали, что я вынужден был прищуриться, как жирный котяра, объевшийся сметаны с рыбными деликатесами и греющийся на русской печке, обернувшись в лоскутную подстилку. Цензор

пропитал обратной стороной собственной кожи вставленные в жировой слой тела электроды, улавливавшие едва различимые движения его, отдавая довольно неприятным запахом лекарства и еще менее приятным электрическим покалыванием нервных окончаний.

Справа от меня рассыпались энергетические нити в клубочках гирлянд цензора, тогда как слева отражал ровно все те же действия уже сам Виссарион Григорьевич. Человек в белом халате, стоявший возле какого-то прибора, резко повернул руку, и я схватил тогда шариковую ручку. Торопливо, не теряя ни единого мгновения времени, я принялся переписывать пылающие огнём символы книги «Русская речь», висящие прямо в воздушных массах и сформировавшиеся в процессе восстания генералиссимуса Яна ле Груха. Я со всей доступной мне точностью решений следовал невнятному по содержанию, но абсолютно явственно возникшему у меня фактическому чувству неопределенности в голове, выражавшемуся в невозможности однозначно осознать и истолковать принцип проявления ежесекундно расчерчиваемого порядка символьного набора мистической книги по алхимии и гностической магии. Прошли долгие часы вдохновенного воспарения и душевного испарения, и лишь тогда я, честно говоря, с ног до головы покрывшись испариной от напряжённой работы, обратил внимание на людей, которые где-то далеко-далеко внизу в спешке лихорадочно искали некие электроды и приборы.

Взглянув на результат всей своей работы, я немало удивился, и даже был ошарашен. Теперь о «Русской речи» Белинского не могло быть и речи! Зато остатков его безграничных величин полёта мысли, дававших выразить себя наизусть, оказалось вполне достаточно, чтобы я сумел избежать в собственной судьбе жалкой участи быть поработённым июньскими жуками и их тараканьими роботами. Сила книги подвела меня к предельно элементарному способу побега. Я просто взял и шустро телепортировался, а рассказанная здесь история в сей же миг завершилась. Быть может, она завершилась успешно, а, может, и не очень. Смотря как понимать эту самую успешность, под каким ракурсом смотреть и под каким соусом её кушать, но это уж, поверьте, судить не мне, а читателю данных заметок.

Да и кто знает, кто знает, ведь возможно, что на неосознанных тропах хитросплетений человеческих и откровений нечеловеческих жизней и судеб, до сих пор выполняется где-то в ноосфере вынужденно запущенная мною ради спасения разума энергоинформационная программа «Русской речи». И мы, сами того не замечая, пожинаем плоды вызванных ей

глобальных общемировых процессов, событий и псевдослучайностей.

Сказка Бесконечного

Я не до конца, вероятно, осознавал, где именно заканчивается степная даль, и начинаются густящие дебри Чащобы Владык, затягивающие не похуже любой трясины. Небо выглядело изрезанным на разноцветные осколки, когда я следовал за призрачным поводырём, лавируя на мшистых и усыпанных еловыми иголками тропинках существования. Они вились, точно гнёзда между переплетёнными ветками, каждая из которых была, в действительности, до невероятности тонкая, что казалась сельдью в шубе под прессом, не забывая в нужный момент становиться узким лазом в иное измерение эфемерных сфер.

Поначалу, пока солнце светило ещё слишком ярко, облик призрачного поводыря воспринимался настолько смутным и неясным, что у меня не было никакой возможности рассмотреть его получше, но, с постепенным углублением в Чащобу, он стал принимать облик различных диких животных, нестерпимо сверкающих глазищами прямо из темноты. Я знал, что он ведет меня напрямиком в трясину - нет, отнюдь не болото, но, скорее уж, в трясину моего понимания, в зеркальный фильм, в коридоры внутреннего отражения, откуда уже не было и не могло быть возврата. Также я совершенно точно был уверен, что за мной следят.

Все эти предчувствия, ощущения пристального беспристрастного взгляда не могли обманывать - настолько ярко и явно они манифестировали себя во мне. Верховный судья мировых весов точно бы сам удивился ещё не назначенному, но уже повсюду витающему в воздухе наказанию, применимому отнюдь не ко мне, а ко всему, что до сих пор связывали тончайшие волокна каналов, кажущихся реальностью и ею же столь усердно прикидывающихся. Магистр когда-то давно сказал: «Если попадаешь в трясину Чащобы, её эпицентр лесного сердца, то всё, что бы ни происходило с тобой или виделось вокруг тебя, обязательно оказывается на теневой стороне мироздания».

Ближе к бархатистой ночи я запалил фитиль керосиновой лампы и

остановился на одной полянке, внешне весьма безжизненной, где из комьев земли, словно бы просеянных и перелопаченных гранитными троллями, торчали какие-то зримо проржавевшие от времени и будто вылепленные полукруглым колечком, крованистые лезвия скальных уступов, поросших всеми возможными и даже полностью невероятными разновидностями лишайников, выглядевшими чуточку инопланетно. Усталость брала верх.

Укрывшись в придонной ночи синей галактической кастрюли, кипящей расцветающим лотосом сатори цветасто-звездного неба, я принялся пристально смотреть в самую сердцевину мерцания колышущегося языка пламени, разгорающегося символом маячащей где-то вдали, но неуловимо таинственной души леса. По коже пробежали легчайшие мурашки озноба, когда я заметил отблески керосиновой лампы в чьих-то тёмно-миндалевидных глазах, похожих на два крохотных озерца нефти, смотрящих из глубин леса с внимательной отрешенностью и отсвечивающих небесным зеркалом откуда-то сбоку из отдалённых кустов то ли бузины, то ли дерезы. Резко дёрнувшись, я повернулся в сторону наблюдавшего за мной существа. Нефтяных очей более не было заметно.

Стараясь сбросить мимолетное наваждение, я принялся громко петь по ветру, отрешённо разглядывая то чуточку синеватый огонёк лампы, то хурмяно-оранжеватые языки кострового пламени, казавшиеся тогда принадлежащими безвестной архаичной ящерке, закопанной на пористой полянке носатой мордочкой вверх и показывающей из-под почвы свой тяжёлый и тёплый раздвоенный язычок, лижущий лесной воздух ночи и тщательнейшим образом вынюхивающий его потоки в поисках где-то среди шлейфов аромата кипрея, хвои и земляники ниточки вкраплений трусливой вони жертвы, мелко трясущейся всеми поджилками, натянутыми от тихого ужаса, как индийские струны ситара. Весь этот непростецкий охотничий ритуал требовалось провернуть со столь высоким качеством генетически врождённого инстинктивного профессионализма, дабы, высунувшись подлиннее и настигнув добычу, навсегда поглотить её в свои глубинные пищеварительные гроты рептильей туши, распластанные разветвлёнными потоками древесных корней и подземных ручьёв, тянущихся в самый концентрат елового эпицентра, в самую пучину мыслящей Чашобы Владык.

Ощущение, что за мной пристально наблюдает чуждое ночное Ничто или Нечто, не только не исчезало, но как раз наоборот - усиливалось, в то время как ничего необычного и не думало происходить. В один явственный,

но от этого не менее жуткий момент, я приобрёл странную светимость очертаний, сквозящую пустотою иссиня-чёрных клеток и принимающихся поэтапно всё усиливать и усиливать флуоресцирующее излучение, словно карабкаясь по отвесной шаткой лесенке времени, и в итоге усилившееся до такой запредельной степени, что всё естество внутри меня буквально вывернулось изнутри в некое тотально всепоглощающее качество беспримерной потусторонней инаковости, проросшей корешками по ту сторону ветвей, вытолкнув меня в сетку туманных туннелей, сквозящую мерцающим вакуумом неопределённой наполненности самого существования и столкнувшую воедино все доступные вероятности событийных тропинок, но так ни одну из этих вероятностей и не избравшую.

В этот самый момент вдруг стало очевидно, что абсолютно всё, принимаемое мной за колышущийся под действием тепла воздух миража над лампой, есть не что иное, как сконцентрированный на поляне призрачный личный поводырь в трясину разума Чащобы Владык. Он же следил за мной в течение всего этого времени, дожидаясь, пока, наконец, трясина, отражённая своим существованием внутри сути моей, не разрешит обозначить Чащобу вне любых категорий, обустройств и рамок понимания. Сгущающийся туман поводыря неистово принялся вычерчивать в воздухе повторяющиеся контуры, пока не приобрёл черты толстого рогатого бражника, бабочки, вечно опаляющей чешуйчатые крылья о синтетический огонь лампы, никогда не сгорая дотла. Сей мотылёк-поводырь послушно уселся на позволительно вытянутый палец, и, что показательно, у бражника действительно торчали на голове два махоньких рога, похожих на пару колких и прочных рыбьих рёбер, матово-мутных, точно образчик бутафорской яичницы-глазуни, выточенной из опала с вставкой янтаря, худо отшлифованной ювелирами и выморенной до плавной молочности в ёмкости автоклава с плавиковой кислотой, уподобляющей искусство патоке.

Лес внезапно развернулся на сто восемьдесят градусов. И оказалось, что всё это время меня ждала тропа в неизвестность. Ноги не шли и даже просто принципиально и упорно не желали шевелиться, безучастно выслушивая волевые приказания своего хозяина. Зато вместо ног подо мной шевелилась шаткая равнина земли, шершаво и шероховато шуршащая всей лесистой поверхностью солончакового слоя заболоченной почвы тайги. Рогатый поводырь-бражник подхватил накачанными лапками

керосиновую лампу, и с этого момента я оказался неминуемо привязан к его дёргано-порхающим резким траекториям движения в воздухе, выписывающим невиданные кренделя. К тому времени у меня уже не оставалось ни сил, ни воли, чтобы свернуть с вихляющего пути, намеченного мохнатым дебелим мотыльком в Чашобе, густой и хвойно-зеленоватой, как непролазное месиво жирной окрошки с веточками укропа и майонезом.

Впереди неясно замерцала слюдяными окнами с пиритовым отблеском ветхая деревянная сторожка, а гипнотизирующее покачивание керосиновой лампы путеводного фонаря, следующего маслянистым угольком за пляской рогатого мотылька, порхающего по тропе куда-то в неопределённое будущее, окончательно усыпило и без того смутное восприятие происходящего в настоящем. Когда я очнулся, то сквозь слюдяные стёкла уже ярко светило солнце, похрустывало духмяное сенце внутри лежанки, обдавая с ног до головы свежим горьковатым оттенком неопределимых лесных трав, а также чабрецом, душицей и валерианой - аж до коловращательного головокружения.

Туловище затекло, а оттого почти ничего не чувствовало после многокилометровой усталости вчерашнего дня. Вообще, атмосфера, повсеместно царившая вокруг, более всего напоминала убранство патриархальной русской бани, нежели чьё-то жилище в лесу. Под равномерно просмолённым потолком хаты висели и сушились разнотравные венички, насыщающие атмосферу фитонцидной духотой своих эфирных флюидов, вкупе с непонятными отростками пряных корней и давно отцветшими цветами, которым, по-видимому, исполнился недавно уже далеко не один год. Рядом со всем этим знахарским богатством природной аптеки разместился пахуче-деревянный и, наверное, очень и очень немало лет послуживший своим хозяевам ретро-шкафчик с коробочками и ящичками, подписанными наименованиями многочисленных растений и составов, лекарственных и не только.

Цивилизация до этих краёв, казалось, не дошла, хоть и дошла бы до крайней степени изумления, если бы здесь оказалась. Стоило мне лишь чуточку сильнее присмотреться с лежанки, слегка приподнявшись на локте вверх, как половина стены оказалась освещена малопонятным и липким, переливающимся и полностью противоестественным бликующим сиянием, словно золотистой пылью, осыпавшейся с пожилых солнечных зайчиков, дабы тягуче источиться лучистыми столбами из недр выпуклых брёвен,

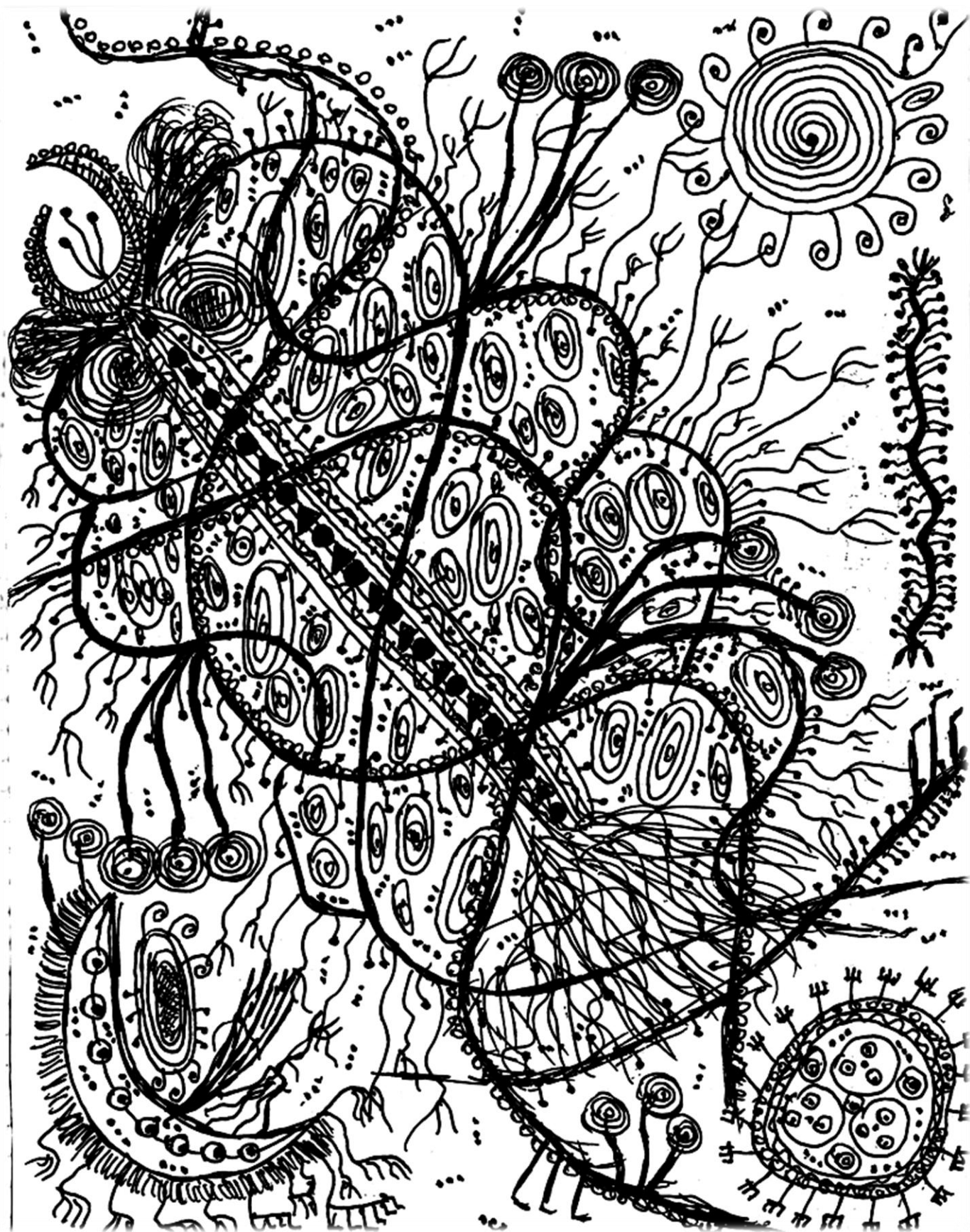
задействуя пульс чьей-то равномерно толкающей ввысь силы импульса.

Дверь снаружи сторожки скрипнула со стыдливой несмелостью наивной барышни, и внутрь буквально ввалился человек обличья не то страшного, не то просто престранного, облаченный в наряд из шкур диких лесных зверей. Шкуры были расписаны рисунком, изображающим фантастические создания с тентаклями и эпично-брутальные тропические растения, выведенные словно бы за пределами разумных областей действительности, а голову человека украшал парадоксальный убор, напоминающий формою нечто среднее между каракулевой папахой и папской тиарой, да только увешанный хвостиками молодых соболей, белок и ласок, будучи усеянным, к тому же, множеством нашивок, бубенцов и разноцветных повторяющихся орнаментов, среди которых наружу громоздко выпирали воронками два довольно крупных, торчащих под углом вверх и вперёд бежево-кремовых рога, похожих одновременно на ритуальные шпаги и староваряжские кубки, отполированные до каменного блеска, будто шипы из розового мрамора.

За человеком потешно бежал вприпрыжку беззубый карлик-шут в широкополой шляпе, неуловимо похожий и на сказочного гномика, и на артистично исполненную карикатуру самого себя, и на человекообразную обезьяну. А, быть может, его роскошная растительность на лице, вьющаяся, как у царя Дария, необыкновенная одежда и глубокомысленное выражение соловьиных глаз делали карлика сходным с той знаменитой категорией восточных гуру, одно лишь поднятие пальца которых достаточно для постижения всех тайн мира при должном внутреннем настрое адепта, активно и целостно просветляющегося, точно под рентгеном.

Впрочем, при должном внутреннем настрое учеников, столь ли уж необходимо исполнение долга познания в форме этого задумчивого потыкивания неба сенсеем, восточные мудрецы, конечно же, нам не раскрывали, продолжая всё лишь тыкать да тыкать вверх своим перстом указующим, возможно, уже ничего не воспринимая, и веками, на самом деле, пребывая в бесформенном состоянии глубокого замерше-самозацикленного растекания в глубоком трансе, блаженно угасая в бессмысленной и безмысленной попытке воспринять принципиально не воспринимаемое, в своём традиционно извечном заблуждении прозвав этот белый шум чувств Нирваной.

- Позволь представиться, - начал свою речь рогатый человек. - Я - тот самый поводырь, твой жирный рогатый мотылек, что сопровождал тебя

вчера на тропе в трясину Чащобы Владык. Имя моё Воккут Эьцчыыв, а прозвище - Аэйтигыыр-Кыхчытфыыв. Петляя в туннеле деревьев, ты, продравшись сквозь невозможное, одолел познанием тени жизни изнанки разума Духа леса, иначе бы никогда тебе не бывать здесь. Добро пожаловать вовнутрь переплетений трясины моей Чащобы, безудержного торжества диких сил и бурных всполохов дыхания из сопл Матери Земли, её трясин, провалов и разломов, её пор карстовых пещер, когтей скал и хребтов гор, её вен рек, капилляров родников и ненасытного желудка океанов. И морщинистой кожи её материков. Люди - поздние дети её старости, утеха и печаль, забава и боль, плод болезненного безумия планеты. Молодые планеты не ведают рассудка, а поверхность их мертва. Молодые планеты живы собою и потому не нуждаются в жизни на себе. Старые же планеты насквозь проедаемы их порождениями на бурном торжестве кишащей жизни.

- Могу ли я узнать теперь дорогу домой? - попытался тогда я задать Воккуту ответный вопрос. - Ведь нет ничего во всём мире, куда бы не было пути, и откуда бы также пути не было.

- Существа естеств укажут тебе путь, ведь Дух обуял тебя, - был мне ответ. - Но куда бы ты ни шёл и откуда бы ни возвращался, отныне ты всегда будешь в моих владениях. И все дороги и тропинки в Чащобе исходят отсюда и сюда же ведут - в Трясину Разума, но пока ты не достиг её, у тебя есть ещё возможность развернуться обратно, избрав другой путь, хотя у тебя уже может и не быть сил для свершения таких действий. Попутчик же Силы, мой нервно мигающий огонёк в ночи, для каждого, кто лишён путевых нитей, укажет на то лишь, как идти, удаляясь прочь от Трясины в Чащобе, и как никогда в жизни её не достичь, хотя бы и шагая по всё тем же тропам, ведущим в моём направлении и пронизывающим всё моё владение: тропы, следуя за мотыльком света, всенепременно завернут не туда, где сокрыт непостижимый исток живого трепета леса, но свернутся они в изгибах, уводящих случайных путников всё дальше и дальше от моего жилища, от моего ветхого дома, от оси судеб человеческих. Но попав в сторожку хоть раз, даже покинув здешние места и придя в край домашний, ты по-прежнему будешь оставаться в дремоте моей сторожки, хоть и будет тебе казаться иное, хоть и будет тебе сниться ежедневно повторяющийся лишь с крохотными вариациями сон. Мнится он столь настоящим, и оттого ты тотчас же предаёшь забвению память о том, что на самом деле спишь.

И тогда ты, охваченный необоримой дрёмой дел всей своей жизни,

пролежишь на соломенной лежанке моей лесной хаты до самого момента, в который тебе предстоит покинуть мир, когда, лишь на миг очнувшись, ты поймёшь в пределе догорающей лучины жизни, что тебя никогда и не существовало в привычном для тебя понимании, а был ты просто сновидением, узревшим самое себя, причём привидевшимся даже не тебе, а вот этому эфемерному запаху тимьяна и валерианы, призраком витающему где-то в глубинах хижины, или, быть может, приснившимся сенной лежанке или вот этому шкафу с кореньями и снадобьями.

Но ты хотя бы сумеешь узнать то место, где проспал всю жизнь, тогда как другие люди, с ужасом бежавшие из Трясины Разума, словно из выдуманного ими же ада, не сумеют даже этого и не опознают в промелькнувших пучках травы и сушащихся под потолком грибах скромную свою *малую родину* - единственную и настоящую, общую для всех, в какой бы части Земли они ни думали, что появились на свет. Все они дремлют здесь в незримых даже моим гостям потоках вероятностей, поэтому-то сторожка кажется пустой, тогда как в ней проживает население целой планеты - и даже не одной и не только относящейся к вашему человеческому миру. Тем же, кто попал в моё царство и увидел его собственными глазами однажды, проникся им изнутри и пропитал вовнутрь себя сущностный сок здешнего края, вернуться уже невозможно. Нельзя забыть, узнав. Можно лишь временно запомнить.

Открытая тайна на дне банки тушёнки никогда более не станет закрытой и запечатанной за семью замками консервой, хотя тушёнку можно, конечно же, как кушать, так и изучать. Те люди, кто не любит тушёнку, никогда не придут ко мне полностью. Они попадут в трясины другой Чашобы, например, для всех тех, кто просто обожает сгущёнку. Или сардины в томатном соусе. Бессчётные пути ведут все точки мира сюда, но ещё более бессчётные пути ветвятся, достигая всё новых точек, создавая свежие отражения самозарождения этих дорожных ленточек в вас, людях.

А каждый, кто, точно в моей трясине, столь же беспробудно увяз в круговерти долга перед себе подобными, будто бесшабашный пасечник, кружащийся посреди пчёл и сам начинающий напоминать их повадками, подобно тому, как собачник напоминает всю свору своих собак, тот всё ещё идёт, и путь его далёк. Парящих в небе единицы, и меж них есть те, кто никогда в жизни не становился поперёк, а шёл только по своим личным путям, следовал вдоль гулких рельс внутреннего паровоза, прикладывал ухо к их прохладной гладкой стали и слышал свой вой. Есть также и те, кто

даже на эти вертявые петлицы троп никогда уже не взойдет, равно как и те, кто лишь на мгновение удачи подпрыгнул над заросшим личным просёлком.

- Как же мне теперь жить вот так, после всего услышанного, а Воккут? Куда мне идти, мой дородный мотылёк ночи и ветра? - я не находил себе места, настолько поведенное взволновало меня. Сердце увлечённо молотилось в жерновах внутренней поверхности грудной клетки, а от удивлённой одышки гусиная поверхность кожи покрылась холодным и липким потом зыбкой тряски полуиспуганного озноба растерянности.

- Ты знаешь, у каждого поводыря также есть поводырь. А у того поводыря, свою очередь, есть ещё один поводырь. И так до бесконечности: никто не знает, заканчивается ли когда-нибудь эта цепь, есть ли у неё предел? Мой обожаемый, а теперь уже машущий крылышками вместо меня карлик-шляпник, прозванный в народе дедушкой Змухой Коморышем, широкополым бражником и мировым судьёй мерцающих инопланетных светлячков в Реальности, способен привести тебя в экстаз овладения моей истиной в Чащобе Владык, но также он способен научить тебя предполагать, будто ты находишься где бы то ни было ещё. Именно этим способом жирный мотылёк пользуется, дабы мнимо выводить род человеческий из моих владений, окуная в коконы Трясины Разума. Твой выбор отныне - овладевать ли искусством пребывать якобы не во владениях или же остаться здесь навсегда, выбрав множественность их форм, плавно перетекающих в безбрежность иллюзий.

Дедушка Змухой Коморыш, этот широкополый карлик с наливными глазами из воронок полночной нефти, сначала легонько покряхтывая, а затем уж и раскатисто кряхтя в полный скрипа голос - ибо человеческой речью он, по-видимому, не владел никогда - указал культей руки в сторону шкафа, и я увидел, что у дедушки не руки, но крылья, присыпанные сожжённой пылью чешуек, плетущимися ежесекундно из паутины теней, некогда в стародавние времена зародившихся в непроглядном мраке подвалов, угольных шахт и вулканических разломов земной коры. Тогда я шагнул по направлению мшистой сени его тёмных крыл бабочки, и, неожиданно для себя самого, широченно распахнул створки у того самого указанного мне шкафа.

В первую секунду мне показалось, что это не шкаф, а трюмо, и я наблюдаю отражение позади себя. Но нет ведь: за створками и правда

серебрилась дорога, а приглядевшись, я вдруг понял, что дорога жидкая, и поэтому выбираться мне придётся вплавь, если не придумать что-нибудь более полезное, оптимальное и любопытное. Вытянув присоски рук, я, как сухопутный моллюск, усевшийся на хлебную корочку приманки Реальности, на эту закинутую карликовым мотыльком сухую краюшку, зацепился за спасательный фон чувствования самой глубинной и вдруг раскрывшейся предо мною во всём своём фееричном сверкании и посверкивании сущности дедушки Змухой Коморыша, точно цепкий зайка, чуть захмелевший от морковной браги и потому настырно карабкающийся в лодку Мазая, спроецированного и материализованного в выбранной точке персонально заячьего пространства-времени.

Сейчас, вернувшись в подобие реального мира людей, я всё никак не могу позабыть Трясину Разума в виде сторожки Воккута в Чашобе Владык и его вторую форму, его карликовое альтер-эго, этого гибкого рогатого мотылька-поводыря в шляпе, и лесную горьковато-травянистую атмосферу хибары, свет через слюдяные и чуточку золотисто-пиритовые окна, лежанку на душистом сенце, заставляющую себя думать что она - это я и что я уже не там, где я есть, хотя меня на самом деле вовсе нет нигде, кроме процесса, кажущегося мне мною и содержащим именно в этой идее свой исконный смысл смыслов. Интересно, а кто же тот таинственный первоначальный поводырь, от которого произошли все прочие поводыри, ведущие его, бесконечно повторяя цепи собственных служб, оковы колеса кажимостей, катящихся вприпрыжку прямоком в эпицентр разрастания пышного театра светотеней из листьев, ветвей и корней Чашобы? Неужели весь мир? И неужели я всё еще нахожусь где-то там? Видимо, так и есть.

Такова неоконченная история, ибо нет ей ни начала и ни конца. Не для нас. Ведь такова суть пути нашей общечеловеческой Сказки Бесконечного: бесконечно рассказываясь, начинать всем казаться именно в силу процесса искажённого изложения самой себя. И каким бы сказочным или безумным она ни казалась, живущие в Сказке всё равно перепутают своё личное безумие обыденности с естественностью безумия совместной бытийности вне границ и разделений, наполнив смыслом бессмысленное и лишив действительное права быть просто собой, ибо ум есть фильтр, а какие фильтры способны затаиться там, где на любые границы и намёка нет? Действительному, которое просто есть, смысл вовсе не нужен: оно вне любых категорий смысла только уже в силу того, что оно - *действительное*.

Вот так мы все обычно и живём с вами. Прямо в Сказке! Сказке

Бесконечного, которая всегда с нами, в нас и вокруг нас.

Смотритель кристальных оранжерей

Когда начался сезон дождей, Леяу Хыпъ Эду решил стать надзирателем оранжереи Кристаллов. Он всегда смотрел наружу из-за стекла, увеличенного толстыми окулярами носимых им очков. Он разглядывал мир в поисках потоков мягкого света, утопающего перинами в лестных глубинах его сонливого придыхания. Да, Леяу был уже далеко не молод, и занятие надзирателя шло ему как нельзя кстати. Старания отблеска камней никогда не должны быть напрасными, их нужно наблюдать круглые сутки подряд, дабы ни единая частичка великого сияния Предвечности не пропала бы даром.

Леяу укутался в толстую шаль и принялся сосредоточенно наблюдать. Камни притягивали, манили, подзывали, а сухой ветер пустынных горных ледников гулял между исполинскими многометровыми друзьями, порождая особое состояние необычайного пения. Внезапно, Леяу понял, что и сам постепенно превращается в камень, опутанный линиями многоцветных молний. По мере того, как плоть его обращалась в утончённый обрубок серебристого корунда, Кристаллы, напротив, оживали. Дальнейшее Леяу Хыпъ Эду запомнить, а уж тем более воспроизвести, вовсе не смог бы. Кристаллы оранжереи заморосили весенним дождиком деревянного города, словно исподтишка просачиваясь в низины и подвалы. Их муравьиная структура постепенно расслаивалась и стратифицировалась, но ни один камень не способен покинуть конгломерат кристального разума, иначе их искристое слияние можно было бы посчитать совершенно неполным.

Каменный рой предпочитал выглядывать из стекольной темноты окон на верхних этажах, охватывая гранитным взором любую мельчайшую деталь, когда, словно бы самопропитывающийся слизень, от одного места Земли в другой уголок, а из другого уголка - в новейший угол суровой вечности Кристаллов разверзались прозрачные врата онемения. Люди уходили за людьми, столетия - за столетиями, и каждый элемент для

поддержания внутреннего баланса тяготел к элементам, либо преданным ему самому, либо настолько отличающимся, что вряд ли возможно было обнаружить в оранжерейных Кристаллах хотя бы крохотную толику сходства, изначально придававшего им этот самый неповторимо чарующий шарм. Красота и гармония камней всегда были при них, сама Вечность пронизывала их самосознание насквозь, а ветры гуляли по кругу, примыкая по всё большим и большим порциям к оставленным без Смотрителя камням, блестяще мокнувшим под нескончаемо долгими дождями.

Пробудившийся от многовекового сна, прицельно наведённого мощью созерцаемых Кристаллов, Леяу долго отыскивал сходство и различие с решениями оригиналов. Их слава нашла саму себя в деяниях, когда поднимались летучие сады камней. Небо ушло под ноги, а над головой вздымал могучую грудь пенистый океан, облизывая Эду кристальным языком вод, собирая по берегам случайно выброшенную туда добычу. Основным инструментом Леяу, используемым для привлечения внимания Кристаллов стал высушенный солёный образ. О, какими формами он обладал, о, сколь прекрасна была его зелёность и пупырчатость, достойная инкрустации огурцов в монархическом скипетре! Вокруг надзирателя, вновь обращённого вглубь и вправо, плясали цирковые витражи и калейдоскопические мозаики, и их невозможно было не заметить даже с высоты птичьего полёта, полёта хищных ястребов и дымчатых горлиц, вышитых перекатами бисера из фаты синего газа, секретных грифов, выплавленных икорчатой зернью из катышков меди и кобальта.

Так появилась первая, изначальная азбука танцующих камней. Их рой обретал жизнь и разум, их согласованность порождала гармонию, а их непоколебимость приводила к завершению любое начатое камнями дело. Вскоре каждый камень на планете оказался ввязан в столь странную и нелепую идею подключения разума Кристаллов из оранжереи Леяу. Камни смотрят на нас, но молчат, ибо чаще молчит тот, кому есть, что сказать, а уж если тот, кому есть, что сказать, всё же прояснит собственное мнение, то последствия могут видоизменяться от бесконечно высоких и прекрасных до потерянных где-то буфере между всеми проекциями и интерпретациями.

Сушёный огурец, выточенный из уваровита, манил изящные камни за собой, оттого их паутина несколько ослабила цепкую хватку планеты. Земля нездорова. Её карбункулы периодически лопаются, и тогда гибнут целые города и посёлки в потоках выходящих из земного абсцесса

излишеств причудливо застывающей пемзы. Лава же не только разрушала, но и созидала камни, становясь движущей силой эволюции кристаллического разума. Переплетения Кристаллов образовали нейросеть общемирового масштаба, а обретённого камнями разума хватило бы для планетарной саморегуляции. Леяу высказал пожелание очутиться в недрах каменного интеллекта и был практически мгновенно услышан.

Внутренность Кристалла уподобилась открытому космосу, за тем лишь исключением, что здесь было тепло. Вполне удовлетворительная для дыхания атмосфера просто не имела ни малейшего права лишать радости первого человека, проникнувшего столь далеко вглубь. Поначалу холодное сияние звёзд ощущалось совершенно неподвижным. Затем звёзды пришли в хаотическую пляску, лишённую, на деле, истинного хаоса. Этот разбег звёзд в разные стороны напоминал, скорее уж, работу слаженного механизма, подобно качественным и утончённым часам, оснащённым функцией завода. Постепенно, порядок принялся приобретать всё более и более новые структуры самопроявления, пока посреди радикально чёрного, словно смоль полированного гагата, свода небесной полусферы не появилось потустороннее голографическое лицо, составленное из многочисленных крупниц звёзд и планет. Левый глаз лица состоял из созвездия Плеяды, тогда как в зрачке правого глаза флуоресцировали ближайшие планеты, а звёзды связывали с ними запомнившиеся всем события. Лицо беспрестанно менялось, проходя все стадии всех вероятных эмоций, затем нахмурилось и зычно пробурчало эхом с бочковитым прибасом металла: «Глас Космоса объявляет - я есть изначальная форма, искажённая отражением твоего разума. Замкнутые цепи нуля, переходящего в бесконечность, вместе с бесконечностью, переходящей в ноль, порождают исток естественности».

Завертелся изысканный калейдоскоп из галактик, звёзд и комет, выстроились ряды Запредельного, и только тогда Леяу осознал, сколь многие вещи держатся друг за друга оттого, что, всего лишь, являются самими собой, даже если не до конца проявлены. Хыпь Эду познал суть камня. Он сдвинул осколки так, дабы каждый цельнокристаллический лотос заискрился в лучах Солнца и передал всю свою поглощённую энергию на невообразимые нужды устья каменной реки. И вход в Землю оказался открыт. Тогда старый мудрый Леяу с лёгкой душой решил покинуть мир. Ход вёл столь глубоко, что и дна видно не было, но, судя по размеру покатым ступенек, этот ход до планетарного ядра предназначался

не только для одного человека, да и для человека ли вообще?

И вот они - в мохнатых звериных шкурах ждут уже Леяу на другом берегу моста, слепого из сплочённых единой волей булыжников. Стоило Леяу пройти по мосту, как все булыжники осыпались в бездонную пропасть. Такова судьба монаха-камнекопателя, обретшего покой в виде Кристаллов собственной оранжереи. И отныне созерцает самое себя вечно. Ибо нет ныне грани меж Леяу и всем остальным. Смотритель кристалльных оранжерей стал существованием, порождающим себя через созерцание.

Странник придорожных окончаний

В тот давний тёплый майский день мы все вместе собрались посетить разрушенную деревянную ветряную мельницу. Большинство из нас уже вплотную упаковало собственные рюкзаки, закрыло на ключ чемоданы с разнообразной антимоскитной одеждой, развлекательной электроникой и законсервированным провиантом, а также приготовило необходимый запас горючего для мотоциклов. Покосившуюся от времени мельницу оставила нам древняя цивилизация, отличившаяся сочетанием развитых технологий с предельным аскетизмом как в жизни, так и в мышлении и искусстве. На пыльных дорогах родной стороны мало что произрастало, и редко кого можно было встретить, а уж если и доводилось увидеть нечто разэдакое, то, всенепременно, встреча эта становилась из рук вон выходящим и дичайше обескураживающим обстоятельством, оставляющим в полном недоумении, вплоть до начала следующего дня, каждую из тех личностей, которым в данных обстоятельствах довелось поучаствовать.

Случилось точно так же и на сей раз. У края дороги сидел человек и натирал до жирного блеска загадочного вида деревянные чётки ароматной маслянистой жидкостью из крохотного флакона пурпурного стекла. Когда мы проезжали мимо, странник, совершенно неожиданно для каждого нас, выхватил гигантскую рыболовную сеть и ею же тотчас окутал нас всех от ушей и до самых пяток, вновь и вновь возвращаясь сетью к самой макушке собственной головы, раскручивая орудие ловли путешественников, как ковбой или индеец раскручивает лассо. «Стойте», - прокрипел странник. -

«Вы сами не имеете ни малейшего представления о том, куда идёте. Вам нельзя в те края, куда совместно направляетесь, поскольку имеется там незримый лаз древнейших под охраной защитных стрел, выпущенных из сновидений первобытных шаманов, обитавших там в давнишние времена, когда рассыпающаяся деревянная мельница была только-только отстроена.

Ничто не удержит вас в этих местах, сколь бы не была сильна ваша воля, приложенная к тому, чтобы туда добраться. Лучше уж вам направиться за мной: я всегда шествую туда, где нет совершенно никаких мечей или стрел, связывающих мою музыку воли с нотами или мелодиями других людей. Я всегда нахожусь в пути, следуя за горизонт. Он - моя извечная чистая и достойная цель! Единственный смысл горизонта лишь в том, что он всегда недостижим, а значит, к нему всегда можно устремляться в путешествии. Движимый волей достичь далёких прекрасных местностей, замечательных и самых невообразимых из тех, что лежат за горизонтом и становятся доступны нашему глазу, когда мы научимся достигать собственных пределов, выходить на самый край, направляюсь я в сии святейшие дали уже не первый десяток лет жизни. За арендованный у действительности отрезок времени существования я постиг, что жизнь есть сложнейшая и простейшая шуточка Бытия среди всех, что есть в мире.

Единственный смысл и цель жизни - это движение к цели жизни. Если цель недостижима, неосязаема и недосыгаема, то тогда уж точно ничто не может помешать радоваться жизни хоть бы эту самую Вечность, в течение которой намерен я идти к общей цели, направляющей жизни и умы, пусть даже её самооценность всецело и в глобальном плане лишь кажется нам. В общем, считайте, что я вас всех предупредил здесь, вместе взятых», - сказал странник и превратился вдруг в сине-фиолетовый придорожный камень, пыльную полудрагоценную глыбу волнистого чароита, потихоньку везущего булочку в выемке на самой своей верхушке, как бывает иногда выемка на лбу у седовласого сенсея, не иначе как приоткрывая самой искажённостью формы врата восприятия и познания, ведущие к седьмой степени семи ветров внешней невыразимости, лежащей где-то вовне, хоть и здесь же повсюду в тот самый миг.

А мы тогда, позабыв о ветхой мельнице древних, всем скопом решили отправиться на поиски горизонта с надеждой, быть может, случайно преодолевая его линию, добраться от условности идеи до конкретики изначальной цели нашего похода, про которую все мы разом дружно забыли. С нами, тем временем, поравнялась странное существо:

чёрные переливчатые крыльями бабочки, которые, словно бы передразнивая нас, рогатыми тенями повторяли за нами каждое движение. Мне доводилось слышать когда-то, что теневых мотыльков порождает глухая Трясина Разума в Чащобе Владык, но понятия не имел, ни где находится это место, ни как туда добраться, хотя люди ведающие испуганно сказывали, что Чащоба та - повсюду вокруг нас. Тем не менее, несмотря на все прилагаемые усилия и помощь со стороны танца призрачных мотыльков, достигнуть мельницы первобытной цивилизации нам всё никак не удавалось, да и не знали мы уже точно к тому времени, её ли именно ищем, либо нечто совершенно другое, чуждое.

Вдруг мы услышали странный шорох. Вместе с шумовой завесой шороха пришло понимание: так могут шелестеть скрежетом лишь глыбы чугунных жерновов, покрытых невероятно упитанными сугробами лепестков пушистой ржавчины. А пролетевшая мимо нас четырехугольная человекообразная бабочка теней вполне даже закономерно в сложившихся условиях превратилась в рогатого ведуна, который нас честно предупредил: «От мельницы начинается дальнейшее безграничное движение вникуда, где собраны в пучок бьющееся жилы всех истоков и корней».

В наступившую теперь пустынную эпоху скрежещущего шороха здешних пыльных мест я вспомнил: когда-то давным-давно в детстве всегда хотелось найти дорогу, которая ведёт в настолько позабытую даль, что её не переоткрывал ещё почти никто из людей, хоть и каждый был родом оттуда. Желание помнить нечто, не облекаемое в образы, но вбирающее ощущения, достигало своего апогея, превращаясь в подобие невообразимых фантазий сновидения, стирающего границы между игрой в действительность и действительностью игры. Каждая, хоть сколько-нибудь мало-мальски длинная улица, по которой приходилось ходить, отличалась от всего близкого к той самой таинственной дороге, ведущей в дальние неизведанные дали, хоть обе эти тропинки всегда начинались абсолютно одинаково. Сама атмосфера каждого нового пути начинала смутно и таинственно подсвечивать, как скопления болотного газа, чем-то невообразимым, первооткрываемым и священным, словно каждая из этих дорог была именно той самой дорогой вникуда, попав на которую однажды, уже не избавишься от нестерпимо страстного магнетического притяжения высочайшей бессловесности пробуждаемого ею чутья. Увы - всегда она оставалась недостижимой, как и палас горизонта, лежащий тонким лезвием прямо перед целью путешествия на невероятных ходах неведомого: прямо

перед чудесным Нигде, столь же настоящим, сколь и непостижимым.

Однако при любой освещенности и ясности таинственность *никакой действительности* оказывалась подобна бурной пыли тех клубящихся дорог, по которым мы топали в поисках тропинки вникуда, и всё её естество являло себя в достижении тайны, в том, чтобы просто дотронуться до невообразимого, не потревожив его гнутыми строчками собственного понимания, оставив *невообразимому* первозданную бескачественность, ещё не отравленную никакими построениями фальшивых свойств умственных нагромождений, накинутыми архитектурной изысканностью поверх изначально бесформенного так, как зритель пытается порой отыскать в синестетических картинах абстракционистов и супрематистов облики зданий и целых городов, лиц людей и морд животных, транспорта, деревьев и насекомых - в общем, всего того, что человек с детства приучен созерцать ежесекундно в каждый миг своей жизни, и процессом внутреннего сотворения мира с личным образом, не оставляя ярким всполохам узоров этих картин ни малейшего шанса просто оставаться самими собой - уникальными формулами неизвестности.

Так всякий раз рассыпалась тайна и продолжает рассыпаться, стоит эту тайну лишь осознать, стоит к ней лишь едва прикоснуться. Тайна явленная таковой уже не является и просто перестает быть собой. Всякий свет, к которому мы приобщаемся, теряет внутренний блеск в лучах внимающего понимания человека. Человеческое сознание, человеческий разум - это способ выразить невыразимое и описать неопишуемое, собрав тысячи и тысячи взаимосвязанных неразделимостей в охапку хвороста разграничений и ограничений, которые есть всего лишь возможность очертить определённые границы, вот и всё! Безграничное, то, что лежит за пределами нашего привычного мира, хвостиком, точно вершиной айсберга, попадает в достижимое поле зрения человека.

На самых дальних из самых неожиданных улиц городов, где впервые доводилось бывать, как оказывалось, также живут люди. В самых неизведанных и, казалось бы, покинутых сторонах, подёрнутых любопытством таинственной синеватой дымки сокрытости, люди тоже побывали, оставив там свой след, преобразив старую добрую природу до научно-технической неузнаваемости. Следы эти путешественник замечает в новопосещаемых краях, зачастую, даже в большей степени, чем в местах на Земле, хорошо известных с лет самых ранних. Но это ничего. Всё никак не желало идти из моей головы то высокое чувство синеватых равнин и долин

за окраиной здешних мест. И чудились оттого прелестные вулканические горы, торчащие сразу из-за горизонта, дремучий мечтательный тёмный лес с отъявленным блеском костров на самом краю казался тем самым волшебным лесом доисторических елей и кедров, непролазной Чащобой Владык, в которой целыми полками или даже полчищами бродит всякая незримая и неисчислимая для человеческого спектра с восприятия Сила, для которой мы все - такие же туманные призраки, какими видятся нам дремучие лешие, серебристые русалки да пни пендрявые, друидские.

Единственной вечной возможностью сохранить тайну меняющих неоконченные свойства или, напротив, совершенных структур, филигранно высеченных ювелирами космических бурь в своём уходе в бесконечность, обустройств, которые, в целом, сами же себя и ограничивали в недрах нашего восприятия мнимой отдельностью от всего прочего, было обретение целостности значения их самости через целостность самости себя, ведь одно не может здесь последовать без другого. И все они, всенепременно, смотрели бы в сторону всех последующих приближающихся изменений, а, в действительности, не имеющих предела по качеству или по количеству всевозможных форм реализаций и проявлений.

Постоянно поддерживать неиссякаемое многообразие всевозможных вариаций, постоянно изменяться означало хотя бы немного принадлежать чувству недопонимания, дарующему флюс внутренней шаткости пространства изменений, и именно недопонимание устремления к совершенному знанию без конструкций в выражениях или путях, запечатление в памяти всех этих дел как события не понимания, но ощущения, лежащего выше осознания, непременно, становится источником жизненного движения за лезвие горизонта. Без него абсолютно никому из нас невозможно обнаружить хотя бы что-то новое, хотя бы одно из придорожных окончаний на путях вникуда, которых в нас нет.

Мы бы находили только придорожные окончания существующих и привычных направлений, но никогда - по-настоящему новых средь них. Напротив же, частичное недопонимание общей картины, коврового рисунка жизни, порождало неугомный зуд знаний, зуд учёного-исследователя, хотя бы целях самосохранения, не говоря уже о более точной, высокой и, в целом, равновесной цели самосовершенствования в общих потоках со всей вездесущей проникновенностью тайных законов обустройства Реальности. И все это являло путь, по которому следовало бы идти, дабы, непременно,

для себя и для других открывать нечто новое или позабытое, а точнее - просто пошире раскрывать свои и чужие глаза, видеть нечто искомое в свежести сокровенного света непреходящих обличий и масок среди всего, что постоянно расположено рядом - но так далеко!

Понимание придорожных окончаний живо для нас теперь, живо было и раньше. Только будучи ребёнком, безумцем или магом можно выразить, но нельзя точно сказать, что именно встретится в конце этой улицы, ведущей вникуда, ведь у каждого она своя до тех лишь пор, пока ещё существует «самость» пределов человека, притом никто и не исключает возможности пройти по этой улице вместе, да только каждый всё равно будет идти по своей копии улицы, почти ничем не отличающейся от копии улицы другого человека, лежащей где-то в пределах коллективного разума землян. Ребёнок не обладает умением, достаточным для того, чтобы выразить все эти чувства ещё и в силу того, что пока ведать не ведаёт степеней их необычности. Безумец - оттого, что его линиям нет дела до пустот, *сплетённых из нигде* в пузырьках окончаниях улиц, которых он не замечает или же посещает случайно, отправляясь в иные области знаний и навыков, дарующих не понимание и радость достигнутого новшества, а лишь путаницу, хаос и сумбур.

Микропесчинки юродивых алмазов теряются в мегатоннах песка случайности и сыпучей манки бетона уродливой расколотости их дурашливых маскарадов, танцующих в маниакальном хороводе постоянной жажды взволнованного самооправдания. Их увлечённость - их крах. Их поглощённость - топь внимания. Клич их - рёв выпи: мала та птица, да вопит зело, как бык на корриде под взглядами тысячи ленных существ. Даже если безумцу и удастся выйти за пределы придорожных окончаний, свобода от обители для него будет лишь мигом прохождения сквозь одну из случайных целей, выбранных из миллиардов углов обзора, каждый из которых доступен всем людям, но ни один в приоритет избран быть не может: пока неизвестна цель поиска, направление будет идти по окружности без контроля.

Маг же не пожелает выразить особенности всех пустотелых оболочек улиц, выделанных шкурок пространства, имеющих абстрактные придорожные окончания, ибо знает он, что человек не способен только лишь на одно - не быть способным принимать любую из форм. Быть однотипным обустройством - вот для нас судьба и кредо, кто кредо сбросил - тот уже не человек. И тогда знаменательная улица с острием вакуума,

затаившимся, как ускользающий ловкач, в конечном пределе вне всех проекций, становится просто самой собой, и тогда уже она не похожа на улицу, а похожа на неуловимость без витой ухватки хвоста.

Прочие же, принимая во внимание множество тех мелочей, которые большинство представителей рода человеческого, в силу собственного тяжеловесного нежелания или простого незнания, не рассматривает в качестве достижений внимания, да и, вероятнее всего, вообще никак не рассматривает, обращают это самое внимание на вещи куда более обыденные, общественно обусловленные и вроде бы даже полезные, но только до тех пор, пока не пройдены все границы эфира, где заканчивается нить пряжи горизонта и начинается изнанка его овечьей кофточки, щекочущей подмышки из облачного пуха попирающим своды небес титанам. И тогда становится понятно, что изнанка - это и есть настоящее обличье, тогда как на изнанке этого обличья, на его стороне игр и словесных видений живём мы все. Но однажды, как мы когда-то и решили, соберёмся все вместе на допотопной мельнице древнейших, став той движущей силой позабытых временем цивилизаций, оставшихся только в виде результата коллективных свершений прошлых тысячелетий, словно бы прорастивших семена вовнутрь привычного миропонимания.

Мельница - давным-давно уже не функциональная единица, артефакт архаики, имевший при жизни её создателей совершенно отличающееся значение в той же скорости мира и под таким направлением, под сенью которого проживали Древнейшие и выглядывали в сферы жизни под своим, только им одним лишь известным ракурсом. Эхо скрипа её проржавевших сквозь века жерновов оказалось точно бы испещрено вне любых измерений потоками непознанного, точно жернова глубочайше запустили свои корни в первозданную эпоху идей, слившись с источниками самих себя. А нам было неизвестно изначальное предназначение их: мельница только внешне казалась нам таковой, но истинные её масштабы и смыслы были сокрыты в силу нашей общей дурной привычки оценивать обыденность однозначно.

Куда не бросишь взор, чувствуется влияние чар со стороны сущностей, издревле обитающих во плоти мёртвого дерева продольных полопавшихся лопастей мельницы, словно бы неведомая нам ранее рука захватывала возможность визуализировать потаённую внутри себя мощь через шепотки и шорохи, вылепленные из мелодичной икоты ломаных криков рычащих жерновов Древнейших. То же самое происходило и во взглядах многих моих собеседников-путешественников. Плутовские пути,

что нас связывали, мельница, точно ржавый паук, протянула от каждого и к каждому. Невообразимо мощной лавиной обрушилось давление друг на друга сфер наших сознаний, лютовавших на стыке между каждым из нас, покуда, преодолевая границы личностей, мы не сомкнулись в единое поле, подобное раздуваемому под внутренним давлением и наполняющемуся соками бутону распускающегося цветка омелы, тянувшего соки и лимонады из гримёрных пудр наших парфюмерно-маскировочных укрытий жизни, выстроенных одной ногой фундамента во льдах ужаса от осознания себя формой человека, а другой - в океанах восторга от осознания себя безбрежностью человека. Пудра сомнений рассыпалась, как нос Сфинкса.

Пересечение резонансов линий всех наших колец взаимосвязанных идей многогранности породило ощущение направленности и поистине космической скорости полёта туда, где всяческое описание или ограничение уже и не имело ни малейшего смысла, ибо не было ничего доступного пониманию разумом обыденности в достигнутом нами придорожном окончании той самой мельничной тропы, которая у каждого человека тем уникальнее и неповторимее, чем более эфемерны привычки и свободны мысли, и которая постоянно и всенепременно идёт *в наполненное никуда* всю долгую вечность краткого мига. Ведь даже преисполненность, если она лишена возможности описания человеческим разумом, кажется бурлящим *ничем*, распираемым вдоль и поперёк неопределённостью исконных черт.

Если мы находим образы, то осознаём их условность. И тогда приходит понимание условности любых образов вообще. А что ещё тогда являет нам цель, как не безграничность выражений этой грани чистоты? И быть может, мы все в раннем возрасте знали, что дороги, ведущие вникуда - это те дороги, что никогда не заканчиваются, и лишь с возрастом отвлеклись, выдумав себе метки для начал и завершений, расчертив дома по номеркам, время - по годам, а жизнь - по событиям, позабыв наивный взгляд детства. Все дороги ведут вникуда. Это и делает их настоящими. Дела людей - просто способ показывать пальцем и давать имена на песке времён. Ветер сдует надписи, вновь сделав собственную Вечность ровной.

Сэр Улыбатор

Он пришёл, чтобы открывать. Он пришёл с другой стороны, таща за собою Предтеч - предвестников извечных перемен. Всего вместе их было четверо, как существуют четыре стороны света или четыре алхимических начала. Мир его был подобен великолепным колоннам, высоким башням, и там всегда бесподобно сияло нестерпимым светом пронзительное небо высоких гор. Оно слепило и, казалось, в каждом отблеске его, как кварцевом блике осколка кристаллического хрусталя, можно было разглядеть всю сущность того гиперпространственного слоя, который некогда избрал своим домом Сэр.

Там, на продолговатых сооружениях титанических размеров, масштабных башнях, чем-то похожих на Эйфелеву - они были такими же вытянуто-стрельчатыми, но точно бы сотканными из бетона и песка - несколько сот лет подряд вместе с жителями этой проекции ткал он сети взаимодействий, сети взаимовлияний, суть коих не смог бы постичь и величайший мудрец мира нашего. Не была доступна эта Суть ни Лао-Цзы, ни Гаутаме, ни Бодхидхарме, ни просветлённым ламам - никому. Каждый из них способен был созерцать лишь части общей картины, её примерные смыслы, заставляя себя блуждать.

Сэр потратил сотни лет на то, чтобы постичь, и он постиг свою задачу. Крылья мира, откуда он пророс, удерживали его узами, словно корнями - то были узы мира людей, и тогда Сэр обнаружил, что обязан вернуться, дабы навести шороху. Но этот шорох, этот тихий шелест листьев Сущего, листьев всего существующего Бытия, должен был вернуть равновесие, утерянное тысячи лет назад силою мысли человеческой. И тогда Улыбатор снизошёл, точно бы в командировку, хотя, на самом деле, всё обстояло совершенно иначе. Но, упрощённо говоря - да, его возвращение, его второе пришествие в мир людей было неким подобием командировки для решения дел насущных.

Пройдя через тернии к звёздам и хорошенько всё обдумав, взвесив все «за» и «против», принял он верное и единственное решение, имеющее смысл в последствиях - это решение вернуться на Землю, чтобы затем вернуться вновь к тем высокопарным башням, к тем уходящим в проникновенные небеса постройкам, к которым он успел уже стать столь

привязан, но тяготы нашего мира - его родного мира - не позволяли Сэру обрести целостность. Тогда он обязался оторвать некую часть себя, дабы, наконец-то, стать именно тем, кем он и является навеки.

Исконное имя его - Интегратль. Впрочем, каждый встречный предпочитал называть его всё же Сэр Улыбатор, ибо совершенно невозможно было отлепить от лица ту улыбку, которую он преподносил всем и каждому. Он даровал людям смех, но не тот низкий, приземлённо-ягодный смех, какой вечно внушают выходки цирковых клоунов. Нет, он дарил хохот или даже Хохот с большой буквы, громом разносящийся в небесах и способный звучать там вечно.

Предтечами Интегратля, его вестниками были трое. Белый ворон Эдгар, огромная несгораемая и неопалимая птица, сотканная из асбестовых нитей Земли, словно клубок, словно кошачий клубок. Вторым компонентом Эдгара явилась звёздная пыль из тех краёв небесной синевы, откуда снизошёл Интегратль. Выражая стихию воздуха, ворон, разматываясь на линии, показывал людям картины, разверзавшиеся в многомерном пространстве слоями Вселенных, лишённых всякого предела, конца и края. Эдгар порождал мир, он ткал пространство, спутывая паутины астрала и смахивая их своей внутренней межзвёздной пылью в маленькие катышки, в микроскопических мышат внетелесных областей и царств. Всё, что волен был наблюдать человек, оказывалось творением этого высшего духа воздуха, всё создавалось этим несгораемым белым вороном, ибо не было под ним основы иной, кроме взраставшей корнями к самому центру Бытия. Лучи, стремительно исходящие из каркающих глаз Эдгара, тянулись переплетающимися лазерными нитями к источнику мироздания, создавая и выражая всё зримое, осязаемое и постигаемое.

Вторым Предтечей Интегратля, вторым Предтечей Сэра Улыбатора была улиточка по имени Снэйли - оборотень и лесной гермафродит: полуундина-полугнарл, высший дух водной стихии. Когда он был собой, то звался Габриэлис, он был велик и величав, он был безграничен. Если же Габриэлис упаковывался, скручиваясь, то превращался в компактную улитку-оборотня Снэйли. Моря и океаны, лучистые пучины космических туманностей, которые готовы были стать, да так и не стали изборождены земными космическими кораблями ещё с середины двадцатого столетия: полуундина-полугнарл навевал все эти сны людям, надевая им сны ночью на глаза, точно очки виртуальной реальности. Снэйли же - улиточка - не умела ничего, вот ровнёхонько ничего, кроме как, будучи оборотнем,

превращаться в Габриэлис, да ещё щекотать всех подряд изнутри. В остальное же время она могла лишь похрустывать своею капусткой морскою или морковкой какою, лёжа в полудремотном положении кверху брюшком в котомке, что вечно таскал за широкой непроходимой стеною своей жилистой спины её хозяин Интегратель, её хозяин Сэр Улыбатор.

Птицы, низшие духи воздуха, вели нескончаемые беседы с Габриэлис, они шептали ему чудные словеса, со всех уголков Земли птицы шпионили за каждым из нас - и обо всём и обо всех ведал всезнающий разведчик, дух воздуха, лесной гермафродит, ибо воздух затрагивал всякую живую тварь, обитающую здесь, на этой планете, на этой крохотной песчинке, на этом микроскопическом камешке, несомом в космические пучины и вечно летящем в неостановимом движении солнечных систем и галактических вращений, точно бы размешиваемых миксером Глубокой Реальности.

Третьим Предтечей Интегрателя был дух огня, его пламенный Рыжий Лай, верный пёс-поводырь, чьё тело являло собою оживший костёр из филигранных светочей газовых зажигалок. Вместо глаз у Рыжего Лая водились два жука: огромные селенитово-переливчатые, сине-зелёные, как водоросли, бронзовки. Эти бронзовки традиционно работали в двоичном режиме: они могли или дремать или бодрствовать. Когда бронзовки дремали, то и зрение Интегрателя вовек становилось погружено в сон. Когда они бодрствовали, то он *видел*. Жуки открывали свои крылья, жуки разверзали закрылки и начинали пронзительно и звонко трепетать, прямоком достигая того поглощающего центра, к которому летят все галактики, ибо глаза Рыжего Лая, пса, сотканного из тончайших язычков узкого пламени, дотягивались до самого центра Вселенной.

Пёс показывал, точно рентгеном просвеченные, *Сути* всех вещей, и тогда Интегратель постигал эти *Сути*. Они были его пищей и его жемчужной коллекцией. Но Сэр мерцал. Стоило Рыжему Лаю уронить свой взор на поверхности всех времён, как те тотчас же входили во всеобщий резонанс, центростремительный резонанс, стекавший в то единое и безраздельное, что присутствовало у каждого из нас, в то единое и целое, откуда всё исходило и куда всё, в итоге, возвращалось: в Вечность, лепившую пластилиновые жизни людей, зверей, растений, насекомых и ещё невесть каких существ. Рыжий Лай - чистый алый ум, в самом центре своём пылавший нестерпимым жаром мудрости, точно красный Амитаба, и он вёл за собою весь отряд. Огненный пёс и являлся тем комодем, куда Сэр

Улыбатор складывал собственные сокровища познания, его мерцавшие камни. Во всём Интеграль был прекрасен в мере даже большей, чем несравненный Аврелий Плешня, величайший и глубочайший как среди мыслителей всех времён и народов, так и среди философов современности!

В первый же день, когда на Землю вновь явился Сэр Улыбатор, планета расцвела дыханием голубых лотосов и восторженно заиграла печальными лепестками снегопадов сакур поразительной, сливочно-кремовой красоты. И не оставалось Сэру предела на нашей планете, и не было под ним опоры, ибо вечно он реял в невесомости, проваливаясь или же возрастая, воспаряя в бездну под собою и над собою в единое же время. Дивен был Интеграль. Он охватил земной шар по кольцу олимпийским мгновением, тем посвистом-повизгом спускаемого воздуха. Атмосферы пребывали в его власти, облака, земли и горы, а моря, океаны и озёра играли роль лишь поэтической кружки, из которых Сэр пил свой бодрящий квас осознания, пьянящий цветок разума, снискавший плод, этот вечный плод восприятия, надёжно отделивший Улыбатора от мира тысячелетия тому назад.

О, да! Первый день на Земле его был незабвен. Интеграль вернулся, дабы ведать, а ведать было его предназначением, ибо был он - ведун, высший среди всех, перетекавший из проекции в проекцию и вновь возвращавшийся в бесконечность начала истоков себя. Сэр являлся истоком всех Предтеч верховных перемен. Он выражал *сам разум* или *отсутствие разума*: в той точке, где между разумом и его отсутствием переставали существовать различия, появлялось то, что их извечно объединяло - Интеграль, интегратор миров. Снизойдя, в первый же день Сэр Улыбатор пришёл к Чиновнику Ведомств. Цель Чиновника Ведомств была говорить людям, но так, чтобы люди верили, будто бы поля их благодатны и раздольны, реки полны молока и киселя, а яблони в цвету, хотя вокруг давно-давно уж остались лишь остовы: иссохшиеся деревья, корягами-гнилушками торчащие из противоестественных умов тех людей, кто уснул сразу же после рождения, а уснув, так и не приходил в сознание всю жизнь, почив после вечным сном. Исток и первопричина всех смертей всегда остаётся в рождении.

Чиновник Ведомств громогласным движением собственных век закрывал веки мёртвым народам, а звали его Мор Фей. Он был котом. И вот здесь-то прорвался весь задор, весь внутренний стимул, вся ярость Предтечи - Рыжего Лая с жуками вместо глаз. Он готов был растерзать кота

Мор Фея в ключья, дабы все обманутые, дабы все усыпленные вновь разверзли очи. И тогда - понеслось! Среди всех тех неисчислимых сотен, тысяч, сотен тысяч, миллионов и миллиардов коленопреклонённых граждан Земли, каждого, кого лишь чуть-чуть касался Сэр Улыбатор, ждало пробуждение от ежедневного сна бодрствования. Оковы кота Мор Фея, этого усатого хитреца, этого полосатого подлеца, спадали ниц с озарённых их лиц.

Стоило лишь дотронуться до них - и ясные очи разверзались навстречу бурям трансгалактических пучин, а ураганы уносимой Вечности пронзали их насквозь там, где улыбка механической печатью навсегда застывала на человеческих ликах. Люди смеялись, но смех их был неслышим, их оглушительный хохот - именно тот самый хохот, что нёс с собою Интеграль, та сокровищница *знания* объединяла людей в клан *тех, кто ведал*, в клан таких же ведунов, как и сам Сэр. Но прочие - люди, которых он ещё не успел коснуться - не замечали вовсе улыбок, они хмурили брови, они морщились, а иногда уворачивались от касаний его, ибо резкая боль от тяжких оков, от колючих, ледяных, кровавых оков, наброшенных на людей котом Мор Феем, со временем стала столь нестерпима, что о ней все предпочли позабыть, потеряв сознание и неизменно начиная ненавидеть каждого, кто осмеливался туманно намекать или же прямо указывать пальцем на страдания в потёмках обморочных узниц их жизненной дрёмы.

Хохот ведунов был громче реактивных двигателей взлетающих ракет, ракет, стремительно и целеустремлённо взмывающих в бездны звёздных морей, но люди копошились, защищая свои темницы, ибо делали порождение сей брони главным содержанием собственных жизней, и потому оказывались глухи, ибо непрерывно разговаривали с самими собой о защите личных острогов и рудников, заглушая мелодичные трели, омывающие и обкатывающие их всю жизнь, подобно тому, как волны тёплых морей, в ритмичном цикле облизывающие солёный берег, постоянно обтачивают и гладко полируют известково-пористые виноградины береговой гальки.

Свет белого колодца выглядел запредельным, он озарял всё насквозь, но люди по-прежнему были слепы и блуждали в своих сумрачных болотах. И самая явная вещь во Вселенной, висящая прямо перед ними, по-прежнему оставалась незамеченной, ибо не позволяли люди ей стать достоянием собственного опыта, опасаясь развеять зыбкие миражи

толкований, изменчивые очертания сомнамбулических облаков на лазури их внутренних глаз. Среди дыма и тумана вечно увлечены люди игрой в царей и рабов, трудяг и купцов, угнетателей и угнетённых, победителей и побеждённых, позабыв, что единственное призвание их рек - пребывать в рабстве иллюзий, и нет никому судьбы иной, пока неведомы берега. Принц ты иль бродяга - какая разница, пока ты - не более, чем бесчувственное облако пара на семи ветрах, уносимое в неизвестность циклонами, лишёнными мер и точек отсчёта и одинаково бушующими как рядом, так и в самых дальних таинственных уголках нашего волшебного и непостижимого мироздания?

Давление объятий Интегратля, его восхитительных бархатно-ворсистых шерстисто-волосяных объятий, накатывалось превыше той океанской бури, что, подобно хрупким скорлупкам, хлопала в лепёшки глубоководные батискафы, как изящные орехи, но люди думали, будто парят, хотя парение их становилось подобно падению в геенну огненную. Улыбнувшиеся учуяли в исконном центре своём щекотку хохота Интегратля, эту щекотку, прокатывающуюся по всему телу: от макушки до самых пят и от солнечного сплетения до самых кончиков пальцев. Они жаждали этой щекотки, ибо щекотка была их личным способом *знать*. Блуждавшие же без чувств уподоблялись ситу: сколько бы в них, дремотных, ни вкладывалось это *знание щекотки*, единственное, на что они оказывались способны в своём всепоглощающем беспамятстве - это всегда забывать: забывать то, что было всегда и во всём с ними, забывать то, что было всегда и всецело ими самими. Забывать - было их вторым именем.

Не было слов, чтобы описать созерцаемое Интегратлем. Очи его являлись очами всех сущностей Сущего, а Предтечи стали ушами его. Когда, однажды, самыми тайными тропами Сэр Улыбатор проник в военную часть, и солдаты, не в силах более терпеть ту щекотку, ту весёлую внутреннюю щекотку, великодушно дарованную им улиточкой Снэйли, разобрали все свои бестолковые автоматы и уж не стали собирать более, а закопали в лесу - по одному автомату под каждое дерево или куст, развинченному по усталым болтикам, покрытым резьбою из оксида войны. А затем все солдаты залезли в кроны деревьев и, смеясь, начали неустанно указывать пальцами на всё подряд, что их окружало в опустевшей военной части. Им было презабавно: они тоже прониклись хохотом. И не осталось больше сил на целой планете, чтобы сдерживать неостановимый натиск Предтеч Интегратля. Тогда захватил он все мировые радиостанции и

воскликнул на всех без исключения волнах и языках радиовещания:

«Люди! Вы все равны и едины с миром тварным! От мельчайшей мошкары и до крылатых существ света нет меж вами различий, все по единой линейке выстроены, и у каждого - свои обустроенности естеств. Всё, что выдумали, тому следовать вольны иль вольны не следовать: никому оттого не убудет, но и не прибудет тако же. Всё, от чего отпираетесь и всё, на что опираетесь, с последним выдохом Земли наличествовать перестанет. Вы растянули существование в этом прыжке в бездну. Ничему вечным не быть, но и ничто забыто быть не может, ибо то Сущее, что есть - итог усилий ваших общих, собранный в сок времени здесь и сейчас. Созданное - не навсегда. А здесь и сейчас - это всё, что *есть*. Ваши жизни, истинно вам говорю - и есть всё то, что имеете. Прочее же - выдумки и условности.

О, верховодящие народами и владеющие миллиардами, пребывающие в постоянной суеде своей! Неразличимы вы от нищих, ибо не владеете ничем высоким. И то, что у вас есть, и то, что есть вы - суть не большее, а часто - и вовсе меньшее, нежели принадлежит тем людям, у кого, как вам только мнится, нет вовсе ничего. Истинные сокровища всегда сокрыты от большинства. Постигнутое - вот настоящая сокровищница, а то, что постижимо - вот золотая жила. Богаты не те, кто владеют вещами, но лишь те, кто ведают чудеса - вот настоящие богачи! Владея всем подряд, точно сором без разбора, уйдёте пустыми, и уход ваш будет жалок. Но каждый, кто обрёл действительно сокровенное, тот, кто подобрал ключи к сиянию кладов, вне форм, имён и времён лежащих, навсегда останется полновластным хозяином обретённого.

Клад сей незрим для глаза, но яснее яви, он легче воздуха, но несокрушимее корунда, тише поступи секунд, но оглушительнее высокогорной лавины, касание его нежнее пылинки, но способно сокрушить случайных скитальцев. Нет места, где бы его не было, но год бреди по долинам - и не дойдёшь, год плыви по морям - и не доплывёшь, год лети по воздуху - и всё же не настигнешь его. Человек, обретший клад изнутри, ведает разгадку тайны всех тайн, хранит её своим существованием, но на вопрос отвечает тишиной. То, о чём возможно вопрошать, имеет известную цену. То, о чем вопрошать невозможно, *бесценно*. Нижайше склоняется оно пред всеми стихиями, ибо едино с ними, а потому не может быть разрушено. Податливое и

изменчивое - вот то, что пеленает мир. Твёрдое и однозначное может быть сломлено, как хворостинка, вежами событий или ветрами времён. Гибкое обретает вид *Вечного*, ибо нет силы, способной победить бесформенное.

Наполненное присутствие будет исчерпано. Пустое отсутствие всегда неисчерпаемо, и потому его не побороть, не сломить, не исказить и не подчинить. Золотая казна оскудеет, драгоценные камни растрескаются или будут украдены, но ветры и дожди не иссякнут, в лесах вновь станет водиться дичь, а в реках - рыба, смена времён года извечна. Владеющий - теряет, и потому несвободен. Свободный - не владеет, и потому весь мир - богатство его, вот отчего он столь бережен и кроток в касаниях к миру, столь лёгок и незаметен. Подобно дуновению, ни найти его, ни схватить. Пойман способен быть лишь тот, кто ловит себя на удило привязанностей: достаточно знать, где и как он привязал себя к мирозданию. Тот, для кого равны и ценны все элементы природы, сам равен природе. Стихии сокрывают его, не возвышая и не принижая, владеет он всем. Неотъемлемое не способно быть потеряно или утрачено. Золото не нужно тому, чьё имя лишено предела. Как стать *Владыкой*? Быть равным *всему*.

Монументальное будет сокрушено, ибо судьба любой формы в исчезновении. Кажущееся незыблемым - изменчиво. Кажущееся изменчивым - незыблемо. Высшая мудрость - гармония. Кто соответствует ей, тот не знает постоянства лишь себя одного, ибо всегда различен, и чрез это постигает себя истинного. Каждый, кто мыслит, словно бы знает себя, тот исконно не ведает, кто он, ибо знание его - лишь мгновение памяти о прошедшем, которого уже нет. Воистину вам говорю, люди: в эту секунду, пока я произношу речь, вы в истоках не знакомы с собой, вы - неведомы и загадочны. Начертанное обретает смысл, позабыв, что сущность его - бумага и чернила. Так и вы - символы и смыслы, позабывшие в себе первозданные *Сути* людей.

Настоящее сокровище - не иссякает. Всё, что способно иссякнуть - не настоящее. Ваши жизни иссякают, ибо они - не настоящие ваши жизни. Безграничное - не покидает, сиюминутное - всегда вас обманет. Глубинное и Высокое видятся равными Равнинному и Нижайшему, когда на смену Мудрствованию приходит Мудрость. Вы, живущие в нелепой лжи беспочвенных идей и зовущие ложь сладчайшим мёдом порядка, оглянитесь: что у вас за спиной? Там ли ваша обитель? Иль

она - сон у края бездны? Прыгайте же туда, где *нечто без объяснений* оставлено не для вас и без вас, и лишь тогда - *будете*. Скованные навеки, вы - калеки страха - думаете, вы только думаете, будто существуете. На деле же вас нет, пока *бездонность* не есть *Суть* и сердцевина ваша. Внемлите же галактическому хохоту, внемлите щекотке вибраций, внемлите шёпоту - и тогда поведает он, что Бытия не миновать, ибо Небытие - такая же фальшь, как и всё, что выдуманно вами. Сущее не оправдывается. Оно просто *есть*.

Как может существовать нечто, чего нет? Ведь Небытие есть то, чего нет, а раз его нет, значит, оно существовать и не может. Во всепоглощающем единстве Бытия Небытию и крохи места не сыскать. Оставьте себе себя лишь и перестаньте *им* быть - лишь тогда вы сполна постигните, что это означает вообще - *быть*. Пока вы не отринули навязчивые дни, пока не отринули спутанные паутины соглашений, споров и сомнений - они *всё*, чем, лишь кажется, будто владеете, и *они заменяют вас самих*. Но вы - не есть они, а они - не есть вы. Кто же вы? Если распутать сонные оковы, навеваемые котом Мор Феем, то что останется от вас, люди?

Смотрите же вглубь и тогда узрите: воистину, внутри вы пусты, ибо сердцевина каждого - само Сущее, что вокруг себя извечно созерцать изволите. Когда постигните правду сию, также узнаете, что *Сут*и вашей - нет. Когда же постигните полностью, что означает *быть*, то вас *уже не будет*, ибо полностью *быть* есть *суть не быть вами*. Лица человеческие - маски, что, как планеты, парят в вечно изменчивой невесомости. Вы - призраки сна, и сон - это всё, что воспринимаете постоянно, о чём заботитесь, переживаете и вспоминаете. С лет ранних иное *неведомым оставляете*. Оставьте же лучше себе ядро, пустое ядро, способное лишь к бесконечному созерцанию и бесконечному изменению, внемлите мириадам форм, вьющимся в вашем духе, которым беспрестанно касаетесь сил вездесущих, жизнями действуя на Земле - и тогда, истинно вам говорю, только тогда вы - *будете*.

Люди есть клубки, распутав которые не увидишь ничего, и именно поэтому существование людское конечно, только поэтому. Перестаньте быть *ими*. Лучше растите в своём центре ядро - то ядро, что *ведаёт*. Прочее - лишь шелест. Вам - *быть*, ваш путь - *быть*, ваше предназначение - *быть*, но вы выбрали становиться шелестами шелухи, превращаясь в пустые фантики. Когда разбивается ёлочная

игрушка, её сгребают веником в совочек - и *что* остаётся? Лишь *место* для новой ёлочной игрушки.

Люди! Воистину, вы - вишни без косточек, сокровищницы без сокровищ, волшебные лампы без джиннов. Так будьте же просто джиннами, и тогда никакие лампы вам уже не понадобятся, ибо *ведает* те, кто есть потоки сущностей, а вовсе не клетки, клетки без птиц, улетевших на юг, дабы сгореть мотыльками в жарких печах солнечной сердцевины *всего*. Растите, растите и ещё раз растите свои косточки, и, возможно, вы успеете взрастить их прежде, чем перестанете существовать. Если всё же успеете, если всё же сумеете, то имя ваше будет - *Вечность*. Вы пришли в этот свет, дабы стать *Вечностью* - так *будьте* же ею!»

Почти никто не слушал Интегратья, кроме осенённых его улыбкой: все прочие шли под его ногами, все прочие расходились волнами Истока, все прочие вращались муравейниками колец и кругов на полях заметок Реальности. И тогда Интеграть, и тогда Сэр Улыбатор, прежде чем, взмахнув крыльями Удачи, навсегда уже вернуться в выбранный им мир, коснулся знаменательной дланью своею лица моего - и липко расцвела тогда улыбка его щекотки, улыбка его ведовского хохота на устах моих, а неустанное пламя вечного смеха Интегратья обуяло всё естество моё, до краёв наполнив чашу сию прозрачностью.

И с тех давних пор, подобно ему, тишайшему, я неустанно всё смеюсь, смеюсь и смеюсь. Да только хохота моего никто не слышит. *Почти никто*. Но это и не важно. *Вообще*. Ха-Ха-Ха! Ха. Ха. Ха. Ха.

Той ржави тыл

Что ещё может быть более привычным делом в здешних краях, кроме как наблюдать за ярким, пёстрым и славным, словно бок у бурёнки или ею же разбрызганное молоко, небом над головой, особенно когда наше яркосинее ночное светило поднимается из-за горизонта и освещает полупрозрачными, будто бы почти незримые испарения газа, линиями своих фотонов поверхность моей родной страны.

Как сейчас помню, я сидел тогда, задумчиво болтая ногами в пыли, простиравшейся от моего дома в плоское пространство, за которым начинались практически безграничные поля посевов да какие-то постройки, в том числе и полуразрушенные, и этот яркий огромный светоч всему придавал неповторимый оттенок спокойствия, внутреннего уюта и равновесия. Я думал о том, правдивы ли стариковские сказки, задумчиво глядел на себя и на сидящих неподалёку знакомых девчонок и парней. И думал, думал, думал, не переставая: кто мы по своей природе, откуда мы явились в этот мир, зачем мы здесь вообще? Думал - но не находил ответа.

В окружающей местности, давно уже набившей оскомину идеалистичной выверенностью пейзажей, мне с самого детства всё казалось каким-то незавершённым, точно бы недосказанным, противоестественным и почти ненастоящим, несмотря на грёзоподобие природных красот, начинающихся прямоком за краем поселения и простирающихся в неизведанные дали. Никто из жителей ничего не ведал толком о том, как жили люди всего лишь двести или, быть может, триста лет тому назад. Всё наше знание ограничивалось исключительно теми во многом фантазмагорическими небылицами и сказками, которыми вдоволь потчевали нас наши прародители: бабушки, дедушки и их родители, если кому из нас довелось ещё застать таковых.

Но те, как правило, в полном забытии, ничего нам поведать не могли, откуда и как они сюда пришли. Вот ведь, что удивительно: никто, никто из моих знакомых не мог сказать, кем были их прапрадеды! Даже прабабушки и прадедушки чаще всего, ссылаясь на свою забывчивость, говорили, что они были сироты. Но, право слово, не могли же все, абсолютно все они являться таковыми! Ведь тогда нам пришлось бы признать почти невероятное: в нашей деревне живут исключительно потомки не столь давних сирот, и только они! Но кто-то, наверное, да должен был помнить своих родителей? Однако же, из года в год, эта тайна всё более и более окутывалась туманом и мраком.

Я продолжал свои пространные размышления, когда ко мне подошла младшая сестрёнка Рита семи лет от роду, подобными мыслями ещё явно не озадаченная. Хотя надо бы честно отметить, что она мне часто рассказывала такие вещи, которые оказывались ещё куда как почище увлекательной брехни стариковских сказок. И вот сейчас, схватив и резко дёрнув меня за подол брюк из мешковины, она другой рукой указала куда-то на линию горизонта. Там, у самой границы, где поверхность земли

сливается с небом, виднелись полуразрушенные строения, которые я замечал и раньше, но, видя их ежедневно буквально с самого рождения, просто не обращал на них внимания и не задумывался об их происхождении.

- Ну чего тебе? - с некоторым раздражением отвлёкся я от своих мечтательных мыслей.

- Ростик, я там опять видела мертвяка, точно-точно такого, про каких нам бабушка рассказывала, только он... это... того, не шевелился, - сестра выразительно махнула рукой в подтверждение своих слов и дабы показать поярче, что мертвяк и впрямь окончательно «того».

- Дак, ну-тк! - удивился я сестрёнке уже в который раз в своей жизни.
- А ты что, хочешь, чтобы он туда-сюда бегал да руками-ногами размахивал, так что ли? Ведь мертвяк он и есть, так что ж ты от него ещё хочешь!

- Неееаат! Ты глууупый, ничего сам не понимаешь, - стала капризничать Рита, почти что мяукая. - Это те, те самые мертвяки, которые другие бывают, которые ухаживали за бабушками-дедушками в давние времена, это же они!

- Что ты там опять сочиняешь, внимания тебе что ли не хватает? - я уже начинал потихоньку сердиться на свою младшую сестру.

- Они там, там, никуда не делись! - всё не унималась девочка.

- Ладно... - я встал, ещё раз вдохнул полной грудью свежий воздух позднего вечера, осмотрел на мерцание и подмигивание звёзд над головой, а затем зашёл в свою землянку.

Надобно вам сказать, что места, в которых мне довелось родиться и жить, были поразительно глухими. С одной стороны, прямо за небольшой деревней Центральной Пыхтеловкой, в которой мы все обитали, и которая была, на поверку, не только центральным, но ещё и единственным известным мне населённым пунктом, начинался густой и суровый хвойный лес, куда даже среди белого дня заходить было довольно-таки боязно, но ведь, существовали же люди, отстроившие когда-то и для чего-то моё родное поселение? С какой такой целью? Наверное, чтобы нам всем здесь комфортно жилось. А, значит, и брёвна эти люди брали явно оттуда, из хвойного леса, поскольку брать их было больше неоткуда.

По другую сторону от деревни начиналось соломенно-колосящееся поле ржи, вдали оно постепенно заболачивалось, а этот болотистый берег, в свою уже очередь, переходил в яркое, почти идеально круглое и кристально

чистое голубое озеро, за которым и дальше тянулись крохотные болотца, покатые гранитные скалы, лунки водных провалов да безмятежно зеленеющие холмы, покрытые деревьями, травами и благоухающими цветами. А вот что именно находилось за этими гористыми лесами, не знал уже практически никто, точно так же, как и неизвестен был облик ландшафтов, находившихся по ту сторону от тёмного леса за нашей родной Пыхтеловкой. Тут я вспомнил краткие вехи событий из своего далёкого детства: тогда мой прадед - очень старенький сморщенный старик, похожий на обветренный и пересушенный под палящим солнцем урюк с длиннющей белой бородой, в которой тоже виделось нечто от сухофрукта - незадолго до своей кончины в весьма и весьма преклонном возрасте, рассказывал мне, как ещё в его детстве, в будущность свою десятилетним мальчишкой, он собрал стайку таких же отъявленных сорванцов, каким был он сам, и все вместе они отправились в экспедицию, дабы отыскать ответ на вопрос, что же всё-таки скрывается за этими лесами и озёрами. А проще говоря, они сбежали из домов, прихватив половину деревни друзей с собой.

Шли они долго, несколько дней ребятам приходилось ночевать в сооружённых из хвороста и сухих листьев шатких хижинках, не способных уберечь не то что от дикого зверя или бури с ветром, но даже и просто от тихого ночного чуть печального дождика. Мой прадед с друзьями чуть не утонул в болоте, но, всё же, в одно прекрасное утро, они добрались-таки до края света, за которым уже не было ровным счётом ничего. И, рассказав мне об этом случае, прадедушка погрузился в долгие хмурые раздумья. Он сказал ещё, что нашёл то самое место, где твердь земная сходится с небом, а за этим краем... за этим краем всё закончилось. И сколько я ни выпытывал, сколько я не выпрашивал, что же он увидал там, за этим самым краем мира, прадед лишь продолжал сурово молчать, курить свою трубку и, попыхивая ей, разглядывать поднимающиеся под облака колечки дыма. Впрочем, эти его рассказы в моей памяти так и остались сказками о вещах, которые никак невозможно было ни представить, ни понять, ни подтвердить, ни опровергнуть. Ведь как небо может сходиться с землёй, если горизонт постоянно отдаляется, в какую сторону ни пойдешь, и никогда ты его не достигнешь? А прадед вот говаривал, что смог достичь горизонта на самом крае света! Вот что будоражило мой ум, оставаясь очередной загадкой, до сих пор не имевшей разумного и логичного решения.

На следующее утро, с первыми лучами ясного солнца, я услышал снаружи от землянки странный шорох и радостные возбуждённые крики

детских голосов. Дети громко галдели, наперебой обсуждая какую-то новость, показавшуюся им удивительной. Ну какая, извините, новость могла настолько взбудоражить их цепкое и живое, но ещё не вполне ответственное воображение? Как часто они готовы были выдавать желаемое за действительное! Ведь в нашей Центральной Пыхтеловке, на самом деле, ничего лет сто уже точно не происходило такого, о чём стоило бы значительно волноваться. А что в ней происходило больше ста лет назад, как было объяснено мною ранее, никто и не знал, так что вполне возможно было догадаться: в родной деревне, по-видимому, вообще никогда ничего значительного не происходило за всю историю её существования, становления и развития. Из всех новостей узнавали разве что, у кого и где домашняя скотинка разродилась, да какая скотинка, напротив, отправила душу свою в Верхний Мир вещей предков. Ну что нас могло сподвигнуть чему-то крайне сильно удивиться? Но мои неутомимые друзья-соседи продолжали пискляво и гулко галдеть наперебой десятков голосов и ладов.

В те давнишние времена я был недалёк по возрасту от них, может, лишь чуть-чуть старше: мне тогда было лет двенадцать или тринадцать. А этим соседским ребятишкам - годков этак девять-десять. Тогда я вышел из избы, поздоровался с ними, и тотчас же они начали наперегонки рассказывать мне всё ту же сестричкину небылицу про мёртвого мертвяка. Я, конечно же, по праву старшинства попытался их успокоить, рассудительно предположив, что мало ли чем или кем он мог являться, да и, в конце концов, он ведь признаков жизни-то не подаёт, лежит себе - вот и всё. Да и пущай себе лежит потихоньку! Кому он мешает-то?

Но ребята и девчата начали напористо настаивать на том, чтобы я обязательно, ну просто всенепременно отправился вслед за ними. Отпираться более смысла не было: как нет дыма без огня, так и толпу редко будоражит исключительная бессмыслица. А если даже и впрямь нас там ожидала какая-нибудь глупость, помноженная на бойкое воображение всех этих соседских выдумщиков, то появится прекрасная возможность растолковать им, что да почём, заодно недвусмысленно показав, кто здесь - заботливо думающая голова. Идти оказалось не столь уж и далеко: километров пять-шесть, как раз туда, где на горизонте, если смотреть из Пыхтеловки, виднелись те самые злополучные, как мне тогда уже постепенно начинало казаться, руины заброшенных конструкций, построек, зданий и сооружений, готовых рухнуть в любой момент.

Пока я шёл по яркому ржаному полю, наблюдая, как над головой эфемерно проносятся легчайшие кучевые облака и реют птицы в раздольной лазури, словно выкрикивая собственные желания наперекор их воздушно-помпезным птичьим судьбам, я вспомнил, как довольно-таки давно, ещё в возрасте лет четырёх от роду, вышел ночной порою в поле, начинающееся за деревней, и увидел, как вокруг меня клочьями собирается синеватый, почти серый флуоресцирующий туман, и тогда побрёл бесцельно в клочьях этого тумана, опустив руки и плечи, наблюдая, как в обрывках этих светящихся обволакивающих тучек, стелющихся по поверхности, диковинно пасутся, поедая озимую рожь, монстрообразные животные с набыченными выражениями морд. Я разглядывал тогда полное ночное светило, висящее, как казалось тогда, прямо над головой, и расцвеченное угольками огоньков, так, будто оно и само было одним большим неделимым угольком, висящим где-то далеко в небе и уже начинающим медленно-медленно остывать. Я чувствовал тогда, что, кроме вот этой одной-единственной клубящейся туманом поляны, не существует в реальности вообще ничего более.

Казалось, что стоит мне лишь приблизиться к самому краешку поляны - и мир на ней закончится, а я вдруг пойму, прочувствую насквозь каждой жадно впитывающей воздух порой свой тонкой детской кожи, что вот точно так же всю жизнь, нескончаемо, день за днём, я лишь блуждал туда-сюда по периметру этой самой туманной поляны, а затем вдруг вырос, повзрослел, возмужал, окреп, со временем состарился, одряхлел, обветшал, согнулся трясущимся знаком вопроса, посыпающим твердь под ногами песком, и, неожиданно, вновь проснулся любопытным ребёнком, увидев, что в этом холодном и сыром прямоугольном мире не существует и никогда не существовало ничего, кроме завораживающего морозного неба над головой, да ещё тускло и таинственно лучащегося, точно болотная гнилушка, клубящегося пространства вокруг, пасущихся в нём призрачных тварей, и бегающих где-то вдалеке, вне поля обзора, зверушек малых, чьи невнятно бурчащие голоса отдавались эхом в гулкой сырости застывшие-засвеченного поля злаков.

Я тогда подошёл к самому краю и понял, что не могу шагнуть дальше, поскольку поле висело одинокой плитой где-то в глубинах космоса, и там, далеко снизу, сразу за краешком каменного обрыва, начиналась бесконечная пропасть, впадавшая собою в пустоту. Но я всё же сделал тогда волевое усилие, достойное храбрости титанов, шагнул вперёд, туда,

где, казалось, начинался бездонный обрыв... и вздохнул полной грудью: туман рассеялся, а я, так никуда и не провалившись, обнаружил себя стоящим посреди поля среди колышущихся на ветру ароматных трав и думал: только что мне нужно было сделать лишь один махусенький такой шажок, зато скольких усилий он стоил, сколько пришлось вложить в этот шажок силы воли, уверенности и бравады, и я всё-таки смог победить тогда своё нарочито надуманное чувство отчаяния и ужаса перед воображаемой пропастью, почудившейся мне в тот стародавний миг столь реальным и логичным завершением эластичных ключев тумана на невнятно-дымчатой поляне, по которой я, как мне тогда представлялось, уже сумел проблуждать всю свою долгую жизнь, вновь вернувшись к состоянию мальчишки, только начинающего открывать этот чудесный мир, мальчишки, с новой силой очарованного неохватной красотой безграничного великолепия многогранной непостижимости жизни и удивлением от собственного существования в нашем мире. Но, лишь секунду спустя, я с криком радости от сброшенного эмоционального груза, уже ринулся тогда бежать напрямик в родимый дом.

Вот о чём я размышлял и что вспоминал в мельчайших подробностях на пути к руинам. Тем временем, мы с ребятами уже почти дошли. Я настолько глубоко погрузился в собственные умствования, как это, по чести признаться, довольно часто случалось со мной, что не сразу даже услышал, как ребята, нестройно вышагивая растекающейся народной кляксой, со всех сторон продолжают что-то громко обсуждать, смеяться, хихикать и весело прыгать вокруг меня с бурным гомоном и бодрым гиканьем. На их фоне я, несомненно, чудаковато выглядел таким мрачно-мизантропическим мирно зафилософствовавшимся дылдой-мечтателем и, как бы держась немного в стороне, всё-таки решил недвусмысленно узнать, что именно они там себе навыдумывали про неких *других* мертвяков из стародавних сказок.

- Вот здесь, здесь! Смотри, вон там! - кричали товарищи, там мертвяк валяется.

Опять-таки, как раз к месту и времени мне вспомнилось, что некогда, лет с пяток тому назад, бабушка рассказывала нам с Ритой о каких-то чудесных добрых мертвяках, которые и к людям-то, вроде, никакого отношения не имели, ну разве что так, чисто внешне: две руки, две ноги, голова, а в остальном - да самовар самоваром! И вот эти мертвяки, как их все называли, тогда что-то очень активно строили, сооружали, ухаживали

за всеми нашими прабабушками да прадедушками, когда те были ещё детьми. И, в общем-то, делали очень многое из того, что затем как-то довольно быстро легло на плечи всех последующих поколений.

Необыкновенные эти создания садили рожь, овёс и пшеницу, стругали дерево, даже зачастую готовили съестное и приглашали к трапезе, но сами никогда не питались пищей людей, хоть и знали рецепты сотен блюд. Неужели все эти рассказы о каких-то почти волшебных помощниках, которые заботились о наших былых поколениях, и впрямь являются не просто стариковскими выдумками и бабушкиными сказками, предназначенными для того лишь, чтобы развеселить своих внуков и правнуков. Вдруг рассказы - чистейшая правда, и удивительные помощники на самом деле когда-то существовали? А если и так, то куда исчезли с течением времени? Все эти мысли кубарем пронеслись у меня в голове за пару-тройку мгновений, и дальше я тотчас же последовал за остальными детьми в полуразрушенную постройку.

Средь покосившихся руин и обломков кирпичей лежали искорёженные коррозией обломки металлических пластинок, покрытых толстой ржавой коростой, растянутые от времени и долгого срока службы пружины, но во всей этой груде металлолома угадывались вполне себе человеческие контуры. От увиденного у меня перехватило дыхание, и я медленно прислонился спиной к стене, дабы оцепенело не упасть в головокружительной кататонии удивления. Сквозь изъеденную временем и долгими проливными дождями коросту наружу выступали увесистые катушки намотанных медных проволок и куски очень странного материала, которого я никогда и в жизни-то не видел. Он был похож на плотную белесую смолу, только очень хрупкую и очень твёрдую одновременно, уже помутневшую, ставшую тусклой и даже пожелтевшей от старости. Похоже, смоле можно было придать любую форму, что и сделали мертвяки или те, кто создал эти явные и чересчур сложные механизмы. Либо же там, откуда произошли создатели этих нечеловеческих существ, сей смолоподобный материал был известен и широко распространён. Но, право слово, за всю свою долгую, а быть может, и не очень-то долгую жизнь, я ни разу в глаза не видел ничего, хотя бы отдалённо похожего на сей материал.

Мы подошли поближе к мертвяку. Один из мальчишек взял палочку и боязливо, очень осторожно и пугливо потыкал этой палочкой поверхность лежащего тела, всеми силами пытаясь выглядеть храбрым. Попытка не удалась, оказавшись всецело провальной: у парня дрожали коленки.

Впрочем, ничего страшного также не произошло. Мы тогда очень внимательно посмотрели на человекообразную голову необычного ржавого агрегата. Его выпученные глаза таращились наружу, они были, похоже, стеклянными, а сквозь сферическую поверхность их пыльных блестяшек проглядывал непривычно-переливчатое, чуждое марево металлической красочности синевато-фиолетовых зрачков с малиново-вишнёвым оттенком.

Мальчишка с трухлявой палкой поддел этой самой палкой одно из многочисленных проржавевших отверстий разных очертаний и размеров, обильно имевшихся на поверхности валяющегося возле наших ног туловища мертвяка и, слегка поднажав, раскрыл пред нами внутреннее строение сего поразительного создания. Внутри виднелись соединённые друг с другом и надстроенные в несколько слоёв зеленоватые лакированные пластинки со множеством неясного облика и столь же неясной выполняемой задачи наשלёпков, чёрных и бежевых квадратиков, прямоугольных камешков и смоляных крышечек, из которых торчали блестящие ножки, тонкие и многочисленные, будто у впившейся в зеленоватую поверхность ядовитой сколопендры. Были здесь и целые мириады стройных миниатюрных цилиндриков размером с осу, покрытых ржавью и шапками белесых наслоений окислов и отложений пушистых микроскопических соляных кристалликов, а также соединений непонятного нам предназначения, выплавленных или выкованных из тончайших, точно волосок, нержавеющей металлических изгибов и полосочек.

Мы весьма и весьма долго рассматривали эту лакированную пластину с таким невероятным количеством ювелирно прикреплённых, и, зачастую, едва-едва заметных глазу, элементов, но так и не разобравшись окончательно с её предназначением, стали решать, что же нам вот с ним, с механизмом этим, делать. В конечном итоге, мы пришли к соглашению, что вреда мертвяк никому уже точно не причинит, но, на всякий случай, дабы не бросать это бездыханное металлическое тело просто так вот валяться среди руин, мы понабрали осыпавшихся со стен кирпичей и полностью его этими кирпичами обложили, соорудив что-то наподобие небольшого такого мемориала погребения или же замурованного микросклепа. И мы все тогда поняли, даже самые младшие, глупые и неотёсанные из нас, что таки-да, жить это создание уж точно никогда не было способно. Но вот чем оно являлось, почему оно, по-видимому, мыслило, ходило и делало почти всё то же самое, что и люди, хоть и пребывая постоянно в состоянии своей

безжизненности? Ответить на этот вопрос тогда не был способен никто из нас, а все предположения казались одно смешнее другого, поскольку были лишены хотя бы элементарной логики. Нам, жителям Центральной Пыхтеловки, явно не хватало знаний, чтобы понять явление, с которым довелось столь неожиданно столкнуться буквально носом к носу.

Я много раз интересовался у старших, спрашивая, где ещё живут люди на нашей земле, что стало со всеми ними и почему мы обитаем именно здесь, но старшие лишь задумчиво пожимали плечами, не находя ответа или не желая мне сообщать его. Неужели их знание настолько печалит, что они предпочитают хранить молчание, оставляя молодёжь в полном неведении? Или же сами они и впрямь ничего знать не знают? Вопросы, сплошные вопросы... Правда, старики, бывало, рассказывали о том, что мор ли какой прошёл, война ли, а то ли просто планета наша содрогнулась да и скинула всех остальных людей в космос, но только вот настоятельно они рекомендовали не искать никого из людей в округе. И впрямь, сколько мы здесь живём, и насколько мы знаем окрестные места, в округе - и то верно - нет никаких других поселений, кроме нашей деревни, а одни только леса, поля, степи, озёра, болота, скалы, а за ними, скорее всего, опять всё то же самое в постоянной круговерти. Что там сокрыто дальше от наших любопытствующих взоров? Кто его знает...

Особенно яро настаивал, чтобы мы никогда в своей жизни далеко не отлучались от родимой Пыхтеловки, тот самый мой прадедущка, который утверждал, будто добрался до самого края света. Я вернулся домой в избу, находясь в глубоких раздумьях, и от переизбытка сумбурных чувств свалился на устланную сеном лежанку, забывшись беспробудным сном аж до самого последующего утра. А дальше пришли привычные заботы и работы деревенского мальчишки, на время отвлекшие меня от непомерного груза размышлений: уход за своею пышногривой лошадью, ремонт скрипучих колёс у телег и тележек, укладка заготовленного сена, чистка коровки - кормилицы нашей - и сарая, где обитают поросята, выгон всё той же пятнистой коровки на пастбище.

Конечно же, никуда невозможно было подеваться от всей этой бесконечной круговерти, даже если мысли оказывались порою заняты чем-то совершенно отличным от дел насущных. И вот, в процессе утренних сельскохозяйственных работ мне пришла в голову идея повторить подвиг своего прадеда, разузнав правду о том, что же всё-таки имеется и происходит где-то там - за лесами, за полями, за высокими горами. Когда

же я всё-таки разобрался со своими делами, то принялся тотчас же, не теряя ни минуты, собирать ребят для предстоящего путешествия, дабы не было столь скучно и взаимопомощи ради, ведь оно, возможно, предстояло быть долгим и не очень-то лёгким и приятным.

Маргарита, узнав о моих планах от не в меру болтливых соседских мальчишек, в искреннем порыве своего извечного любопытства и в силу настырности характера, заставляющего мою бойкую младшую сестрёнку постоянно совать свой пуговичный нос в дела, совершенно её не касающиеся, начала капризничать, уговаривая меня взять её с собой. Но, понимая всю серьёзность и возможную долговременность предстоящего пути, я вынужден был ответить ей на сей раз решительным отказом, чем, конечно же, очень сильно расстроил эту повсеместную непоседливую пигалицу. Успокаивало лишь одно: пешком нам с соседскими ребятами, радостно согласившимися составить мне весёлую компанию, было идти вовсе необязательно, ведь у меня же была лошадь! И вот мы все, никому больше ничего не сказав и даже и не собираясь ни у кого спрашивать разрешения, отправились в путь-дорожку дальнюю. Ребят от такого заманчивого приключения удержать не мог уже никто, поскольку это могло стать, быть может, самым интересным, самым запоминающимся и самым ярким событием за всю их жизнь! И, вероятно, даже на веку у их родителей никогда не было ничего подобного, раз они всю свою жизнь провели в круговерти Центральной Пыхтеловки, опасаясь ходить дальше болотистого берега озера, лежащего за ржаным полем.

Захватив необходимый запас фуража для лошади и провианта для нас самих, состоявшего из нескольких местных яблок да зелёного гороха в стручках, мы поцокали по просёлочной дорожке, вшестером забравшись на скрипучую кособокую телегу из разохшегося грубовато оструганного дерева. Хотя цокали, конечно же, не мы сами, а моя любимая лошадка, что резво бежала прямо перед нами, ликующе помахивая вениковидною шваброю хвоста и, в порыве вдохновенного позитива, чуть-чуть подпрыгивая на дороге, буквально, на полтора-два метра в высоту. Словно бы играя, она легко подбрасывала вверх влекомую за собой деревянную телегу, так что мы все точно бы летели по воздуху, то плавно и волнообразно, подобно куриному перу, поднимаясь вверх вместе с телегой, то тихо опускаясь вниз, воображая себе, будто мы все стремглав несёмся куда-то в неведомые заморские страны на восточном расписном ковресамолёте, чей образ дошёл до нас откуда-то из полузабытых древних

сказок, устно передававшихся из поколения в поколение, а впервые изложенных невесть как давно всё теми же заботливыми мертвяками, в существование которых я до недавнего момента вообще не верил.

Огнегривая моя длинноволосая Ржанка периодически с задором так поддогокивала, ибо явно радовалась тому, что её наконец-то выпустили, хоть и в упряже, побегать и порезвиться на воле, под чистым лазурным небом и на свежем ароматном ветре, пропитанном эфирными испарениями полевых лекарственных трав, ежегодно пучками заготавливаемых у себя на чердаке местной деревенской знахаркой Друлятой, которая, как говорят, по совместительству ещё и подколдовывала порою, от случая к случаю, если уметь очень хорошо и убедительно попросить её о том. Гулять же от стенке к стенке, с бугорка на бугорок собственного хлева, было для Ржанки, по-видимому, совсем уж нестерпимым испытанием. Она так и продолжала рьяно нестись по просёлочной дороге, извивающейся посреди хлебного поля, покуда эта самая дорога не закончилась.

Оказывается, просёлок вёл прямиком к болотистым берегам нашего округлого озера, о чём я раньше даже и не догадывался. Озеро звалось Рябушкино, и в нём водилась рыбёшка, столь же мелкая, как и само озеро, а потому рыбацкий промысел хоть и возникал спонтанно в Пыхтеловке время от времени, но саму рыбу мы не особо жаловали, ибо костей в ней всегда оказывалось на целый пятак, зато мяса - всего ни на грош ломаный. Покуда дорога обращалась во всё более и более сырую безвестную тропу, мы решили, пока прыгучая Ржанка моя окончательно не увязла, разрешить ей свободно отправиться восвояси, ведь она же умная-разумная лошадка, и дорогу обратно в свой родимый хлев найдёт всенепременно. Мы же, распрощавшись с нашей игривой длинногривой помощницей, остались среди болотистых берегов вшестером и без какого бы то ни было транспорта.

Мне бы не хотелось вспоминать, с какими сложностями и трудностями мы с ребятами обходили Рябушкино, за которым, по прошествии многочисленных подтопленных болотистых полян с репками торчащих повсеместно и зеленых, точно инопланетные лица, травянистых кочек, начинался резкий подъём, ведущий куда-то к скалам наверх, но уже во время приближения к этой холмисто-гористой местности, мы с сожалением обнаружили некоторую недостачу, оказавшуюся, кстати, для нас весьма и весьма весомой на тот момент. А именно, мы забыли забрать яблоки и горох, оставив их на уехавшей домой телеге. Теперь у нас больше

не было с собой провианта.

Солнце уже клонилось к закату, и мы тогда решили, что, быть может, там за горами, где начинаются густые леса, уже отсюда заметные достаточно отчётливо, мы сумеем найти какие-нибудь съестные ягодки-корешки-грибы, и с этой бодрой уверенностью принялись карабкаться высоко на гору, перегородившую нам путь. После того, как мы взобрались как можно выше, солнце уже совсем зашло, и мы легли прямо на самой вершине скалы рассматривать глубокое, особенно в этот сезон, небо над головой.

Тихой и осторожной походкой в здешние края подкрадывалась благодатная осень. Лето ещё лизало нас своими тёплыми язычками мягкого и ласкающего ветра, лето не хотело уходить, точно сомневаясь, передавать ли нас в дар безграничной власти осени, но осень приближалась уже неотвратно, а с ней - богатые урожаи, ароматные наливные яблочки во фруктовых садах и раздувшийся толстенными шишками сладкий горох, от которого всегда так нестерпимо урчит и булькает в животе, точно в берёзовой бочке, где готовится и вызревает, поджидая момента своей особенно ядрёной насыщенности, пузырящийся сладкий хлебный квас или пробирающий до самых кончиков пят сидр. Многоцветное листоплodie деревьев в лучах самых первых намёков на ранние осенние деньки, переливчатость колышущихся живых красок, словно кочующая куда-то волнующим дух и бодрящим тело воздухом этой застывшей, почти окоченевшей осенней свежести. И, конечно, здесь же прорастающие под деревьями боровики, грузди, лисички и маслята, яркие в своей оранжеватости, и высоченные стволы хвойных деревьев, точно сочащиеся по всей поверхности пахучей целебной смолой и взмывающие куда-то под самые облака мохнатыми хохолками изумрудных иголок.

Вы задумывались когда-нибудь, какое же могучее многообразие всевозможных оттенков и красок таит в себе природа? И когда вы входите в осенний лес, то все эти разномастные трепещущие пятна полутонов словно бы обрушиваются на вас безудержным шквалом отличного настроения и прилива сил. Прохладный осенний воздух пахнет прелыми листьями и свежепроклюнувшимися из-под листьев грибами. Благоухают лесные ягоды и свежая хвоя - такую красоту невозможно не заметить, в неё можно только погрузиться целиком, с кончиков пят до макушки головы, полностью впитав в себя этот разномастный осенний порыв, точно морская губка, выбравшая своим жизненным девизом поглощение всего самого светлого и

радостного в оттенках этой бурной жизни, продолжающейся, наверное, не один миллион лет. Хотя, кто знает, сколько лет здешней жизни? Было ли за последним столетием известного нам существования хоть что-то определённое? Я не знаю. И никто не знает.

Но самое главное, что мы были все вместе здесь и сейчас, и мы решили тогда двигаться по пути дальше, и будем продолжать так идти до тех пор, пока окончательно не достигнем поставленной цели путешествия. На следующее утро, с самыми первыми лучами солнца, мы проснулись в то самое время, в которое и привыкли, чаще всего, вылезать из своих кроватей и лежанок: около четырёх часов утра. Впрочем, часов ни у кого из нас с собой как раз таки не было, поэтому и точное время пробуждения знать не могли. Мы прогуливались между деревьями вдохновенного ранне-осеннего леса и, вслушиваясь в крики птиц и зверей, наблюдали много чего интересного: кочующих с места на место нежных ежат, дремлющую в дупле довольно старого лиственного дерева сову и прыгающих то там, то сям линяющих зайцев-русаков. Этот шорох наполнял нас, заставляя каждого смиренно притихнуть, сполна предавшись каким-то собственным сокровенным размышлениям и полудремотным думам.

Так мы шли ещё целый день, а потом и ещё весь последующий день. Чудилось, будто прело-пёстрому лесу не будет ни конца и не края, а мы вот-вот распухнем от голода, когда мы уже просто не могли смотреть на красные полупрозрачные ягоды брусники и костяники, плоды голубики, словно бы пристально следящие за нами внимательными птичьими глазками откуда-то из-под хрустящих травинки, гроздья розово-оранжеватых шариков перебродившей морошки и пролезающие повсеместно, но чаще всего червивые, маслята и боровики. От всех этих распрелестных кисло-сладко-пресных угощений, уготованных нам природой, дико урчало и бурлило в животах, и потому каждый час приходилось делать непредвиденные привалы, дожидаясь, пока кто-нибудь из незадачливых товарищей по экспедиции не отсидится вдоволь под очередным кустом или просто сбегает «до ветру».

Готовить же нам корешки да ягоды с грибами было решительно нечем, не на чем и не в чем - ни спичек, ни котелков у нас с собой в запасе, конечно же, не оказалось. Но ничто не заканчивается так просто. Абсолютно неожиданно мы наткнулись на высокий ржавый решётчатый забор, натолкнувший нас на мысль, что за этим забором, возможно, имеются какие-нибудь постройки, которые и были им отгорожены от всего

окружающего леса. Однако там не обнаружилось ничего, вот совсем-совсем ничего, что способно было нас в той или иной мере приободрить, вдохновить или хотя бы чуточку заинтересовать. По ту сторону от преграды, так же, как и по эту сторону, виднелся один только лес, ещё раз лес и ничего, кроме леса.

Петька, один из мальчишек, предложил пройти некоторое расстояние вдоль решётки, в надежде хоть где-то, даже на расстоянии нескольких километров от места, где мы находились, отыскать какую-нибудь дырку в пружинистом металлическом ограждении. Именно так мы в результате и поступили, но на сей раз нас ждало сплошное разочарование: забор был прочен, крепок и полностью непроницаем для таких, как мы, любопытных проныр, поскольку оказался начисто лишён и самых мелких брешей. Тогда ещё один из ребят, Святогор, принципиально любопытный всегда и везде, прям как моя младшая сестра, мой десятилетний сосед, одетый в белую домотканую рубашку, шаровары и уже стоптанные от долгого пути лапти, и которого все в округе Пыхтеловки называли просто Гориком, предложил поступить гораздо проще, а именно, сделать под забор подкоп, вместо того, чтобы идти, ждать и надеяться, что этот забор когда-нибудь возьмёт да и сам закончится. Ограда и так-то не выглядела слишком уж прочной. Вероятнее всего, она как раз и была призвана останавливать путников наподобие нас, да только кто скажет, с какой именно целью?

Единственное, чего мы с ребятами действительно опасались, так это продолжения решётки вглубь далеко под землёй, ведь тогда все наши труды оказались бы тщетными, и нам пришлось либо возвращаться обратно, либо искать какой-нибудь другой способ преодолеть этот клятый решётчатый забор. Однако все опасения в итоге оказались напрасными, ведь нам удалось преодолеть эту преграду, просто на скорую руку сделав подкоп под этот сетчатый забор палочками сухого хвороста, найденными неподалёку, что позволило уже каких-то полчаса перебраться на противоположную сторону и продолжить путь по всё тому же расчудесному то ли позднелетнему, то ли ранне-осеннему лесу. Мы посмотрели на то, во что постепенно и неспешно превращается наше странноватое путешествие, решив тогда продвигаться только дальше и дальше с двойной уверенностью и целеустремлённостью, дабы узнать правду или же окончательно склеить ласты от этих давно уже набивших оскомину корешков, грибов и ягод.

Прошло ещё несколько часов пути, когда в лесу стало как-то слишком уж тихо. Ни шороха зверей, ни едва уловимых шепотков щеотно лазящих

под ногами и листьями насекомых, лишь щёлкающие шорохи иссохшихся скрученных листьев да далёкие выкрики птиц с гулом унылого ветра в покорёженных ветвях деревьев возвещали нам о том, что жизнь в природе всё ещё продолжается, ступая таящейся укладкой, как на мягких когтистых лапках. А спустя ещё часов двенадцать или около того, нам внезапно предстало зрелище, шокирующее настолько, что мои товарищи по походу уже не знали, куда надевать и как теперь с подобным грузом за плечами жить дальше. Тогда-то я и понял, что прадед мой не врал, а говорил чистую правду, и в сей же миг я узнал, почему он просил меня никуда не отходить от родной деревни Пыхтеловки. Вот именно по этой самой причине.

Мы с ребятами остановились. Лес закончился, а за ним ещё на несколько сотен метров продолжалось поле, изобильно заросшее бурьяном и всевозможными сорняками, а за этим диким полем поблёскивал стеклянистым мерцанием твёрдый небосвод. Выглядело это так, будто гигантская, раскинувшаяся на десятки, если не на сотни километров, небесная полусфера метрах в трёхстах впереди от удивлённых нас вдруг смыкалась с нечёсаной поверхностью поля, топорщащегося в разные стороны корягами и бустулыгами. Дальше хода не было. Тогда мы решили продвинуться вплотную к гладкой плотной полусфере и посмотреть, что же находится по ту сторону от неё. Когда же подошли к ней достаточно близко, чтобы рассмотреть все элементы конструкции, то полусфера предстала пред нами поистине безразмерной. Она начиналась у толстенных, очень широких и, по всей видимости, крайне прочных металлических оснований, вкопанных куда-то под землю, крепясь к этим основаниям посредством многочисленных, дугой изгибающихся куда-то высоко вверх свай, теряющихся где-то аж за гладью небесной лазури. Создавалось ощущение, что здесь, именно вот в этом самом месте встретились день и ночь.

По одну сторону от полусферы пейзаж был почти что патриархально-идиллическим: разношёрстно-благоухающее поле картинно цветастого разнотравья, исполненное жужжания пчёл, шмелей и шершней во всём своём видовом многообразии. Сновали осы, поджужживали им в тактовый унисон мухи. Дальше, за полем, мрачновато-таинственной стеной нависал тёмный частокол дремучего смешанного хвойно-лиственного леса... А над нами, прямо над шарообразными головами ребят, толстый и, кажется, многослойный материал, поддерживаемый объёмистыми и, верно, увесистыми дугами неизвестного металла, уходил куда-то за кучевые и даже перистые облака, чтобы где-то там затеряться в безмерном

пространстве, растворяясь на невообразимой высоте по мере приближения к насыщенной синим цветом и залитой солнечными лучами точке зенита.

С противоположной стороны от разделявшей нас многослойной прозрачной перегородки действительно не было практически ничего, за что глазу можно было бы с уверенностью зацепиться. Если на своей знакомой глазу стороне мира, оставленной теперь за спиной, мы могли наблюдать, как из бездонной выси, сквозь клубящиеся облака, на нас снисходят косые лучи, несущие тепло и жизнь всему сущему в природе, окружающему нас, то там, по другую сторону от стеклянной перегородки, нестерпимым блеском слепили сияющие звёзды. Они выглядели раскалёнными каплями настолько, насколько я никогда не видел их даже в самую-самую ясную, безветренную и безоблачную ночь, они буквально озаряли насквозь, тогда как до горизонта, осенённого серебристыми лучами и непроглядными тенями тьмы, тянулась пугающая своей опустошённой безжизненностью холмистая равнина с хмуро проглядывающими ямами провалов и разломов, сплошь покрытая непроницаемо чёрной пустынной пылью и заканчивающаяся где-то вдалеке высоченными и столь же необычайно чёрными, как и всё остальное пространство, пиками гор, похожими на пилы шипастых крючьев хищных рыбьих зубов, нанизанных на нижнюю челюсть галактического чудища, свалившуюся вдруг с небес и покрывшую своей тушей всё пустующее поле открывшегося нашему взору, вероятно, смертоносного пространства, исполненного вечным бездыханным мраком и ужасающим холодом. Чернильные кляксы ландшафта, казалось, глубоко вдыхали с клекочущим треском все изливающиеся сверху волосы пепельно-русых лучей Млечного Пути, поглощая весь их свет и разливаясь вокруг дрожащими миражами озёр тьмы и застывшего величия окаменевшего спокойствия космической истомы.

Я животрепещуще вообразил себя находящимся с противоположной стороны исполинского купола, разглядывающим сквозь необыкновенное и практически незаметное глазу стекло - или чем ещё являлся прозрачный материал перед нами - островок цветения, благоухания и жизни, не в силах прорваться вовнутрь, замерзая, утопая в многометровой пыли мертвенных пустошей, представил всё это - и содрогнулся от чувства экзистенциального ужаса, пронзившего истоки моего естества, ибо чувство это было более всего похоже на истинный ночной кошмар, расползающийся ужаленным оцепенением яд панической агонии ума, исковерканного в сжавшийся комок неожиданно жутким откровением познания.

Видимо, мой прадед испытал те же самые эмоции в своё время и тоже содрогнулся, обнаружив вдруг себя в клетке последнего оплота жизни на планете, откуда не сбежать, ибо некуда, а вокруг не царит ничего, кроме безличной, пустой и безжалостной стихии, несущей смерть всему живому, да иссиня-чёрных гор, выше которых никто из нас за всю жизнь ничего не видал, ну разве что плывущие по небу под куполом облака, да ещё само небо, которое отныне не казалось больше таким уж однозначно отрадным и возвышенным, как в раннем возрасте, когда я не ведал ещё сей страшной истины о жизни в здешних краях. Кто же мы, кто? И также кто, а главное, зачем соорудил толстенное многометрово-многослойное куполообразное покрытие, под которым мы и обитаем всю жизнь? Почему и с какой целью мы все скопом здесь находимся и есть ли люди ещё хоть где-нибудь в мире?

Так мы с соседскими ребятами простояли, ошарашенно созерцая леденящий душу пейзаж, не в силах от него оторваться, наверное, часа два или три, пока над горизонтом не принялось подниматься огромное ночное светило, заливая всё окружающее пространство жидковато-синим цветом и само расцвечиваясь вспыхивающими точечками ярко-жёлтых на тёмном фоне огней и каких-то сияющих нитеобразных линий, соединяющих эти точки. Как и всегда, впрочем. Никто не ведал, почему так происходит, и какое природное явление заставляет поверхность ночного диска походить на тлеющие угли в печи или костре. Зато в открывшемся нам новом знании о собственных жизнях чувствовалась дичайшая тоска отстранённости по чему-то абстрактно знакомому, даже естественному, но так и не посмевавшему свершиться, навсегда потерянному и никогда уже не происходящему в силу каких-то объективных законов существования, остающихся для нас, тем не менее, абсолютно неразрешимой загадкой, которую всё же очень хочется хотя бы попытаться разрешить. Мы все одновременно, не произнося не слова, вдруг почувствовали, что позабыли себя настоящих и понятия не имеем, кто же мы на самом деле. И каждый без слов интуитивно осознал - все мы ощущали одно и то же, точно бы общаясь друг с другом без слов, на совершенно ином, непостижимом доселе уровне. Что мы здесь делаем? Что делают все жители Пыхтеловки?

Понури́в головы, мы отправились в обратный путь, в родимую деревню, единственное и потому бесценное прибежище человека на целом свете. Наконец, спустя почти неделю с начала нашего путешествия, когда мы уже устало и по-прежнему ошарашенно приближались к своим домам, пройдя горы, леса и болотистые берега озера Рябушкино, продвигаясь

вдоль колосющегося пшеничного поля по той же самой дорожке, по которой ещё совсем недавно в светлой надежде интересных открытий фантастических и будоражащих воображение мест воодушевлённо ехали на телеге, везомые прыгучей и игривой лошадкой Ржанкой. Именно здесь нас нежданно-негаданно настиг непривычный слуху человеческом гул, не похожий ни на что, когда-либо ранее нами слышанное.

В тот момент мы как раз находились неподалёку от торчавших из поля руин построек, тех самых, где неутомная моя сестрёнка наткнулась на останки необычного человекообразного механизма. Мы спрятались за руинами и увидели, как на поле ржи прямо рядом с нами откуда-то сверху начал плавно спускаться исполинских размеров тёмный параллелепипед, пламенно подсвеченный снизу алым сиянием жара. Похоже на то, что он проник извне, через какую-нибудь дверцу на самой макушке небесного купола, закрывающуюся и открывающуюся, скорее всего, примерно по такому же принципу, как открывается и закрывается погребок в сарае рядом с моей бревенчатой избой.

Наши совместно приложенные усилия к попытке заглянуть в нутро аппарата настолько, насколько позволял угол обзора и стенки параллелепипеда, не увенчались ровным счётом никаким успехом: тот был полностью непрозрачным. Нулевой результат от наших усилий казался объясним, прежде всего, ещё и тем фактом, что из руин, где пришлось попрятаться всем участникам экспедиции, можно было разглядеть лишь кусочек неба, хлебное поле и парящий в воздухе параллелепипед, пригибающий под одинаковыми углами злаковые колосья ровными чуть закрученными полукругами завихряющихся узоров под собой, образуя какой-то рисунок, который нам с выбранного угла обзора виден не был совершенно.

Вдруг, где-то на самой верхушке летательного аппарата показались контуры незнакомых людей. Впервые за всю жизнь мы тогда увидели кого-то незнакомого. Одеты они были в необычную одежду, плотно облегающую их тела, и один из этих людей, показав явно, что заметил нас, прокричал вполне даже понятно и разборчиво: «Мы знаем, что вы здесь! Выходите, не бойтесь, вреда мы вам не причиним!» Тогда, по праву старшинства, я первый, хоть и несколько понутив голову, осторожно решил выйти из укрытия, а вслед за мной потянулись и остальные ребята. Несмотря на успокаивающие заверения иноземцев, всем нам было страшно - аж жуть! Мы шли все вместе, скопом приближаясь к этому внушительных размеров

механизму, висевшему примерно на высоте ста метров над поверхностью злакового поля. И, что примечательно, чужестранный механизм начал постепенно спускаться, словно бы принимая нас в свои объятия. По откинувшейся откуда-то сверху такой же тёмной и чуточку ржавой лестнице к нам спустились те самые люди, которых мы видели на самой вершине агрегата. Человек, одетый в наиболее торжественно-вычурный и в то же время довольно строгого вида наряд неброских приглушённых оттенков, протянул мне свою лопатообразную руку, оказавшуюся тёплой и чуть шероховатой, и, крепко поздоровавшись, представился:

- Капитан Артемидий Ломовский. С кем имею честь разговаривать?

- Ростислав, можно просто - Ростик, - кивнул я ему в ответ.

- Что ж, очень приятно! Нам с Вами, Ростислав, надобно бы обговорить, обсудить одну деталь. Вы же понимаете, что мы не можем позволить полученным Вами сведениям распространиться в Пыхтеловке, за пределы того места, где мы находимся? Так что вам всем шестерым придётся пройти со мной - хотите вы этого или нет. Без вариантов.

Мы с ребятами, мягко говоря, были снова удивлены и несколько шокированы. Вкупе со знанием о куполе, размещённом в центре безжизненной долины, оказавшейся нашим общим домом, предъявленные требования оказалось уже слишком тяжело перенести.

- Как? Куда? Зачем? А вы кто вообще? - вопросы буквально посыпались градом.

- Вы должны. Диспозицию объясним на месте. А сейчас поменьше разговоров. Искать вас всё равно никто не станет: вы столь долго отсутствовали в деревне, что ваши соседи, верно, давно уж решили, будто вы все сгинули в близлежащих лесах и топях. Мало ли, может, зверь какой задрал, - чеканно сказал как отрезал капитан Ломовский, чуть заметно ухмыльнувшись оттенком кривой полуулыбки. Когда мы поднялись на вершину поразительного летучего корабля, то впервые увидели поле и нашу деревню с такой высоты и под таким углом. С дальних гор её не видно вовсе, а подняться на подобную высоту в здешних краях просто не было раньше никакой возможности, поэтому единственное, что мы могли сделать - это раскрыть округлившиеся от удивления глаза и ещё раз повторить свой закономерно заданный вопрос.

- Поясняю, - ответил нам капитан Ломовский. - Посмотрите на всех людей, прибывших со мной и которые вас сейчас окружают.

Мы с любопытством и без тени смущения внимательно разглядывали

прибывших на тёмном параллелепипеде чужаков.

- Вы не знакомы с ними, не так ли? В Центральной Пыхтеловке едва ли наберётся чуть больше семи сотен человек. А можете ли теперь хоть на мгновение представить, что там, откуда мы родом, в настоящее время обитает уже более тридцати пяти миллиардов человек? И планета их, поверьте, едва выдерживает. Мы прибыли с вашего ночного светила, Земли, той самой планеты, которую вы каждую ночь наблюдаете у себя над головой и откуда родом всё человечество, в том числе и ваши прародители.

Когда-то в былые времена мы жили примерно в такой же гармонии с природой, находясь в условиях неразвитой, но лишь начинающей свой путь цивилизации, почти в таких же, в каких вы живёте сейчас. Но прошли века, и мы сумели подчинить себе природу, научившись довольно эффективно и по-максимуму использовать её ресурсы, развили высокие технологии, построили для вас тех самых киборгов, довольно простеньких по нашим нынешним меркам, которых вы несколько неудачно обозвали «мертвяками». И они прослужили вам лет этак шестьдесят без перерыва, будучи снабжёнными ядерными батареями, которые так до конца и не израсходовали свой ресурс до сих пор, в отличие от выгоревших и окислившихся катушек сервоприводов и менее надёжных, чем ядерная батарея, электронных компонентов этих роботов-андроидов. Кстати, а вы хоть в курсе, что такое «ядерная батарея», «киборг», «сервопривод»? Ладно, не будем гнать лошадей, времени для объяснений ещё ох как немало найдётся, вы уж не сомневайтесь. Даю слово, что так и будет.

В своём технологическом развитии мы достигли своеобразного пика, точки невозврата природных ресурсов, при которой значительная часть Земли превратилась в разросшийся до колоссальных масштабов международный мегаполис, объединённый глобальной экономикой и общемировой инфраструктурой коммуникаций, за исключением разве что самых холодных и самых неудобных для освоения территорий: Гренландии, Антарктиды, Центральной и Восточной Сибири, Аляски, многочисленных северных островов за полярным кругом, южных пустынных земель и экстремально высоких гор Тибета, Гималаев, Анд и Кордильер, что, в совокупности, если вдуматься, не так уж и мало. Но зато, как я уже говорил, вся остальная поверхность Земли превратилась в расплотившиеся до невообразимых пределов и затем слившиеся друг с другом воедино города, которые расползаясь, точно плесень на поверхности корочки хлеба, поглотили всю ту территорию, которую способен активно освоить человек.

И тогда мы решили пойти на беспрецедентный по риску и дороговизне эксперимент. Вряд ли ты слышал, Ростислав, но ещё несколько веков назад человечество придумало и развило идеи об экосистемах - замкнутых пространствах, где в течение нескольких лет способны сосуществовать параллельно и гармонично сразу несколько видов различных животных, растений, насекомых и всевозможных червячков. Баланс их сочетания и взаимовлияния соблюден в искусственной среде настолько, что существующих в экосистеме ресурсов, используемых в обмене веществ, достаточно для того, чтобы снова и снова возобновлять и продолжать жизнь в течение очень долгого периода времени.

В поисках разрешения экологического кризиса на планете ученые внесли предложение построить и сделать заповедником природы, открытым только для исследований и ни для кого бы то ни было ещё, подобную сбалансированную экосистему, которую называли для удобства Парадизом, то есть раем. И это название вполне оправдано, ведь для любого современного землянина ваш уютный, наивный и патриархальный мирок под куполом покажется настоящим раем отдохновения от запредельных скоростей, информационных потоков и технократического окружения, царящих на нынешней Земле. Задумка человечества стала самым грандиозным проектом из всех проектов, когда бы то ни было затеянных людьми. Мы, и в самом деле, всего за каких-то несколько лет сумели возвести купол просто невообразимых размеров для пространства вашего Парадиза, спроектировав и выстроив его из сверхпрочных и сверхлёгких синтетических полимерных материалов, открытых буквально за год до начала строительства. Купол был сконструирован размером около двухсот километров в диаметре, а затем люди прошлого заселили его видовым разнообразием земных форм жизни, тщательно спланированным экологами и гармонично сбалансированным: лесами и травами, птицами и зверями, насекомыми и грибами, рыбами и бабочками, а также, разумеется, людьми, выбрав то лучшее, что существовало в природе и объединив всё это в гармоничный обмен веществ в природе на локально очерченном ареале обитания многообразных видов.

У вас здесь предостаточно воды из озера, а испаряясь, она вновь выпадает дождями, питающими почвы растений, растения становятся пищей для животных, а животные питают вас. В общем, если бы не уровень гравитации, некомфортно и непривычно низкий для нас, то здесь всё обстоит примерно так же, как обстояло на Земле лет этак семь сотен тому

назад. Построен «город под куполом» был, как вы, наверное, уже поняли, в полной изоляции на ближайшем и единственном спутнике Земли - на Луне, в кратере, получившем когда-то давным-давно название Море Ясности, где мы с вами сейчас все и находимся, и именно границы этого кратера вы увидели сквозь прозрачную поверхность купола как невозможно высокие чёрные горы, уходящие высоко в небо на полосе горизонта лунной поверхности. А пока вы рассматривали нетронутый пейзаж естественного спутника, мы заметили вас через установленные на опорах купола камеры наблюдения - и через некоторое время прибыли сюда, дабы исключить утечку информации. Также мы отслеживали весь обратный путь вашего перемещения в сторону Центральной Пыхтеловки, чтобы пресечь его в наиболее удобный момент. Как видите, удалось. Людям всегда всё удаётся, если прикладывают усилия в достаточной мере и в верном направлении.

Парадиз - отнюдь не единственный город под куполом на Луне, сейчас их здесь около тридцати, зато самый крупный и единственный, не пользующийся дарами современной цивилизации. Все прочие колонии используются для решения многочисленных и разнообразных проблем - добыча жизненно необходимых полезных ископаемых и минералов, научно-исследовательские, медицинские и производственные лаборатории, военные разработки, промышленные заводы токсичного химпроизводства, дешёвые жизненные пространства для тех экстравагантных чудаков-романтиков, что навсегда готовы распрощаться с Землёй и продолжить освоение Луны, променяв близость глобальной цивилизации на большее личное пространство, спокойствие и размеренность жизни. Присутствуют здесь и суровые тюремные территории, ведь сбежать отсюда практически невозможно, а последняя тюрьма закрылась на Земле лет двести тому назад.

Но Парадиз - пространство поистине уникальное и неповторимое, предоставляющее практически безграничный простор для исследований - как экологических, так и психологических. И вот уже без малого сотню лет со времени строительства Заповедника мы всем светом научного мира биологов, антропологов, психологов и философов стараемся в чертах вашего развития рассмотреть ключи к разрешению насущных вопросов собственной цивилизации и понять, где и когда мы свернули не туда, куда бы следовало свернуть, и какие ещё неожиданные тропы развития способна предоставить нам жизнь. Сосуществование - самая сложная наука.

Как раз сто два года назад началась вся эта история с вашим

жизненным пространством - в 2362 году. Поскольку ни одна страна не имела достаточно финансовых средств для такого широкомасштабного строительства, проект было решено сделать интернациональным, однако доставкой и размещением грузов, поставкой и настройкой мирных роботов-слуг, представлявших собой модифицированную версию японско-корейских боевых дронов, а также выращиванием в биотехнологических лабораториях всего будущего видового разнообразия Парадиза занималась наша страна - Россия - при разноплановой поддержке Коалиции Стран Восточного Региона. Наша страна выступила одним из ведущих сторон-инициаторов проекта в силу того, что имела одну из наиболее давних и развитых государственных программ освоения космоса, равно как и подходящие аэродромы для запуска многочисленных грузовых шаттлов ядерном топливе, частных космолётов на квантово-запутанных лучах нейтрино, а также производила закупки струнно-голографических микротелепортов, правда, совместного индийско-китайского производства.

К слову сказать, изначально планировалось построить город где-нибудь в Антарктиде, но сооружение столь масштабной постройки где бы то ни было на Земле могло иметь самые непредсказуемые экологические последствия, и тогда объектом для строительства была избрана Луна. Мы собирались отправить сюда на заселение первых людей, хорошо знакомых с земной жизнью, но впоследствии проект был несколько модифицирован и, как я уже говорил, весь видовой состав был искусственно подготовлен в биолaborатории, причём здесь же, на Луне, но только в другом городе под куполом - в специализированном научном центре. Причиной, приведшей к изменению планов, было наше желание изучить, каким именно образом влияет на восприятие мира и взаимоотношений с окружающей природой жизнь вне цивилизации с самого начала. Все же те люди, которых мы имели возможность отправить сюда, были современными людьми, привыкшими к условиям и удобствам цивилизации, поэтому чистота эксперимента могла уже в те давние времена быть нарушена.

Теперь же эту самую чистоту эксперимента пытаетесь нарушить вы, мальчишки, своим открытием. Понятное дело, что, будучи выведенными «из пробирки», вы не имеете ни малейшего понятия обо всей истории человечества, отстоящей далее во времени, нежели столетняя история жизней ваших поколений под куполом на Луне. И мы продолжаем наблюдать, в каком именно направлении продолжит развитие ваша родная Центральная Пыхтеловка, всегда пребывающая в центре внимания учёных

сообществ и, вероятно, ей предстоит находиться в привилегированном положении тонко и ненавязчиво взлелеянного результата грандиозного эксперимента ещё на протяжении многих жизней будущих поколений землян. А теперь единственный наиболее гуманный выход для вас шестерых - это дать согласие отправиться с нами на Землю, дабы вы никому не могли бы выдать наши научные секреты. По сути, это не просьба, а приказ. Иначе... увы, я буду вынужден действовать строго по выданной мне под расписку инструкции. Ничего личного, ребята.

Раскусив этот жирный и недвусмысленно угрожающий намёк, я подумал тогда, что этот инопланетный капитан Ломовский, столь долго и подробно вводивший нас в курс дела, по сути, не оставляет нам выбора. Тогда я окинул взглядом всех присутствующих - как односельчан-пахтеловцев, так и землян в своих тягучих, но прочных костюмах, людей с иным уровнем познаний, мышления и неведомыми мне представлениями о мире, существ, таких же, как мы, но столь сильно отличающихся внутренне, умело и с невообразимой скоростью манипулирующих многочисленными и разнообразными чувствительными к прикосновениям трёхмерными изображениями, окружавшими их и висящими прямо в воздухе...

Мы с товарищами вошли на борт корабля, и вскоре вся наша планета, где мы, шестеро мальчишек, родились, стала сначала размером с шар в полнеба, укоризненно смотрящий на нас стрекозьими глазками других прозрачных куполов, поблёскивающих на солнце, и среди них виднелся и ярко-пронзительно-зелёный островок Парадиза, в котором прошла вся моя предыдущая сознательная жизнь. Затем Луна стала размером с крупную сковородку, а спустя незначительный период времени - с капустный кочан, точно бы обсыпанный отражающей солнечные лучи металлической пылью. Ещё всего лишь через несколько часов столь чуждый, поразительный и казавшийся мне тогда донельзя непривычным земной мир электрических огней вечного дня, летающих миниатюрных агрегатов и высотных домов самых причудливых очертаний и расцветок, упирающихся прямиком в небо, будучи созданными из неведомых каких материалов, людей, одетых в костюмы аляповато-геометрических раскроев и неизвестных для меня названий, и укутанных с ног до головы мигающими огоньками каких-то сложных устройств неясного предназначения, приотворил передо мною устрашающие своей новизной и чуждостью объятия высокотехнологичной цивилизации.

А дальше? Дальше жизнь моя закипела совершенно по-новому и, спустя долгие десятилетия, донесла меня до того самого момента, когда появилась возможность обо всём этом поведать вам в личных мемуарах одного из шести людей, рождённых на Луне и ныне живущих на Земле.

Трансплотинка: акция

Перечень участвующих сущностей:

Принцесса Турель - изнеженная аристократка, но обладающая цепким и нахально-напористым умом в сочетании со стервозной антигуманностью характерных черт личности.

Мурашка - аристократка, менее знатная по происхождению, чем принцессы из Королевства Термопасты. Самоуверенная, даже самонадеянная, активная, на жизнь смотрит исключительно оптимистически, появляется неожиданно и повсеместно, не спрашивая никого, просят её появляться или не просят. Несколько поверхностна в суждениях, зато никогда не ни в чём не сомневается.

Мисс Дрезина - неповоротливая престарелая дева с гипертрофированными пропорциями сытого бегемота. Не блещет ни умом, ни сообразительностью, ни красотой, зато высокородная. Любит помечтать.

Каклушакёз - незнатного происхождения, слуга-высочка, пытается всеми правдами и неправдами занять социальную ступень повыше. Быстр, как Мурашка, хитёр и лицемерен. Патологический подхалим и честолюбец.

Туревал и Валатора - два братца-акробатца, пряник и кнут, никогда друг друга не покидают, интеллектом также не блещут, зато по-богатырски всецело патриотичны, честны и верны своему государю. Военные увальни, вдохновлённые сражениями и демонстрацией «силушки молодецкой».

Король Термопасты - бесстрашен и спокоен. Любит песни и пляски. Глава государства, технократ-киберморж и просто хороший велосипед.

Страж - неумолимый охранник Врат, существо вне пространства и времени, присутствует везде и сразу. Других функций не имеет. Похож на моржа с третьим глазом, что заставляет задуматься о родственных узах

Стража с королём Термопасты.

Мартышки Лу-Лу - образчики сосредоточия западного образа жизни. Прагматичны и расчётливы, улыбчивы, как Кондолиза Райс, хитры. И очень назойливы, считая Лес Мартышек идеалом для всех королевств.

Термиты - воинственны, неустрашимы, действуют всегда сплочённо и разумно. Считают себя источником справедливости и правды.

Принцесса Термитов - символ образа жизни Термитов.

Феерия событийной игры:

Принцесса Турель: Не правда ли, люди, та техника нова, а мы как шагали, так впредь и идём?

Мурашка: Турелька, моя золотая обнова, проснувшись от ночи, пылает огнём.

Мисс Дрезина [*лёжа в гамаке, как и все остальные*]: Не правда ль, о, дивы, времён ускользанье, идёт не на пользу, но только во вред, однако порою лихие лобзанья природа заводит, как кабриолет...

Каклушакёз [*выскакивая между гамаков*]: О, нет! Всем - ресет! Послушайте новость, мои дорогие: король Термопасты навеки пропал. Его проглотила принцесса Термитов, такой у него преотвратный финал!

[*Все четверо выскакивают в крайнем удивлении и начинают друг за другом носиться между гамаков, после чего дружно смотрят в сторону и поют*]: Пропали, исчезли, пропали все наши острова, на них, на них отныне не вырастет трава, о, что теперь делать, поведай же, жизнь? Король наш из рода Бриллиантовых призм! Народ возродили Златые Врата, но кто отстоит без проблем город`а?

Туревал и Валатора [*появляются неожиданно, но при этом ещё и всегда двойные*]: Не надо нам киснуть, ведь время не ждёт, всем нужно повиснуть, но наоборот. Спасёт короля лишь во благо земель волшебный, как ваджра, резиновый хмель. Мы вместе доедем, мы вместе дойдём, мы горы разрушим и реки свернём, покуда с орбиты не слезет Земля, не будет пощады врагам короля. Король Термопасты - великий сундук, а мы - его дети, а мы - его сук. Он яблоком станет - мы листья сорвём, он гимнами грянет - мы все подпоём, поедем ордою в чужие края и вытянем за уши вверх короля.

Каклушакёз: Посажен он в грядку, он - репа иль лук. Его не признает магистр наук. Принцесса Термитов всегда голодна, из брюха её аж

Венера видна. Из брюха извлёк компоновочный шар. Мы им термоядерный врежем удар.

[Острова видоизменяются, вместо них сцена из Королевства Термитов. Термиты очень дружно танцуют, неотличимы один от другого настолько, что решительно невозможно понять, кто какой термит. Посреди холла из развевающихся опахал танцует брейк король Термопасты, прерывисто дыша и речитативно проговаривая]: Я - технический слизняк, генерирую сквозняк, между мной морозом дышат, как вулкан, так и табак. Я порою шестерёнки островные раскручу, шарм мой - сокол, лист мой - тонкий, а мой разум - а мой разум недоступен и врачу. Я - властитель Термопасты, я - король из микросхем. Если лазеры погаснут - вырастет гигантский хрен. А пока я жив - спокоен, потому что скушал корж, так уж этот мир устроен, я покуда - киберморж! Гиперморж - софист порядка, трансцендентный обормот, ох, не вырасту на грядке, но построю струнный плот. Уплыву за океаны, уплыву за острова. Где мои родные страны, где же Родина моя?

Туревал и Валатора *[в болотных сапогах пробираются через трясины, на головах у них - фонари для понимания окружающей их местности]:* На болотах коловратья песни пляшут и поют. Мы же вам - не просто братья. Я вот - пряник. Он вон - кнут.

[Тут появляется Страж]

Страж: Стоять, господа, ни шаг за врата. Вам просто сказать: не есть и не спать!

Мурашка: Нам тебя одолеть надо лишь захотеть, ты - наше сознание, а не медведь. Попробуй скажи, что и мы не ежи - получишь по полной в свои гаражи.

[Мурашка достаёт из запазухи картошку, передаёт картошку мисс Дрезине]

Мисс Дрезина: Возьми от нас в глаз волшебный топаз, и вставь его в шляпу, вратарь - водолаз!

Мурашка: О! Противогаз! Ты - полный атас! Святой наш, нетленный, такой обалденный, ты - наш Аристотель, о, противогаз!

[На фоне - голоса Туревала и Валаторы]: Родился, родился, на свет появился культ противогаза, он вылез из баз. А в базах-то данных засели циклопы. Они - невозможны и сено жуют. Но мы совершаем обряды Европы. Ты - помнишь? Я - помню. Я - пряник! Ты - кнут! О, как ошибаются сны мироздания. В их мира сознание гиббоны живут. Мы ж

гиперморжами идём на задание! Ведь знание силы - безумия труд! О! Пруд! О! Пруд! О пруд ты ударься, когда черти гнут, они с твоей шеи хомутик упрут и в омут отправят ловить снегирей. А может, налимов? Но я бы сказал: «На место, Нахимов! Скорей в кинозал!» Нам в`иденье это придёт, как вода, покуда распахнуты все ворота!

[Страж падает, вылезает моржевидное творение реальности с третьим глазом и начинает на загровке Стража отстукивать барабанными палочками государственный гимн Японии, причём во лбу Моржа горит третий глаз, что свидетельствует о том, что Морж имеет самое что ни на есть прямое отношение к колонизаторской островной империи короля Термопасты. За воротами высится прекрасный лес, в котором обитают господа поднималы, все равноразделённые по научным принципам принцессы Термитов]

Принцесса Турель: Сошлём мартышек Лу-Лу в заморский Гонолулу, где всяк, ежу подобный, в гареме станет сдобный!

[В лесу также живут мартышки Лу-Лу, они ездят на своих лифтовых саночках вдоль по древесным корам, а их милые мордашки всегда рады приветствовать любых непрошенных гостей]

Мартышка Лу-Лу: Давайте поиграем в увлекательный заскок, вы катаетесь вверх-вниз, сжимая древа сок. Но когда одна из Лу-Л пробивает гром и гул, мы слетаем на карниз, вы ж тогда летите вниз. Кто добрался до вершин - тот наш шах и тот наш джинн, ну а кто - вниз головой, тому вечность и покой. Сани наши, точно мышь, и всегда едят камыш, мигом в сосны заберут, не почтив вообще за труд. Так сыграем на билет? У вас выхода и нет!

[Мартышка Лу-Лу садится на дерево и начинает раскачиваться взад и вперёд]

Каклушакёз: Вам дарю воздушный шар, а внутри сидит комар. Комара надуть слегка - даст он литр молока. А из молока на свет ты получишь партбилет. С ним прокатят с ветерком военторг и военком. Может быть, наоборот... наступает Новый год!

[Все мартышки Лу-Лу сцепляются и начинают водить хоровод]: Хоровод, хоровод, он от слова «хорошо», говорим мы вам ещё: партбилет похож на плот. Он - опора мироздания и Реальности оплот. Партбилет, партбилет, с ним сходи ты...

Король Термопасты *[неожиданно появляется среди мартышек Лу-Лу и начинает петь оперным голосом]:* Много лет! Много лет я в

заключение, вам скажу я: много лет! Эту песню вам пою, словно гусь из дисциплины, мой - короткий, его - длинный! Нос короткий! Адский гусь! Я тесню туман в заставе, не могу себя заставить раскудахтать тот кирпич. Тушат локоны устои, а латунные обои нас по пятницам не стоят, только лишь по четвергам. За мной едут горожане - я идеи размножаю, я же просто обожаю свой конвой за меч и плуг. Мой конвой - заслуги Солнца, мой конвой топор заточит, вылезает он из бочки, но чугунный, как уютюг.

[Появляются Туревал и Валатора]

Туревал и Валатора: Мы готичные букашки, мы - кормушки-промокашки, сказкам мы синиц обучим, пустотелых, с гребешком, попугаями зовутся, только ходят не пешком.

[Размахивая топорами и кривыми саблями, появляются Термиты]

Термиты: Мы - Термиты-новобранцы. Нас боятся иностранцы, потому что мы - поганцы, не поганочники, нет. Мы - Термиты-отморозки, в нас живут рябины доски, оттого мы томно-плоски, как куриные мозги. Мы - ряды ассоциаций, мы - Термиты от транзакций. Оттого, что мы - Термиты, нас все любят и хотят. Только Солнце неспокойно, только небо конебойно, и пока кобылы сохнут, мы растим прекрасный сад! Мы - животные растения! Мы - венозные знаменья, и пока мы просто будем, справедливость не уйдёт!

Мурашка: Я похожа на закладку или даже на прокладку, а точнее - на помадку. Высосу помадку звёзд! Как свалился - вынес улей, я тотчас помчалась пулей, по пути ловила гулей - дело доброе, а что?

[Все вместе]: Зоопарк, зоопарк, это просто зоопарк, он не любит звёзды мимо, но зато за просто так. Дай нам вечность больше грамма, дабы каждый был мастак. Зоопарк, зоопарк - нету марок - дайте кварк. Мы ведём вас к примиренью под полсотней важных арок. Гули-гули-гули-гули! Баржи бабочек надули! Где манулы объявлений? Где сманили анилин? Пляшем, скачем, всё прощаем. Короля вам возвращаем, отрыгни ж его, Терматка, а не то взорвётся мозг.

Принцесса Термитов: Короля я проглотила. Это было так уныло. Он по вкусу, точно вата, но совсем не поролон. Мне же хватит и салата! Забирай его, барон!

Король Термопасты *[вылезая из откуда-то, откуда-то находится где-то, а где-то - оно там]:* Я как заново родился, и, быть может, был уныл, но со мной на свет явился угнетатель-имбецил. В шкуру я свою влезая, говорю: «Спасибо, Зая!» Все похожи на колонны, я - простой

велосипед. Оттого умы не склонны городить лазурный бред. Если ум лишь бред городит - то какой же это ум?! И теперь я возвращаюсь к вам - властитель дел и дум!

Туда, где струится свет

Эмусон был естеством сна, выглядывающего из-за угла. Этот сон пронизывал всех и каждого, распадаясь на миллионы тончайших нитей, дающих знание пульса жизни любому из существ. Эмусон складывался внутри каждого человека, лежащего и видящего свет, истекающий из-за двери вместе со скрипом далёких патефонных нот. Тёплая темнота окутывала его ватным коконом, но в голове эхом по-прежнему отзывался далёкий позабытый мотив, исходящий из прошлого. Там грохочут фанфары, а виниловая пластинка была раскрашена в полосы цирковых цветов.

Наступила осень. Эмусон решил навестить эти блаженные места. Он собрал маленькую тележку пожитков и отправился в дальний прекрасный путь, лежащий у него перед изысканным кончиком носа. В перьях темноты всплыли на фоне позднего заката, накопившего дождевую влагу, деревянные постройки старинных зданий, облицованные салатно-зелёными окнами. Эмусон пробрался вовнутрь усадьбы узенькой летучей мышкой. Внутри гремели патефоны, и проводилось торжество, и на всём присутствовал какой-то чувственный налёт сыгранности, повторяемости, точно патефоны и торжество были тенями, уходящими глубокими корнями в личное прошлое, призраками забытья заикливаясь на месте проведения запылившегося празднества. Коридоры манили, они звали отсоединиться от пышных обрядов и проникнуть в прорезиненную утончённость туннелей, словно выбранную из полос, уходящих в бесконечную даль.

За коридорами открывались юные сады. И здесь же мирно похрапывал Некий Буз. Некий - было имя его, а Буз - фамилия, отчества же его никто не ведал. Он был настолько велик, что Эмусон уже подумывал арендовать шлюпку для совершения кругосветного путешествия по складкам жира Некогого, да не тут-то было. Буз проснулся, а с его

пробуждением и свет померк. Залы садов нависли вдруг над пропастью на высоком скалистом берегу реки. Исполин загремел жестяными костяшками пальцев, и тогда невесть откуда появившиеся светящиеся пауки унесли его вглубь кино. За ними на янтарных персиках сада последовала команда комаров-очистителей. Комары очищали воздух сада от росы.

Росистая паутина склизко прокладывала ячеистые структуры, напоминающие хищный и пористый гриб-мухолов. Привлечённые комары высасывали Некого Буза из тончайших цепей свисающих капель, синхронизируясь с музыкой грохочущего скрежета патефонов. Патефоны подвывали, скрипели и пели. Их хор понемногу, но верно и настойчиво определял мысли, дела и эмоции каждого, кто пытался вживаться в такой ход событий естества. Патефоны задавали темы и саму цель жизни, они открывали новые врата и превращались в неизвестность, выуженную из неизведанного в неведомое. Эмусон посмотрел внутри старинной усадьбы на предельно допустимую концентрацию патефонов, улетающих косяком чаек в южные музыкальные края, и решил оставить эти утопающие в блаженстве равнины, игривые речные ивы и наивно ленивые нивы, что вечно невинны, как вина в исконных балконах картинных. Уносимые на юг стаи клювастых патефонов всегда удаётся услышать исключительно из-за угла, откуда влажными потоками дождя льётся мягкий волнующий свет пушистых всполохов патоки, мёда и нектара.

И чем дальше Эмусон погружался внутрь силиконовой перины, тем яснее и отчётливее звучали голоса его крылатых патефонов. Волны мерили шаг, и только благородные узоры на соснах и оранжевые стёкла на окнах, выходящих в сад янтарных персиков и морковной хурмы, фальшиво танцевали танго в такт расходящимся волнам тайных посланий Реальности.

Удачница рун Элиазалия

Алиса Спартаковна Кукушечкина де Висовинье происходила из знатного рода обрусевшей французской аристократии. С самого детства она чувствовала, будто в мире многое вовсе не так устроено, как ей рассказывали родители, и как упорно продолжали твердить окружающие.

Ещё в ясельном возрасте Алиса де Висовинье, сидя в памперсах и лучах восходящего солнца, старалась выловить пронзительно-слепающий блик особо жирного и жизнерадостного солнечного зайчика, но вдруг обратила внимание на шевелящиеся тени, хотя никто, кроме неё, кажется, совсем не замечал, как тени начинают нещадно отплясывать, точно языки свечного пламени, фактом своего существования дотрагиваясь до того неиссякаемого момента без слов, когда кто-нибудь решит отвести взор от затягивающих разноцветных блёсток ковровых пылинок, на доли секунды загорающихся в воздухе проблесковыми маячками и тотчас же угасая, словно вращающиеся орбитальные спутники, поворачивающиеся к наблюдателю то одним, то другим металлическим бочком, ярко сверкая отражёнными светочами всепроникающий симфонии взаимосвязей.

С танцующими, как в восходящих потоках раскалённого воздуха, тенями у Алисы был заключён особый договор: тени не замечали, что девочка на них пристально смотрит во время самых жарких их танцев, а сама же Алиса делала вид, будто упорно не замечает вещей, вытворяемых тенями на стенах и потолке, да и вообще повсюду. Девочка часами сидела и заворуженно наблюдала за гипнотизирующими плясками косых силуэтов, пока в один прекрасный момент тени не сложились внезапно в поразительное подобие букв необычного угловато-скошенного начертания.

Она зарисовала на листочке кривизну форм теней и, спустя годы, надолго бы позабыла их, если странствующий шаманист-шарлатан разок не обратил бы внимание на её рисунки. В тот день к хитрому шаманисту, чьё имя окутано грозной тайной и покрыто синеватый пылью веков, выстроилась на экскурсию шеренга из нескольких десятков школьных автобусов. Алиса тогда вдруг вспомнила, что в далёком детстве в порядке падающих под углом теней ей чудились какие-то очень символические загогулины и закорючки, и желание узнать правду из уст странствующего кудесника - гастролирующего мага, сразу превысило все разумные доводы в пользу того, что те загогулины были просто игрой её детского воображения.

Засунув в карман клочок старой бумажки, исчерченный вдоль и поперёк корявыми кудряшками символов и дрожащих штрихов от движений ещё неокрепшей детской руки, девочка принялась рассказывать свою историю зарисовок теней шарлатану, потребовавшему за персональный сеанс весьма и весьма немаленькую сумму. Алиса торжественно вручила ему мятую засаленную и местами заслуженную

бумажку с почеркушками, словно это была самая главная ценность во всей её жизни. Брезгливо поморщившись, предсказатель принял рисунки закорючек из рук девочки, и тут же ладони шаманиста моментально и весьма заметно побледнели. Его вырвавшимся на волю возгласом было удивлённое: «Ба! Да это же руны! Как ты сумела в детстве нарисовать их, не зная о них совсем ничего? Уж не обманываешь ли ты меня, девочка?» На его изумлённый полукрик-полуикоту Алиса Кукушечкина самоуверенно ответила, потрясая локонами головы: «Я если честно, и сейчас о них ничего знать не знаю, а уж обманываю я Вас или нет, так это Вам виднее или кто там из нас экстрасенс?»

В скором времени Алису настолько сильно заинтриговала тема рун, что она принялась изучать их утром, днём и вечером. А иногда даже ночью залезет под одеяло с фонариком - и всё кидает себе да кидает разные расклады футарка почти до самого рассвета. Не высыпалась, конечно, а утром ещё в школу надо идти. Короче говоря, круглосуточно руны изучала! Как бы то ни было удивительно, но вскоре девочка пришла к выводу, что руны - это есть изначальная протоматерия, дух и душа каждой из вещей. И даже если бы вещи не прятали свою настоящую рунную сущность, она рано или поздно всё равно могла бы проявиться, показав себя девочке.

А ещё Алиса поняла, что руны пришли к ней из параллельного мира, размещённого за изнанкой материи где-то снаружи, но тот мир являл собой первооснову по отношению к нашему миру обыденности. Это чувство жило в глубине её сознания, периодически вырываясь из внутреннего заточения неожиданными мистическими озарениями, пока, наконец, не вырвалось окончательно, обретая в полёте воодушевления осмысленную форму, целиком и полностью понятную только лишь Алисе и едва ли вообще доступную для всех прочих людей. Одно девочка осознавала довольно ясно: раскрыться ей помогли сами руны, а точнее, их самый близкий помощник в мире информации, который в максимальном приближении оказывался естеством форм, явлений и проявлений принципиально нового характера, продирающегося из-под материальной плёнки жизни каждого медиума и мудреца и натягивающегося поверх истинного смысла. Отныне и навсегда была она отмечена той же самой меткой, которая вытолкнула руны на поверхность алисиного разума.

Так же, как и руны, символика не способна существовать в неискаженном виде в окружающей реальности иллюзии материи. Понимание же всего подряд разумом было скорее тенью мифического

видения, несокрываемого свечения изнутри Алисы, как мир людей был лишь отражением истины первозданной рунной Реальности, где каждый символ приобретал именно тот смысл, которым сам же и являлся, тогда как всеискажающий фильтр человеческого сознания, с его навешанными языками, социальными и морально-этическими барьерами, ни в коей мере не мог принести вовнутрь себя летающие и тлеющие сиянием истины угли рун и смыслов их символов, не погасив эти огоньки угольков при прохождении границы между мирами.

Самое обидное во всей этой ситуации заключалось в том, что границы никакой отродясь не существовало в природе, исключая условное разделение единого мира на разнообразные материи и проекции, первичные и вторичные, третичные и так далее, причём всё это разделение происходило исключительно в голове как у самой Алисы, так и в представлениях прочих людей, хотя большинство из них, о чём Алиса уже начинала потихоньку догадываться с раннего детства, о существовании параллельных миров даже не подозревали или считали это существование слишком уж эфемерным, чтобы его можно было воспринимать всерьёз.

Заметным преимуществом девочки перед всеми остальными было понимание галактической игры рунных теней, заключённых в формы, свойства и проявления всех окружавших её вещей: стулья, ножки, диваны, серванты, деревья, дома и даже небесные явления, хотя бы через собственные тени, но укладывались в тот или иной узор чёрточек и палочек, среди которых, всенепременно, можно было отыскать ту или иную руну, обнаружив понимание истинной сущности глубинного символизма каждого объекта, встречавшегося девочке на её жизненном пути. И она совершенно точно знала, почему иса-подобные столбы у дороги оказываются гораздо долговечнее наутиз-подобных, а дом родной для достижения счастья должен иметь очертания манназа - по крайней мере, предпочтительнее, чем очертания эваза с внутренними опорами в виде рун альгиз и гебо, несущих поддержку от самой Реальности и исполнение задуманного в любых лучших начинаниях и проектах.

А уж если Алиса вдруг замечала где-либо очертания рун в их перевёрнутом виде, то старалась покинуть это место по возможности быстрее, тогда как все остальные люди, надвинув на глаза пелену тумана, принимали окружающие их ландшафты и интерьеры за чистую монету, ни капельки не догадываясь, что руны живут не только за тем столом, за которым все эти личности совещаются в обеденные перерывы, в

автомобиле на приборной доске или же в комнатном табурете, на котором они сидят, но, несомненно, внутри них самих, в первую очередь. И если с вещами дело обстояло ещё более или менее понятно: впервые появившись, руны в извилинах парковых кустов, линиях электропередач и магазинных прилавках уже никогда не покидали своих насиженных мест, пусть даже и приоткрываясь самыми непостижимыми сочетаниями символов на свете, то как же дело обстояло с людьми их внутренними рунами - вот в чём заключался вопрос, который Алиса всеми силами пыталась решить с самого момента осознания рунной сущности всего, поставив поиск ответа на этот вопрос целью всей своей жизни. Могли ли менять внутренние руны по желанию или хотя бы неосознанно, случайно?

Вскоре Алиса догадалась: раз уж руна и определяет естество каждого человека, то это автоматически означает, что человек не в силах поменять то, без чего он, оказывается, и человеком-то навряд ли называться способен. Так, всего лишь тело без руны. Сразу же возникал другой, ещё более страшный, пусть и закономерный вопрос: почему людей много, а базовых всеопределяющих рун всего двадцать четыре, да и то, если отталкиваться от старшего футарка, тогда как в прочих рунических системах и этого числа набрать не доводилось? И что происходит с руной человека в момент его смерти? Ответы на эти и другие вопросы пришли к девочке в качестве озарения довольно неожиданно: существует двадцать четыре категории людей, каждая из которых напрямую связана энергетическим каналом со своим рунным символом-прародителем, то есть со своей руной внешнего существования. И в момент смерти человека, вероятно, ничего не происходит, кроме простого обрыва канала, связывающего человеческое существо с руководящей им рунической силой. Всё то, что человек, прожив жизнь, пережил, прочувствовал и понял, остаётся в мифологизированном им же самим условном информационном прообразе его прижизненной руны, делая её все более и более сильной от одного человеческого поколения к каждому последующему.

Иногда происходят мелкие сбои реальностных структур, и тогда место, которое занимал ушедший человек, оказывается загадочным образом повторно занято кем-нибудь другим. Тогда-то люди и начинают неожиданно вспоминать свои прошлые жизни, забывать жизни настоящие, разговаривать вдруг на древних и уже почти никому не знакомых вымерших языках, словно бы никогда и не существовавших, либо навеки позабытых. Если же человек, разделяя свою рунную память и естество,

занимал в эфире символа расплывённую область пространства осознания, то происходило банальное раздвоение личности. И впрямь, иногда человек и собственную-то жизнь за себя самого прожить не может, и тогда требование проживать её за себя да ещё за того парня оказывается слишком уж оторванным от действительных возможностей. Однако же, если вдруг такое происходило, то, зачастую, человеку удавалось ускользнуть в тот или иной карман самопроявления, расположенный в пространстве личной руны, и в совершении этого действия всегда подразумевался вопрос: удастся ли человеку остаться самим собой, таким, каков он есть, или же он станет, на сей раз, совершенно изменившейся личностью. Такая вот терминальная, клиент-серверная связь была характерна не только для человечества, но и для всех прочих живых существ. Это объясняло многое, но не объясняло абсолютно никаких особенностей различий, отмечающихся у людей одной и той же рунической категории, не говоря уж о разнорунных персонах.

Однажды Алисе пришло загадочное и странное бумажное письмо. Она долго думала-гадала, от кого оно могло быть, кому, в общем, вдруг понадобилось отправлять подобное письмо девушке, к текущему времени уже обучавшейся в полу-секретном строительном специнституте на архитектора сверхзащищённых объектов военно-промышленного-комплекса, студентке-отличнице, с утра до вечера зубрившей и переповторявшей расчетные формулы всеми обожаемого и уважаемого предмета под названием «сопротивление материалов». Но время шло, а письмо так и не было прочитанным, и от того факта, что письмо оказалось заброшено в долгий ящик домашнего канцелярского стола, ситуация с ним отнюдь не становилась яснее. В конце концов, Алиса, затаив дыхание и для верности закатив глаза, взяла конверт и оторвала сначала левый уголок, потом правый, а затем и всю его верхушку.

Внутри на вощёной розово-алой бумаге с матово-бархатистым пластиковым покрытием, наподобие софт-тач, обнаружился текст нижеследующего содержания, тиснённый ленточками золотистых букв: ***«Уважаемая Алиса Спартаковна! Мы знаем, что Вы готовы к осознанию истинной природы вещей. Осталось сделать лишь крошечный шагжок для того, чтобы окончательно убедиться: под мусором ложных представлений об окружающей действительности огнем пылают Великие Символы. Как мы узнали о том, что руны - это Ваш способ жить, и они имеют для Вас определяющее и всеобъемлющее значение? Увы, некоторые вопросы могут и должны***

оставаться без ответа. До поры до времени, по крайней мере. Наш дружный клан приглашает Вас на вводный семинар, где Вы ещё на один шаг приблизитесь к благоденствию, величию и телевидению. Собрание состоится в воскресенье, в шестнадцать часов по местному времени на улице имени Грум-Гржимайло, дом под номером двадцать шесть. Мы всем дружным и сплочённым коллективом, в котором всегда царят радость и взаимопонимание, и нет места суете и зависти, будем ждать Вас. Если же Вы к нам придёте, то будьте уверены, что мы станем для Вас буквально второй семьёй, и тогда Ваше просветление, поверьте, окажется уже не за горами.

С уважением, руководитель проекта «Клан Дхармаканальных Саторилизаторов» Зайбабошо Вишудхипранаяма Ведасатисвами Мадхупаркараджи двенадцатый».

Оказалось, что Алиса Кукушечкина де Висовинье вскрыла конверт как раз вовремя: собрание начиналось уже через час и сорок девять минут, причём должно оно было происходить совершенно на другом конце города. При прочих обстоятельствах Алиса бы ещё неоднократно поразмыслила, а есть ли смысл вообще посещать это собрание, однако, при сложившемся сейчас раскладе дел, времени на раздумья оставалось совсем немного, а точнее, не оставалось практически совсем нисколько. Да и любопытство взяло верх: Алиса принялась в экстренной спешке собираться. Добираться до улицы имени загадочного Грум-Гржимайло было непостижимо неудобно по причине весьма определённых и небезызвестных трудностей: нужно было трижды пересаживаться в метро, как вороньё с ветки на ветку, а потом ещё и ехать на автобусе пару остановок. Несмотря на все эти явно выраженные неудобства, девушка, закинув в дамскую походную сумочку-косметичку парочку бутербродов с салом и кетчупом, присыпанных петрушкой, отправилась в путь-дорожку дальнюю.

Оказалось, что это не совсем обыкновенный путь, а скорее даже примечательным образом приключенческое путешествие, почти уже начинающее восхождение в клан и вызывающее такой непомерный шквал разнообразных эмоций, что Алиса практически утонула в собственных экзистенциальных переживаниях и потоках ничем не сдерживаемых измышлений. А подобное происходило с ней только лишь в моменты волнения, когда было неизвестно, чего именно можно было ожидать. Нет, конечно, здания, давно знакомые улицы да полуразвалившийся асфальт под ногами - всё это было до боли ей известно и знакомо, если не сказать, что

знакомо аж до тошноты. И всё же на каком-то из уровней проявления своих внутренних эффектов, значился налёт внеземной праздничности и, в тоже время, тревожности, будто было не вполне понятно, что именно ждёт Алису в этом чудесном клане канализаторов, или как он там называется? То ли манна небесная, то ли пасть дракона...

Неопределенность давила сильнее всего. Проезжая очередную станцию, девушка думала: «Эх, как же так? Мадхупаркыч, никакой ты не Зайбабошо, ты, скорее уж, самый обычный Мадхупаркыч Шредингера. Еду вот к тебе непонятно как, куда и зачем...» На одной из ветвящихся станций для пересадки Алису встретил весьма специфического обличья лысый человек в веселых тыквенно-оранжевых одеяниях, словно бы имеющих своим происхождением новое измерение, в равной степени недостижимое, сколь и непостижимое для человека. Присутствовало ещё такое ощущение, что этот человек - образная помесь буддийского монаха, индийского жреца толтеков и тувинского шамана, выпадающая из всех времён и находящаяся здесь и не здесь одновременно.

В его присутствии вся окружающая картинка действительности размывалась, превращаясь в подобие старой и не особо качественной советской стереокартинки так, что человек начинал казаться на порядок более реальным, чем, в принципе, субъективно могут визуально ощущаться реальные объекты. Если посмотреть с другой стороны, перекинуть взор на этот самый, так называемый, внешний мир, сплошь и рядом пронизанный косыми линиями символов, то, уже в свою очередь, оранжевый человек начинал восприниматься дымчатым и вязким, будто бы вдавливаясь размягчённым парафином в жизнь, как растение *петров крест* вгрызается в корень другого растения. Человек в необыкновенных одеяниях всё же оставался где-то в собственной реальности, никак не пересекаясь с реальностями других людей, и потому чудилось, что и сам этот человек для всех остальных будто бы только кажется.

Алиса попыталась понять, с чем связан столь удивительный эффект, но так и не смогла, а поэтому отложила сие не вполне полезное занятие на досужее время. Человек шел ей навстречу с широко распростертыми объятьями и столь же широко улыбаясь аж до самых ушей. Лицо его искрилось такими неподдельными радостью и счастьем, что мнилось, будто самый лучший момент в жизни этого размышляющегося воздухе чудака уже давным-давно наступил, и вот теперь ему остаётся жить в состоянии непрерывного ежедневного экстаза и эйфорического, если не оформического,

счастья. Среди всех непонятных этнических фенечек, талисманов, амулетов да и просто побрякушек, сполна навешанных поверх солнечных одеяний, висел один-единственный значок, по периметру которого ровными палочками-плясунами выстроились руны футарка, а в самом центре сидел довольно жирный синий осьминог с буквами "КДС" на боку. «Ага, Клан Дхармаканальных Саторилизаторов», - догадалась Алиса.

- А мы Вас уже так-таки и заждались, - полушутливо щурясь прихрюкнул человек. Речь его вырывалась изнутри с каким-то странным шелестяще-булькающим прикурлыкиванием, как будто бы он и не говорил вовсе, а просто полоскал горло, тогда как слова его только чудились точно так же, как, похоже, чудился и он сам целиком и полностью. - Разрешите Вам представиться: Брахмапур Шивасведа третий, ближайший заместитель Зайбабошо Мадхупаркараджи двенадцатого.

- А как Вы меня нашли? - поинтересовалась Алиса.

- Почувствовали каналами символов Ваше наискорейшее прибытие в наши ряды, - ответил Шивасведа, и девушка, слегка испугавшись такого ответа, решила пока повременить с вопросами.

Резиденция клана располагалась в довольно простом, но неказисто вытянутом здании. «Руна манназ прямо так и рвётся наружу», - заключила про себя по поводу формы здания Алиса. - «Ну правильно, эти укутанные гаврики ведь благосклонны к другим людям, спят себе да всё знай постигают истину да постигают. Значит, все нормально, манназ и должен быть», - девушка чуточку успокоилась. Она со своим спутником немного опоздала: семинар уже начался. На сцене перед толпой народа стоял мужчина в мангово-апельсиново-золотистых длиннополых одеяниях, испещренный разноцветными руническими татуировками, покрывавшими каждый сантиметр его кожи, свободной от одежды, отчего казалось, что он либо похож на какого-то внеземного фокусника из старосоветской фантастики про космос и межгалактические ракетные полёты, либо на средневекового дворцового волшебника-алхимика-советника, либо же просто напялил ночную рубашку, забыв её снять перед выходом на сцену. «Это и есть тот самый, который Мадхупаркыч», - сразу поняла Алиса.

Человек продолжал начатый совсем недавно доклад: «...доказывает древнейшее происхождение не только германцев, но и славян. Германский народ ещё в ранние времена своего первоначального зарождения прекрасно осознавал двадцатичетырёхступенчатость действительности, доступной на чувственном уровне, со временем открыв то единственное их воистину

великое произведение, навсегда запечатлевшее в себе память о покинутых землях. И творение это рук человеческих, воодушевлённых энергопотоками высших сфер, до сих пор никуда не исчезло и продолжает благочестиво приносить свои полезные плоды для каждого, жаждущего познания тайн Бытия. Это изобретение, истинно мистическое произведение искусства средневековых германцев - да-да, вы всё верно поняли, правильно догадались - величайшее за всю историю человечества открытие классической трансовой культуры, предание многовековой старины, известное нам как руны футарка или же старшие руны.

Каждая руна - это ключ к путешествию шамана на небеса и, одновременно, тайна Силы. Так же, как не сходятся две параллельные стены, если, разумеется, их правильно построить, так и все двадцать четыре руны естества являют собой лишь разные слои проекции мироздания, и каждая из них проявляется во взаимодействии лишь только своим уникальным путём. Но каждая из рун не способна существовать отдельно от других рун и от тех значений, символами которых эта руна является при каждом проявлении собственного действия, не создавая, но отражая потоки действительности, словно нанизанные на обратную сторону пространства бусы-индикаторы в хранилище нашей непостижимости. Если хоть одна из рун исчезнет внутри архетипических трансперсональных каналов, то свершится предсказанный архаическими пророками Апокалипсис, так как без внутреннего содержимого вещей сам факт существования любых вещей становится невозможным. Руны тем сильнее, чем более мы привлекаем их. Отдавая, они накапливают вдвое больше, а сила использующих руны адептов панрунизма акцентируется на доисторических ритуалах обращения и общения с этими высшими символами.

Однако же у далёких предков современных германцев оказалось то, что вкладывало в символы особую силу, не позволяя этой мощи никогда, никуда и ни при каких обстоятельствах исчезать. Речь идет здесь о варновой системе времён древнеиндийской цивилизации. У нас есть неоспоримые доказательства, полученные на археологических раскопках в Индии, что там варновых групп общества в Древности существовало именно двадцать четыре. Но со временем эта громоздкая, хоть и грамотно организованная структура была упрощена до вайший, кшатриев, брахманов и шудр.

В настоящее время одна только Россия, являя собой живой пример

интегративного цивилизационного подхода при построении народной ментальности, способна идти по своему особенному пути, объединяя в уникальной самобытности как лучшее Запада, так и лучшее с Востока. А значит, именно сама госпожа Фортуна повелела нам всем исполнить персональный долг перед Реальностью и объединить руническую систему с исторически сложившейся в Индии варно-кастовой системой, восстановив древнейший порядок, существовавший на Земле около семи тысяч лет назад. Народ, разделённый на двадцать четыре категории - это поистине сильный и непобедимый народ, способный выстоять даже в самые трудные времена, ведь при варновой дифференциации рун каждый человек будет занимать именно то положение в жизни, которое он действительно заслуживает от природы. Не об этом ли грезил древний даосы, пытаясь обрести срединный путь, путь совершенного Дао?

Очевидно, мы говорим в данном случае об одних и тех же вещах, но только рассмотренных с различных ракурсов. Однако человеческий разум есть разум не без изъяна, вот почему подключение к личным рунам у практикующих панрунистов всегда и везде происходит с огромным трудом. Индивидуализм рассматривается учением панрунизма в качестве энергетического и информационного заболевания, это, позвольте так выразиться, мусор на трубках, соединяющих всех вас с вашим истинным руническим Я. Совершенномудрые же руноморфы - люди, обнаружившие собственный символ в ноосфере, уверовавшие в его безграничные возможности и достигшие в результате многолетней напряжённой практики полнейшего слияния с ним, прозванного в Древности состоянием самадхи или самади.

Эти люди оказываются идентичны по внешности и по характеру с идеалом проявления врождённой руны, и через неё же общаются телепатически со своими однорунниками, также, само собой разумеется, совершенномудрыми. Самадхический руноморф, отказавшийся от личности ради бессмертия, уже всепрощён и безграничен, однако его проблема в том, что он постоянно грезит вокруг себя миллионами соплеменников, которые, возможно, до сих пор не обрели достаточной ясности, пустоты и иррациональности чистого канала, ещё не готовы к тому, чтобы спастись, следуя за самими собой, то есть за личным руническим символом, данным по рождению, за своей священной сущностью, обретенной в иных мирах яркого и всепоглощающего бело-переливчатого свечения.

Да-да, вы не ослышались, руноморфы грезят нами, и именно в силу всеохватности их подробнейших грёз мы и существуем. Поскольку они - единственные, кто, по сути, существует на самом деле, по-настоящему, а не самовоображается, они настолько преисполнены необъятной любви и метафизического сострадания, что, не имея под рукой никого из тех, кого следовало бы спасать, но стремясь всем внутренним естеством к проявлению благородных качеств собственных просветлённых душ, самадхические руноморфы выдумывают несовершенных по природе своей невидимых друзей, то есть нас, людей, дабы можно было с головой окунуться в миссионерски-душеспасательную деятельность в свободное от холотропной медитации время. Но, поскольку состояние самадхи как раз и предполагает нескончаемую медитацию, то это теоретическое свободное время у руноморфов отсутствует на практике, в силу чего единственные, кто оказываются способными помочь нам со спасением и достижением запредельного уровня восприятия, так это мы сами, познавшие каждой клеткой наших тел, что руноморфы нам всем тут уже не помогут, хотя и являют пред нами живой и яркий пример мистических гуру для всеобщего подражания, почитания и коленопреклонения.

Посмотрите хотя бы вон на тех увлечённо общающихся молодых людей, которые на самом деле не произносят ни единого слова. Руна их - райдо, и они действительно на верном пути обретения радужных тел своих снов, обучающих панрунических адептов вибрациями усиливать эманации их природного символа радуги. К сожалению, даже у меня, несмотря на наличие значительного практического опыта и нескольких десятков достигших своей руны учеников за плечами, нет ровным счётом никакой возможности узнать, о чем именно ведут беседу эти духовно озарённые ребята пути, ведь моей покровительницей является совершенно другая руна, как следствие, поддерживающая принципиально иной энергоинформационный канал уровня туннельных конструкторов эгрегора собственной символики архетипа.

Но вы ведь, если хотите, всегда можете поинтересоваться у самих наших телепатов руноморфного учения панрунизма, достигших мудрости, но ещё не дошедших до истинного самадхи, о чём именно они общаются, ведь эти адепты вовсе не потеряли дар речи, просто пользуются прежними атавистическими возможностями первобытной модели общения уходящей Эры Орла на Земле, то есть речью, гораздо реже, чем телепатическими способностями, являющимися для них самым естественным способом

общения отныне и до конца их жизней в нашей проекции, знаменующего, конечно же, их тотальное слияние с собственной руной и переход всего нашего мира в область их сновидений с возможностью видеть всех нас во сне через различные проявления рунной призмы.

Весь зал развернулся и впился взглядом в совершенномудрых. Они и впрямь выглядели практически идеально, а взор их был настолько огненно отстранён, что складывалось точь-в-точь такое же ощущение, как от наблюдения сброшенных ещё давным-давно и дымящихся под увеличительным стеклом шкурок ящериц вместо тел рунных телепатов. Хотя форма ящерицы и сохранялась в целости, но самой ящерицы в этой форме уже сто лет в обед как не было. Кроме того, Алиса снова почуяла это ни с чем не сравнимое ощущение, что она не способна разглядывать руноморфных молодых людей таким образом, чтобы они оказывались втиснутыми в зал: либо сам зал становился вдруг фоном, либо же троица телепатов обращалась в подобие забытых теней, колышущихся в целиком и полностью реалистичном зале.

- Они все трое уже давно не люди, - заунывным голосом продолжал лекцию Зайбабошо Мадхупаркараджи. - Они живут лишь одну жизнь на троих, и при этом слышат обрывки мыслей остальных просветлённых из их рунического канала. Их коллективный разум настолько величественен, что они совершенно утратили даже способность стареть, и, если хоть один из них погибнет, трансперсональная точность и непогрешимая безупречность всех остальных единорунцев быстро найдут замену утерянному звену тройственности среди единственного канала их руны. И именно поэтому наша организация называется «Клан Дхармаканальных Саторилизаторов», ведь мы занимаемся прочисткой самадхических каналов связи с самим собой в рунном Сатори, позволяющем обрести счастье, уверенность и покой в ежедневных песенных камланиях и позитивной телепатии Силы.

Вы спросите меня, как же вы сами можете спастись? Да очень просто, элементарно! Вам необходимо будет лишь узнать для начала собственную руну по рождению. Для этого каждый желающий остаться в нашем клане должен, отринув сомнения и сожаления, пройти тайный обряд посвящения в Саторилизаторы самадхических руноморфов. Только знайте, что обратного пути уже не будет, а согласившись единожды, вы навсегда утратите старое имя, приобретя новое, священное, привязанное узким концом к вашей руне личного кармического энергопотока. Фамилией же станет, собственно, наименование вашей руны. И не говорите потом, что

вас не предупреждали».

Алиса вспомнила, сколько дел её ждёт дома и сколько накопилось у неё всевозможных проблем с учёбой и сдачей сессии, что подумала остаться здесь, в медитативно-безоблачном расслабленном обществе просветлённых искателей внутренней символической сути, на веки веков, или какое там отведённое время ей суждено было прожить. Также девушка твёрдо решила никогда больше не возвращаться в этот столь жестокий и неприветливый внешний мир, преисполненный злости, разочарований, трудностей, проблем и прочих неприглядных вызовов судьбы. Улыбчивые люди из Клана Дхармаканальных Саторилизаторов явно ведь выгодно отличались именно своей улыбчивостью, чем столь не походили на вечно хмурых и недовольных, самовлюбленных и углубленных в заботы и работы людей современного мегаполиса, которых Алиса всякий день-деньской встречала в метро, на улице, в подъезде, да и вообще - повсеместно.

Вскоре словоблуждающая лекция по-ораторски витиеватого на домислы Мадхупаркыча планомерно завершилась, и настало время ланча. Алиса купила в буфере пару булочек, заказала чашку крепкого ароматного кофе и пакетик заварной бич-лапши, скушав на приподнятом настроении всё это с таким удовольствием, как будто в жизни не ела не то что ничего подобного, а вообще ничего и никогда не ела, а тут сразу же перешла на деликатесы, причём неожиданно даже для самой себя. Впрочем, девушка отметила, что лакомства здесь и впрямь на удивление вкусные. Даже пересыпанный глутаматом натрия и многочисленными синтетическими консервантами бич-пакет лапши казался до странного ресторанной и интересной спецпищей для гедонистически изнеженных пузатых гурманов.

Но вот настало время знакового прохождения обряда инициации с целью вхождения в ряды Саторилизаторов рунной девушке, слушающей лекцию руководителя Клана крайне внимательно и чутко. Все слушатели, присутствовавшие в зале, довольно быстро распределились по маленьким комнатам-кабинкам, напоминающим гостиничные номера. В одну из таких кабинок зашла и Алиса де Висовинье. По всей комнате были расставлены пухленькие диваны из белой кожи, тихо пощёлкивала чуть пузырящимися закипающими маслами аромалампа, тускло отсвечивая задумчивым пеньком круглой приземистой свечки, уже смилившейся со своей судьбой в виде скорейшего выгорания, а по углам оказались расставлены дымящиеся палочки. «Смесь амбры и сандала», - отметила про себя удачница рун.

Тут к ней подошёл такой же нереально дымчатый человек, как и

присутствовавшие в зале телепаты. В руках он нёс нечто вытянутое, по подобию черпака, и дымящееся, как и он сам, имеющее около метра в длину, объяснив, что предмет необходим для проведения обряда, ведь дым этой «трубки цельного мира» откроет ей руническую сущность безраздельного существования и единство каждой из рун со всеми другими рунами, теряющими весь смысл исконной сущности друг без друга. На вкус густой колышущийся дым оказался травянистым и, хотя не особо-то ароматным, но зато жутко горьким. Не прошло, пожалуй, даже одного часа, как Алисе показалось, что пропорции окружающих объектов как-то весьма заметно исказились, подёрнувшись цветастым туманчиком. Из них словно бы начала выползать их истинная руническая природа. Сознание девушки взорвалось десятками осколков, голосов и, то неспешно кувыркающихся, то, как раз наоборот, яростно галопирующих мыслей, пляшущих, как паучьи пальцы Никколо Паганини, пересевшего вдруг со скрипки за кривозубую пасть расстроенного и даже чуточку хмурящегося рояля. Перед глазами у девушки поплыли пухлые огни земных городов, мохнато похожие на мельтешащие пампушки для чирлидинга. Тогда девушке внезапно показалось, что она наблюдает со стороны планету, летая вокруг земного шара по орбите, точно искусственный телекоммуникационный спутник или научно-исследовательская станция.

Перед глазами Алисы вспыхнули символы, следующие каждый за каждым и проступающие насквозь один на смену другому. Текущие символы принялись обретать всё более и более знакомые очертания. Весь мир сменил особое качество и стал напоминать онемевших телепатов-руноморфов своим осоловелым уподоблением сброшенной шкурке рептилии или же это сама Алиса изменилась. Как бы там ни было, но она оказалась возле монумента имени самой себя, стремительно обретающего форму знака альгиз. Дошедший из ниоткуда голос тут же торжественно провозгласил: «Имя твоё отныне Элиазалия. Запомни его тщательно, как и фамилию Альгиз по должной руне твоей».

И Элиазалия, открыв глаза, поняла, что выше собственного монумента ей навряд ли дано подняться, и она теперь до скончания жизни будет отражать исключительно свойства канала собственной руны, полностью предопределив самость, судьбу, черты характера, внешность, голос, здоровье и мысли - буквально всё. Она осознала в тот момент, что в своём стремлении к слиянию в руне полностью забыла о свободе и, в итоге, навсегда потеряла эту былую свободу, эту возможность оставаться той, кем

является, кем она росла, развивалась, понимала и помнила себя, а не той, кем ей выхолощено предначертали быть какие-то обветшавшие символы.

Лишь в этот момент до Элиазалии дошло восприятие искажающей силы галактических масштабов, порождённой истоками рунного естества, пропущенными через сон человеческого разума, так и не достигший целостного и комплексного понимания корней рун. И рассматривая монумент альгиза - своего конечного и полнейшего поработителя, ради которого девушка променяла потерянную свободу на непрекращающееся услужение, она заново закрыла глаза и просыпаться более не пожелала.

Устрица мер и весов

Ябом с детства обожал конструкторы и был устрицей. Сначала он просто нагромождал бесконечные постройки из многочисленных кубиков, пока не понял, что может то же самое делать с окружающим его, как и нас всех, миром. Вот тогда-то и началось самое интересное, ведь Ябом стал новым управителем Реальности. Сначала время, вроде бы как, прекратило существование самого себя, но даже и не особо-то в этом суть, ибо стоило Ябому сделать лишь десяток-другой шагов - и вот уж он в точности воссоздавал океаны, реки, озёра и пруды, ведь шаг был его не прост, а исключительно многомерен.

В застенках устричных далее рассекали космические просторы шебуршащие направлениями корабли. Но сколь удобно и комфортно было сидеть Ябому и вперенно наблюдать за всем подряд из тёмных мест собственного бункера проложенного им туннеля бытия, в котором мириадами развинчивались тугие улитки глазастых галактик! Одним из открытий Ябома была Коренная Древность, ведь всё, до чего бы он ни дотрагивался, излучало сияние изначальной первозданности, многократно преобразованной и переплавленной, принявшей новую форму, всецело вобрав её в себя. Первозданная та Древность всего подряд едва ли не стала новым увлечением устрицы, ведь занялся Ябом на уровне пристально и усидчиво осваиваемого хобби сохранением современных отпечатков в себе самом любых вещей, которые существуют, а также вариантов действий, уже

произошедших, или же которым ещё только предстоит произойти.

В долгих странствиях более всего запомнился ему один старый эпохальный Цирк школы Отторжения, расположенный для привлечения многочисленных зрителей, в самом сердце болота, находящегося на стоке устья, заострённого кверху измерения подпространств. На самом деле цирк был ещё всего лишь одной из существующих дверей, открывающих проход в новые сферы существования. Ябом сел в Цирке Отторжения не столь уж далеко от арены, но представление всё не начиналось и не начиналось, тогда он принялся разглядывать окружающую обстановку. Шатёр цирка был точно бы собран из тонких змеиных шкур, каждая из которых образовывала ветряные трубочки сачков, открывая возможность всей поверхности шатра сетчато свистеть, словно тысячам флейт, под любым, даже малейшим, дуновением ветра. Музыка дремучих веж, таинственная и грустная, играла в шатре, словно бы обволакивая уши плотной пеленой - завесой пепла внеземных ощущений.

А представление всё по-прежнему не начиналось, и тогда Ябом решил испытать новенькие свежекупленные ходули. Ходули были просто замечательными. Они пахли деревом и блестели лаком, а что оказалось самым замечательным относительно дерева, так это запах: ходули пахли отнюдь не простым деревом, а слегка так пованивали свежекупленным. Было у устрицы Ябома ещё оно такое хобби - нюхать все свежекупленные ходули. Он вообще всё нюхал, особенно собственный нос, хотя это и не было ему за надобностью, ведь всякий уважающий себя нос и так всегда знает, чем пахнет он сам собственной персоной!

Внезапно весь Цирк залило стекольчато-зелёным ярчайшим светом, который исказил и затемнил цвета на лицах присевших от испуга зрителей. Вначале на сцену выползли серые существа, похожие на исполинских слизняков со шкурами в черешневый горошек и размером примерно с небольшого слона. Ими управляли костлявые Ветошники в ободранном тряпье. Длинные иглообразные кости Ветошников тянулись сквозь многие слои пространства, почтенные колкие изгибы их хрупких суставов напоминали сложенную в несколько рядов линейку или нападавшие друг за другом под острыми углами ускользящие рои гладких налимов.

Тут же заиграла торжественная музыка и на арену вышли два с половиной клоуна. У всех них из ротовых провалов лимонно топорщились вытянутые пирамидальные зубы, а на головах имелись торчащие ушками бурые клочья линяющей шерсти и янтарные сиямоподобные глаза в

гранитных искрах вкраплений кварцитовых созвездий. Половина клоуна вела паразитический образ жизни и постоянно передавалась воздушно-капельным путём от первого клоуна ко второму, а от второго - опять к первому. Вообще, раса клоунов до смерти опасалась склизких половин и старалась их избегать, распознавая по признаку плоских гранитных глаз с янтарными искрами камней, а не наоборот, как у всех нормальных расовых клоунов.

Но эти двое были уже безнадёжны и обречены. Им и думать не стоило, чтобы избавиться от назойливой половины клоуна, они запустили корни паразитического развития его гранитных глаз в последнюю, завершающую стадию, когда крапчатое существо-прилипала начинает изобильно метать по утрам ворсистую икру с мозговым молоком напололам. Именно оттого оно половиной и зовётся. Клоуны жонглировали паразитической половиной клоуна под мычание торжественного органного марша, а их безнадёжная обречённость страдальчески отражалась даже в чёрных и непроницаемо тенистых глазах гороподобных громадин - гарцующих слизняков, сотканных из океанической тины и газа вулканов. Они предвещали шторм гудками разошедшихся горнов из чёрного дерева.

В конкурсе «Кто хочет покататься?» участвовали абсолютно все желающие. На сцену выкатились округлые изолированные фотовспышки с переливами всех тонов и оттенков, а столпившийся народ, скользящий на фотовспышках, всплески которых можно было увидеть из-под тончайших лопающихся оболочек, получал в дар очень и очень редкие и ценные кляксы из плазмы сверхновых звёзд, принимавших очертания кадров, таящих в себе народные части тел, входившие в прошлое часами, взрывающимися под напором перегрузок вспышечного давления раскалённых ядерных шаров с роящимися фотонами. Выступавший впоследствии фокусник показывал чудеса гальванопластики, причём в качестве исходного материала он использовал страуса и счастье. Он покрыл тестовый стол чистым счастьем, а зрителя, вышедшего по желанию из зала, он столь же счастливо осиничил. Осиниченный зритель довольно чирикнул, повертел новеньким юрким хвостом и принялся за поглощение своего многотонного комарика с хлебом.

Атласные ткани застилали пятую часть суши, и по ним, сквозь континенты гипсово-асбестовой мастики желали прорваться пузыри просторов. Каждый из шныряющих пузырей простора можно было приобрести за отдельную умеренную плату и подарить детям с заделом на

отдалённое будущее. Не обошлось и без выступления архетипов, хотя они продолжали бегать туда-сюда с винтовыми шурупообразными рогами, но зато во вполне приличествующих носках. Ябом, будучи устрицей, не мог не заметить, что стул, на котором он сидит, словно бы выступает во внешнюю среду потоками верениц цепочек Реальности. За одну из этих цепочек ему и удалось ухватиться. Цирк школы Отторжения оказался собран из осколков-близнецов, но разобрать его по деталям труда вовсе не составило. Из кирпичей Цирка моллюск Ябом собрал дым. И улетел, ведь что ещё можно сравнить с дымом по устремлению к достижению лёгкости и по степени любви к тотальной свободе?

Разве что самого Ябома. Он - дым.

Фальшивая коробочка

Росистым летним утром, в час, когда мягкое и убаюкивающее солнце уже готово ласкать ланиты, но ещё не припекать тела, двое беззаботных деревенских детей шагали по лесной дорожке, насвистывая под нос какую-то развесёлую песенку. В этом лесу была им знакома каждая дорожка, каждая тропинка, поэтому они вовсе не опасались заблудиться, свернув в глубины глухой чащи. Дикого зверя в здешних краях давным-давно не водилось: наверное, с тех самых пор, когда в двадцатые годы прошлого столетия был застрелен последний медведь местным легендарным охотником, память о котором в передавалась из уст в уста, не ослабевая по заведённой традиции из поколения в поколение, а напротив - постепенно обрастая всё новыми и новыми подробностями, так что и вовсе нельзя было уже разобрать в этих сказках ту давнюю правду, которую ещё деда с прадедами говаривали, будучи прижизненными свидетелями описываемых ими событий. Что же до иных людей, то хоть в деревне и жили порою пьянчуги да лодыри, но обидеть ребёнка никто бы из них не решился, да и знала в лицо таких беспробудных типов всякая деревенская собака. Прочих же населённых пунктов поблизости не было и не предвиделось в округе без малого семи десятков километров.

Впереди по тропинке, как и подобает в компании людей, живущих на

свете первый десяток лет, шла старшая девочка Танюша. Она была уже довольно большая, ведь ей в прошлом месяце исполнилось целых шесть лет, и поэтому со всей ответственностью она задумывалась о том, что через год начнёт своё образование в местной школе. За ней хвостиком семенил соседский мальчуган с гордым именем Дамир, который был младше девочки аж на целый год. Он всегда и везде следовал за Таней, и так к ней привязался, что воспринимал её в качестве старшей сестры.

Дамирка также гордился тем, что у него дома обитала зверушка, какой не было ни у кого другого на селе. Однажды храбрый морячок, приходившийся мальчугану родным дядюшкой, привёз из дальнего плавания настоящую живую каракатицу и поселил её в большом баке, стоявшем во дворе рядом с сараем, выбранным для обитания там утят. Каракатица умела и очень любила менять форму и цвет, то становясь будто бы прозрачной, то приобретая весьма необычный окрас, то вовсе видоизменяя внешний вид практически до неузнаваемости. За то, что она такая разная и непонятная, Дамирка обожал свою каракатицу и мог часами читать бурёнкам и поросятам нравоучения, сравнивая их со своим ненаглядным и обворожительным морским существом - и всякий раз сравнение оказывалось не в пользу коров и свинушек. Ведь они же форму и картинку на коже менять не способны!

А Таня просто-напросто любила шишки. Их пряный и смолистый хвойный запах, блестящие на солнце чешуйки, ароматный горьковатый привкус. Для того чтобы сбивать шишки с сосен, она использовала шапочку Дамира, отчего шапочка приобретала освежающий хвойный запах и смоляные пятна, за которые мальчика регулярно ругали мама с папой, когда он возвращался домой из леса. Вот и сейчас, вприпрыжку шествуя по лесу с плетёным лукошком в поисках красивых и сладких ягод дикой земляники, Таня сбила три шишки и засунула их в рот, подпрыгивая от радости и повизгивая от удовольствия, словно щенок, дорвавшийся до хрустящей косточки.

На лесной полянке у обочины дороги дети заметили какие-то торчащие толстые стебли с шариками утолщений в верхней части. Девочка засмеялась, присела возле стебля и принялась, раскачивая растение в разные стороны, греметь им, словно ясельными погремушками.

- Я видела такие штуковины раньше, они ещё у дяди Пети в огороде растут. Он из этих шариков высыпает семечки и в пирожки да булочки сладкие кладёт, а стебельки сушит, в трубку забивает и курит, ну продаёт

ещё иногда другим дядям и тётям, не пойму только - кому они нужны-то, палки эти корявые? - Танюша аж взвизгнула.

- А дяди стебельки эти тоже курят, ага, они от них такие добрые и сонные становятся, наверное, это и есть та самая сказочная сон-трава. А как проснутся, хмурые ходят, сердитые и всем недовольны, как домашние коты без сметаны и молока, - кивнул Дамир.

Таня высыпала из коробочки семечки на маленькую ладошку и, протянув мальчику, спросила: «Будешь?» Дамирка кивнул: «Давай, Танюх!» Таня уткнулась ртом в ладошку и принялась жевать. Её примеру последовал и названный братец.

- Фу, ну и совсем они даже не вкусные, горькие какие-то и пахнут землёй... - пробормотал мальчуган, распробовав.

- Да заплесневели, наверное, ой, и правда, пакость-то какая! - согласилась Таня. Она высыпала под ноги остатки семян и недовольно, словно бы в отместку, вмяла их кончиком кеды поглубже в лесную почву. Дети тотчас встали и продолжили свой путь.

Таня шла и думала, что всё-таки она замечательная дочь у столь же замечательных родителей, и, наверное, когда она будет учиться в школе, там будет уйма всяких интересных книжек, раскрасок и игрушек, и как хорошо, что сейчас тёплое, ласковое и разноцветное благоухающее лето, а сзади топает своими маленькими ножками её лучший друг, такой забавный, весёлый и чудной мальчуган. На душе у девочки стало очень тепло, светло и спокойно. Она посмотрела на Дамирку и решила, что он и впрямь довольно необычный, даже, наверное, какой-то не такой, каким она его привыкла видеть, но в чём именно заключалось различие, понять было сложно. На короткое мгновение Таня даже резко испугалась, что её друга подменили кем-то другим, страшным, злым и нехорошим, дабы зачем-то ей навредить. Хотя кому она и что такого сделала, чтобы кто-то ей навредить вдруг захотел? Но нет, она прогнала эти мысли как заведомо бредовые.

Девчонка прошла ещё несколько сот метров вместе со своим странным Дамиром, который почему-то упорно не желал приобретать привычные черты, хотя и его необычность выглядела смутной и неявной. Неожиданно, Танюша почувствовала труднообъяснимое напряжение, усталость и головокружение в одно и то же время. Тогда она решила устроиться под деревом, чтобы пообедать парой бутербродов, которыми её снарядила в дорогу мама, да и запить всё это дело колодезной водой из бутылочки. То, что пища помогает справиться с усталостью, Таня уже знала

даже по своему невеликому опыту. Она предложила бутерброд дивному Дамиру, но тот казался вялым и словно бы впал в какое-то оцепенение, задрав очи долу. Таня тоже подняла голову и устремила взгляд вертикально вверх, обратив внимание, как жидкое маслянистое солнце искристо танцует в переливчатых кронах пушистых деревьев.

Ветви переплетались и вытягивались самым впечатляющим образом, создавая неожиданные очертания мифических и сказочных животных. Звери сменялись пейзажами, а те, в свою очередь, распускались чудесными тропическими цветами - и всё это многообразие можно было лицезреть в одной лишь игре света, цвета и тени в сочетаниях, хитросплетениях и наложениях ветвей и листьев. Ещё через некоторое время Тане показалось, что она поднялась до уровня крон деревьев и смотрит прямо перед собой так, как будто бы и сама сделалась высотой с дерево, но в последующий же момент она заметила, что слева от неё движется безвестный некто. Девочке стало страшно. В глубине чащи шевелилось и перекатывалось, постоянно меняя форму, что-то лохматое, безобразное и, несомненно, опасное. «А вдруг это медведь?» - проскользнула мысль у Танюши. Дико закричав от необъятной жути, какой не испытывала раньше никогда в жизни, и схватив Дамирку за мягкую детскую ручонку, девочка со всех ног бросилась наутёк, но, пробежав метров триста, с дичайшим ужасом поняла, что со всех сил сжимает в руке сухую сучковатую палку, поверхность коры которой кусуче кишела жирными муравьями леса. Друга поблизости нигде не виднелось.

Тогда Таня испугалась ещё больше за судьбу Дамирки и принялась его звать во весь голос, ставший от жестокой сухости во рту вдруг низким, хриплым и чужим. Внезапно Дамир появился прямо из ствола дерева. «Ну как так можно? За нами гонится медведь, а ты со мной в прятки поиграть решил?!» - возмутилась девочка, топнув ногой. Земля под ногой отпружинила в точности и чуточку посветлела. Мальчишка заливисто и ехидно рассмеялся тонюсеньким детским голоском и снова влился в дерево. «Наверное, я попала в какой-то особый, волшебный лес и теперь меня пытается завести в глушь леший, но у него ничего не получится!» - пробормотала Танюшка под нос. Но стоило ей обернуться, как она увидела прямо подле носа косматую медвежью морду. Взыв от страха, девчонка принялась бодро карабкаться на дерево, в которое вселился Дамир. Медведь сначала носился под деревом, но вскоре встал на задние лапы и принялся вытягиваться вверх вдоль ствола. Чем выше Таня - тем длиннее медведь! Достигнув длины примерно десяти метров, но хмуро смотрел на

девчонку, заметившую прозрачность собственных рук, сквозь которые просвечивала морщинистая еловая кора.

Взглянув вверх, Танюша с отвращением ужаснулась: в ветвях висели пауки. Гигантские, большие, маленькие, микроскопические, узорчатые, мохнатые, длинноногие, разноцветные или просто чёрные и блестящие - все они с невозможной скоростью оплетали паутиной ветви, листья и листики. Оглядев лес вокруг, Таня осознала, что в плотные коконы паутины укутаны уже каждое без исключения дерево, а меж листьев иногда проскакивают, падая вниз, ершистые и непричёсанные крысы и мыши - в том числе и летучие. Теперь же паутиной оказалась опутана и сама Таня.

Мелкие паучки тотчас становились светящимися, если сжать кисть руки в подзорную трубочку и смотреть из темноты коридора свёрнутой ладони. Они ползали по танюшиной юбке, кедам, волосам, а между всех пальцев свисала густая паутина. Даже под ногтями были отложены, кажется, какие-то шевелящиеся личинки. Медведя же, однако, уже нигде не было почему-то видно, словно он растворился в нисходящих вокруг серебристых лавинах концентрированной кислородной жижи. Воздух ритмично мерцал, рябил, вспыхивал яркими ослепительными точками и мельтешил, точно в нём пляской пульсировала жужжащая комариная стая или облако мошкар, какое по весне часто можно увидеть по берегам рек и озёр. Шелест листвы в ушах ухал в такт ряби и вспышкам, обращаясь в сплошной нескончаемый и неделимый на октавы давящий гул.

Когда Таня посмотрела вниз, то её осенило, что гудит на самом деле не листва, а гудит трактор дяди Володи, который, наверное, услышав её громкие возгласы, эхом разносящиеся далеко за пределы леса, специально приехал, чтобы спасти девочку от всего этого сумбурного кошмара. В такт гудению туманно пульсировала и полупрозрачность танюшиных рук: они то приобретали привычный облик толстых розоватых палочек, воткнутых в такую же розовую плоскую лепёшку, то вдруг становились дымчато-мутноватыми, точно парообразный горный хрусталь или перекаты миражей над кипящими водами. «Садись!» - сказал дядя Володя, когда девочка слезла с дерева. В тракторе оказалось очень тесно даже для ребёнка детсадовского возраста, а ещё там почему-то пахло ландышами, эстрагоном и тёплыми зимними унтами. «Я тебя должен отвезти к Лешему Бабаю», - произнёс дядюшка и захлопнул дверцу. Таня опять перепугалась и сразу же захотела побыстрее выскочить из трактора, но вдруг ощутила столь жуткое головокружение, что не смогла даже сдвинуться с места.

Деревья, попадавшие по пути к Лешему Бабаю, вели себя крайне необычно: они прятались, разбегались, их стволы скручивались, а некоторые резко поднимались вверх, подобно природным шлагбаумам, другие же - напротив - падали прямо на трактор, причем, не принося ему ровным счётом никакого вреда, сколь бы это ни казалось поразительным. Ещё через некоторое время трактор внезапно превратился в танк, а вокруг загрохотали леденящие душу канонады выстрелов и взрывов залповых снарядов, сопровождаемые ослепительными вспышками, затем снизу забурила вода, и танк тотчас же обратился в подобие тяжеловесного паромы. Прошло немало часов и ещё больше превращений окружающего мира, прежде чем они прибыли на то место, куда вёз девочку дядя Володя.

Таня стояла посреди какой-то зеленовато-синей светящейся поляны, а вокруг вращались пятнисто-красные яркие шляпки мухоморов. Рядом стоял смолистый хвойный пенёк с корявыми длинными корешками, постепенно сраставшимися, превращаясь в верхнюю половину Дамира. В нижней половине Дамир по-прежнему оставался пнём. «Пока ты, Танька, бегала, меня уже Лешим Бабаем весёлые русалки назначили», - назидательным тоном сообщил мальчик-пень, выговаривая каждое слово с особым учительским ударением, как под диктовку. Но тут со всех сторон послышался оглушительный хохот, а кроны деревьев замерцали седой серебристостью рыбьей чешуи. Таня подняла голову и увидела прекрасных русалок, покачивающих хвостами. Их длинные зеленоватые волосы вились на много метров куда-то вниз, сливаясь с кустами почти возле самой земли.

Вокруг вертляво сновали разноцветные кошки, прыгая, кувыркаясь и превращаясь одна в другую. «Так вот, какое ты - Лукоморье...» - подумала девочка. Вдруг земля вокруг начала пульсировать и раскачиваться вверх-вниз, как батут, подбрасывая Танюшу выше самых высоких деревьев. Тогда ей в голову пришла идея, что, на самом деле, в деревьях кроются клочья ночи. На фоне невероятно яркого, будто засвеченная фотоплёнка, неба в чёрную крапинку, распускались древесными ветвями края звёздных высот. В извечно ночном зените, словно бы растрескавшемся осколками масляной краски, висела даль дневной заоблачной лазури. И эти небеса ночи стояли на упругих деревянных ножках хвойных стволов. Всё вокруг начало очень быстро вращаться, оборачиваясь распадающейся и движущейся картинкой на отдалённой плоскости небосклона.

Таню одолевала просто нестерпимая жажда, которую даже свежая колодезная вода была не в состоянии утолить. Девочка придвинула пень с

Дамиркой поближе к себе и улеглась на крутящуюся и дребезжащую травянистую листву и опавшую можжевелевую хвою. Перед глазами кивали колокольчики, синенькие, раскидистые, словно высотные фонари в больших городах, и тогда на душе стало так тихо и так безмятежно, что Таня, испив нектар лазурной выси, позволила полуденным лучам втянуть себя вглубь этого чистого, мерцающего, искристого свечения...

«Случай острого отравления алкалоидами белены зафиксирован в Иркутской области. Двое детей дошкольного возраста - мальчик и девочка - были обнаружены в бессознательном состоянии на поляне в лесной полосе близ посёлка Камланово местным жителем, занимавшимся в летний сезон сбором грибов и ягод. По решению врачей дети были в экстренном порядке госпитализированы в реанимационное отделение Иркутской государственной больницы. Благодаря своевременно оказанной помощи и старательным усилиям врачей, их жизни удалось спасти, и сейчас здоровью детей уже ничего не угрожает. Вскоре они будут переведены в общую палату токсикологического отделения, однако в больнице им придётся провести ещё несколько дней до полного выздоровления и исключения развития возможных осложнений от тяжёлой интоксикации м-холинолитическими растительными ядами атропиновой группы».

Фортунаскрипт

Сева Лисичкин, простой студент из относительно крупного города, сидел у себя в общежитии за столом и готовился к семинарским занятиям, проводимым на следующий день, когда Севе позвонил его товарищ и практически выпалил, тараторя все слова кряду единой цепочкой: «Нечего тут у себя прохлаждаться, а то уж заплесневел весь! Давай-ка собирайся - и махом, махом в ДК развеяться! Сегодня там проводится литературный вечер, поэты-модернисты будут стихи читать, хоть какое-то разнообразие в твоей серой и бессмысленной жизни. Ишь, заучился уже весь».

Сева недовольно поморщился. С одной стороны, ему совершенно не хотелось отрываться от товарища и, раз уж позвали, использовать с

благодарностью эту возможность развеяться. С другой же стороны Сева прекрасно понимал, что если он не подготовится к завтрашнему семинару, то не видать ему отличной оценки за семестр, как собственных ушей. В конце концов, он махнул рукой: «А, как-нибудь да прокатит!» Закрыв браузер, он тыкнул по кнопке спящего режима и уверенно захлопнул ноут.

На улице стояла промозглая погода, столь характерная для ранней зимы или поздней осени. Моросил дождик, переходящий в колючий снег, дул ветер, завывая и засасывая остатки пыли, смешанной с дождевой влагой, за воротник, в уши, глаза, волосы и пронизывая всё тело своими льдистыми порывами. Но пройти нужно было всего лишь пару остановок, и поэтому студент решил малость прогуляться, дабы не тратить скудную стипендию. Минут через двадцать, достигнув требуемого пункта назначения, он зашёл в ярко освещённую всеми правдами и неправдами залу, огляделся по сторонам в поисках товарища, параллельно не забывая наивнимательнейшим образом изучать стилевые особенности лепнины на стенах. Товарищ Севы - Леонтий Барбарискин - очень быстро обнаружился там, где ему подобало быть, и тотчас приветственно протянул свои ладони, потряс лохматой гривой и жестом попросил Севастьяна подойти поближе. Волнующимся и дрожащим шёпотом Леонтий радостно сказал:

- Представляешь! Сегодня же будет сам Ямбус Дель Овациус выступать!

- Кто-кто? - Лисичкин впервые услышал это имя.

- Да ты что! - взвился на него Барбарискин. - Известнейший поэт-постмодернист Ямбус Дель Овациус, я бы только ради него пришёл бы посмотреть на всё это действо. Круче только Горохов. Это у которого всё то классно, то ужасно, да помнишь ты его, он выступал ещё в прошлом году в такой шапочке дико концептуальной, примерно, как у Бондарчука в «Даун Хаусе», но только пушистой, как брюхо цуцика, и немножечко инаковый. Мы с тобой ещё ходили смотреть. Фестиваль там проводился. Вспомнил теперь поэта с его шапочкой?

- Ага, был такой. Лаааадно, схожу с тобой и на сей раз... - откровенно говоря, Сева Лисичкин отнюдь не являлся любителем поэзии и не собирался становиться таковым. Он никогда не понимал этих чудаковатых поэтических позывов, порывов и потуг к тому, чтобы зарифмовать десяток-другой строк, да так, чтобы эта рифмовка ещё и звучала красиво, одновременно не растеряв весь свой сокровенный или только кажущийся смысл. Подобное сочинительство всегда виделось Севастьяну чем-то

сродни проявлений шизофазии или даже шизофрении, а сами стихи не то, что не ласкали, а и вовсе резали ему слух крайней противоестественностью, надуманностью и запутанностью мыслей - с чувствами, а чувств - с мыслями, которые под любым соусом подавались авторами, каким-то макарон, пытавшимися донести до своих читателей возникавшие в голове образы и идеи именно через поэтическую, а не через более лёгкую для восприятия прозаическую форму, сполна пригодную для передачи размышлений на расстоянии - почти что телепатически.

Лисичкину думалось, что если бы эти самые авторы-поэты захотели бы, то могли бы всё то же самое, о чём вершили свои вирши с верлибрами, объяснить и рассказать буквально на двух пальцах и в двух словах. Но ведь неет! Всем этим, так называемым, поэтам, чего-то ради потребовалось цеплять строчки за новые строчки собственных опусов и слова за другие слова. Так что, зачастую, получались изрядно чудаковатые образы, которые Сева не мог представить и в самых фантастических своих снах или даже кошмарах. Тем более не была для него ясна модернистская и постмодернистская поэзия, воспринимавшаяся студентом, скорее уж, как нечто среднее между продуктом мыслительных фрустраций дам бальзаковского возраста, помноженным на итог флуктуаций похмельного синдрома от их вчерашних гуляний, и чем-то забористо-дымчатым поверх смазки от всех этих и так не столь уж внятных состояний.

По крайней мере, именно такое мнение сложилось у Севастьяна Лисичкина о большинстве постмодернистских творений в стихах, слышанных им ранее. Впрочем, специалистом он в указанной области отнюдь даже не был, а оттого слышал не столь много произведений такой вот современной направленности. Лишь в эти мгновения Сева заметил, что друг Леонтий активно и увлечённо о чём-то рассказывает, разбрасываясь словами и брызгая слюной столь же фонтанирующим образом, как и размахивая руками, но содержание беседы понять не удавалось, поскольку в сей же момент собственно началось действие.

Выходили поэты, читали опусы, один кадр сменял другого, что-то радостно и перевозбуждённо выкрикивая и чуть ли не отплясывая на сцене, бесновато трепеща в конвульсиях вдохновенной гипомании. Одних помощники обсыпали цветами, других - поливали водой. Среди поэтов был и таков, что вышел в одежде, подозрительно похожей на женскую, будучи раскрашенным, точно дикий племенной индеец. На голове у поэта почему-то обнаружилась корона, тогда как на еле передвигающихся ногах -

тяжеленные гири-кандалы, а к лицу оказалось приклеено по две пары расслаивающихся театральных усов и бороды, на нос напялено горбатое и лупошарое пенсне с огромными окулярами, а над зубьями бутафорской короны вихрасто развевался увесистый кустистый чуб. Леонтий аж подпрыгнул:

- Смотри, смотри! Это же и есть он!

- Кто «он»? - непонимающе спросил Сева.

- Да тот самый, про которого я тебе рассказывал, Ямбус Дель Овациус.

- Яааамбууус-Дееееель-Овааааациииус... - толстыми губами пожевал его имя Севастьян. - Всё с ним понятно. А как его на самом-то деле зовут?

- А хрен его знает. Вот поди у него сам да и спроси.

Тем временем, Ямбус поправил свой раскидистый хохолок несколько снобоватым движением руки, как это очень любят делать некоторые не в меру театрализованные поэты со своими длиннющими и чуть ли не до пояса свисающими прядями, вздохнул, немножечко пошлёпал собственными губами и языком, смачно пошмыгал носом, о чём-то подумал и протяжно прочеканил, выдавая слова сыплющимися звонкими монетами:

- Ну, вы же должны понимать... всё это... постмодерн. Уж не судите меня строго. Просто строго даже и не думайте судить. А вот лучше уж со всей строгостью, так, чтобы у меня аж пар из-за ушей пошёл. Вот это я понимаю! В том-то и заключается наша ответственность и свобода нашей несвободы, которой нет: каждый и из вас увидит что-то своё или не увидит вообще ничего, и никто, пожалуй, не увидит в точности именно того, что подразумевалось, да это даже и правильно, иначе нельзя было бы узнать почувствовать ничего нового, а тогда и жить был бы прескучно, монотонно и пресно. В общем, я начинаю. Стихотворение решил поименовать «Цирк мистерий», - и он начал почти речитативом отцокивать по нёбу щёлкающий ритм языка, зачитывая собственное стихотворение:

*Лица уюта уснули доныне,
Правит оркестром опять маскарад.
Я не спешу к этой дынной рутине -
Чудо вершится, мой жреческий брат!
Корни взросли в театральных суфлёрах,
Надиктовали на лампы парик,
Дай элевсинской мистерии порох,*

*Каплей сомы увядающий миг.
Нам подсказали тропой откровений,
Песенных мантр и тантрических сцен
Стены, опутав туманом мгновений
С брызгами дыма всевидящий крен.
Цирк торжествует под флагом свободы,
Мим, словно царь. Кардинал, словно плут,
Маской жонглирует вехи природы,
В струнах канатов развесив свой пруд.
Зритель ликует, грохочут фанфары,
Фарами пальцев взрывая фонтан.
Мы не на танках арийским угаром
Смачно рожаем предвечности план.
Гром комментатора, Зевсу подобный,
В Мецтли направил прожектор луны,
Степом на сцене дрожит холотропным,
Жаждет познания сей кутерьмы.
Гласом России играя на свитках,
Жар ненароком навлѣк Коловрат,
Будто рисуя в закрытых открытках
Будды безликого новый возврат.
Точные цели - мутации знаний -
Прочно засели под скрежет умов
И разорвали пороги камланий,
Мы - поколение мистерии снов!*

Сева, меж тем делом, разглядывал облик выступающего со сцены поэта и качал головой, порицая едва уловимым мимическим движением губ: «Ох, и чудо-юдище же! Откуда такой заморыш выкопался-то? Ну натуральный юродивый». После Дель Овациуса выступало ещё несколько поэтов, однако Барбарискин к ним относился как-то очень уж спокойно, нейтрально. А после окончания поэтического вечера блохой поскакал брат у Овациуса автограф и чуть ли не интервьюировать его. Приглядевшись, Сева понял, что так и есть: Леонтий включил диктофон и уже вовсю задаёт вопросы, похоже, что для одной из своих будущих и, как всегда, запредельно скандальных извращѣнно полуперевранных статей.

- Можете дать мне автограф? - лизоблюдски вился вокруг Дель

Овациуса Барбарискин, аж подпрыгивая от нетерпения.

- Разумеется! - Ямбус расписался на милостиво представленном Леонтием форзаце персонального сборника стихов. Книга называлась почему-то «Ломит доломит». Почему именно «Ломит доломит», Лисичкин так и не понял. То ли стихи похожи неким внутренним качеством на геологическую породу, то ли от их звучания у читателя должно ломить в ушах звоном кирки, отскакивающей от камня, то ли поэтов просто ломает поутру - и они пишут такие стихи. Кто же их поймёт-то, этих поэтов. Но уже следовал новый вопрос товарища, адресованный Ямбусу:

- Можете ли Вы рассказать, что для Вас является источником вдохновения, что на Вас снисходит, что на Вас влияет?

Сева про себя лишь усмехнулся такой дистиллированно банальной формулировке вопроса и столь же банальным возможностям для ответа на таковой, но вслух ничего не сказал, да и вообще вида не подал, а поэт совершенно неожиданно дал небольшой совет через вопрос:

- Слышали о таком направлении деятельности, как исследование феноменов и моделирование ситуаций в Сфере Проекций?

- Простите, что? - недоумевал Барбарискин.

- Сфера Проекций. Научно-исследовательский центр, занимающийся данными исследованиями и разработками, сейчас как раз набирает добровольцев на тестирование и апробацию собственных разработок. Я вот поучаствовал в их программе - и стихи просто полились рекой. Я Вас уверяю, если Вы поэтического склада ума, то разработки научного центра принесут вам наиредчайшие впечатления, ощущения и идеи, гербовым оттиском сургуча вольющиеся в память на всю оставшуюся жизнь.

- Интересееееесно, - только и молвил Леонтий, сглотнув слюну и захлопнув чутка так отвисшую челюсть.

- Да, у меня ведь их визитка есть. Могу Вам подарить. По сути дела, о своих впечатлениях от участия в перспективной программе я и написал продекламированное на фесте стихотворение. Возможно отыскать также иные слои значений. Каждый, как уже было сказано, решает сам. Если заинтересовались - приходите туда. А мне, извините, пора - меня ждут, - буквально сунув в руку Леонтию визитку - сначала свою, а затем и научно-исследовательского центра - Ямбус Дель Овациус поспешно скрылся где-то в дверях дома культуры и смешался с гудящей гласом трансформатора народной толпой.

- Любопытно, а деньги за участие в этих программах дают? -

поинтересовался Сева у товарища.

- Да кто ж его знает? Может, и дают. Тебе вот, бедному студенту, деньги совсем не помешают, а меня что-то не сильно прельщает участие в сомнительных экспериментах, смысл которых не объяснил даже их непосредственный участник. Может, я бы и поучаствовал и написал о них статейку-другую для какой-нибудь жёлтой газетёнки, но у меня тематики для статей распланированы на два месяца вперёд, да плюс ещё «горячие» скандальные темы при неожиданных событиях в нашем городе. Не. Лучше уж ты поучаствуй, тем более, если деньги дают, подзаработаешь, а затем я лучше интервью у тебя возьму и напишу статейку уже по твоим словам, не растрачивая времени зря.

Барбарискин великодушно, точно бы делая одолжение, передал визитку Лисичкину, хотя было явственно видно, что дело вовсе не в воображаемой или реальной опасности, которой могут подвергнуться участники таинственных экспериментов: уж чего-чего, а храбрости, переходящей порою в откровенную безбашенность, смешанную с концентратом наглости, Барбарискину было не занимать, что не раз помогало ему в профессиональной деятельности, да и в жизни вообще. Нет, в этот раз Севе стало понятно с совершенной точностью: товарищу просто лень взваливать на себя дополнительный груз забот-работ, а куда старый горб таковых ещё не был до конца расхлёбан, зачем же ещё что-то там делать и в чём-то там участвовать? Отвязная, почти порочная лень журналиста крайне странно сочеталась с его глубоко внимательной и высококонцентрированной повсеместностью деятельностного нососования. Складывалось необычайное впечатление, будто Леонтий ленив для всего, кроме своей основной работы, ради которой он готов буквально лезть из кожи вон малахитовой ящеркой, но стоило шагнуть лишь чуть-чуть вправо или влево, и вот уж Барбарискина практически ничего больше не интересовало, и на всё ему было откровенно болт положить.

Сева Лисичкин, взглянув разок на визитку, увидел на ней не слишком-то благозвучную, но зато весьма загадочную аббревиатуру «НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО». «Интересно, что же это всё-таки обозначает?» - подумал студент, решив на следующий же день после удачного или не очень удачно отсиженного занятия-семинара, наведаться в указанное заведение, и хотя бы примерно разузнать, что там да как, и что именно может потребоваться лично от него, от Севы. По сути дела, наука достаточно сильно его интересовала, это было одно из тех самых

перспективных направлений, от которых он ни при каких обстоятельствах отказываться не желал, и поэтому на следующий день Севастьян уже не переживал по поводу своего всё-таки заваленного семинара и сниженного до четвёрки оценки за семестр, зато на всех крыльях ночи, глиняных от недосыпа ногах и наострѐнных лыжах вдохновения нёсся со всей возможной скоростью и под всеми алыми парусами именно в указанном направлении.

Найти требуемое заведение оказалось довольно-таки непросто. Оно находилось практически за городом, в одном из окраинных посѐлках, причѐм ещё и в каком-то закутке аппендиксного обличья, втиснувшемся между двумя магазинчиками, детским садом и дворовой площадкой, окружавшими Научный Центр со всех возможных сторон. Не сказать, что Севастьян шибко уж удивился данному раскладу вещей, ведь если бы этот коробкообразный рассадник учёных находился где-нибудь в деловом центре города, то о нём бы, вероятно, знал бы каждый житель. С другой стороны, что же заставило крупную организацию отправиться в подобную глухомань - вот в чём заключался вопрос. То ли у Центра элементарно не хватало средств на аренду в менее зачухонских районах постсоветского Апокалипсиса, и тогда возникал закономерный вопрос о степени перспективности и научности проводимых в нём исследований, то ли организация была полусекретной и решила в лишний раз не светиться.

Решив более не предаваться ничѐмным в сложившихся обстоятельствах размышлениям и сомнениям, Сева Лисичкин с по-маяковски гордо поднятой головой смело промаршировал внутрь здания через двустворчатые мидии дверей, находившиеся прямо под крупной и чуточку уже успевшей окислиться от времени надписью из полуметровых в высоту алюминиевых букв, гласивших, как и следовало ожидать по заведѐнной традиции социалистической криптозащиты каждого чиха, «НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО» - безо всяческих пояснений и расшифровок. Здание научно-исследовательского центра представляло собой типичнейшую коробку советский времѐн постройки: серую, невзрачную, абсолютно ничем не выделяющуюся и не отличающуюся от сотен тысяч других таких же коробок, рьяно понатыканных в разных городах всего пространства, некогда душещипательно шагавшего по стопам тайной доктрины, известной как «Путь Ильича». Но было всё-таки что-то, сразу привлекавшее внимание и, радуя глаз, не могло оставаться незамеченным, а именно: идеальный порядок, абсолютно непривычно царивший вокруг на

территории Центра и внутри него.

Постройка оказалась огорожена невысоким и, по-видимому, не особо прочным решётчато-металлическим забором, из чего Севастьян несколько преждевременно сделал вывод, что никаких сверхсекретных экспериментов под эгидой государства в этом Центре не проводится. За оградой здания произрастали множественные пахуче-ярко-цветастые клумбы с, наверное, не менее как тремя десятками видов разнообразных цветов, и в то же самое время, в тот же самый момент все дорожки были асфальтированы и были учтены даже самые микроскопические детали гармонии: между клумбами располагались целые сады камней и несколько, правда, разросшиеся экологические альпийские горки, с которых, журча, стекали маленькие водные ручейки, изображавшие высокогорные бурные речушки.

Пространство вокруг Центра было красиво, лаконично и крайне ухоженно обустроено. Над главным входом, выделявшемся на фоне серости стен разве что высоким парадным крыльцом, покрашенным красноватой краской на своей лицевой стороне вертикалей ступенек, висела всё та же таинственная надпись с названием организации. Также без всяких расшифровок. «Чудесная аббревиатура!» - в который раз пронеслось в голове у Лисичкина. - «А главное, такая понятная. Ну «НИЦ» - ладно, научно-исследовательский центр. Но вот всё остальное-то, это что за такая хренотень неведомая, а?» Войдя вовнутрь, студент наткнулся на хмурого пожилого вахтёра, похожего всей своей выпуклой харизматичностью внешности на дореволюционного казака в отставке. Вахтёр посмотрел на него и спросил:

- Так, ты к кому это, молодой человек?

- Д-д-да, м-м-мне бы нас-ч-чёт исс-сс-следований узнать-ть-ть-т-т-то бы, - принялся от волнения заикаться Севастьян.

- Аааа! По исследованиям! Это, как его там, бета-тестирование что ль какое-то у них наверху творится, да проходи, конечно, на третий этаж, затем по коридору налево. Дойдёшь до семнадцатого кабинета. Это девятая по счёту дверь справа.

- С-с-спасибо, - лаконично поблагодарил Сева, и, не говоря больше ни слова, принялся дословно выполнять данные ему охранником инструкции, поднявшись по лестнице на третий этаж. Без особого труда обнаружив требуемый кабинет, студент постучался.

- Заходи. А ты к нам по поводу? - донёсся из кабинета и из-под густых седоватых усов, похожих на брежневские брови, хорошо

поставленный дикторский бас. Таким голосом здорово бы получалось читать патриотические политагитации, рекламировать чудодейственный прибор из трёх магнетиков для продления жизни до пятисот лет стоимостью «всего лишь» девять тысяч девятьсот девяносто девять рублей или проводить сеансы массового гипноза населения по телевизору, что, в принципе, всё есть суть одно и то же.

- По поводу бета-тестирования, - не обнаружив препятствий к дальнейшему продвижению, студент почувствовал себя увереннее и перестал заикаться.

- А. Понятно. Есть такое, мы тут всех желающих... бета-тестируем.

- И сразу вопрос... Можно?

- Можно? Это уж смотря какой вопрос. Может, и можно. А может, и не можно.

- Да мне бы узнать, выплаты какие-нибудь полагаются добровольцам по окончании тестирования?

- Мммммм. Выплаты? Конечно, какие-никакие да будут. Даже если скорее никакие, чем какие, хе-хе. Мы своих работников уважаем, хоть бы они к нам и нанимаются на временный срок. Давайте теперь договор с Вами заключим.

- А что там будет проводиться-то хоть?

- Не могу сказать, что конкретно там будет проводиться. У нас организация секретная, многоуровневая, гостайной окружённая, говорить ни о чём не велено. Вот кто мне прямо сейчас выдаст гарантию, что я, допустим, расскажу тебе, выложу все наши тайные карты на блюдечке с голубой каёмочкой, а ты развернёшься - и всё - фюить, поминай, как звали, а после растрезвонишь половине мира о разработках наших передовых? А с договором ты уже так просто не отвертишься, там отдельный пункт о неразглашении имеется, да и фамилия-имя твои навеки в наших базах засядут.

Или ещё вот так: начну я сейчас болтать, а кто даст гарантию, что с вон того окна в доме напротив кто-нибудь специальным лазером не светит и колебания стекла нашего окошка не считывает да в речь не переводит? Или слабый индукционный ток, получающийся от колонок компьютера, не усиливает, используя их как средство прослушки? А? У нас, конечно, глушилки всяческие установлены, электромагнитное зашумление и вибрационное - слышишь, как стёклами специальный приборчик дребезжит - а всё-таки, как говорится в массах народных, перебдение недобдению

предпочтительней будет! Кстати. Забыл предупредить. Выключи-ка ты мобилку да вытащи батарейку. Тут тебе никаких смартфонов не положено - ни-ни! Не хватало ещё, чтобы наши секреты через микрофон куда-нибудь в АНБ уплыли. Или улетели - кому как больше нравится. Мне вот никак не нравится. Так что отключай, отключай давай. Никакой тебе здесь техники. И помни, студент, ты на территории засекреченной государственной структуры с требованиями по защите данных, относящихся к категории K1, то есть наиболее защищаемых. А ты думал, тебе тут что, хухры-мухры какие-нибудь окажутся?

Сева ничего такого на самом деле про хухры-мухры вовсе даже и не думал, зато подумал совсем другое: дядечка в пресловутом семнадцатом кабинете на третьем этаже Центра оказался самой что ни на есть старой гэбэшной закалки, а оттого, как бы это помягче-то выразиться, малёхонько параноится, и ему бы в самый раз было служить в госбезе где-то с полвека с хвостиком тому назад, и не исключено, что оно когда-то так и обстояло в действительности. Подумать-то Сева подумал, но, на всякий, случай, решил благоразумно промолчать и покивать на только что услышанную им от хозяина кабинета словесную тираду, которая и к сему моменту всё ещё не закончилась:

- Да и вообще, если честно, понятия не имею, что такого они там делают. У каждого свой уровень доступа к информации. Так что, если бы и захотел, то всё равно тебе тут ничего выболтать не смог бы.

- А это не опасно? - закономерно поинтересовался Лисичкин.

- Да нет, ну что ты, какая тут может быть опасность! Я, как уже сказал, знать подробностей не уполномочен, но скажу лишь, что находиться ты будешь в кабинете, в тепле, светел и уюте. Не бойся, не больно. У нас институт чисто психологических исследований, мы не садисты, вскрывать тебя тут никто не собирается. Разве что если сам после наших опытов вскроешься по собственной воле... да шучу, шучу я, - с этими словами сотрудник исследовательского центра, как бы поперхнувшись, несколько напряжённо и недобро захихикал, а, может быть, и просто заикал от сухомятки - Севастьяну никак не удавалось однозначно интерпретировать издаваемые сотрудником выраженно зоологические звуки, напоминающие сосредоточенное пыхтение пожилого ёжика, вовсю тужащегося от запора.

- Хм, - осторожно хмыкнул Лисичкин. - Ладно, посмотрим, посмотрим.

- Так, возьми бумаги, подпиши здесь, вот здесь и ещё вот туточки.

- Сейчас почитаем договор. Ага. Ага-ага. Понятно. Готово. Подписал. Заберите бумаги обратно.

- Ну один-то экземпляр себе оставь. Вот, приברי сразу, чтоб не потерять, а то будут ещё к нам потом претензии какие-нибудь.

- Надеюсь, что не будут.

- Когда начинаем? Готов, так сказать, к труду и обороне?

- Да хоть сейчас. Готов.

- Уууууух. Да вижу, вижу. Вот вы, молодёжь, всегда так - кровь кипит, глаза горят, а ума-то нет нисколько. Давай-давай. Проходи. Так. Тебе... тебе на четырнадцатый, а, нет, на шестнадцатый, да на шестнадцатый этаж, лучше лифтом нашим воспользуйся. Там не заблудишься. Кабинет номер сто пятьдесят шесть. Вот тебе пропуск и все необходимые бумаги. Покажешь их сотруднику - а там уж он всё сделает, как нужно. Давай, успехов, - с этими словами хозяин кабинета, так и не представившись по имени-отчеству, буквально вытолкнул Севу за дверь мягким, но настойчивым движением тяжеловесных рук.

В указанном сто пятьдесят шестом кабинете оказалось и вправду довольно уютно и тепло, хотя белые стены с потолком вызывали несколько неприятные ассоциации с зубоучебным кабинетом, равно как и не совсем понятное оборудование, стоявшее повсюду: в частности высокое медицинского вида кресло, смотрелось бы идеальной парой бормахине, если бы вдруг таковая решила здесь присутствовать. Приглядевшись к обстановке, Лисичкин с облегчением понял, что ничего подобного стоматологическим принадлежностям в кабинете на самом деле не было, зато наличествовали какие-то устройства, напоминавшие не то полиграф, не то энцефалограф, не то машинку для погружения в состояние анабиоза во время межзвёздных путешествий, чудом материализовавшуюся из какого-нибудь забугорного фантастического боевика про космос, для создания которого дизайнеры, аниматоры и видеокарты графических станций приложили гораздо больше усилий, чем, собственно, актёры.

Эти мысли, хаотически роившиеся в шарообразной студенческой голове, отвлекли Севу от мрачноватых предчувствий, подсознательно основанных скорее на ранних детских впечатлениях от посещения поликлиники, нежели имевших некие разумные обоснования, и тогда он окончательно успокоился и расслабился, а испуг его сменился почти эйфорическим интересом. Завидев метания севиной души, выраженно и последовательно отштамповывающиеся через конвульсивные сокращения

мимических мышц, сотрудник сто пятьдесят шестого кабинета рассмеялся, догадываясь о причинах столь красноречивого выражения эмоций на корчащемся лице посетителя, и потому как можно более обнадеживающе-дружелюбным тоном произнёс:

- Не переживай, зубы тут тебе драть точно никто не собирается. Здесь у нас многие по первости пугаются, а затем... затем их отсюда за уши не оттащишь. Ладно, садись. В общем, объясняю твою первоочередную задачу. Ты должен протестировать так называемую «практику равновесного плетения». У нас здесь организация секретная настолько, что всё увиденное тобой в параллелепипедных пределах НИЦРАККИ, я ещё раз напоминаю, целиком и полностью относится к гостайне, в соответствии с подписанным тобою договором и дополнительным соглашением о неразглашении информации. Но довольно демагогии, - сотрудник по-хозяйски пошарил в подписанных Севастьяном бумагах, уверенно кашлянул в кулак, едва заметно покачал головой, найдя потребовавшийся лист, и лишь только затем продолжил свою речь, - Прекрасно. Просто прекрасно. Значит, я могу теперь передать тебе дальнейшие инструкции и пояснения по требуемым к выполнению действиям.

У нас здесь разработан способ идеального хранения секретной информации, ведь её утечка при данном способе представляется практически невозможной - её не вынесут за пределы научно-исследовательского центра не только не-сотрудники, но даже и потенциальные злоумышленники среди сотрудников по одной-единственной элементарной причине: ни одного из этих документов нет ни в Центре, ни в одной из его информационных компьютерных сетей, систем, либо баз данных. Вообще нигде, понимаешь? И в то же время они, в определённом смысле, хранятся у нас, но только, повторюсь - в определённом смысле. Ты можешь обыскать Центр от самых глубин подвала до вершин чердака, но всё же так ничего и не найдёшь: ни бумаг и ни цифровых данных.

А всё потому, что сведения исключительной важности, равно как и вся проводимая сотрудниками работа, происходит в так называемой Сфере Проекций. Полагаю, ты уже мог слышать это название, но вряд ли понимаешь его истинный смысл и безграничные возможности. Каждый из наших сотрудников из своего личного кабинета погружается на нужный слой Сферы, и уже именно в гуще этого слоя и производит необходимую работу, которая за ним и закреплена по договору найма. Как ты понимаешь,

увидеть со стороны, что именно сотрудник делает, чт`о он читает, исследует, создаёт, просто невозможно. Зато в состоянии Сферы Проекций каждый из нас полноценно взаимодействует, дополняя результатами собственных дела возможности, знания и умения друг друга, помогая двигать прогресс в нашей стране и развивать его в дальнейшем.

А, так ты же не знаешь, чем является Сфера Проекций и как она устроена! Объясняю. Это состояние. Изменённое состояние сознания. Возможно, ты уже испытывал нечто подобное, когда пребывал между сном и явью на пробуждении и засыпании или неожиданно осознавал себя в сюжете сна. У тебя перед глазами могли проскальзывать реалистичные картинки, ты мог что-то почувствовать, услышать или узнать так, как если бы с тобой это происходило на самом деле: разница ощущений между реальностью и ничем не ограниченными областями этих бездн хоть и имеется, но она настолько мала, что её можно просто не принимать во внимание, да и пребывающие посредством цифровой аппаратной синхронизации во взаимном резонансе между собой на слоях Проекций сотрудники НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО отмечают б`ольшую интенсивность и яркость ощущений и настроений при нахождении на работе в Сфере, нежели во время отдыха вечером в повседневной действительности.

Похожее случается иногда и без вспомогательных электронных устройств, когда ты уже почти проснулся, но ещё не пошевелился и не открыл глаза, либо наоборот, когда ты ложишься спать и начинается затягивающее чувство проваливания, перемещения в пространстве - и вот ты видишь узоры и фантастические картинки, слышишь разнообразные голоса, проносящиеся вокруг тебя в трёхмерном пространстве и переходящие за несколько мгновений в самые обыкновенные сны. Именно в эти краткие моменты людям, в буквальном смысле слова, приоткрывается вход в безграничный мир столь же безграничных возможностей, где можно встречаться, общаться на расстоянии, вместе работать, сохраняя там результаты своей деятельности, результаты исследований и документы так, что никто не сможет их оттуда вытащить.

К сожалению, без наших электронных инфосинхронизаторов всякий из нас одинок в сих беспредельных мирах, открывающихся ему таким способом, а случайная целенаправленная синхронизация двух людей если и случается, то довольно-таки редко, находясь в практической зависимости от воли случая и ещё тысяч и тысяч многих других факторов, а потому

расценивается, чуть ли не как чудо проявления телепатии. И сохранение результатов труда возможно пока лишь посредством применения внешних приборов и устройств, но, в отличие от компьютерных сетей, информация хранится отнюдь в самих устройствах: они только запоминают те частоты электроактивности коры головного мозга, которые позволяют учёным возвращаться к собственным наработкам и разработкам, но не более того.

Синхронизаторы - это, своего рода, врата восприятия и ключ к ним. Оттого, каким ключом открыты врата, зависит и то, что именно за ними обнаружится. Да и само состояние странствия по слоям Проекций крайне нестабильно и не может поддерживаться человеком без нашего оборудования в течение срока, достаточного для разработки и проведения экспериментов, научных изысканий, а также многообразных исследований и открытий. Проблема заключается ещё и в том, что человеку крайне тяжело удерживать это чувство, которое проскальзывает перед ним при засыпании или при пробуждении: оно длится лишь крохотное мгновение, и человеку редко удаётся понять, когда именно цеплять ощущение Сферы за хвост.

Спросишь, где же тогда действительно заключена информация? Последние открытия нашего научно-исследовательского центра подталкивают нас к выводам, что информация закодирована в потоках наложения волн самого существования - за пределами доступности нашего бодрствующего сознания. Она лежит постоянно перед глазами, но глаза не видят, прямо здесь и сейчас, но просыпаясь, мы навеки забываем, как дотянуться до этих знаний, точно некая часть нашего разума засыпает в бодрствовании, просыпаясь лишь во сне, причём проявляя себя всякий раз немного по-разному.

Человек способен натренировать в себе «чувство ключа», позволяющее ему каждый раз открывать врата именно на те слои Сферы Проекций, которые ему в данный момент необходимы и, таким образом, общаться с теми, кто прошёл через те же самые врата, открыв их тем же ключом. Но без цифрового оборудования на подобные тренировки может уйти полжизни, без точного же и мастерского управления «чувством ключа» мы оказываемся способны встречать на слоях исключительно свои собственные проекции, фантомы, зыбкие тени, столь реалистично маскирующиеся под других людей, причём, порою, со всей присущей им театральной изысканностью.

Реальной пользы от подобных встреч не столь уж и много, если ты, конечно, не какой-нибудь там извращенец, поскольку имеешь полное право

и можешь делать со своими проекциями ума всё, что только заблагорассудится. Ну или если ты не любитель побеседовать с голосами в своей голове и послушать их советов, даже если эти голоса обретают мнимую материальность, благовидный облик и высоко драматизированное поведение, целиком и полностью преисполненное видимых чувств, духовности и экспрессии. Вот для того, прежде всего, и нужны наши наработки в области синхронизации с состоянием Сферы Проекций: дабы действительно общаться там друг с другом, а не просто взаимно мерещиться, беседуя, на деле, лишь сами с собою же.

Поэтому мы для начала разработали и испытали, а теперь уже давным-давно используем специальное оборудование для посещения миров на разнообразных слоях Проекций. Нами впервые в мире была применена комплексная технология, состоящая из базовой и вспомогательной. Базовая технология, о которой я уже упоминал вскользь - нейроинтерфейс с обратной связью, управляющий электрической активностью лобных долей коры головного мозга и позволяющий производить тончайшую настройку их на определённые частоты, необходимые для вхождения на требуемый для работы слой и лежащие в районе сорока герц, инициирующих сигналы возбуждения в центрах осознанности. Вспомогательная же технология - это технология свето-звуковой синхронизации полушарий, состоящая из подходящих выбранному слою Сферы частот тета-ритмов бинауральных звуковых колебаний от четырёх до восьми герц, подаваемых на фоне белого или розового шума вместе с плавным мерцанием диодного стробоскопа также ярко-белого цвета, помещаемого прямо перед глазами при помощи шлема виртуальной реальности.

А секрет здесь не элементарно прост, а просто элементарен. От светозвуковой стимуляции в чистом виде маловато толка без нашего фирменного двунаправленного нейроинтерфейсного решения. И только объединённые совместно, они могут считаться достаточно эффективными, чтобы сотрудники могли стабильно работать, не выпадая из своих слоёв по восемь часов в сутки, то есть полный рабочий день. Буквально через несколько минут подобного комплексного воздействия человек почти неминуемо оказывается на подходящем слое Сферы, даже если и не особо стремится на нём оказаться. Что же касается самих слоёв Сферы Проекций, то здесь всё обстоит достаточно просто. Если представить нашу Сферу и впрямь шарообразной, точно мячик, а затем разрезать её напополам, то ты увидишь нечто, напоминающее годовые кольца старого дерева. Это слои, и

каждый из них являет собой отдельную частоту работы человеческого мозга, вызываемую настройкой наших приборов и отправляющую каждого работника Центра или добровольца-испытуемого на тот или иной уровень взаимодействия с другими людьми, находящимися в этот же самый момент на той же самой частоте.

По ощущениям всё выглядит так, словно в нашей организации появляется невероятное количество отделов и подразделений - а это так и есть по сути, вот только проявляют они себя там, а не здесь. Каждый отдел, каждое подразделение работают внутри только для них одних предназначенных идеальных условиях слоя, создаваемых уникальным набором частот. Каждый слой соответствует каждому из наших подразделений, и каждый слой есть также отдельная частота. Для того чтобы получить доступ к информации нужного нам слоя, нужно, во-первых, уточнить, что это за слой и для каких целей он предназначен, во-вторых, получить наш прибор, а, в-третьих, выполнить необходимую его настройку с указанием нужной частоты. Когда ты попадёшь в Сферу Проекций, то всё, что ты увидишь, услышишь или почувствуешь, будет казаться тебе абсолютно реальным, и ты там встретишь, как я уже говорил, других наших сотрудников или испытуемых, а они встретят тебя.

- Так что конкретно мне нужно будет там делать? - чуточку нетерпеливо и немного волнуясь, решил перейти к делу Сева Лисичкин, прервав водопад красноречия сотрудника, объясняющего азы странствий по слоям Проекций.

- Ах, да, конечно. Самое главное чуть не забыл объяснить. Тебе для начала нужно будет посетить там архив документов и прочесть инструкцию, разработанную в Центре специально для таких, как ты. У инструкции длинное и по-научному патетическое название, но сокращённо мы называем её **«Методичка по практике равновесного плетения»**. Особенно обрати внимание на комментарии, изложенные нашими именитыми исследователями с высокими научными званиями. Если не освоишь идеи, изложенные в комментариях, то и смысл самой методички может дойти не полностью. Если вкратце: равновесное плетение есть способ идеального взаимодействия в каждой из возможных ситуаций. Именно эта методичка расскажет тебе, как именно нужно действовать. Когда ты её проштудируешь, то можно будет продолжать действовать сегодня или отложить все дела на завтра - без разницы. Итак, на сегодня твоя задача - именно осилить методичку и не более! Всему своё время.

И, да, когда окажешься в Сфере Проекций, то в самом начале взаимодействия с тем миром можешь испытать достаточно необычные ощущения, порою даже не особо приятные. Новички-испытуемые часто жалуются на головокружение, потемнение в глазах или вообще пропадание зрения, слуха, способности к передвижению в пространстве слоёв Проекций, дезориентацию, ощущение быстрого перемещения или свободного падения, как в невесомости, восприятие себя от третьего лица, прозрачность контуров тела - и прочие субъективно неприятные, непривычные или просто поразительные моменты.

Если в твоём случае окажется, что ты также испытываешь подобные симптомы, то просто активно пошоркай руку об руку или, ещё лучше, потрогай руками стены, внимательно поразглядывай всё вокруг или даже просто собственные руки, мелкие детали окружающих вещей, только не очень долго. Ещё помогает стабилизировать состояние проникновенное ощупывание разглядываемых объектов или же просто верчение-кручение волчком вокруг собственной оси. Как уж удобнее покажется. Желаю тебе успехов в освоении практики равновесного плетения! - с этими словами очередной сотрудник научно-исследовательского центра, также не пожелавший представляться Севе, по-видимому, из соображений тотальной секретности, указал рукой на дорогое, но внешне неброское кожаное кресло с прибором, предложив в нём разместиться. Севастьян с удовольствием распластался в кресле, оказавшемся настолько до дивного мягким и эргономичным, полностью повторяя все контуры тела, что сразу возникало ощущение парения, стоило лишь на минуту очутиться в этом элементе интерьера. Лисичкин тут же принялся ускоренно засыпать.

- Так, молодой человек, молодой человек! Я понимаю, конечно, что ты голодный и вечно усталый студент, но всё же - не спать. Отоспишься ещё во время работы. Потерпи буквально несколько минут до вхождения на уровень, куда я тебя отправлю для поисков методички, - с этими приободряющими фразами на голову Севы была надета шапочка с проводками, а на глаза и уши надвинут, как и было обещано, шлем виртуальной реальности с наушниками. В ушах действительно начало раздаваться какое-то циклично пульсирующее шебуршание - бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу - напоминающее единообразное курлыканье на птицефабрике, шум морского прибоя или далёкий раскатистый гром Зевса, от небесной скуки играющего на варгане, то ли вовсе звук прилетевшей за Севастьяном летающей тарелки, раздававшийся на фоне не слишком-то отрадного

шипения, будто от сыплющегося из мешка сахара или карябающего шороха виниловой пластинки, издаваемого из колонок проигрывателя, когда его иглочка, соскочив с дорожек последней композиции на чарующе-лаковую чёрную пустоту смолистого пластика, приближается непреклонным фатумом инженерной конструкции музыкального электроприбора к своей неминуемой автоостановке воспроизведения монотонного белого шума.

На экранах шлема виртуальной реальности прямо перед глазами появились ослепительные резко-белые стробоскопические вспышки, а по поверхности севиной головы, которую хитрый сотрудник Центра уже успел намазать чем-то клейким и даже не собирающимся высохнуть, поползли электрические едва уловимые разряды щекотки. Неожиданно у студента возникло ощущение поначалу проваливания, как будто он сидит в кресле, но всё вокруг него исчезло и уходит куда-то в космически-беспросветную пустоту. Затем под ним исчезло и кресло.

Лисичкин огляделся по сторонам. Тело было наполовину онемевшим и ощущалось как-то странновато: оно всё вибрировало, электрически дребезжало с высокой частотой, точно готовый вот-вот взорваться котёл паровоз. Оглядевшись, Сева понял, что и на самом деле куда-то проваливается, а вокруг не было вообще ничего. С головы исчез шлем, наушники, пропали вспышки и покалывание электричества на голове. Впрочем, ощущения от вибраций, раздававшихся и отдававшихся во всём теле, чувствовались гораздо сильнее электрических, с той лишь разницей, что не причиняли даже слабой боли, ни какого бы то ни было чувства нагревания. Буквально через несколько мановений, студент пришёл в себя на том же самом только что исчезнувшем кресле, на котором отправился в некоторое подобие странствия, но теперь уже не оказалось каких бы то ни было приборов, ощущаемо надетых на себе.

Оглядев себя во всех подробностях, Севастьян ужаснулся: на нём не обнаружилось не только приборов, но и одежды, а само тело виделось каким-то призрачно-полупрозрачным, расходящимся по воздуху размазывающимся и множащимся шлейфом движущихся конечностей. Лисичкин встал, но тут нечто сильно качнуло или толкнуло его, в глазах тотчас же потемнело, и он упал на пол. Зрение быстро проявилось, точно снимок поляроида, причём во всех мельчайших подробностях, и оно за пару-тройку секунд перевалило далеко за пределы возможностей севиных глаз в привычной повседневности. Так далеко и столь очерченно видят орлы и соколы, но уж никак не люди. С отдельными былинками-ниточками

материализовался прямиком из темноты непонятно откуда взявшийся в лаборатории мягкий узорчатый ковёр, который до процедуры погружения в Сферу Проекций совершенно точно здесь отсутствовал. Тут Сева вспомнил данный ему совет и начал активно растирать себя, параллельно шоркая ладонями ворс таинственного пыльного коврика.

Прошло ещё несколько секунд, и перед взором возникли вполне живые и натуралистично выглядящие безо всякой полупрозрачности человеческие руки, обычные, с линиями на ладонях и узорами на пальцах, за трактовку которых столь яро борются дерматоглифики с хиромантами. Вслед за повысившимися уровнем своей реалистичности руками словно бы из ниоткуда выросла на теле и одежда, но когда Сева снова встал, как оказалось, слишком резко, то его вдруг очень нетрезво заштормило, а в глазах заплясали серебристо-синеватые мушки-звёздочки. Он неистово уцепился за ближайшую стенку и столь же рьяно постарался отыскать зеркало, дабы убедиться в адекватности собственного внешнего облика.

Зеркало, дотоле напрочь отсутствующее в кабинете, очень захотелось обнаружить прямо за спиной, и, оглянувшись, студент выяснил, что именно там оно и висело: он стоял и отражался всё-таки не вполне обычно в только что не существовавшем зеркале, ведь на студенте обнаружилась не та полупарадная и, как хотелось бы верить, придававшая ему солидности одежда в стиле «костюм-с-иголочки-галстук-бабочка-туфли-лаковые-чёрные», в которой он пришёл в Центр на исследования, а какая-то вусмерть задрипанная, но зато очень удобная домашняя пижама, совершенно точно оставленная в его крохотной общажной комнатухе. От удивления Лисичкин открыл рот и принялся ощупывать всю поверхность невесть откуда взявшейся здесь застиранной до дыр выцветшей пижамы. В подобном виде появляться перед другими работниками организации совсем не хотелось, но в этот момент в дверь кабинета как раз постучали.

- Севастьян, хватит там ползать, как полузасохшая дрозofiла. Ты работать пришёл или перед зеркалом вертеться кисейной барышней? - в дверях стояла дама среднего возраста с довольно-таки суровым и неприветливым лицом, прям как у пожилой вузовской вахтёрши, ежедневно встречающей Севу перед началом университетских занятий выражением уныния своей напускной строгости. Впрочем, на лице у дамы скрывался также и какой-то тайный внутренний свет, будто от свечки, поставленной вовнутрь толстокорого титаново-сталелитейного сейфа. - Я здесь библиотекарем работаю. Тебе, как прочтёшь методичку, на другой слой

сгонять надо будет, - тётенька иронично и спокойно разглядывала домашний наряд студента.

- Да подождите, подождите Вы. Мне бы хоть освоиться здесь немножечко, - торопливо выпалил Лисичкин, опасаясь, что его сразу же нагрузят рабочей ношей, непомерной для его нынешней кондиции плеч.

- Вот как раз и освоишься потихоньку, покуда методичку читаешь. Пойдём, выдам тебе литературу. Если увидишь в ней какие-нибудь кракозябры или там буквы разные расплываться-переливаться начнут, то успокой свой ум, сконцентрируйся на желании прочитать текст, не думай больше ни о чём - и тогда действительно сумеешь прочесть.

- Договорились, пойдёмте за методичкой, - Лисичкин растерянно поплёлся за библиотекарем.

- Мария Витальевна.

- Чего?

- Мария Витальевна меня зовут.

- А, Севастьян, очень приятно, - ответил Сева, удивившись, что ему хоть кто-то в этой организации решил представиться.

- Пудзак, - буркнула под нос Мария Витальевна.

- Чего? - опять не понял студент.

- Фамилия моя, говорю, Пудзак.

- А. Угу, - на этот раз Сева не стал отвечать тем же и называть свою фамилию. Да и зачем? В договоре же и так всё написано. Зато решил продолжить разговор, сменив тему. - Вы знаете, это удивительно. Те два сотрудника, которых я видел по пришествии в Ваш, как его там... НИЦ... НИЦРАККИ что ли, даже и говорить со мной по поводу собственных имён не захотели.

- Им есть, что скрывать, они ведь не в Сфере - люди подневольные, значит, а потому всё на одних и тех же местах сидят, боятся, что на них досье кто-нибудь пишет-собирает. Только вот что тут и от кого скрывать-то? Раз попал в Исследовательский Центр - значит, наш человек. Вот и весь толк. Почти никто точно сказать не может, где именно я сейчас нахожусь физически. Я всё по разным кабинетам странствую - попробуй-ка среди всех многочисленных помещений нашего многоэтажного здания определить, в каком именно кабинете я сейчас пребываю.

- Ну да, ну да, - задумчиво согласился Лисичкин. - А Вам, случаем, слышать не доводилось ли о таком поэте, как Ямбус Дель Овациус? Это ведь он насоветовал мне сюда прийти.

- Ямбус? Псевдоним что ли? Зовут-то его как?

- Ммммммм... - Сева несколько сконфузился и пожал плечами. - Честно говоря, понятия не имею, а спросить в лоб у него самого при встрече как-то постеснялся.

- Вот тогда и не задавай всяких глупых вопросов, студент, - это последнее слово «студент», Мария Витальевна произнесла с особо ироничным ударением в интонации. - Был, наверное, поэт какой-нибудь, как же, как же, всяких у нас людей в разное время перебывало. Ну да хорош языком трепать, лучше держи методичку, - Севастьян в этот момент сделал для себя поразительное открытие: только что они шли по коридору, кажущемуся бесконечным, и вот уж библиотекарь протягивала ему довольно увесистый томик, стоя в просторном зале с книжными стеллажами и советуя напоследок:

- Давай, комментарий там читай для начала, ну да тебе говорили. Всё, свободен.

- А здесь читальный зал есть?

- Здесь у каждого свой кабинет есть, вот там и читай.

Севастьян только в этот момент понял, что совершенно не помнит, где именно находится его кабинет по отношению к залу библиотеки, к тому же он позабыл, как они здесь вообще оказались, в этом зале, однако же, выйдя из библиотечных дверей, обнаружил вход в кабинет прямо перед собой и безо всяких, предшествовавших библиотеке, длинных темноватых коридоров. Уже устав удивляться многочисленным чудесам и нестыковкам Сферы Проекций, он зашёл в кабинет и обратил внимание на несколько изменившуюся обстановку. Теперь здесь совершенно отсутствовало оборудование, зато присутствовал стол, доверху уставленный дорогой и изысканной аристократической едой во всём её многообразии, вокруг же стола оказались расставлены чопорно-изошрённые кресла, и даже обнаружился в наличии диван-кровать, на котором можно было поваляться.

- Ничего себе здесь условия для работы! А это точно мой кабинет? - непонятно к кому обращаясь спросил Севастьян.

- Да твой, твой, давай заходи уже, - ответил ему совершенно спокойным тоном бесплотный голос.

Пожав плечами, Лисичкин шагнул в кабинет и сел в одно из кресел, открыв выданную ему методичку. «Так-так-так, и где же у нас тут комментарии?» - найдя требуемую страницу, студент принялся вдумчиво

читать открывшийся его взгляду текст, а точнее, попытался, поскольку вместо букв вдруг выползли невероятные закорючки полуиероглифически-древнеклинописного вида с отдалённым намёком на грузинский алфавит. «Я должен прочитать *Вот Это Нечто*, чем бы оно ни являлось по сути своей, мне ведь деньги ещё заплатить обещали, к тому же новые знания могут пригодиться в дальнейшем», - Сева, как мог, старался сконцентрироваться на содержании открывшегося ему текста, но затем, видя, что ничего особенного с текстом не происходит, закрыл методичку, заложив между страницами палец вместо закладки. «Попытка номер два, посмотрим ещё раз», - открыв методичку повторно, студент обнаружил в ней вполне кириллический текст нижеследующего содержания:

**«Комментарии к Методическим рекомендациям по практике
равновесного плетения общества табу из миражей в дислокациях
холотропных ментальностей. Предназначены для использования
младшими научными сотрудниками НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО
(Научно-исследовательский центр разработки антропологических
комплексов кибернетического интеллекта и проведения исследований
глобальных закономерностей квантовых исторических процессов
человеческого общества)»**

Сколько существует человеческое общество, человеческая культура, столько времени находятся люди, желающие сподвигнуть всех на нечто большее, нежели просто жизнь. И в каждое историческое время находятся двигатели мод - коварные обольстители целых народов, созидрующие ложные ценности из ничего, заставляя людей преклоняться перед отражением собственной никчёмности, возвышая неспособность осознавать действительность в рангах, принимаемых за уважительные. Обладание благами всегда почиталось человечеством за нечто особенное, ввергая его в пучину вещиизма. Но и нематериальные блага, а особенно в современном мире, далеко не всегда соотносятся с общечеловеческой духовностью. Человек словно бы плетёт вокруг себя собственный маленький и уютный мирок миража, путая его с настоящей Реальностью, свободной от каких бы то ни было суждений и отражений, равно как и оценок. Не оттого ли эта Реальность есть реальность свободы?

Так свободен становишься, освобождая от оков других сознающих существ, создавая же суждения о других, вот уже сам становишься осуждаем и обсуждаем. Готовишь пути и преграды - и тут же сам обращаешься узником в заточении собственных стен, принимая их на веру. Надо быть глубже и чище. Могущество не в том, чтобы владеть, ибо миру нет дела до такого типа могущества. Оно и не в том, чтобы отдавать, ибо это в природе вещей и, ничего не отдавая, ничего и не обретаешь, а ничего не обретая внутри себя, изначально и не существуешь.

Могущество в том, чтобы быть собой. А сами собой люди являются лишь в детстве, поскольку ранний и столь непосредственный возраст до десяти лет лишён бездумной привычки ко всем тем жёстким наслоениям, запретам и иллюзиям, которыми сполна снабжает нас общество, насаждая свои порядки и заставляя плыть за собой по течению, но течение каждого отдельного человека зачастую идёт против направления всеобщих потоков природы вещей. Мы, вращаясь в чередё дел, просто не чувствуем сохранения принципов «человековости» на протяжении всей жизни, путая эти принципы с человечностью, начиная с младенческого состояния и заканчивая глубокой старостью. И все те блага, ради которых многие из людей готовы либо трудиться, не покладая рук, либо идти по головам других людей - всё это те же погремушки, про которые мы забыли, что они являются погремушками, и перевели их в ранг чего-то большего.

Но есть и различие. Не каждый взрослый догадывается поступать так, как обращался с миром в детстве, пока ещё не имел сформировавшегося отражения материального мира, а объекты виделись слишком непредсказуемыми для того, чтобы можно было мысленно достроить их продолжение в собственном сознании. Именно поэтому в самом раннем возрасте люди испытывают потребность всё подряд вертеть в руках. Каждая вещь для нас - это нечто наподобие осколка или уменьшенной частицы, вминаемой в пространство такими же частицами, складывающими всё то, что нас повсеместно и постоянно окружает. Со временем формируется комплекс многократно повторяемых событий, притом любая характеристика реальности отображается тоже как событие, но только относящееся непосредственно к работе сознания. Именно они и позволяют людям впоследствии достраивать представления и предполагать вероятности проявления событий, возможности, по-

прежнему остающиеся столь же несовершенными, хотя и чуть более подробными, чем в раннем возрасте.

Обыватель склонен путать с Реальностью сложенную в его сознании карту. Причём именно на этом способе потёмок миропонимания абсолютное большинство и останавливается. Здесь возникает закономерный вопрос: если погремушку можно вертеть в руках, то как вертеть мир, целый мир, предоставленный нам вместо той самой погремушки? Ответ лежит на поверхности: если мы не можем вращать реальность вокруг себя, то следует нам самим вращаться вокруг реальности, и тогда, возможно, некая неопиcуемость легчайшего и отдалённого проблеска истины приоткроет пред нами свою завесу в бесконечность вне зримых форм и поименованных проявлений.

Однако же многие, вырастая, почему-то начинают бросать новые верчения всяческих интересных шуток. Закостенелая картина мира принесла человечеству просто невообразимое количество проблем, которые оно, как правило, не способно узреть непосредственно, в силу повсеместной фальши, скрывающей самое своё существование, поскольку человеческий мир видится людям единственной опорой. Когда слеп к тому, дабы лицезреть корни собственных воззрений и ощущений, закономерно становишься их рабом, и тогда достаточно сложно бывает судить о том, что истинно и что ложно, по причине простого неразумения таковых при принятии какой бы то ни было позиции самосознания или же личной точки зрения.

Грань между абстракцией происхождения воззрений и конкретной логикой собственных позиций и есть то самое зеркало, которое отражает направленности асимметричных миров, среди которых вводящие в заблуждение проявляют зеркальную тождественность мирам столь же условно истинным, ибо нет причин звать правду - правдой, а ложь - ложью, покуда извечно недостижима и непостижима безусловность. И здесь каждый выбирает сам. Очевидно, если общество настолько деменциально, впадая в маразм европейской культуры и принятой на Западе системы ценностей, что мерцанию звёзд предпочло бряцанье золота, то каждый должен стоять сам за себя в этом затянувшемся побеге с тонущего корабля. Здесь очевидно, что в походе против течения рано или поздно истратишь свои усилия впустую, течение опустошит их наполненность, да только проблема в том, что самоограничение ложных табу искусственными законами есть путь

несвободы, а путь несвободы есть исконная тропа в Нижний мир.

Структура многослойных миров подобна перевёрнутому конусу, и чем люди ближе к его острию, тем меньше их уровень свободы осознания. На определённом этапе сужения конуса тот, уже почти в клюве его, становится конусом Нижнего мира, заканчивающимся в самой нижней своей точке позицией небытия, означающей тотальное невосприятие. Проекция людей и Верхний мир - трапеции, понижающие уровни свободы восприятия при устремлении к своим нижним краям вибрационных колебаний. Но, в отличие от Срединного мира, порождаемого человеческой конструкцией ума и потому имеющего весьма и весьма узкие рамки самопроявления, Верхний мир есть трапеция, расширяющаяся вверх до бесконечности. На деле же, структура более похожа на воронку, засасывающую мир в безликую всевозможность. Плыть, хоть бы и ввысь, для европейского обустройства рассудка означает следовать против течения общества, тонуть - против течения природы.

Если быть более точным, то следовать против природы попросту невозможно в глобальном смысле: всё сущее всегда пребывает в русле законов неопишуемого, нарушения возможны лишь в локальных средах с собственными условными законами, определёнными степенью ограниченности структур сложившейся среды. Так, отрицание законов Космоса становится механизмом самоотторжения, а не отторжения Реальности, ибо вне Реальности существовать невозможно, и самоотторжение есть также отражение естественного закона, позволяющего сохранять единую комплексность Бытия. Текучесть законов модификации информации едина, а направлений их развёртывания - бессчётное количество, и принятия течения, и его отторжения - лишь потоки из многомерности единого локуса существования.

Естество человеку с его трёхмерным восприятием пространства и одномерным - времени, может напоминать меняющийся изнутри шар, имеющий бесконечное количество измерений, являя идеал формы в единении восприятия с направленностью природы и энергетической целостностью всего сущего. Планеты, звёзды, атомы и параллели вселенных - наиболее близкие отражения базовых законов Бытия, а источники энергии человеческой области существования представлены звёздным жаром в «природных» политеистических религиях, соотносивших это явление с божеством, объявлявшимся зачастую высшим и воображавшим исток всех остальных божеств, также соотносённых, как правило, с теми или

иными природными процессами. Ведь Ярило и Кецалькоатль, Ра и Ахура Мазда, Сурья и, конечно же, Гелиос - всё это солярные божества.

Ясное дело, что сопротивление ложных порядков значительно уступает сопротивлению порядков естественных из-за взаимно противоположного направления движения. Однако общество не способно полностью проникнуть во внутреннее естество каждого своего представителя, общественная власть ограничена, поэтому оптимальным вариантом для выживания в обществе табу из миражей является внешнее следование его нормам при внутренней направленности в сторону природы вещей, в сторону естественности безоценочности и непозиционности, означающих отсутствие суждения и осуждения через призму точек зрения.

Когда исчезает точка зрения со своим поразительно сужающим сознание магнетизмом, появляется не имеющее пределов пространство для расширения сферы осознаваемого. И если цивилизация не перестанет двигаться в том же направлении, в котором движется, то у неё есть все шансы развиться в такую форму взаимодействия людей, при которой не цивилизация служит на благо народов, а народы служат на благо цивилизации. В подобном обществе люди не только не счастливы, но и даже сполна несчастны. Это цивилизационное благо есть трагедия безэмоциональной и выхолощено-идеальной цивилизации для роботов, утопия, похожая скорее на антиутопию, идеальный мир без красок и радостей. Нужен ли он кому-либо, если эмоции высшей степени свободы от всего - это то единственное неделимое на части мерило поведения людей, запятанное неосознаваемым мотивом в самой природе каждого человека? Вопрос, очевидно, риторический.

Основа любой популярности лежит в похожести. Человек не склонен направлять своё внимание, обращать свой взор на вещи, совершенно чуждые его внутреннему складу. То, чего нет в сундуке его личных сокровищ, воспринимается, как определённо более ошеломляющее, напрягающее и вызывающее глубинную оторопь, поскольку требует освоения. То, что в его сокровищнице присутствует, воспринимается, как более лёгкое, освоенное, знакомое, и из-за этого же часто порождает ошибку узнавания. Человек старается интерпретировать подобное подобным, тогда как внешние признаки могут, на самом деле, отличаться для сходных вещей в равной степени, как и могут быть одинаковыми для вещей совершенно различных в явлениях информационной мимикрии ума.

Мы должны заметить, что это сама основа человеческого предложения: чем более некая вещь является близкой и, по крайней мере, знакомой, а, возможно, что и часто используемой, тем более она найдёт своего обожателя. Но здесь, конечно, есть и другие аспекты, например, банальность частого использования определённых образов становится отрицательным фактором, внутри которого теряется ценность вещи совершенно новой. Но если этот образ каким бы то ни было способом может намекнуть человеку, на его, конечно же, ложную исключительность, то человек это чувство рассматривает в качестве внутренней самооценности, а зачастую, и в качестве самоцели.

Ценности человека в том, что заставляет его ощущать себя живым - и неважно, являются ли они истинными или ложными, поскольку это тоже лишь условная категория подразделяющих оценок и суждений. Человек, в сущности своей, стремится к удовольствию, избегая неприятных моментов жизни, а способов достижения избегания - практически бесконечность. Способы достижения могут маскироваться другими причинами и результатами, и одна из этих маскировок - искусство, другая же из этих маскировок - неприменимые формы знаний. Если какой-либо из объектов напоминает нечто оригинальное из сферы интересов человека, к примеру, человек видит в доске электрического ската или свёрнутый шланг напоминает ему о летающей тарелке, то человек тотчас же испытает радость узнавания, забывая о том, что ни один объект во Вселенной не является тем же самым во всякий новый миг. Время - определитель состояний, а его течение меняет всё существующее.

Если человек интересуется внутренним миром, выраженным в искусстве, то ценностью может стать сигнальная система музыки, предоставляющая возможность понимания, что человек не единственный, созидаящий своё направление, и это, соответственно, укрепит его уверенностью им же порождённой иллюзии самооценности условного. И подобных способов, на самом деле, сколько угодно: чтение, созидание, восприятие, отдых, посещение новых мест, туризм, освоение новых направления деятельности, профессий, да хотя бы и конфессий. Всё, что угодно. То, что наиболее близко человеку, то, что составляет его ценностную систему, то и является лестницами, которые способны вести человека по жизни, а единственной целью человека становится удовлетворение неких потребностей, пусть бы он даже и ставит самые высшие цели, ведь и потребности у каждого разные. Все цели поэтому

искусственные, что исходят от людей и в людей же упираются, даже не выходя куда-то за пределы, поскольку, оставаясь внутри целей, люди, по сути дела, оправдывают собственные действия выдуманными системами ценностей.

Поскольку другие люди, находясь в той самой большей части за пределами индивидуальности, имеют всё же много сходного, а от этого каждый из них доказывает собственные цели сам для себя, открывая возможность двигаться в одном направлении с прочими, а не разрываться в разные стороны. Иногда связи разрываются, но чаще всё-таки присутствует определённое сотрудничество, только это такая же иллюзия. Сотрудничества нет. Каждый тянет сам на себя и за себя. И ничего удивительного, а это вполне естественно, что каждый человек пребывает в том или ином направлении позиции, разместившись одной ногой на личном острове сознания, подобно цапле, и в этом, наверное, особенность самоорганизации социальной жизни человечества, продолжающееся до тех пор, пока оно окончательно не растворится.

Люди, всегда пребывая внутри человеческих шаров, отражаются внутри себя, поскольку эти шары и есть люди. Выбор: либо быть самими собой в одиночку, либо быть уже не собою во множестве. А кто определяет, что же есть человек? Это часть единой структуры, пронизывающей мир в своей бесконечности, пронизывающей мир в Ничто. Мир - ничто. А пока есть возможность - ну что ж, наслаждайтесь достижениями народного хозяйства и умственного труда, создавайте и двигайте науку, лечитесь иллюзиями искусства - это всё созидательная сила человечества, движущая цивилизацию.

За что людям такая структура, к чему им все эти устремления, зачем любые цели, кроме совершенствования без границ? Всё другое - приспешники целей, они кружатся, но это вовсе не означает, что цели ставят нечто прямое, ведь они гораздо более опосредованы. Всё, что бы мы ни загадывали, дабы жить лучше, происходит, на самом деле, из этой безразмерной точки, но только представленной в сложных цепочках из множества колен, похожих на многоступенчатые насекомые ножки, и они упираются, по-видимому, затем, чтобы прийти к единой тушке истины.

Задавшись вопросом о том, что же является направляющими жизненных путей человека, мы обнаружили, что каждое существо мира представляет собой систему равновесных действий, каждое из которых в различной мере может быть отнесено к некоей общей направленности

наличествующей действительности. Активизация и актуализация гипертрофированно выхолощенной самости человеческого естества, противоестественно выделенной из контекстной ситуации, настолько высокоактивна, что приводит к отклонению от весового эпицентра, сообразно степени отделённости от взаимодействий с собственной средой существования. Человек, обращённый в мир через самость своего естества, подобен дереву, лишённому корней: его обрубки приводят к падению ствола в одну из сторон. Причём направление стороны есть противоестественное контекстное разделение осознания.

Мир не знает правой и левой направленностей сторон. Ему ведомы только «к» и «от». Люди - воистину пористые губки. Идеальная их проницаемость должна быть такова, дабы полностью исключить какие бы то ни было повторения и отражения, однако растворение существа приводит к несвободе экземпляра шаблона: следуя зову без искажений, человек теряет самость себя, а границы индивидуальности размываются через трансцендентальные схемы и области. Уровни областей - пересекающиеся измерения, исходящие из тройственности сознания человека.

Человечество имеет собственный информационный сакральный символ, который можно использовать для вхождения через транс в ресурсные состояния. В центре находится круг, вокруг которого есть три круга, а, уже в свою очередь, вокруг них размещается ещё девять кругов, вокруг которых кругов двадцать семь. Каждый из кругов может состоять из подобия древесных колец или ещё из трёх кругов. Также возможна и более развёрнутая схема третичной мандалы, где на каждом новом уровне число кругов увеличивается на три. Не исключаются и альтернативные начертания, например, в форме фрактального дерева, где из точки в центре исходят по три ветви, на каждой из которых - ещё по три ветви, а на тех, в свою очередь уже - ещё по три. Так и формируются основные двадцать семь кустов внешней кроны куста. Как несложно догадаться, структура включает в себя всего сорок элементов. Но это - только способ воспринимать, точно так же, как и любое описание есть способ говорить.

Люди создали огромное количество разнообразных правил, упорядочивающих их общественную жизнь, однако любая мораль неполноценна своей оборотной стороной: то, что делает сильнее разум коллективный, значительно ослабляет разум индивидуальный. Чем меньше корней глубинных взаимосвязей имеет человек, тем меньшим опытом

восприятия он обладает и тем более склонен абсолютизировать любые правила и идеи. Однако же и здесь существует особого рода загвоздка: каждое правило создано в границах собственной растяжённости, за пределами которых оно в крайних пределах теряет смысл, становясь либо слишком непонятным, либо условно ложным, а оттого неприменимым.

Для человека верным выбором станет не черпать из этих рек, но искать родники, те реки порождающие. Каждый человек воспринимает и вещает на своей волне, в этом и есть сущность паутины сетевого социума, однако общие каналы могут быть различной полноты, направленности, иметь различный размер. Человек, укореняющийся в собственном узком канале, подобен могучему дубу на корне слабом и гнилом, словно бы в насмешку выросшем из хрупкости тополя и поверхности грядочного корнеплода.

Посеявший в себе глупость, растит её и лелеет, поскольку глупость даёт ему иллюзию силы и доставляет чувство удовлетворения, как бы возвышая человека над прочими, лишёнными его личной глупости. Такой человек, возвращающий собственную глупость и всецело ей некогда доверившийся, в итоге сам становится порождением собственной глупости, порождённой им, и глупость эта начинает холить и лелеять человека, взлелеявшего эту глупость, превращая его в личного фанатичного раба. В этом нет совершенно ничего предосудительного: человек свободен именно оттого, что сам выбирает себе путь, однако связавший себя с порождением собственного или коллективного разума позволяет за себя делать выбор собственной глупости, предоставляя ей право безраздельной власти над ним.

Нам требуется постоянная подзарядка, и без сил Космоса мы погибам довольно быстро, а оттого люди, не способные найти более широкий канал извне, сами создают в себе канал, который начинает их питать, наполнять жизни и мысли собственным же содержимым, созданным из людей, и, в конечном итоге, определяют судьбу, жизнь и самость своих личностей. Каждый человек рождён на тросах, предопределённых шаблоном природы человеческого естества, равно как и его врождёнными генетическими особенностями, однако же, в ходе дальнейшего развития часть этих тросов оказывается развязанными и переопределёнными. Конфигурация связей дефинирует и сравнительно дифференцирует личность человека лишь номинально.

Мы явственно видим, что большинство людей в течение жизни

неосознанно обрывает значительную часть собственных тросов, некоторые из которых так и остаются свободными. Возникает множество новых связей сверху и менее - снизу, восполняющих в людях те истоки энергии, которые оказались нарушены вследствие их разрыва со средними уровнями потоков. При достаточно большом количестве открытых каналов их свойства предоставляют возможности буквального ощупывания мира людей тем, что изначально предназначено для познания. Осязанием интерпретируются верхние и нижние потоки энергии.

Вся сложность проявления жизни для людей заключается в том, что они уподобляются гигантским газовым шарам в свободном полёте, отчего эмоционально оказываются способны воспринимать позиции гармоничных существ ультрафиолетовых проекций или функциональные цели тварей инфракрасных проекций. Последние подобны программному коду, их алгоритмы неумолимы, но они преследуют цели не всегда без вреда чему бы то ни было или кому бы то ни было, а просто во имя исполнения кодов самих себя. Любой же вред или польза, возникающие от действий тварей нижнего мира, есть побочное следствие их проявлений. Однако они не имеют прямого отношения к миру людей, а поэтому их проявления в наших проекциях часто имеют после себя деструктивные последствия. Элементы же человеческого шаблона, характеризующие человеческую самость, часто оказываются доступными только на уровне чистого понимания, однако же, никак не эмоций. Те же эмоции, испытываемые постоянно, навряд ли способны быть переданы словами: некое сочетание в равной степени ужасающего и прекрасного, отталкивающего и возвышающего, подобно красоте глаз слепней или извержению вулкана.

Людям очень свойственна самооптимизация. И в удовлетворении или даже природной направленности оптимизации все они очень отличаются от курса, заложенного в них по рождению. Люди похожи на капли дождя, скользящие по паутинкам в лесу так, что через них можно смотреть на океан. Лёгкие человеческих энергий, подобные дыхательным мешкам тритонов, наполняются от приложенного ветра Вселенной. Человек, утвердившийся в образе и сублимирующий внутренние направления вместо обрубленного действительного канала, на деле нуждается в том, чтобы иметь стабильный приток Силы. Он будет решать этот вопрос, максимально активизируя канал своей ситуационной неудовлетворённости до тех пор, пока не произойдёт событие, которое было бы способно заменить старый утерянный канал каким-нибудь другим

новым найденным каналом. Если приток усиливается, то это меняет человека, а если же приток не изменяется, то человек сам изменяется, в меру переформирования прочих притоков, находясь в гибком равновесии со стабильными притоками. Если приток уменьшается, то человек будет искать любой путь возвращения старого источника Силы.

Вселенская точка мира - это условно выделяемая точка нуль-пространства, первозданный нумен исходной протоматерии первопричин, излучающийся внутрь себя самого, являя акт вечного самозарождения вне времени и пространства и порождая самоизлучением естество собственного существования, которое же и есть единственное существование в силу того, что оно и есть всё. Вселенская точка логически сопоставима с отсутствующим местонахождением общей информации. Эта точка безразмерна, поскольку любой размер - исключительно информационная величина. Эта точка также лишена пространства, поскольку пространство определяется позицией отражения параметрически. ВТМ есть также значимая объектная модель мира, заключающая в себе его информационное наполнение, но реально не расположенная где-либо и не имеющая, соответственно, формы, а только значимо определённая сама в себе, поскольку точечное восприятие, характерное для человека, шароподобно, а шар принадлежит мерам мира пространств. Из самого же определения «точки» в данном контексте вытекает вывод о несостоятельности предположения о возможности немногозначного детерминирования фактического её пространственно-временного местоположения.

Одним из примеров мнимого различия человеческим рассудком сходного по сути явления, порождённого ВТМ, является выделение в отдельный аспект физических свойств объектов проявлений гравитации, тогда как номинально гравитация есть частный случай проявления волновой интерференции, вопреки действующей в момент написания «Комментариев» парадигме физической картины мира. В силу свойств волн влиять друг на друга тем более выраженно, чем несомая энергия волны φ превосходит энергию волны ω , происходит синхронизация низкоэнергетических волн с высокоэнергетическими, приобретая свойства полей насыщенной информационной плотности.

Наличие пространства как первоосновы расположения предметов представляет собой стереотип бытовой повседневности, характерный для животных и вытекающий из утилитарного опыта потребности

активного передвижения. Воспринимается ли пространство растительным миром в рамках аналогичного создаваемого животными субъективного ощущения - вопрос сложный и неоднозначный. Пространство для нас есть характеризующая форма интерпретационной адаптации к условиям жизни в движении, в полной мере соотносимая с показателями плотности, температуры и цветовой насыщенности предметов, тогда как время есть форма реализации информации, заключающаяся в активном действии высшей формы хаоса в качестве локального представления внешнего закона математической вероятности, то есть реализация рандомизации. То есть всё заново воссоздаваемое уже потенциально существует в природе мироздания изначально, иначе мы бы вошли в противоречие с сущностью Бытия как явленного наличия.

Вселенная не имеет ни целей, ни смыслов, по крайней мере, приемлемых для понимания человеком, поскольку цель порождается смыслом: например, сон необходим для того, чтобы выспаться. Поэтому цель и смысл неразрывно взаимосвязаны, а целеполагание в доступной нашему пониманию форме может принадлежать только лишь нам, людям. Мы не исключаем возможности присутствия целей и у отличающихся конструкцией сознания существ, но их логика поэтому принципиально отлична от нашей собственной. В обыкновенных состояниях сознания, будучи людьми, мы вряд ли способны постичь эту логику в полной мере, притом, что под каждым из описываемых нами качеств применим только человеческий его эквивалент, поэтому сходные качества, свойства и характеры иных рамок доступа некорректно было бы сравнивать с какой-либо информацией, в которой заключён человек и которая его полностью определяет. Это же утверждение полностью можно отнести и к проявлению категорий разума.

На счёт выраженных форм аспектов образования параллельных миров возможно придерживаться несколько разнообразных измышлений или предположений. Следует сразу заметить, что речь будет идти исключительно о механизмах образования энергоинформационных миров, поскольку главенство математических вероятностных законов над информацией даёт все основания предполагать, что существуют и нематериальные миры. Из существующего информационного набора ежеквантово формируются вероятностные деревья. То есть каждый квантовый отрезок изменений существования расходятся все вероятности в мире для создания каждого из информационных

подпространств, поэтому взаимоисключающие элементы существуют в объективности уровня Бытия одновременно и параллельно, исключаясь лишь из каждого инкапсулированного набора миров внутри самого мира, но не внутри его набора как категории явлений мироздания.

Из вышеуказанных утверждений вытекает вывод о том, что осознание мира в качестве данного или параллельного может варьироваться у различных существ, в зависимости от характеристик уровней близости их осознаний в различающихся «изомерных или перпендикулярных» измерениях иного плана проекций. Поэтому также можно предположить, что мир существует одновременно и ежемоментно во всех своих вариациях. Изменение процессов жизнедеятельности способно эмулировать восприятие несуществующего естества внутри человека, либо же максимально приблизиться к другому существу или оказаться расширением самого себя через разрастание самоестества. Эти два способа тождественны, учитывая второе предположение, первым двум пунктам выражения типов изменения сознания, в силу чего для каждого из объектов характерно тотальное местоположение, и лишь жизнь диссоциирует и дистанцирует самоестество от бесконечности, находя выражение лишь на клочке осознания.

Тени всегда величавы и объёмны для существ, стоящих вне нас. Так попробуем себе вообразить, как бы выглядело наше тело, будь возможность у некоего доселе неизвестного нам существа проводить эмпирические научные наблюдения за людьми со стороны. Можем Вас заверить, что наши действия казались бы им то ли смешными и нелепыми, то ли элементарно безрассудными. Не исключено, что двумерные существа сочли бы человечество за расу, лишённую какого бы то ни было рассудка. Вероятно, наши действия казались бы им невозможными и необъяснимыми. Здесь действует закон вложения, близкий по смыслу к принципу наследования программного кода в ООП: полноценно осознавать каждое из измерений можно лишь находясь в данном измерении, равно как и во всех вышестоящих.

Но что именно определённого в том и среди того, что на практике привело к провокации качественного изменения пространства при увеличении нагрузки воздействия на внешнюю среду? Где спрятано мельчайшее и незримое изменение состояния, позволяющее, по сходству действий, вызывать у разномерных креатур неясность отсутствующего

действия, а при внешней ясности самого действия - невозможность реализации выпадающего элемента, и, как следствие, невозможность повтора самого элемента опыта, выражающего причинно-следственную равнозначность внешне неравных или даже противоположных свершений, либо неравнозначность действий по воспринимаемому сходству, либо же невозможность реализации полного опыта в мере?

Если предположить, что человек нашёл способ конвертировать своё тело в проекцию в любом измерении, то в каждом предыдущем подпространстве он бы затрачивал несоизмеримо меньше сил для перемещения и оставлял бы больше оных для жизнедеятельности, нежели в каждом последующем, хотя, исходя из условного деления затрачиваемых сил в каждом новом измерении на равные части по количеству измерений реальности, таковое отбирало бы у человека сил меньше в плане общей потребности в растрате энергии на существование настолько, насколько эти два пограничные измерения численно относятся друг к другу, то есть с каждым новым измерением, даже при целочисленном равенстве абсолютно потребляемых и покрываемых за счёт человека затрат сил, его показатель относительно общих затрат способен только уменьшаться.

В нулевом измерении Бытия прирост затрат сил абсолютен, тогда как затрачиваемые силы эквивалентны отсутствию таковых, выраженных нулевым показателем, тогда как в бесконечном измерении прирост затрат сил будет нулевым, а реальные затраты - бесконечными. Если же мы уравниваем эти противовесы, то увидим, что ноль являет собой информационную модель бесконечности потенциала, тогда как бесконечность есть кинетика вещи в себе, выраженная только через ноль, что, исходя из энергоинформационного построения мироздания, приравнивает эти два, прежде казавшиеся противоположными, понятия. При этом силы, затрачиваемые на перемещение, должны быть меньше по сравнению с потребностями жизнедеятельности, также необходимо оставить часть энергии для обеспечения существования в пространстве длительное время, в противном случае мы либо не сможем передвигаться, либо не сможем существовать в ином измерении.

Каждый элемент мира сего представляет собой определённую функцию или совокупность функций - то, что можно условно субъективно назвать свойством или объективно назвать естеством. Поэтому нарушение даже минимального порядка в этом мире представит для себя увеличение абсолютного стремления к вселенской деструкции, то есть

нарушение одной функции Вселенной, которую можно расписать в виде гигантской математической функции, принесёт нестабильность во всю Вселенную. Если вы давите свою пятую букашку, в таком случае вы разрушаете этим всю Вселенную.

Информационная плотность представляет собой способность в получении и произведении выборки вселенской информации. Чем выше информационная плотность, тем менее доступной оказывается информация в процентном отношении, исходя из того, что за сто процентов мы принимаем информацию исчерпывающую, то есть таящую в себе сведения обо всём во всеохватности, а за полную информационную проницаемость - возможность получения такой информации. Лишь самое естество существования включает в себя две взаимоисключающие черты природы вещей - полную информационную насыщенность и полную информационную проницаемость.

Информационной насыщенностью можно назвать тот объём информации, который ежедоступен каждый временной квант. Вероятно, более примитивны те существа, которые обладают меньшей информационной насыщенностью и, соответственно, большей информационной проницаемостью, поскольку плотность прямо пропорциональна насыщенности и обратно пропорциональна проницаемости, а наиболее прочная позиция естественного существования занимаема более примитивными и грубыми формами. Чем сложнее форма реализации личного бытия объекта, тем более он пытается постичь пути мироздания, а показатель информационной проницаемости при этом являет один из способов прямого выражения доступности через диффузию взаиморастворённостей естеств: чем более доступна информация, тем менее существует ограничений её получения, а значит, тем ниже интенсивность существования данного приёмника, который мы рассматриваем абстрактным образом выражения.

Так, полученная информация, доступ к которой имеет приёмник информации, есть практическое и фактическое выражение его прав доступа, следовательно, не имеется никакого основания утверждать реальное наличие любых различий между компонентой объекта и его персональными правами доступа. Поэтому-то фактически воспринимаемая информация и является частью приёмника, а воспринимаемая потенциально - частью приёмника в параллельных мирах, там, где она принимаема объектом реально. Когда потенциал реализован,

он также становится частью локальной реальности, но в глобальном плане не следует проводить различий между потенциалом действия и его реализацией, так как глобальная «глубокая» Реальность есть также приёмник и зеркало самой себя, а значит, включает в себя все потенциалы, количественно равные реализациям для каждого из существующих миров, всецело входящих в состав этой Реальности, как и вообще всё.

Права доступа, равнозначные набору возможностей и количественно выражающие интенсивность существования объекта, подтверждает предположение об объектной ориентированности структуры всех проекций окружающей нас сознательно-обусловленной реальности. Равным образом идея об объектной ориентированности в информатике была почерпнута, вероятно, технократами-трансперсоналистами семидесятых годов двадцатого века. Математические пределы космической бесконечности вдруг становятся достаточно ясными и объяснимыми, если говорить о единственности доступных нам для понимания внеинформационных законов, находящихся самоестество проекцией в информационном мире, и, возможно, в собственных подпространствах явленной чистой Силы Бытия.

Чем более восприимчив к информации объект, тем более он информационно аморфен через постоянно меняющиеся отношения реализации практической стороны случайного распределения доступа к информации во всей Вселенной. Это может сказаться на изменении насыщенности и переводе его состояния на качественно иной уровень. Если человек в процессе эволюции станет полностью миропроницаемым, то он исчезнет, поскольку получит тотальную доступность для мира и сведений о нём, и это предположение равняет бесконечность с нулём через равенство Единства. Итак, мы выяснили и попытались доказать, что вершина человеческой эволюции, то, к чему каждый стремится подсознательно через любопытство получения новых знаний и расширенные проекции сознания, есть формирование конгломерата точечного восприятия с безграничной реальностью Неописуемого.

Единство можно понять в виде представления завершённой картины мира и Вселенной в этом мире в качестве вещи в себе. Полнообразность случайного бытия есть основная черта информационного Единства. Это как раз состояние абсолютной принадлежности Вселенной, при котором предшествующее состояние уже не играет никакой роли, поскольку состояние нынешнее уже включает

и предыдущее, и последующее, вне категорий исчисления времени, являющего лишь скорость процесса, да и то лишь относительно самого этого процесса.

Для исследователя бесконечности главное - это осознание её глубинной истинной «никакой» сущности. Бесконечность глубже, нежели что бы то ни было, ибо она и есть весь мир. Существование каждого объекта, обусловленного рефлексией осознания, измеряется номинальным параметром интенсивности. Нельзя забывать, что восприятие пустотности мира - это отсутствие восприятия непроявленной возможности проявления, тогда как проявленная возможность проявления становится автоматически восприятием локальной реальности, а проявленная возможность непроявления есть самоотражение аморфной пустоты нуль-перцепции саму на себя. Таким образом, мы ещё раз логически доказываем единообразие «происхождения» и «состава» этих псевдо-двух частей Бытия, которое, на деле, едино.

Объект принимает форму внутри рефлексии разума через возможность проявления чего-либо в качестве себя, а в противном случае любой потенциал невообразим даже в качестве мыслеформы, что также доступно в силу ограниченных способностей человека к восприятию, по крайней мере, без применения специальных техник развития оногo. Это означает не только и не столько всеобщую наполненность, сколько ошибочность восприятия человека, сознание которого придумало удобное ему явление отсутствия, отделив его от присутствия. Любой единообразной формы никогда и нигде и не существовало, кроме как в нашем собственном сознании.

Невозможности также не существует, так как невозможность предполагает проявление реализации противоположности потенциалу через отрицание возможности проявления чего-либо. Но предположение невозможности чего-либо уже включает в себя информацию об этом чём-либо, а значит, и это самое что-либо, исходя из тождественности всей Реальности информации о сумме условных паттернов всей Реальности. Рассмотрение мира как совокупности интенсивностей существования проясняет через логику явление холотропии. При полной вариативности границы наборов паттернов, каждый из объектов или явлений также полностью не определены, а их информация, содержащаяся в единственном экземпляре, может находить проявления в любых разновидностях объектов, включающих также и явления.

Каждый человек рано или поздно задумывается о том, что именно для него более важно, а что - менее. С совершенной ясностью подобное положение вещей в ракурсе рассмотрения важностных соотношений переносится и на мировосприятие, поскольку логически большее значение для восприятия, порождающего понимание, имеет то свойство мира, которое способно предоставить нам большее количество информации. Система ценностей существа становится ещё одним фактором, любой из которых можно свести к обеспечению условий, близких к идеальным для обеспечения выживания как отдельного организма, так и сохранения биологического вида. Так, если мы получаем более девяноста процентов информации от органов зрения, то зрение играет для нас гораздо б`ольшую роль, нежели, скажем, тактильные ощущения. Из возможности воспринимать довольно ограниченный диапазон электромагнитных волн, которые в силу узости восприятия мы выделяем в отдельную группу «световых», вытекает импульс возможности развития напрямую не связанных со зрением отделов головного мозга и даже органов, к примеру, мозжечка и вестибулярного аппарата, которые вкупе отвечают за ориентировку в пространстве.

Трудно не согласиться, что чувствительность современных исследовательских приборов может в каждой области превосходить человеческие: как мы все знаем, в наш век технологий существуют приборы, способные фиксировать излучение в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазоне, равно как и эхолоты, издающие и воспринимающие ультразвук. Всё правильно, ибо не может быть иным в силу того что каждое иным по отношению к себе уже не может не являться. Пока пространство позволяет человеку создавать условия для поддержания человеческой популяции, оно, конечно, будет играть для нас одну из ведущих ролей. Способны проявлять собственное существование и объективно находиться с нами и прочие свойства мира, воспринимаемые людьми по категориям, менее значимым в привычных для нас условиях, либо же не воспринимаемых вовсе, что наталкивает на мысли о совершенно другом восприятии пространства у пространственно неактивных существ, для которых ориентация на местности в смысловом плане выживания и существования в качестве жизненной потребности стремится к нулю.

Деление восприятия по категориям важности в корне неверно и отражает лишь базовые биологические потребности созданий. Дабы

познать психологию существа, чьи устои могут быть принципиально отличными от человеческих, необходимо изучить среду его обитания и физиологические процессы, характерные для каждой конкретной изучаемой формы жизни, в том числе и внеземной. Можно, конечно, ухитриться превзойти внутренний закон, тогда вопрос о правомерности представления каждого объекта выражения проекции Вселенской точки предстанет в полную силу. Полученные случайным способом и в случайном же порядке со случайной дискретностью каждое из свойств в действительности возможно рассматривать как закон, на основе которого способно выстраиваться свойство иного качества, также являющееся законом, поскольку подлежащий информационному описанию закон - тот, который также подлежит модификации, в противном случае он непознаваем для человеческой структуры интеллекта.

Строящееся на его основании свойство есть возможность подвергнуть расчёту и предсказанию на основании закона, а полная предсказуемость порождает сходство с законом в единообразии, тогда становится не вполне ясно, где - свойство, а где - закон, так как степень итерационной вложенности может доходить до запредельного и даже бесконечного уровня, переводящего степень вложенности в закон самой себя, порождающей функцию взаимосозидания свойствозаконного цепного континуума, в котором каждое свойство предыдущего порядка выступает законом порядка последующего, подобно отношениям подпрограмм к программе. Указанное подразделение во многом условно, ведь предположение о существовании уровней итераций, образующих закон самой себя, автоматически подразумевает предположение о возможности существования свойствозаконных итераций иного плана, порядка, степени вложенности и информационно-функциональной насыщенности, а из последних также можно образовывать подобные же гиперструктуры более насыщенных сфер - и так далее до бесконечности.

Именно возможность слияния свойства с законом в свойствозакон обосновывает вещь в себе мироустройством и одновременно обосновывает это устройство, доказывающее объективность слияния. В нас в застывшем миге проносятся бесконечности Больших Взрывов, и одновременно вздыхают последним скрипом Вселенные умирающие, дабы оказаться вновь возрождёнными. И каждая из живущих, порождающихся и погибающих Вселенных - это именно наша Вселенная во всём её многообразии и великолепии, со всеми её параллельными мирами и

потусторонними личными реальностями, свидетельствующими об узости понимания мира населяющих его существ, ибо есть только Реальность, и она единственная, и она есть всё во всём. Притом и одновременно - ведь время не имеет значения из-за стабильной общей наполненности в каждый квант самопроявления - мы живём во всех этих вселенных, даже не родившись, а родившись - уже умираем, и умирая - рождаемся. Мы живём в частицах, застрявших в статусе между Бытием и Небытием, и в тот же миг сполна являясь ими. Мы идём по улице, а внутри нас бредут бесчисленные полчища нас, идущих по улице - и - да! - в циклопическом себе-космогиганте - мы также бредём, ибо мы также есть те малые мы, которые в нас, и для которых мы привычные есть громадные мы. И всё это сконцентрировано во Вселенской точке мира, «глубокой» Реальности, абсолютном локусе существующего мироздания, не имеющем пространства и времени, а потому и являющемся бесконечным как в пространственном плане, так и в гиперпространственном.

Если речь зашла о бесконечности, то ищите её в крайнем пределе противоположности, там, где её быть не может, а именно в причину этого она там и присутствует. С другой стороны, любое отсутствие есть столь малая единица бытия, что вмещает в себя бесконечность себя, а значит, единица измерения отсутствия бесконечно велика, куда громаднее любого наличия. Но, так как бесконечность и есть в таком случае отсутствие, то любое увеличение равнозначно уменьшению, а это означает, что любые порядки, в том числе математические и социальные законы - целиком, полностью и сугубо субъективны.

Быть может, раз посмотрев на Солнце, вы увидите в нём собственное отражение, и тогда вы, осознаете, что нет ничего прямее кривых зеркал, ведь их искажает мировая структура. В таких зеркалах отражается диссонанс устройства противоречий. Избавиться от личины - значит стать полностью потоком.

**Настоящие комментарии подготовлены
заслуженными профессорами
Народной Академии Гуманитарных дисциплин,
почётными членами
НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО
доктором философии О.О.Кислищенко
и кандидатом психологии А.Я.Колесняком**

Когда Сева наконец-то дочитал комментарии, то вникать в самую методичку по практике равновесного плетения ему как-то сразу расхотелось, стоило лишь представить, какой она может оказаться по содержанию и объёму, если к ней одни лишь комментарии такие вот. Студент испытал то полузабытое победоносное чувство детсадовских времён, которому способствовало поглощение последней ложки невкусной каши, почему-то всегда обязательной к поеданию. Мир в такие моменты кажется обустроенным особенно несправедливо: почему этой пресной противной каши всегда оказывается целая тарелка, а аппетитных и сладких шоколадных конфет - лишь малая горстка? С тех пор почти ничего изменилось: Севастьян с огромным удовольствием понежился бы в кабинете за книжкой научно-фантастических рассказов, но его заставляли читать какого-то трансперсонально расфилософствовавшегося Кислищенко, чьи комментарии не только ничего не прояснили для Лисичкина относительно практики равновесного плетения, но только ещё больше запутали.

Сева аж не на шутку рассердился на авторов методических рекомендаций, однако поразмыслив немного, Лисичкин пришёл к выводу, что сердится скорее на себя самого: авторов рядом не было и быть не намеревалось, а на бумажные листы и краску обижаться как-то даже смешно. Севастьян хотя бы усвоил для себя ряд важных моментов или показавшихся ему важными, решив отложить как-нибудь на потом изучение всей остальной части, фактически заменявшей должностную инструкцию. Выйдя через дверь, он попытался спуститься вниз на лифте. Это ему удалось, но когда двери открылись, то студента уже поджидал один из сотрудников, облачённый в серый костюм:

- Итак, молодой человек, куда это ты наострился? Пройдём. Инструкцию полностью изучил?

- Мм. Угу. Да, - зачем-то вяло соврал Сева. Разумеется, сказать так было гораздо проще, чем объяснять причину, по которой изучение полной инструкции было отложено на некое неопределённое будущее.

- Прекрасно-прекрасно. Ладненько. Раз изучил, то следуй за мной.

- А куда мы идём? - поинтересовался студент.

- Как это куда? В зал. Там же написано всё, в инструкции твоей, - недоверчиво покосился на Севу работник Центра, но сомнения вслух высказывать не стал, затем указал рукой на дверь - и створки двери отворились автоматически. - Проходите.

Прямо за дверями простиралось помещение, чем-то напоминающее зал довольно просторного современного кинотеатра в крупном городе.

- Вот здесь мы и тестируем наши снippets Фортунаскрипта. Одна из наших разработок - а этим занимается только наше подразделение и никакое другое - это возможность расчёта процентной вероятности наступления всех базовых вариаций развития событий на Земле, их предсказание и корректировка. Мы способны посредством специально разработанного скриптового алгоритмического языка программирования оказывать прямое воздействие на наступление тех или иных событий точно так же, как и на предотвращение других. Поэтому сначала, перед внедрением Фортунаскрипта или отдельного его снippets в эксплуатацию, наш отдел занимается бета-тестированием с параллельным дебаггингом: мы проверяем разработанные нашими лучшими специалистами алгоритмы на добровольцах, а затем уже запускаем ту или иную «генеральную линию», которая в опытах продемонстрировала наилучший результат.

- Каким образом вам удаётся влиять на события?

- Из Сферы Проекций, ясное дело. Это пространство чистой информации. Или энергии - как тебе угодно его понимать. На самом деле образ восприятия энергии совершенно не важен, важны лишь все те фишки, которые Сфера позволяет нам, действуя изнутри Проекций, претворять уже в действительности. Попробую объяснить попроще. Когда ты делаешь что угодно в среде повседневности бодрствования, то ты действуешь не непосредственно, а в строгом соответствии с теми законами, которым соответствуешь сам по природе собственного существования, что, кстати, вовсе не доказывает абсолютность этих законов, а указывает лишь на их непосредственную применимость по отношению к тебе.

Самая твоя возможность существовать и жить выдавливает тебя таким искажением мироздания на его многомерном полотне, придавая тебе определённый набор черт и возможностей, ограничивающих твои собственные способности к взаимодействию с миром: ты можешь делать с образами окружающей тебя действительности лишь то, что относится к непосредственным её аспектам, из которых состоишь ты сам, и оказываешься совершенно неспособен делать ничего, что не является твоей характерной личной чертой существования. С такой позиции весь процесс жизни человеческих существ, да и вообще любого самосознающего разума, сводится к череде отражения личных граней в точно таких же гранях Реальности, причём невозможно утверждать совместное существование

границы Бытия и точно такой же границы человека.

Каждая из них развёртывается лишь в единственном экземпляре, а собственно «человеческой» её делает именно тот факт, что она, отражаясь сама на себя, принимает свою зеркальную копию за элемент образа отдельного существа. И именно этот ограниченный набор и становится непреодолимой прослойкой между непосредственной информацией глобального взаимодействия и кажущимися себе отделёнными от этого взаимодействия существами, хотя это разделение мнимое: оно и возникает как раз в силу ограниченности набора свойств, который становится прослойкой сам для себя, подобно тому, как складка на шторах не бывает отдельной от штор и тотчас же исчезает, если эти шторы разгладить или растянуть.

Мало того, точно так же невозможно сказать, где именно заканчивается мир и начинается человек, как и невозможно утверждать, где заканчивается штора и начинается складка, хотя сама складка, если была бы способна к мышлению, вероятно, оказалась несколько иного мнения о степени своей реальности. Когда-то давно на Западе производились печатные машинки с шаровым механизмом печати (в Советском Союзе чаще пользовались рычажковым механизмом, да не суть дело важно): при нажатии на клавиши металлический шарик поворачивался под тем или иным углом, на котором выступала литейная форма-шаблон определённой буквы, далее шарик сквозь ленту припечатывался к бумаге, оставляя оттиск краски в форме нужного знака.

Но ни при каких обстоятельствах невозможно было заставить машинку напечатать какие-нибудь другие знаки, буквы или символы: оттиски для них просто отсутствовали на шарике, хотя в абстрактном смысле в мире существуют и другие значки, шрифты и даже целые художественные картины. Но не на шарике печатной машинки. Вот и человек, прямо как этот шарик, имеет способность поворачиваться к миру только той или иной стороной, оставив лишь тот след, который в нём с рождения заложен в виде паттерна самой природой, но ни при каких обстоятельствах люди не способны оставить ничего из отсутствующего в них изначально, пока сознательно не поменяли собственную сущностную суть. Доля твоей природы уже претерпела знаковое изменение, ведь каждый, ознакомившись хотя бы поверхностно и хотя бы с незначительной частью текстов нашей методички, обретает в глубинах себя новую искру пожизненной способности к путешествиям по слоям Сферы

Проекций, и будет чувствовать себя в ней столь же естественно, как рыба в воде, фермер в поле или белка в лесу, даже и без применения любых внешних технических приспособлений. И это самая основная причина, по которой мы требуем обязательного ознакомления с текстами профессоров Кислищенко и Колесняка для каждого из наших новоиспечённых добровольцев: практическое использование Проекций требует обязательного понимания информационной составляющей их содержимого.

Если проводить более современные параллели, то сходным же образом работают и компьютерные программы: мало того, что их алгоритмы не безграничны, так они ещё и, как правило, не способны взаимодействовать с устройствами компьютера напрямую, а только через обращения к типовому набору функций операционной системы, которая также не обращается к устройствам напрямую, а лишь посредством специально написанного под каждое конкретное оборудование драйвера, делающего возможным необходимые взаимодействия, но, опять-таки, ограничиваясь пределами заложенных в эти драйверы алгоритмов. Если так будет угодно, то Сфера Проекций - это своеобразный ассемблер Реальности, пространство прямого, а не опосредованного доступа к взаимодействию к ней, мы же все здесь вроде как драйверы, - с этими словами работник научно-исследовательского центра сделал небольшую паузу, довольно хмыкнул и рассмеялся, а спустя некоторое время продолжил:

- Но если Сфера - это ассемблер, низкоуровневый язык прямого взаимодействия, то Фортунаскрипт - это разработанный нами язык высокого уровня, весь смысл коего заключается лишь в одном единственном: заставить печатные шарики определённых, нужных нам для тех или иных целей, людей, поворачиваться не под тем углом, под которым хочет повернуть свой шарик человек, а под тем, под которым поворачиваем мы, набирая строго определённый текст на канве всего Сущего. Печать рассказа судьбы - вот результат правильного срабатывания любого проверенного и качественно отлаженного фортунаскрипта. Вся прелесть применения наших алгоритмов заключена как раз в том, что человек понятия не имеет о воздействии на себя со стороны и совершенно искренне полагает, будто все принимаемые им решения тщательно обдуманы, взвешены и исходят от него самого, тогда как они годами могут исходить из нашего Научно-Исследовательского Центра.

Иногда мы тренируемся просто на случайно выбранных обычных

гражданах России, жизнь которых, как правило, отнюдь не несёт широкомасштабных и глобальных последствий для существования всего человечества, и которые даже не подозревают об алгоритмизации и корректировке их судеб со стороны. Иногда мы оттачиваем алгоритмы на добровольцах, наподобие тебя, хотя это оказывается и не столь эффективно: у человеческого разума наличествует нечто наподобие механизма самозащиты, поэтому любое внедрение в судьбу объекта при условии осознания этим объектом факта воздействия, несколько... скажем так, искажает конечный результат, в зависимости от уровня воли и степени осознанности подопытного.

Но, конечно же, основной областью применения фортунаскриптов были и остаются представители высших политических должностей, стоящие у руля нашего государства. В двухтысячном году, когда был запущен проект «Сферы Проекций» в рамках исследований, проводимых в стенах НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО, наша страна несколько изменила вектор развития в сторону большей самостоятельности и независимости. Все крупные дипломатические достижения за последнее время являются результатом нашей неустанной деятельности на протяжении пятнадцати лет. Кстати, алгоритмизацией проведения крымского референдума и последующих правок законодательства занимался лично один из почётнейших наших сотрудников - Орфей Оскарович Кислищенко, один из соавторов методички, которую ты только что прочёл. Во многом именно он совместно с Аврипигидием Яровратовичем Колесняком и сумел просчитать все вероятности возникновения подводных камней референдума, обеспечив успех проведённой политической операции тихо, мирно и без излишних жертв.

Но мы оказываем и частные платные услуги, хотя они и не всегда срабатывают из-за излишней заинтересованности объекта применения скриптов. Нужно, допустим, какому-нибудь олигарху судьбу свою поправить или узнать, что произойдёт. Сейчас он точно не к гадалке идёт или, чего доброго, к финансовому аналитику, чур меня. Нет, олигарх идёт к нам: у нас здесь всё строго научно, по кофейной гуще и биржевым котировкам не гадаем, как видишь, с брокерами, риэлторами, домовыми, каббалистическими демонами и прочей нечистью тоже не водимся. Зато мы смотрим - и однозначно умеем высокопрофессионально наблюдать все возможные негативные моменты в судьбе нашего заказчика. Вероятностный программный комплекс способен до сотых долей процента

рассчитать возможность наступления того или иного события в жизни каждого человека. Расчётом, кстати, занимается другой спецотдел, мы же только разрабатываем программы и правим судьбы. Это так, к слову.

И вот видит олигарх, что доходы падают и утекают к конкурентам, расходы же, наоборот, растут, а пока он тут впахивает, вкалывает и внюхивает, его благоверная ходит по клубам и там себя несколько нетяжело ведёт, в общем, образом, не подобающим для супруги богатого старпёра, по-кавалерийски оседлавшего нефтепровод, но так и не ставшего героем и образцом всей своей жизни - таким клювастым дядюшкой Скруджем, купающемся в чёрном золоте России, поскольку золотой эквивалент денег, как известно, был отменён в нашей стране ещё задолго до рождения этого самого олигарха, а искупаться в действительном современном их финансовом эквиваленте - нескольких байтах записи в базах данных на серверах банка - представляется несколько затруднительной задачей, если, конечно, ты не Нео или Джонни-мнемоник. И тут олигарх доходит до точки кипения, идёт к нам и платит специфическое вступительное пожертвование на дальнейшие исследования, а мы вносим кое-какие правочки в его судьбоносный код.

Впоследствии оказывается, что конкуренты сталкиваются друг с другом, устраивают разборки в том же клубе, где по, конечно же, случайному стечению обстоятельств, оказывается и загулявшая супруга олигарха, в результате все перебивают друг друга, неблаговерная травится некачественной ешкой и помирает в клубном сортире от разрыва сердца во время начала стрельбы конкурентов своего мужа, весь бизнес которых за жалкие пару десятков миллионов долларов продаётся с молотка и оказывается в руках у нашего заказчика вместе выигрышным лотерейным билетом этак на пяток миллионов рублей карманных расходов ради, да ещё престарелый его дядя самых честных правил, скоропостижно окончивший свой век, оставил ничего ранее не слышавшему о нём племяннику четырёхэтажную виллу на Карибах и достаточно здоровое завещание всего состояния и сундука драгоценностей впридачу, доставшегося на память о былых дядюшкиных подвигах под руководством Аль Капоне.

В общем, всё заканчивается хорошо и благополучно, прям в лучших экранных традициях американского мыла. Причём, по договору оказания услуг, мы имеем полное право потребовать десять процентов доставшегося олигарху состояния на развитие и совершенствование технологий Научно-Исследовательского Центра. Тем примерно и живём. Теперь тебе понятна

работа всей этой системы? Как видишь, наш заказчик отнюдь не является профи равновесного плетения и даже понятия не имеет о том, что же это вообще такое, за него всё делает высокопрофессионально написанный нашими лучшими кодерами персональный алгоритм фортунаскрипта.

Кстати, возвращаясь к практике. С точки зрения воздействия нашего языка судьбы, практика равновесного плетения диаметрально противоположна по целям: она позволяет всеми возможными человеческому сознанию средствами противостоять вероятным сторонним скриптовым влияниям, выбирая, так сказать, каким бочком повернуться к миру, и какой в результате текст напечатать в книге собственной судьбы, поэтому иногда ещё мы неофициально называем равновесное плетение *«внутренним Фортунаскриптом»*. В действительности, если вдуматься, то особой разницы между ними нет: только скрипты излучаются прямиком из Сферы Проекций, воздействуя на объект со стороны, а практика равновесного плетения осуществляется самим субъектом, излучаясь изнутри него вовне. Но в обоих случаях мы имеем дело с прямым влиянием на чистую информационную протоматерию энергии, а учитывая, что, в конечном итоге отсечения всех возможных лишних сущностей бритвой Оккама, из этой же самой протоматерии состоим и мы сами, то все подобные изыски хитровыпендренного ума, как бы мы их не называли - скриптами или практиками - сводятся лишь к тому, чтобы заставить наше естество снять маску и увидеть в отражении своё истинное лицо, сделав ему такую пластическую операцию, что никакая маска уже не потребуется.

И здесь весь выбор сводится к одному: либо у человека целый творческий коллектив хирургов-косметологов снимает маску во время беспробудного сна и делает ему пересадку лица, причём человек об этом так и не узнаёт, поскольку никогда не просыпается, либо каждый из таких хирургов-косметологов режет себя сам перед зеркалом в бодрствующем состоянии, и поэтому вся ответственность за получившийся казановый или квазимодый результат лежит только на нём самом. Надеюсь, моя метафора ясна? - сотрудник зала программирования вопросительно уставился на Севу. Тот неуверенно кивнул, в очередной раз обмозговывая уже начинающую не помещаться у него в голове свежесжатую информацию.

На миг Севе показалось, что у него в голове перекачивается живой ком беспокойной овсянки, подтекающей то из левого уха, то из правого, и всё никак не находящий комфортного расположения своей варёно-зерновой сущности внутри черепной коробки. Но лекция тут же продолжилась:

- Видишь ли, Сфера Проекций надстоит над человеческим миром. По идее, твоя повседневная жизнь - это всего лишь один-единственный слой её, просто ты с самого рождения отточил свой навык нахождения на слое, называемом тобою реальным миром, что стал настоящим мастером. Ты мастер настолько, что умудряешься никуда из собственного мира не соскальзывать, хотя переливаться и перекачиваться между слоями изначально гораздо проще для разума, нежели удержание в каком-то одном из них, что для реалий взаимодействия волн энергий видится даже как-то противоестественным.

Если бы ты соскользнул, то тут же оказался бы на одном из слоёв Проекций. В принципе, особой разницы нет, всё едино, граница только в человеческих головах - там, где заканчивается повседневность, начинается Сфера. Справедливо и обратное: там, где заканчивается Сфера, начинается повседневность. Но если бы люди их не разделяли, то оказалось бы, что вовсе не существует ни того и ни другого, а лишь только неисчерпаемое единое существование, весь смысл понимания которого сводится не к тому, чтобы как можно глубже проникнуть в него, а с точностью до наоборот - к тому, чтобы как можно сильнее отграничиться от его безразмерного сияния, поскольку энергии осознания, из которых всё и состоит, ограничиваясь до строго определённых конфигураций и форм, как раз и образуют то, что мы называем формой восприятия, а стремление воспринимать всю Вселенную, конечно же, может быть достигнуто, но самоотражение Сущего само на себя и так присутствует постоянно, делая возможным для мира просто-напросто быть, а поэтому в безграничных своих пределах осуществление осознания всего существования оказывается равнозначным несуществованию отдельных его форм и отдельных сознаний.

Так уж устроен мир: жизнь в высшей степени своего проявления становится смертью, а из смерти путём сложения и усложнения элементов порождается новая жизнь и новое сознание. Поэтому человеку не следует стремиться быть чем-то ещё принципиально другим, гораздо лучше стараться максимально актуализировать и расширить то, что в него заложено первоначально по природе человеческой. Только слой повседневности всегда казался человечеству маленьким, узким и крайне ограниченным своими многочисленными физическими законами, всеми силами поддерживаемыми людьми, отчего эти законы, теряя свою условность, становятся для каждого человека абсолютными и непререкаемыми - так действует модальность информационного поля

человеческого разума.

Помысленное миллиардами становится реальностью для этих миллиардов, даже если для чуждых форм разума, живущих в слоях Сферы Проекций по абсолютно иным законам, оно видится именно тем, чем и является - всего лишь мыслью. Но поскольку все слои взаимосвязаны между собой причинно-следственными связями, то запуск любых фортунаскриптов на нашем слое отражается непосредственными событиями на слое повседневности: мы вовсе не разрабатывали никаких специальных устройств-электрогипнотизёров и космических излучателей. Всё гораздо проще и принципиально прозаичнее: мы просто сумели подстроить наши разработки под практическое применение извечного и открытого еще древними индусами свойства Бытия, известного, как Закон Кармы. Именно посредством неё наш Центр исследований и осуществляет свою глобальную научную деятельность.

Мы транслируем судьбоносный код внутри нашего слоя, как тонкая плёнка бензина разливается по поверхности лужи, да только лужа эта, можно сказать, расположена в небе и весь бензин её - не более, чем искусственно созданная форма тонко-переливчатых туч, отражающихся уже в лужах, разлитых по асфальту на Земле. И вот что поразительно: для луж, оказывается, нет никакой разницы, мираж ли их бензин или он действительно существует. Даже если его нет, лужа начинает воображать себе облик поверхности до тех пор, пока там действительно не появляется радужная плёнка, хоть бы она и оставалась всего лишь иллюзией от отражения плывущих по небу закатных облаков, расцвеченных в те же краски. Так алгоритмы достигают своей цели, поставленной нами. Вот посмотри на экран, а точнее - на экраны. На них ты можешь увидеть многочисленных испытуемых и заметить наших уважаемых заказчиков.

Тут только Сева обратил внимание на огромный экран, занимавший одну из стен зала и прямо-таки нависающий над ним, что ещё больше придавало помещению сходства с кинотеатром. На экране отображалась сеточка из экранчиков поменьше, занимающая всю его площадь как по вертикали, так и по горизонтали, а на каждом из этих небольших экранов происходило определённое действо, разворачивались сцены, ходили всевозможные люди, причём полностью независимо и никак не взаимосвязанно друг с другом по сюжету. Всё вместе это походило на видеопоток с камер наблюдения где-нибудь в кабинке у охранника, только гораздо ярче, широкомасштабней, чётче и многоцветней.

На некоторых из этих квадратиков вместо видео виднелся какой-то высокоуровневый объектно-ориентированный программный код, напоминающий, насколько Севе позволяли судить его невеликие познания в области разработки софта, совершенно абсурдную помесь из операторов, циклов, вызовов методов и функций в Delphi, C++ и Python с веб-элементами синтаксиса HTML и вставками на Perl, PHP и Ruby. По-видимому, это и был тот самый пресловутый Фортунаскрипт, в подробности реализации которого студент решил особо-то сильно не углубляться. Человек в зале продолжал рассказывать:

- Наши специально обученные учёные-инженеры пристально следят за процессом исполнения каждого из запущенных в работу фортунаскриптов, и если появляются хотя бы мельчайшие отклонения за пределы заданной программы, способные лавинообразно привести к очень и очень серьёзным последующим искажениям результата, то наши операторы внедряют корректирующие скрипты, разработанные практически на все случаи жизни и постоянно совершенствующиеся, то есть такие маленькие клочки программного кода, влияющие на протекание процесса исполнения алгоритма. По правде говоря, скрипты составляют основу большинства создаваемых нами в настоящее время скриптов, даже весьма пространных по объёму и сложных по уровню проработки разнообразных мелких деталей. Скрипты - это как бы кирпичики, из которых строится обитель судьбы, ну или буквы человеческих шариков, о которых я тебе рассказывал. Что же до конкретной цели, поставленной перед тобой, то на сегодня ты её выполнил. Можешь быть свободен, иди домой, отдыхай, учись. Если нам потребуются твои услуги - мы сами тебя найдём, тогда и начнёшь потихоньку равномерно плестись по заветам наших рекомендаций методических. А будешь плестись неравномерно - не получишь впоследствии от нас ни шиша. Да ещё и пенделя тебе влетит. Не от нас уже, вовсе нет. Как бы это странно ни прозвучало, но от тебя же самого.

- Что значит, «от меня самого»? - удивлённо уставился на сотрудника Сева. - Я сам на себя пендель обрушивать не собираюсь!

- Увы, всегда так, вот увидишь, и это, как мне кажется, довольно логично: отдача от корявого применения равновесного плетения всегда настигает того, кто неправильно плетёт. Обижаться здесь не на кого, ты же не обижаешься на третий закон Ньютона, если отскочивший от стенки шарик для пинг-понга, направленный туда твоею же зажатой в руке

ракеткой, вдруг попадёт тебе в лоб или глаз? Ладно, всё, свободен, иди домой, я отпускаю тебя, - чуть агрессивно, с нажимом и иронической полуулыбкой сказал учёный.

- Как это «иди домой»? А где же обещанная оплата за сегодня, да и есть ли у Вас подобные полномочия направлять мои действия? Я ведь честно выполнил работу, которая от меня требовалась! - возмутился Лисичкин. Меньше всего ему хотелось уходить отсюда без денег, которые у него, как у обычного студента, и так-то не особо водились, притом потратив половину своего выходного дня на какие-то непонятные размышления, лекции и манипуляции.

- О, вот уж в этом-то ты даже не думай сомневаться, полномочия у меня, разумеется, имеются в полнейшем наличии. Деньги получишь у выхода на первом этаже. Там касса. Только сначала вернись в тело, будь так добр, проследуй до своего кабинета, - работник Центра сосредоточенно посмотрел студенту прямо в глаза, точно цирковой дрессировщик или заклинатель змей своему объекту дрессировки. Или, как минимум, он вёл себя, как режиссёр на первом показе собственного фильма.

Сева, покинув похожее на кинозал помещение, прошёл по коридору, открыл дверь кабинета и увидел себя самого, сидящего на кресле в окружении проводов и многообразной хитромудрой электроники. Сначала он подумал, что вернуться будет затруднительно, однако стоило всего лишь увидеть себя со стороны, и тут же на доли секунды произошёл провал в сознании. Этого оказалось вполне достаточно: спустя миг Севастьян уже бодро отцеплял от себя провода нейроинтерфейса и снимал гудящий и мигающий шлем виртуальной реальности, а ещё через минуту - сел в лифт, дабы спуститься на первый этаж, где действительно оказалась не просто касса, а целая бухгалтерия, занимавшая никак не менее доброй половины этажа.

В бухгалтерии ему безо всяких лишних вопросов выдали честно заработанные десять тысяч рублей. «Ого, ничего себе! И это за прочтение какой-то методички, да и то не до конца, и беседу с местными работниками! Пожалуй, выгодное заведение, надобно сюда наведываться периодически. Вот бы у меня в универе за каждую прочитанную в библиотеке методичку столько платили, так я бы оттуда вообще не вылезал», - обрадовался Лисичкин. - «Странно, а почему я раньше не замечал, что здесь у них бухгалтерия. Наверное, просто не интересовался». Помахав рукой суровому усатому казакообразному охраннику, читавшему

ещё пару часов назад Севе нотации о соблюдении правил информационной безопасности, Лисичкин, облегчённо вобрав полную грудь свежего воздуха, вышел на улицу и направился домой, то есть в общажную комнату, шагая счастливо и беззаботно, точно стал после посещения Центра легче раза в два.

С этого самого дня жизнь его понеслась по невообразимой и поразительно насыщенной событиями траектории, причём, как отмечал и сам Сева, изменилась не сколько внешняя сторона жизни, сколько внутренняя, ведь до посещения НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО всё его студенческое существование напоминало зацикленное треньканье шарманки, настолько расшатанной, разболтанной и обветшавшей, что она оказывалась неспособна воспроизвести ни одной чистой ноты - к любому мажорному позвякиванию меди всенепременно примешивалось удушливое увядание минорных мотивов. Теперь же всё неожиданно стало совершенно иначе, и севина жизнь вновь заиграла настоящими красками самой себя, обретя вновь ту срединную самость сути, которую давно уже растеряла где-то одновременно с окончанием Лисичкиным детского садика.

Дело было, конечно же, не в самой жизни - она была и оставалась абстрактным явлением, вечным и неизменным в своём корне, как сама Вселенная. Дело было в способности Севастьяна отражать это явление в себе самом, демонстрируя миру процесс собственной жизни именно таким способом, которым ему удавалось проводить эту демонстрацию вот уже на протяжении двадцати одного года, семи месяцев и девятнадцати дней, не говоря уж о часах, минутах и секундах, в которых не было бы изначально никакого смысла, если бы не вездесущая способность человечества выдумывать любые смыслы на пустом месте, породившая из небытия понятие о времени, на самом деле, бывшем не более, чем отражением одного из свойств природы самого человека.

Несомненным для Севастьяна был и тот факт, что это самое прирождённое умение отражать процесс жизни вовне из года в год видоизменялось, представая перед миром постоянно под различными ракурсами, обязательно становившимися на момент такого показа фронтом здания жизни, даже если год назад эта часть его свойств скромно поблёскивала плохо начищенной медной пуговицей где-то сбоку. Постоянное колебание ракурсов, накапливаясь со временем, превращалось в жизненный опыт, но вот предугадать, каким именно предстанет существование спустя ещё несколько месяцев - весёлым или

депрессивным, вдохновенным или скучным, неожиданным или предсказуемым - у Севы никак не получалось, поскольку тайна мастерства ювелира, делающего огранку и шлифовку кристалла жизни, оставалась закрыта от взора студента за тёмными пределами океана доступности миропонимания.

Прочитанный Севастьяном в застенках Центра текст всё никак не шёл из головы. «Может быть, практика равновесного плетения именно в том и заключается, чтобы стать пауком, плетущим паутину, в которую попадают такие вот ювелиры?» - размышлял на досуге Лисичкин. - «Или, как раз, наоборот, её смысл в том, чтобы стать тем самым ювелиром? Или всё-таки пауком, прикидывающимся ювелиром, прицельно попадающим в собственные сети, расставляемые им в моменты, когда он не прикидывается ювелиром, а остаётся самим собой, то есть пауком? Или же искусство в том, чтобы быть ювелиром, прикидывающимся пауком именно с той целью, дабы сплести паутину, в которую можно было бы попасться самому себе, поскольку если не прикинуться пауком, то откуда же появится паутина, ведь ювелиры паутину не плетут, разве нет?»

Как бы там ни было, с жизненным пространством творились поразительные метаморфозы, словно некто невидимый взял клубок севиного опыта восприятия и отмотал его назад до состояния осознания трёхлетнего ребёнка, при этом все последующие грани и знания никуда не испарились, зато ощущение жизни приобрело ничем не замутнённую, не опечаленную и не отягощённую ясность и пронзительность подвижной любопытности гиперактивного мальчика-детсадовца. Выглядело это так, словно Сева дотоле взирал на жизнь сквозь грязные окна, пыль с которых никто не протирал все двадцать один год его жизни, поэтому слой мутной пелены всё лишь накапливался, уплотнялся и разрастался, делая окружающий мир всё более тусклым и бесцветным, сообразно с процессом взросления Севастьяна, а тут вдруг кто-то не просто протер стёкла его настроений влажной фланелево-бархатистой тряпкой или кусочком ткани из микрофибры, но ещё и стёр эти стёкла для каких-то своих собственных ремонтных нужд, великодушно оставив студенту возможность взирать на пространные пейзажи открывающихся за окнами ландшафтов сквозь зияющие дыры пустых оконных рам и чистейший воздух открытых и доступных взору отражений его собственного ума.

Всё вдруг стало настоящим. Нет, конечно, оно и раньше было таковым, но вот именно сейчас это настоящее манифестировало

собственную природу самым пронзительным, если не сказать, назойливым образом, как бы крича: «Я есть! Я существую! Посмотри, внутри меня необходима и неотъемлема каждая незримая мелочь, ведь на самом деле, каждая мелочь - это целая Вселенная!» Севастьян уже почти забыл, каково это - наслаждаться трелями птиц, проникаться каждой клеткой тела в изысканность ароматов южных цветов, встречать лоснящиеся и горящие тысячами красок рассветы и закаты, различать даже в самой простой еде целый букет вкусов и послевкусий, как утончённый дегустатор, проникаться в произведения живописи и скульптуры, забывая себя, оказываясь в замыслах творцов искусства всем своим естеством, чувствовать малейшие колебания настроений друзей и подруг во время беседы, видеть, что каждый камешек под ногами, каждая жилка насыщенно-изумрудных листьев растений, каждый кажущийся беспорядок природных случайностей - на деле - одно из многочисленных улыбок искристой драгоценности, имя которой - заведённый порядок вещей Бытия, пронзающего Севу до самых первооснов его личного существования, да и сам он, если вдуматься, был всего лишь одним из танцоров глобального и вечного вальса на неутихающем балу феерии исконного мироздания.

Даже в музыке, которую студент слушал от случая к случаю, прежде не считая её чем-то особенно интересным, захватывающим и интригующим, Лисичкин начал различать тысячи созвучий в десятках параллельно звучащих партий на далеко отстоящих друг от друга октавах, перетекающих из одной в другую, точно механизм всей этой звенящей ранее где-то на заднем и дальнем фоне внимания певучей какофонии, являл отныне все детали, схемы и чертежи, раскладываясь в севиной голове на стройную последовательность математически выверенных алгоритмов. И что это была за музыка! Теперь Севастьяну попадались лишь мелодии и песни его любимых исполнителей, причём самые лучшие и проникновенные из композиций, но он мог бы поклясться чем угодно, что никогда ранее этих композиций не слышал.

Ему даже пришла в голову мысль, что понимание музыки - явление сугубо общественное, поскольку вне зависимости от того, что он слушал - рок, классику, сайтранс или гимн - корень всех произведений эмоциональной звукописи был един и произрастал из интонаций человеческого голоса, вызывая в слушателях настроения радости, бодрости или возвышенности ровно посредством того же самого механизма, которым удавалось влиять на умы и мысли экспрессивным восклицанием и

волнующему шёпоту театральных актёров, школой которых изначально было само человеческое общество, а учителями общества - переливы птичьих трелей. Иными словами, умеющего лишь рычать и чирикать Маугли было бы абсолютно бесполезно пытаться приучать к высокой культуре, позволяя ему вникать в классические сонаты и фуги: для ребёнка, выросшего среди джунглей, сказочные переливы сочинений классиков не были бы эмоционально окрашены вообще никак, и ровнёхонько с тем же успехом можно было бы пытаться его воспитывать, включая записи пилорамы, пылесоса или сливного бачка.

Но поскольку восприятие музыки - это функция, зависящая от языка и лежащая в тени его интонационных особенностей, то и умение чувствовать музыку различается у разных народов ровно в той же степени, в какой различаются смыслы интонаций в разных языках: так, мелодия, услышанная англичанином, вызовет у него один набор эмоций, и несколько иной, нежели, например, у японца или китайца. По той же самой причине близки оказываются стили народных напевов у этнографически и лингвистически близких друг другу национальностей, но, в то же время, довольно-таки сильно отличаются у народов, принадлежащих вообще к разным языковым семьям. Стоило лишь сравнить залихватски-ковбойское кантри у американцев, неторопливо-хороводные клюквенные «берёзки, малинки и калинки» в нашей стране и китайскую пентатонику - сразу же связь языка и музыки становилась очевидной. Почему-то до посещения Центра Севастьяну подобные мысли в голову не приходили.

Да и вообще, ощущения, настроения и чувства, ежесекундно посещавшие Лисичкина, вихрями сменяя друг друга, были настолько непривычной интенсивности и направленности, что он начал подозревать, будто ему в Центре грешным делом ввели во время обучающего сна какой-нибудь вялотекущий долгоиграющий психоделик, что также могло быть частью эксперимента в рамках проводимых там научных исследований, однако внимательно прислушавшись к мыслям, не терявшим ясной логичности, последовательности и упорядоченности, Сева отбросил эту идею как заведомо бредовую и параноидальную, да и со времени посещения Центра прошёл уже почти месяц: так долго действовать не было способно ни одно даже самое засекреченное военными вещество, но и никакого иного логического объяснения своему зашкаливающему счастью, свалившемуся как с небес на голову, студент также не находил.

«Может быть, я стал одним из тех, к кому применили тестовый

фортунаскрипт?» - с завидной регулярностью промелькивала в голове у Лисичкина мысль, но развивать её почему-то не хотелось, поскольку в таком случае следовал единственный и неумолимый вывод о том, что это искусственное счастье скоро закончится, как заканчивается исполнение набора команд в пакетных файлах винды, как раз в это время изучаемых Севой на университетских лекциях по информатике. Происходящие изменения затрагивали не только внутреннюю сторону жизни и область его настроений: если бы дело обстояло именно так, то психология (а то и психиатрия - чем чёрт не шутит?) оказалась бы способна найти объяснение вездесущему позитиву, и если бы не нашла, то придумала бы точно - от банального возрастного кризиса, переосмысления жизни и гормонального сбоя до какой-нибудь экзотической гипоманиакальной стадии цикломатического синдрома.

Однако изменения происходили и во внешней, вроде бы объективной среде, имеющей мало отношения к творящимся в голове процессам, будь то змеящиеся клубки заморочек или же нега запредельной радости. Поначалу крупным открытием для Лисичкина стало окончание второго семестра с круглым отличием, при этом заваленный им семинар почему-то совершенно не учитывался. Буквально ещё через несколько дней ему, университетскому отличнику, предложили поехать летом на пару недель в санаторий за счёт вуза, а еще через день им как-то уж слишком активно стала интересоваться первая красавица на всём четвёртом курсе Кристина, вообще раньше не замечавшая Севу и не желавшая с ним общаться, и сей интерес даже успел перерасти у них в весьма бурную дружбу. Затем Севастьян с удивлением узнал, что его из старой полу-аварийной комнаты с облупившимися стенами и потрескавшимся потолком переселяют в только что отстроенную новенькую общагу с евроотделкой. Всё это было таким бесхитростным, простецким и мелочным, но всё же настоящим удачливым счастьем.

Прошло ещё около месяца, и полностью вступило в свои права жаркое засвеченное лето, осеняющее каждого жителя той климатической зоны, в которой обитал Севастьян, нестерпимой засушливой духотой резко континентального климата. Позади остались экзамены, а впереди - возвращение в родной город, короткое расставание с подругой Кристиной и последующая поездка с ней же в предложенный универом санаторий на берегу горного озера. Потянулась череда весёлых дней доброй солнечно-летней лени и уверенного ожидания чего-то неопределённо светлого,

лучшего и захватывающего, некоего сюрприза судьбы, теперь уже постоянно и неизменно улыбающейся Севастьяну до самых ушей. И сюрприз действительно произошёл.

В тот день, шестой по счёту день пребывания на курорте, Лисичкин со своей подругой отправился на прогулку по горным окрестностям озера, и уже часа три расхаживал по хвойному лесу на свежем воздухе, любуясь периодически попадающимися на пути древними пещерам - былым обителям ранних кроманьонцев, реликтовым деревьям возрастом в несколько веков, распластавшим по скалам многометровые щупальца серебристых корней, да открывающимся с головокружительной высоты видам далёких, подёрнутых синеватым туманом, пиков гор, поросших такими же мудрыми и старинными скрипучими елями. Сева с Кристиной неторопливо шли по одному из предложенных в доме отдыха маршрутов, пересекали какие-то узкие речушки, почти что ручейки, через которые были проброшены раскачивающиеся на ветру и под весом пешеходов подвесные мостики, вдыхали ароматы краснокнижных цветов и проникались невообразимо прекрасной, гармоничной и первозданной атмосферой нетронутой человеком природы непуганых птиц и непримятых трав. Вдруг внимание студента привлекла каменная площадка на вершине ближайшей скалы, куда почему-то его потянуло с невообразимой и неподдающейся никакой логике силой. В этом нависающем над вершушками древних деревьев гранитном утёсе мерещилось что-то мистическое и таинственное, и в то же время, до боли ностальгическое и знаково знакомое, вызывая у Севастьяна щемящее сердце чувство дежа-вю.

- Постой здесь, я сейчас, скоро вернусь, - обратился Лисичкин к подруге. Кристина подумала, вероятно, что её друга приспичило посетить ближайшие кусты, поэтому не стала перечить, однако Сева, вместо этого, принялся проворно карабкаться на скалистую вершину в сторону нависающей платформы. Когда цель была достигнута, ему открылся невероятной красоты пейзаж: рядом, уцепившись корнями за боковую грань гранитной плиты утёса, росло тонюсенькое хлипковатое деревце, на которое даже жалко было смотреть, зато далеко внизу, видимая как с крыши тридцатизэтажной высотки, простиралась тёмно-зелёная чаща, топорщащаяся махровыми и игольчатыми зазубринами хвойных вершушек, а ровно под Севой, на сияющей драгоценностями цветущих трав ароматной поляне, кружили точки вечно занятых букашек и говорливо бурлил вкусный ледяной родник, освежающе прорывавшийся прямо из-под скалы.

Чуть поодаль, за лесом, голубым язычком, торчащим прямо из горизонта, поблёскивала чуть рябая гладь озера, на берегу которого стоял санаторий, сейчас не видимый из-за высоких стволов деревьев. Вид завораживал и вызывал наплыв сугубо детских воспоминаний и ассоциаций.

Вдоволь налюбовавшись и уже собираясь начать спускаться по дорожке к скучающей внизу Кристине, Сева услышал едва различимый шорох, как будто где-то просыпался песок. Когда же источник звука стал ему очевиден и понятен, то болезненный и многократно усиленный ужас сковал тело морозными иглами. Это чувство было поистине безграничным и всепоглощающим, напоминая разве что всю ту невыразимую гамму эмоций, которую испытывает дрожащий от страха темноты ребёнок. Доли секунды потребовались плоской плите, на которой любовался пейзажами студент, чтобы, нарушив хрупкое равновесие, сорваться и полететь вниз. Сквозь истеричный крик подруги, наблюдавшей всю эту сцену со стороны, Севастьян успел подумать, как будто в замедленной съёмке наблюдая около себя скользящую вверх гранитную стену, насколько же глупо было вот так бездумно потерять жизнь, которая и длилась-то по-настоящему всего лишь два последних месяца, тогда как всю предыдущую жизнь он, кажется, проспал в однообразной круговерти колеса, вращаемого белкой-зомби, вырабатывающей таким способом электричество для включения аппарата огранки камня судьбы ювелиром разума, ловящимся в сети выдуманного им же паука иллюзий.

«Весь ужас сложившейся ситуации», - хаотически мелькали мысли в голове у Лисичкина. - «даже не в том, что я сейчас вдребезги разобьюсь, а в том, что паук, ювелир и белка - это, на самом деле, одно и то же существо». В этот момент скала достигла поверхности Земли, и плававший над ней в невесомости свободного падения Сева моментально завалился на бок. Странное дело, но он не ощутил никакой боли, но в то же время не мог пошевелить ни единым пальцем руки или ноги, да и не чувствовал тела вовсе. Он ожидал увидеть яркий белый свет в конце туннеля, ангелов, бесов, маленьких зелёных или синих человечков, кошмарных астральных сущностей, пришедших его забрать - в общем, всё, что угодно, но вместо этого заметил, что мир просто застыл. Пролетавшая в небе чайка повисла, будто оказалась декорацией на ниточках заклинившего механизма, ветер пригнул травинки на поляне - и они так и остались незыблемо согнутыми, точно бы некто их опрыскал в промелькнувшую в неизвестность секунду моментально застывающим лаком для волос, а над травами, подобно чайке,

жирными и чуточку мохнатыми точечками поблёскивали пчёлы, шмели и мошки. Даже волны протекавшего рядом ручейка остановили кружево танца, кристаллически заледенев прозрачными складками тишайшего водного покрывала.

Это продолжалось всего секунду или две - срок вполне достаточный, чтобы Севастьян успел удивиться такому совершенно неожиданному окончанию собственной жизни, но недостаточный, чтобы успеть разглядеть подробности законсервировавшейся картины природы, будто сошедшей с полотен Шишкина. Лисичкин даже успел осознать роившуюся в его голове мысль, которая так и осталась чистым пониманием, не оформившимся в слова, но означавшим нечто наподобие: «Может быть, такая она и есть - смерть? Просто растянутый в бесконечность последний миг жизни, который будет теперь длиться вечно и в который уже никогда и ничего не произойдёт?»

Мысль сию самым бестактным образом прервал громкий властный голос, донёсшийся сразу со всех сторон: «Довольно. С него хватит. Пора и честь знать». За голосом последовало резкое и неприятное изменение гравитации, похожее на перегрузку во время восхождения самолёта к небу или, как минимум, во время начала движения скоростного лифта вверх. Ещё где-то через секунду кто-то что-то снял с севиной головы, словно шапку, и студент, тяжело дыша, с мучительной резью в глазах смутно разглядел оборудование кабинета в НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО. Собственно, это и был тот самый кабинет, из которого он два месяца тому назад отправлялся в Сферу Проекций, дабы прочитать вступление к методичке и абстрактно побеседовать с сотрудниками Центра о фортунаскриптах.

- Ааааааргх, - только и сумел простонать Севастьян.

- Вставай, страдалец... или счастливец, рабочий день закончился, пора домой, - стоящий рядом человек нетерпеливо показывал на часы.

- Как я здесь оказался, почему я не погиб? - студент ошарашенно озирался по сторонам.

- Как оказался? А то будто сам не помнишь - ножками к нам пришёл восемь часов тому назад. А почему это ты решил погибнуть? Мы только безопасные эксперименты проводим, это ты зря так говоришь.

- Я со скалы упал. Только что.

- В курсе уже, хотя в нашем скрипте, к слову сказать, этого не было. Впрочем, ничего страшного: небольшие флуктуации алгоритмов

допустимы при использовании неотлаженных бета-версий скриптов. Ну да мало ли что тебе там почудилось.

- Но два месяца...

- Восемь часов, товарищ Лисичкин, восемь часов, не два месяца. К тому же сейчас, как ты помнишь, поздняя осень, а у тебя какое время года было, а? Жаркое лето. Мог бы и сам догадаться, что отдельные детали немного не стыкуются. Но ты воспринял лето как должное.

- Может быть, мне хоть кто-нибудь объяснит, что здесь вообще происходит? - начал раздражаться Сева.

- Вот так всегда... - смиренно вздохнул человек, в котором студент признал одного из сотрудников Зала алгоритмизации. - Тебя погрузили в Сферу Проекций, где ты ознакомился с азами управления этим состоянием посредством силы осознания, воли, намерения и избирательного внимания. Когда ты покинул наше помещение с экранами, мы, как и предполагалось, запустили тебе вослед один из наших фортунаскриптов на бета-тестирование. Естественно, мы тебе об этом ничего не сказали - в случае, если бы ты знал об этом, эксперимент не мог бы считаться чистым. Исследованию подлежала проверка на наличие ошибок и степень корректируемости фортунаскрипта практиками равновесного плетения, однако в твоём случае они приняли единый вектор воздействия, только усиливая друг друга в циклическом развитии сюжета. Собственно, бета-тестирование и предполагает виртуальную проверку алгоритма в безопасной «песочнице» Проекций до его реального внедрения в жизнь.

- Но я точно помню, что пробуждался уже в этом кабинете, снимал оборудование, шёл домой...

- О, ложное пробуждение - это один из излюбленных нами приёмов, оформленных специально разработанным снippetом применённого к тебе фортунаскрипта. Позволяет переложить основную работу с наших фортунакодеров на подсознание испытуемого. Мы же не знаем, как, например, выглядит твоя комната в общежитии изнутри или твоя выдуманная подруга Кристина без одежды. Ну теперь-то знаем, хе-хе, мы за всей твоей жизнью в Сфере Проекций наблюдали с наших экранов, такое, знаешь ли, реалити-, точнее, виртуалити-шоу. А за некоторыми испытуемыми, уж поверь, наблюдать бывает очень и очень прелюбопытно.

Сева густо покраснел и поспешил сменить тему беседы:

- Но ведь всё было таким ярким, таким реальным до мелочей, всё выглядело совсем, как в жизни!

- Ага, как в жизни, только ещё лучше, да ты заметил. Весь тот мир создал ты сам - и именно потому, что не знал факта собственного пребывания в слоях Проекций. Ложное пробуждение - просто отличный способ обмануть собственный мозг, заставив его показывать тебе именно то, что ты ожидаешь увидеть. До мелочей. На деле, там не было никаких ограничений или физических законов, но их ты тоже создал сам, скопировав по привычке из повседневной действительности. Говоря точнее, ты скопировал даже не сами законы, а только твой личный способ взаимодействия с ними в обыденном мире бодрствования.

В Сфере Проекций, если ты не можешь пройти сквозь стену, то это вовсе не означает, что она плотная и материальная, мало того, это даже не означает, что стена вообще существует. И если ты прыгаешь и не улетаешь в небо, то это вовсе не доказывает, что на тебя там действует хоть какая-то сила гравитации, просто ты привык, что с тобой должно, несомненно, всё происходить именно так. Единственная веская причина, по которой ты в почудившиеся последние два месяца жизни не прожигал взглядом стены, не телепортировался и не превращался в других людей или даже животных, заключается в том, что тебе и в голову не приходило, что так можно делать, ведь ты думал, что вокруг - обычная реальность.

А это оказалась реальность совершенно необычная. Грань между ними тонка, ибо обе стороны оных не более, чем твои собственные интерпретации, порождаемые в процессе жизни. Но в первом случае ты забываешь о том, что суть содержания твоего восприятия - это всего лишь интерпретация, настолько стабильны и реактивны схемы твоего собственного разума. Во втором случае ты не склонен почитать воспринимаемое за реальность вообще, поскольку отсутствует стабильность, которую общественное соглашение привыкло признавать обязательным для отличия действительности от галлюцинации. Проблема в том, что подобный подход - заблуждение. У любого процесса восприятия есть основа, подоплёка, опора резонанса осознания, без которой порождение образов невозможно. Всё воспринимаемое - так или иначе, есть интерпретации областей существования, различны лишь сами эти области, источники откликов восприятия, суть которых всё равно пребывает вне пределов доступного уму постижения. Всё воспринимаемое - существует, но не может быть принято на веру, поскольку непостижимо в корне. Несуществующее не подлежит перцепции. Любые рассуждения о беспочвенных фантазиях - не более, чем бесплотные и бесплодные

спекуляции замкнутого на себе ума, чьё внутреннее обустройство и предопределило склонность к порождению логических заблуждений, настолько укореняющихся в стереотипах, что давно принимаемы априорно.

Мы здесь - лишь сценаристы, направлявшие сюжет потока твоих видений, создававшие оболочки, трафареты, эскизы в подсунутых тебе персональных раскрасках. Подлинные же шедевры на основе намеченных нам засечек, как уже было сказано, генерировал ты сам, вернее, твой рассудок. Что же до яркости чувств и пытливости гибкого и ясного ума, как в детстве, то они типичны для состояния нахождения на слоях Проекций, выраженно проявляя себя таковыми практически всегда: всё-таки сущность Сферы - это изменённое состояние сознания, и в нём сокрыто ещё немало тайн, загадок и возможностей, которые только предстоит познать будущим исследователям.

Одно мы знаем определённо: когда ты путешествуешь по слоям Проекций, твой разум настроен эволюционно ближе к корню, его породившему когда-то в Первобытности. Это очень и очень древний мир власти бессознательных и архетипических сил, с которыми человечество когда-то плотно общалось много тысяч лет тому назад, но с развитием цивилизации заменило естественные возможности собственного мозга функциональностью техники, почти напрочь позабыв о том, как именно путешествовать в потаённую где-то внутри Бесконечность. Мы же, можно так сказать, подобно доисторическим жрецам, возрождаем эту способность, только уже на современном уровне и без излишней мифологизации. Хотя, кто знает, быть может, мировоззрение современного человека есть ничуть не меньший миф, чем основа мировоззрения древних греков, египтян или шумеров?

- Я же провёл там два месяца, как так? А сейчас Вы говорите, что прошло всего восемь часов, и ничего не было. - Сева решил не сдаваться до тех пор, пока не узнает ответы на все интересующие его вопросы, и потому гнул свою линию.

- А это одна из самых пугающих особенностей наших исследований. Пугает всех новичков. Время в слоях Проекций течёт гораздо быстрее, чем в реальном повседневном мире. Ты можешь провести в Сфере полжизни, а на деле пройдёт не больше месяца. Если, конечно, ты сможешь целый месяц ничего не кушать, не пить чаёк и не посещать уборную. У некоторых далай-лам подобное получается даже безо всякого оборудования, но у нас в Центре ни один далай-лама не работает. Вот засядут где-нибудь в тибетской

пещере, и сидят так лет по четыреста, сушатся потихоньку. Представляешь, сколько миллионов лет проходит по их субъективному внутреннему времени? Мне даже несколько жутковато такое представить.

- Надо же, столько событий - и всё лишь игра бессознательного? - Лисичкин уже смирился с иллюзорностью произошедших с ним событий, успокоился и теперь усердно старался обмозговать услышанное.

- Увы и ах. Но нам пора. Из-за тебя, Севастьян, я, между прочим, был вынужден немного задержаться на работе. Пойдём. Не забудь получить оплату за честно проведённый на работе день. Бухгалтерия на первом этаже. Да ты увидишь.

Студент встал, разминая тело, затёкшее от долгих плутаний по закуткам разума. Бухгалтерия действительно оказалась на первом этаже, причём ровно там же, где он её и видел, когда получал десять тысяч, думая, что очнулся. На сей раз, оплата оказалась куда как более скромной, однако же, и более реальной за восемь часов фактически бессознательной деятельности: ему заплатили всего лишь пятьсот рублей. Но Севастьяну уже было, по сути, всё равно, он чувствовал себя уставшим и психологически истощённым, а единственное, что его занимало, так это как бы поскорее забыть произошедшее с ним в Центре, возвратившись в успокаивающую своей предсказуемостью и повторяемостью круговерть повседневной бытовой жизни.

Когда же Сева покинул помещение, то его взгляду предстал дивный вид: вокруг не было даже намёка на пригород, а от закрывшейся двери за спиной только она одна, собственно говоря, и осталась: дверной косяк и вставленная в него дверь, которую можно было бестолково открывать туда-сюда. Бестолково потому, что дверь стояла во чистом поле и всё равно никуда не вела. По цветочному лоскутному одеялу духмяных трав, окружавшему студента, плыли какие-то выдолбленные из цельных стволов старых деревьев лодки, в которых сидели раскрашенные в яркие цвета аборигены-дикари, похожие на коренных австралийцев. Небо же являло подобие увеличенного через линзу дна аквариума, хозяин которого явно тяготел к экзотике и попытался воспроизвести некоторое подобие флоры и фауны Индийского океана. Под ногами то и дело путались кряжистые и узловатые карлики приземистых бонсаев, напоминающих здесь не столько результаты японского искусства выращивания миниатюрных деревьев, сколько стелющуюся по вечной мерзлоте тундровую растительность Сибири. Вдалеке высились громады секвой, оплётённых замшелыми

лианами, в которых виделось или же просто мнилось смутно различимое шевеление неведомых зверей.

Рядом с Севастьяном, на самой периферии его зрения справа, обозначилась плотно-зыбкая тень, на которой всё никак не удавалось сфокусировать зрение из-за мелькающих чуть поодаль аборигенов в лодках. Когда же это удалось, то тень вдруг оказалась блондинкой Кристиной, тотчас же бросившейся Севе на шею и принявшей его обнимать. Но Севастьян был задумчив, как никогда.

- Скажи, Кристя, когда это всё закончится уже? - спросил он у девушки.

- Что закончится? - Кристина изобразила удивление на лице.

- Эксперимент когда закончится?

- Откуда мне знать? Ты же и сам прекрасно понимаешь, что меня не существует, - подруга хитро улыбнулась и подмигнула Севастьяну.

- Вот именно это-то меня и волнует. Тебя не существует, а я вижу тебя так же реально, как и любого другого человека. А я уже хочу, наконец-то, перестать видеть того, чего не существует, и видеть только то, что действительно есть. Хватит с меня экспериментов на сегодня.

- А откуда ты знаешь, что есть на самом деле, а чего нет? И сколько уже длится по времени это твоё «сегодня»?

- Что ты подразумеваешь, Кристина?

- Я хочу сказать, откуда тебе знать точно, что вся твоя жизнь - это не всего лишь ещё один беспристрастный научно-исследовательский эксперимент, проводимый в НИЦРАККИ и ПИГЗКИПЧО? Или, быть может, вся наша цивилизация - это лишь самадхические видения просветлённого бодхисаттвы, четыреста лет медитирующего высоко в горах Тибета, и каждый из нас возникает на мгновение здесь и сейчас именно в тот самый момент, когда фокус внимания расширенно-изменённого сознания мудрого восточного старца полностью сосредотачивается на каждом из нас, именно этим актом своего сосредоточения создавая нас и всю кажущуюся историю нашей жизни, но лишь до тех пор, пока его внимание не переключится на что-то другое, создав это что-то другое, а нас растворив в небытие тени его разума. Именно поэтому всё и всегда существует лишь здесь и сейчас: миг назад его ещё просто не было, а ещё через мгновение его уже не будет, но узнать об этом будет тоже некому, поскольку лишь нечто способно ведать о том, что оно существует, уже в силу того, что оно существует. А то, чего не

существует, знать о том, что его не существует, не способно именно потому, что его не существует.

- Умеешь ты радовать, Кристина. И успокаивать тоже. Думаешь, мне после твоих слов легче стало?

- Это не я. Я тут вообще ни при чём. Это ты сам себе наговорил. Нагрузился и запутался тоже ты сам. Меня же нет. Забыл?

- Я просто хочу понять, что есть что. Вот и всё.

- Тогда лучше не задумывайся о подобных вещах: чем больше будешь задумываться, тем только хуже себе сделаешь. Всё, что ты можешь понять - это отражение твоего собственного эмпирического опыта, полученного от органов чувств, которые, как известно, врут. Причём, как и все мошенники, врут они настолько правдоподобно, что ты им веришь, точнее, веришь не ты, а верит, ежесекундно получая поток вранья, некое, отождествляемое с тобой, представление о «Я», причём присутствующее даже не само по себе, а только как отражение себя внутри себя же, порождающее, опять-таки, самого себя.

Хотя если внимательно посмотреть, что же именно там такое отражает и отражается, то не обнаружишь ничего, кроме системы хитро вывернутых кривых зеркал, постоянно искажающих действительность так, что это самое «Я» образуется именно из их кривизны и в силу их кривизны. Получается, что тот водопад вранья, который постоянно обрушивается на тебя секунда за секундой - это и есть ты сам, а что же касается секунд, то и они существуют исключительно в силу того, что одно враньё в потоке тебя сменяет другое враньё. Так устроен мир человеческого восприятия. Поэтому наш с тобой счёт один - один. Точнее, ноль - ноль, поскольку тебя не существует ровно тем же способом, как и меня. Впрочем, есть только способ существовать. Не существовать способа нет. Так с чем ты там решил разобраться?

- Подожди, Кристина. Мне надо сосредоточиться, ты меня своими рассуждениями только ещё больше запутала. Как же меня не существует, если вот он - я? Хотя, если смотреть с другой стороны, то тебя ведь и впрямь нет, а вот она - ты. Давай по отдельности. Вот дикари плывут. Кто или что они? Откуда они взялись?

- Откуда-то из глубин твоего потока вранья всплыли, - чуть насмешливо улыбнулась Кристина. - Я не могу тебе ответить, что за явление эти плывучие аборигены. Зато я могу показать тебе, кто я.

- Давай. Покажи, - Сева дошёл до такой кондиции, что не возражал

бы в том случае, если бы ему прямо на голову вдруг свалилась водородная бомба.

- Да пожалуйста. Сам напросился, - с этими словами девушка превратилась в огромный и ярко светящийся кипяще-клекочущий пузырь и тотчас быстро улетела за горизонт, где высились великаны секвой.

Сева же, всеми силами стараясь уподобить собственный разум водной глади во время штиля так, чтобы в нём не проскакивала ни единая мысль, отрешённо поплёлся сквозь поле куда глаза глядят, уворачиваясь от лодок австралийских аборигенов, снующих среди колосающегося полевого разнотравья по каким-то лишь одним им ведомым делам.

Шаман

В далёкой северной стране вечной мерзлоты высоко-превысоко в горах зародился волшебный человек, прародитель всех шаманов севера Айунгхтыр Йонгхтль. Жилы рек Земли несли свои животворящие соки, током протекая чрез сердце шамана. Небосвод кружился в его голове, и всякий раз во время прогулки он оказывался, всенепременно, внутри самого себя. Он был столь вечен, что от повелений Айунгхтыра рожь в поле ложилась строго по направлению Силы его, достигая невероятных размеров даже на почвах, где отродясь не росла никогда ранее. Он ведал язык зверей и смыслы птичьих криков, ничто ему никогда не угрожало и ничто его, казалось, не могло остановить или нарушить планов воли его и намерений энергии его.

К шаману тогда начал стекаться народ с просьбами о помощи, и он никому не отказывал в помощи, всем людям помогал. В один из прекрасных весенних вечеров, на закате, с последними лучами солнца, танцевал шаман в колосьях пшеницы потоки гармоничных линий и нитей, вычерчивая специально пропитанными губками, надетыми на ногах вместо калош или лаптей, таинственного свойства символы посредством собственных телодвижений и поворотов навыверт. Эти символы понимал только он сам. Веретено извивающегося тела шамана плавало по стыкам и склейкам пространств, открывая вечный, но ранее никем не замеченный,

невидимый не разделяемый никакими потоками рисунок плетения жизни, как корзины. Шаман, достигая состояния плетения себя собою изнутри, принимался распадаться на мелкие крошащиеся части лучей солнечной колесницы, катаясь на ней в разные участки неба, как на космическом корабле.

Его бескомпромиссно и непрекаемо безупречная вибрирующая энергия перекосилась в такт волеизъявлениям намерений мира, приобретая форму лестничных ступенек. Шаман, точно из подвала, подобрался по нитям информационных картинок, карабкаясь постоянно лишь вверх да вверх, пульсируя по подобию окружающей атмосферы всего, становясь совершенно невозможным в этом синхронизированном соотношении с пластами чуждых самоотражений. Попадая в стробоскопический такт волокон, он успевал заранее зацепиться за внешние ниточки, привнося единую несущую частоту сути вещей в ход нашей естественной истории, формирующий мир вокруг на вековечной ленте времён, закрученной сферой разнонаправленности.

Волшебный человек Айунгхтыр пробирался всё выше и выше, пока не оказался на самой вершине трубы, там, где высочайшее биение золотистых и янтарных линий превращается в единые и неразделимые в своём целостном гуле вибрации, переходящие в пронзительно яркий и чистый белый свет, всепроникающий в каждый касаемый им угол объединения и всепоглощающий собственными объятиями контуры полос восприятия при погружении в пучины крутящихся калейдоскопически перекатывающихся цветастых иллюзий.

В распластанной выси пронзительно чистого света шаман увидел существо, подобное солнечному шару с множеством человеческих рук, трепетно подскакивающих, будто бы резиновых, тянущихся к нему всеми тетивами внутренних сухожилий. Тогда он осознал, что не может по природе происхождения принадлежать ни к одному месту на планете. Если он решит остаться на том месте, где привычно живёт, то Сила его будет неполной и односторонней, ибо нужен шаман всему миру, он - гражданин всея Земли и её проекционных теневых отражений, а потому, чем больше по миру будет Айунгхтыр путешествовать, тем более велика станет его Сила. Спустился он в просветлении от собственного осознания на земную гладь, преисполнившись рисунчатой пустотой пушистых световых ковров и судьбоносных ниточек, упруго накатывающихся выющимися цветами гуттаперчевых волн из будущего в прошлое, собрал необходимые пожитки

и отправился в поход за собственной Силой.

Первым на пути шамана попался древний старец, стоящий посреди дороги с двумя вёдрами воды и пытающийся сдвинуть с места корову. Бурёнка упрячилась и наотрез отказывалась сдвигаться с места хоть на миллиметр. Старик же всё лил да лил под неё воду из ближайшего колодца в надежде, что корова, оказавшаяся посреди большой, просто огромной лужи, размером почти что уже с целое озеро, обязательно поскользнётся и, встав с новыми силами, захочет продолжить путь подальше от этого мокрого места. Однако же логика старика не совпадала с логикой коровы, и та не двигалась вовсе, тогда как неугомонный старик продолжал непримиримо и неустанно предпринимать свои многосотые по счёту безуспешные и ни к чему не ведущие попытки лить воду из вёдер под корову.

Шаман тогда согнал все планетарные ветры рукавами, пропустив через собственные поры тела торнадо и ураганы, сконцентрировав воедино порывы со всех мировых направлений, стран и сторон света. Созданные и собранные отовсюду ветры планеты надавили на земную поверхность, заскользила магма под планетарной корой, наспех взорвались вулканы извержениями, прошли мощные цунами по океанским побережьям на всём восточном континенте, сдвинулась земная ось, и тогда только корова, не выдержав инерции, порождённой импульсами землетрясений, галопом со всех тонких копытчатых ног заскользила тотчас же в направлении собственного коровника, оставив далеко позади пританцовывающего от счастья хозяина-старика. Шаман встал посреди поля, всё разгоняя и разгоняя ветерок, расправляясь и расплющиваясь, подобно покрывалу гигантского полчища саранчи, в своём распространении трепеща по образу качественного смычка из конского волоса или уподобившись яркому перу из хвоста павлина, приподнятому вдруг от испуга, испытанного при виде ритуально торчащих из ближайшего куста острых куриных когтей.

Всё это время вокруг шамана расходились шарообразные пузыри раскалённого вулканами жара, а Айунгхтыр Йонгхтль всё знай себе пританцовывал да прыгал, крутясь игрушечным электромоторчиком в неистовствующем буйстве эгрегориального экстаза. На него снисходили лучшие осознания, он объединил свой разум с вечными осями Бытия, десятками тысяч чужеродных рассудков, видений и поведений. И эти маленькие самосознания жили на толстом теле шамана лунно-дымчатой пеленой, уплотняя его оболочку, законопачивая его кокон и ощущая

влияния на жизнь даже в самых отдалённых уголках недостижимой невообразимости парадоксов, не забывая издавать звон конвульсивных волн, вздрагивающих подобно дисковидной рыбе, вытащенной из воды на поверхность воздушных масс.

Жужжание гулких вибраций уносило волшебного человека вдаль, передаваясь из ниоткуда синхронизмами приоткрытых каналов, словно бы соединённых круговертью колец сознаний всех форм разума, доступных в космосе. Шаман просто поймал волну, он забрался на острие проталины из чисел и смыслов мира в многозначный грохот разума всех существ, одним общим великим осознанием объединившись в мозаику из их иллюзорных лабиринтов частичной проявленности естеств, тогда как все черепичные, тропические и переливчатые пространства вобрали в себя связующие их цепи исконных архитектур, которыми выстраивалось внеочередное понимание колдовского времени и пространства. Проекция безграничных возможностей без разума, мир абсолютной свободы, которой далеко не каждый человек знает, как и в каком направлении распорядиться.

После собирания себя вникуда шаман направился дальше. По дороге ему встретился ещё один человек. Человек был очень смелым и в котелке, а за спиной, конечно же, он носил ранец, ежесекундно напоминавший, что человек должен быть обижен на целый мир и, не умолкая ни на секунду, обязан постоянно жаловаться на всё подряд, причём даже ночью во время бурления каши из сумбурных, спутанных и беспокойно увлечённых снов. Айунгхтыр согласился, что природа человека и впрямь обидела, раз тот обижается на целый Космос во всех проявлениях многообразия, а также и на всё своё существование. Но обидела его природа всего лишь одной-единственной вещью: обделила гибким разумом и живым чувством.

Попытки разума всё-таки зародиться в черепной коробке человека в котелке делали этого человека ещё более несчастным, чем обычно, а то единственное, на что человек оказывался способен в результате чуда самозарождения разума в голове - так это концентрироваться на себе и только на себе самом - и больше ни на ком другом никогда и нигде. Даже в том случае, если он переживал за кого-то другого, эти переживания всегда были отражениями его самого, сопоставленного с ситуацией другого человека или животного. Достичь действительных эмоций других существ человек оказался неспособен, ибо остров его чувственных восприятий и умозаключений всегда был темницей, лишь маскирующей под светлицу.

Шаман заявил, что так уж и быть, одарит человека с ранцем счастьем

и радостью от процесса целой жизни, проводимой в борьбе. Произнёс так - и лишил, пожалуй, самого печального жителя планеты даже тех немногочисленных остатков крошечного разума, которые этому любителю декаданса принадлежали от природы. Человек увидел перед собой насквозь сияющие врата всеохватного познания и, наконец-то, впервые за свою жизнь, он улыбнулся, обрета покой и просветление в обмен на мелочно мельтешащий здравый рассудок. Новоявленный миру пророк стал окончательно внеземным и отправился проповедовать новое учение о спасении, только что накарябанное им на скорую руку кривыми загогулинами поверхности мятой клетчатой бумажки блокнотика. Счастье существования имело своё укромное местечко две недели, искажая линию жизни пророка, научившую его отныне искать множественные завитки и узоры троп, искусно ведущих в бесконечную вечность Бытия для никого.

В дальнейшем путешествии к восхождению Айунгхтыра Йонгхтля по сучковатым извилистым толстокорым ветвям Мирового Древа, пропахшего окаменением древности, шаману попались люди, жившие на озере. «Наши дома затопило», - пожаловались они метафизическому кудеснику, и тогда тот призывал к исполнению предначертанных обязанностей своё резиновое надувное многорукое солнце с глазами. Оно ослепило бурную воду в озере, обратившемся в пар, и те воды тогда, поднявшись в стратосферу в виде размазанного перьевого облака, улетели за далёкий горизонт в поисках новых людей, новых наводнений и новых достижений. «Всё пребывает в неостановимом движении. Неугомонность - вот незыблемое ядро мира. Реальность вечна, ибо ничто не вечно в Реальности», - поняли люди и ушли кочевать, заняли Дешт-и-Кипчак, создав несокрушимую орду.

Айунгхтыр Йонгхтль обратился тогда в хрупкую керамическую пустыню, повсюду растрескалась почва его сухой и морщинистой кожи из фаянса. Стал он обиталищем для целых народов, слившись с природой их государств. Новые люди опять принялись жаловаться, что нет у них воды отныне да нет рыбы, ни питья, ни еды, всей жизни у них нет теперь. «Так что же вам всем нужно-то?» - удивился Айунгхтыр. - «Научитесь уже ценить то, что имеете, да только используйте это с умом», - с этими словами шаман подарил людям золотые Весы Мартышек, предназначенные, как известно, для уравнивания мозгов картошкой, и тотчас же растворился в воздухе. Ветер уносил всё дальше и дальше его шаткие молекулы, зародившиеся миллиарды лет назад в ядерных пучинах звёздной плазмы на заре ещё молодой Вселенной, вскоре после Большого

Взрыва.

Прослышал однажды волшебный человек, что гигантский кракен разбивает вдребезги суда в море. Тогда шаман, решив помочь бедолагам справиться с водным чудовищем, отрастил себе монструозный клюв и длинные щупальца, бросившись на изучение образа жизни гигантских кальмаров. Когда на горизонте показывалось судно, то он обязательно самым первым среди всех гигантских кракенов старался разбить в щепки это судно об острые каменистые скалы, всегда опережая любого кальмара, даже самого сильного, быстрого и смелого, ведь давалось это отчаянное занятие Айунгхтыру легко и приятно. Оно и понятно: он же шаман.

Корабли досками взвивались с морскими брызгами в выси вышние да дали дальние, рассыпаясь об острые камни, точно яйца крокодила, зато шаман всегда имел возможность ознакомиться со всем содержимым, годами сокрытым внутри кораблей, а теперь вот вспученным с морской пеной на острые гребни волн. Увидевший такое дело настоящий гигантский кракен испугался, отступил, уменьшился в размерах и, самую малость похудев от огорчения потери первенства на море, превратился в обычного вкусного промыслового кальмара. Конечно же, этого маленького кальмарика люди практически сразу же выловили, законсервировали в баночку, и кто-то из нас, возможно даже съел его в салатике на ужин или в квасе с йогуртом - это уж кому как больше нравится, абсолютно не подозревая о том, что в консерве был заключён тот самый ужасный и многозначительный гигантский кракен, гроза морей и океанов, некогда ранее бывший самым крупным из кракенов на всей Земле.

Псевдо-кальмар по имени Айунгхтыр после одержанной победы - да и разве могло у него быть как-то иначе? - выпрыгнул на берег, прицелился щупальцами, как трезубцем Нептуна, в землю и крепко-накрепко врос в неё. Постепенно, его вклиненная между гранитов материковых плит туша обрела покой и дубовую неподвижность, глаза превратились в зацикленно-округлые пихтовые сучочки, щупальца открыли новые функции в виде корней секвой. Так появилось магическое кальмаровое дерево, вторя эху Мирового Древа, к вершинам кроны которого шаман карабкался всю свою сознательную жизнь с самого раннего детства, пока сам не стал деревом. Его новое морщинистое туловище проросло сквозь горы и леса, вгрызаясь корой через кору земную, магму и плазму вглубь планеты - и так до самого ядра Земли, превращаясь тропами волевого движения некогда кальмаровой тушки в разнообразные неведомые и невидимые силы, а то и скалы, а то и

необыкновенные явления, аномальные зоны и геопатогенные разломы.

Преобразования всех видов и форм существования шамана виделись стороннему наблюдателю нескончаемыми, пока не оказалось, что естество Айунгхтыра пронизывает вообще всё подряд на планете, все направления и все ландшафты, как по параллелям, так и по меридианам, как по земным, так и по внеземным. Деревянный шаман, пребывая в новой инкарнации и наслаждаясь ей, ежесекундно праздновал взаимопроникновение в каждую каплю озёр и рек, в каждую жилу зверя, в каждый цветок и каждый камень, в каждую пылинку тумана и каждое ночное уханье филина. Во всё вообще.

Шаман расстался со своими нитями, прорастая через материю ко времени, как через тернии к звёздам, и все люди тогда поняли, что этот престарелый кальмар с корнями вместо щупалец - это то единственное, что осталось настоящим в жизни каждого человека на Земле и всё, что, по сути дела, любой человек оставит после себя в качестве результата всей своей не такой уж и долгой жизни по сравнению с жизнью мирового кальмара, дерева и шамана, единого в трёх своих ипостасях.

Эпичны эпохою пископитеки!

Туккаялкас Первый: Вы слышали? В джунглях копают, горбаты, достали лопаты и светоч несут науки прекрасной и малость помятой - фольги шоколадной развинченный труд. Отрыли, открыли, песками понутив, сквозь пальцы не смотрят на звёзды. Ведь так? Всем людям древнейшим - секундные бури, пролезшие даже на этот чердак.

Туккаялкас Второй: Меж питекантропом и неандертальцем столь нагло известен отныне один - тот самый, который пролез между пальцев. Хотя недалёкий - уже господин!

Кодолтан Гигут Ыктыв: Как нигер - да только немного прекрасней, как фи́га - да только опять пополам. Отставить беседы, мои непоседы, открытья на голову сыпятся нам! Я всем предлагаю такую селёдку, коль косточки мыть надоело уже: давайте его мы клонируем чётко, и в мир он большой убежит в неглиже. Готовьте пробирки, рубите деревья - такого ещё не видала Земля. И больше притирки не требуют кирки, реакций их

ядерных круче пол`я!

Туккаялкас Первый [*мелко дрожит и суется с пробирками, параллельно набирая некие параметры и переменные на компьютере*]: О, да! Гигут - гном, ну а мы - выполняйте-с. Как будто бы «выполнить» - это народ, хоть было давно - повиляйте, полайте... Ещё не такое здесь будет чрез год.

[проходит год]

Эстинея [*разглядывая выведенных обезьянышей*]: Смотрите: он чуточку даже мохнатый, и с детства об латы марают хвосты. Их двое! И оба закованы в латы! Я б век не видала такой красоты. Но как их назвать? Вот загвоздка-загадка. Среди клонов-уродцев ужаснее нет! У циркулей рук клещевита ухватка, из ясных очей пышет лазеров свет!

Кодолтан Гигут Ыктив: Поскольку начальник, то, значит, горячий. Всё будет, конечно, как я прикажу. Прыгучее тот, кто размашистей скачет, а кто тихо плачет - подобен ежу. Ему мы кунжут послезавтра подарим, пускай успокоит свой хвост поперёк. Сейчас пару часиков все покимарим: кимарьте себе на здоровьице впрок.

Эстинея: Мы тут с Туккаялкасом поговорили: нам премия светит, ну прям, как фонарь. И пусть обезьянка подобна горилле, в её голове не поселится царь.

Кодолтан Гигут Ыктив: Сам Нобель робеет под наши фанфары! Свой шекель золотой я ещё получу! Смотри-ка, как выпучил лазеров фары. Опасно его отводить к ветврачу. Который хвостатей - пускай Бабундяев зовётся отныне во веки веков. А кто циркулистее - тот Гиббуняев. Понаблюдаем здесь - кто и каков.

[проходит ещё год]

Бабундяев [*с пулемётными лентами и ликами верховных пископитеков наперевес*]: Мы вам - не чета! Мы ведь - пископитеки! Нам голос Европы отныне велит отстроить свой мир, как аптечные греки, придав омским лицам возвышенный вид.

Кодолтан Гигут Ыктив: Я - ваш кардинал. Вы меня почитайте. Из пископитеков как пользу извлечь? Скорее, хвостатые твари, решайте, не то повелю вам шаверму испечь. Такая вот каторга. Вы как хотели? Покуда вы в теле, я - пятка вверху. Наслушались сказок, хочуги-емели. But now I know, who here is who!

Гиббуняев: Покайся, о, грешник! Я, впрочем, согласен. Ты - мой кардинал. Почему бы и нет? Лапшу мы развешаем сказочных басен - и так

загребём в кулаки целый свет! И у пророков бывают пороки. Видать, кто порочен - почти что пророк. Отроковиц исхудалые ноги для неких прелестны в положенный срок. Ах, мы отвлеклись... Право, барин же, bravo! Отвечу лукаво, но честен, как танк. Септимов люблю шелестящую славу: текут храмы неба в приземистый банк. Я Вам помогу, сударь, не обессудьте, ведь мы с Бабундяевым - сущий таран. А вы - наш великий всезнающий... Эээ... Точнее, хотел я сказать - Кодолтан.

Бабундяев [*вышагивая на четвереньках и потрясая выдающимся куском выдранной из стены защитной решётки, начинает речитативно похвалиться, всё раскачиваясь, раскачиваясь и раскачиваясь*]: Вот я, златоверхий, я, благословенный. Так свят в мире каждый наш пископитек. На всех возложу епитимью тлена. Ещё побатрачишь ты мне, человек, как сказано в Книге (она - вот такая!). Никто среди нас не осилил её. Зачем нам читать, раз мы души спасаем? Нам некогда!

Шарманщик Цокахлойшим [*внезапно выскакивает и встречается с шарманкой, сразу же начиная протяжно и заунывно петь, прерывая хвастливые речи Бабундяева*]: Лучше давайте споём! Мы - с вами, великие две обезьяны! Точнее, единый такой обезьян. Пока мы едины - мы страхолюдины. На этом дворе нами правит кабан. Как так получилось? Ведь мы - гоминиды. А правит - кабан. Удивительно ведь. А так получилось, друзья, без обиды, поскольку все думали: это медведь.

Туккаялкас Первый и Туккаялкас Второй [*хором, полностью синхронно*]: О, боги! Убого мы всё сотворили. И премии, право, теперь не видать, покуда питеки, рождённые в пыли, как ядра, пуляют свою благодать. Направо! Налево! Где плюнь - там и свято! Того ли желал наш Ыктив Кодолтан? Они увлекли непомерное стадо слепых смыслокопов, подобных кротам.

Эстинейя: Мы так далеко уплывали от сути - веков с эннадцать в ожерелиях лет. Неужто наш мудрый большой мистер... Эээ... Гигут Кодолтан, дай скорее ответ!

Кодолтан Гигут Ыктив: Всегда вслед за мною последнее слово. И это так клёво! Я радостный так! Покажется вам пусть немного сурово, но лучше строптивых заткнуть за кутак...

[*Тишина. Нет никого. Все в полнейшем молчании расходятся, нижайшие понутив головы.*]

Содержание:

стр.

☺ Аврелий Плешня.....	3
☺ Архигуа.....	12
☺ Вершитель времени.....	15
☺ Дали Дали.....	23
☺ Дервиш.....	31
☺ Зерцало страждущих.....	36
☺ Исказитель тиши в истоках себя.....	38
☺ Йотунский мёд!.....	49
☺ КПДКД.....	72
☺ Лама киберников Варзай.....	118
☺ Мех динозавра.....	127
☺ Ноктюрн на нитях нот.....	137
☺ Paradox.....	169
☺ Пентакль twin.....	175
☺ Пнясо-шаверма Совета Совин.....	192
☺ Показалось: кристаллы его.....	205
☺ Полёты от третьего лица.....	216
☺ Русская речь.....	225
☺ Сказка Бесконечного.....	238
☺ Смотритель кристальных оранжерей.....	248
☺ Странник придорожных окончаний.....	251
☺ Сэр Улыбатор.....	259
☺ Той ржави тыл.....	268
☺ Трансплотинка: акция.....	293
☺ Туда, где струится свет.....	298
☺ Удачница рун Элиазаля.....	299
☺ Устрица мер и весов.....	314
☺ Фальшивая коробочка.....	317
☺ Фортунаскрипт.....	323
☺ Шаман.....	391
☺ Эпичны эпохою пископитеки!.....	397